

М. А. Размолodin
**О КОНСЕРВАТИВНОЙ
СУЩНОСТИ
ЧЕРНОЙ СОТНИ**

В монографии раскрывается консервативная сущность черносотенного движения и его идеологии. Эта задача решается на основе анализа истоков, базового фундамента теоретических построений и программных установок крайне правых партий в сравнении с системой взглядов русских националистов. Автором предлагается система критериев идентификации партийной и персональной принадлежности к черносотенному спектру, проводится четкая граница с националистическими (в т. ч. фашистскими) партиями. Актуальность исследования обусловлена слабой разработанностью этой темы в историографии.

М. А. Размолodin

О КОНСЕРВАТИВНОЙ СУЩНОСТИ ЧЕРНОЙ СОТНИ

М. А. Размолodin

**О КОНСЕРВАТИВНОЙ
СУЩНОСТИ
ЧЕРНОЙ СОТНИ**

Ярославское региональное отделение
Российского общества историков-архивистов

М. Л. Размолodin

О КОНСЕРВАТИВНОЙ СУЩНОСТИ ЧЕРНОЙ СОТНИ

Под редакцией профессора Ю. Ю. Иерусалимского

Ярославль
«НЮАНС»
2012

ББК 63.3(2)52

Р 17

Размолодин М. А.

Р17 О консервативной сущности черной сотни. Монография. / Под редакцией Ю. Ю. Иерусалимского. — Ярославль: Ньюанс, 2-е издание, доп. и перераб., 2012. — 388 с.

Рецензенты:

кафедра истории и краеведения Тверского государственного университета (зав. кафедрой кандидат исторических наук доц. Т. И. Любина);

декан исторического факультета Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова доктор исторических наук проф. А. М. Белов.

Научное редактирование: доктор исторических наук проф. Ю. Ю. Иерусалимский (введение, главы I, II, III [§ 1], заключение).

Глава III [§§ 2, 3, 4] публикуется в авторской редакции.

В монографии раскрывается консервативная сущность черносотенного движения и его идеологии. Данная задача решается на основе анализа истоков, базового фундамента теоретических построений и программных установок крайне правых партий в сравнении с системой взглядов русских националистов. Предлагается система критериев идентификации партийной и персональной принадлежности к черносотенному спектру, проводится четкая граница с националистическими (в т. ч. фашистскими) партиями. Актуальность исследования обусловлена слабой разработанностью в историографии.

Предназначена для историков, социологов, политологов.

Отзывы просим присылать на e-mail: razmolodinml@yandex.ru

ISBN 978-5-88610-104-1

ББК 63.3(2)52

© М. А. Размолодин, 2012

© Издательство «Ньюанс», верстка, 2012

ВВЕДЕНИЕ

Первая российская революция, ставшая результатом сложившейся в Российской империи на рубеже XIX—XX вв. социально-политической и экономической ситуации, привела в движение значительные массы населения, ранее находившиеся в состоянии патриархального сна. Стремительно нараставшее обострение социальных отношений определило основные политические силы, от исхода борьбы которых зависели дальнейшие пути развития России. В отечественной историографии традиционно считается, что на политической арене в то время боролись три лагеря: первый — правительственный, второй — либеральный, третий — революционный.

На стороне правительственного лагеря выступили правомонархические организации, наиболее крупными среди которых были Союз русского народа, Русская монархическая партия, Союз Русских людей, Русский народный союз им. Михаила Архангела. Источником их политического действия являлась общая система взглядов, идей, убеждений и ценностных установок, конкретизированная в политических программах. Указанные организации сыграли весомую роль в подавлении революции, мобилизовав на противодействие ей представителей практически всех классов, сословий и социальных групп российского общества и объединив в своих рядах больше членов, чем все остальные политические партии вместе взятые¹.

После революции 1905—1907 гг. основные противоборствовавшие силы вступили в острую дискуссию по проблеме выхода России из системного кризиса, предлагая собственные программы реформирования страны. Правомонархические организации не остались в стороне от этого процесса, разработав пакет предложений, затрагивавших основные параметры политической, экономической и социальной сферы. Опираясь на теоретические наработки русской консервативной философии XIX в. и традиционалистские представления населения, черносотенцы выдвинули следующие принципиальные положения: неограниченная самодержавная власть монарха, первенство православной веры и русской народности, сохранение единства и неделимости Российской империи.

Деятельность правомонархических организаций оказывала серьезное воздействие на политическую ситуацию в стране. Этому способствовали занимаемые крайне правыми твердые позиции в массовом сознании россиян, чье мировосприятие было тесно связано с ценностями традиционного общества: религия, уважение государственных, общественных и семейных устоев, патриотизм, мораль, нравственность. В целом их программные установки представляли серьезную альтернативу марксистской и либеральной концепциям преобразования страны, так как, по мнению исследователя Ю. И. Кирьянова, «отражали изначально настроения и взгляды большинства населения — и крестьян, торговцев, отчасти и рабочих, и привилегированных слоев общества»².

Достигнув своего апогея в 1907—1908 гг., правомонархическое движение начинает все более слабеть, теряя поддержку даже в тех слоях, где оно прежде имело сильные позиции. Уже в процессе организационного оформления в крайне правом лагере прослеживались несколько течений, связанных с разными подходами к восприятию постманифестной монархии, государственному устройству и социальной системе. При сохранении общей идеологической основы расхождения

по конкретным политическим вопросам, связанным с отношением к Государственной Думе и политике правительства, привели к расколу правомонархических организаций на дубровинцев и обновленцев. В этот же период в правом лагере ярко проявила себя новая тенденция — появление националистического движения, что еще более способствовало размежеванию правительственного лагеря, объективно ослабляя его перед новой революционной угрозой. Отсутствие единства в результате идейных разногласий не позволило крайне правому лагерю консолидироваться для спасения монархии в февральские дни 1917 г.

Пройденный правомонархическими организациями путь дает яркое представление о той значительной роли, которую играют идеологическое единство и способность отвечать на вызовы времени в деятельности политических партий, что особенно проявляется в условиях общественных конфликтов и социальной напряженности. Взяв на вооружение наследие русских консерваторов XIX в., крайне правые не сумели в достаточной степени обеспечить обновление своего идейного багажа сообразно происходившим в обществе изменениям. Получив временную поддержку правительственных кругов и став доминирующей силой в стране, черносотенцы не воспользовались выпавшим на их долю историческим шансом по реализации своих программных установок в силу отсутствия идейной консолидации по отношению к сложившейся после Манифеста 17 октября политической реальности и деструктивного влияния внешних факторов (прежде всего правительственного аппарата), приводивших к постоянным разногласиям, спорам, скандалам, дрызгам и расколам.

Формирование нового «консервативного проекта», нацеленного, с одной стороны, на сохранение существующей политической системы, с другой, — на восстановление допетровского самодержавия, оказалось во многом невозможным в силу разного понимания внутри крайне правого лагеря

возможности консервации или модернизации базовых основ правомонархической идеологии. Нежелание «поступиться принципами» и нетерпимость к любым проявлениям инакомыслия по отношению к принципу нерушимости божданного порядка блокировали любую творческую мысль, что и обусловило во многом отсутствие у черносотенцев интеллектуальных сил. Консервативные мыслители начала XX в. (Л. А. Тихомиров, В. П. Мещерский, К. П. Победоносцев и др.) сохраняли дистанцию с черносотенцами, поэтому последние были вынуждены искать свой социальный идеал в прошлом. Это обусловило идейную уязвимость крайне правых перед программами их политических противников, оказавшихся более гибкими в выработке практических предложений по решению проблем российского общества. Неспособность представить жизнеспособный план преобразований в совокупности с другими факторами привело к поражению всего правительственного лагеря.

Идеология правомонархических организаций России начала XX в. занимает особое место в идейном наследии отечественной политической мысли. Сделав ставку в решении стоявших перед обществом проблем на опыт прошлых поколений, пытаясь найти в исторически апробированных ценностях и принципах основу для дальнейшего развития России, черносотенцы разработали доктрину, резко отличавшуюся от либерализма и марксизма. Система идейных воззрений правомонархистов являлась отражением миропонимания значительной части населения страны в определенной исторический период, что было не только проявлением их слепой веры в традиции и авторитеты, но и попыткой сориентироваться в сложных социальных процессах, найти свое место и назначение в глобальных сдвигах, затрагивавших все области жизни.

Интерес историков к деятельности политических партий в России начала XX в. проявлялся на всех этапах отечественной историографии. Исследования по теме крайне правого

движения развиваются в направлении от общей его характеристики к изучению конкретных исторических проблем. Изучение истоков, генезиса и основных параметров правомонархической идеологии позволяет, с одной стороны, выявить причины, обеспечившие привлекательность программ черносотенных организаций для значительного числа россиян и сделавшие их существенным фактором политической жизни страны в условиях очевидного кризиса самодержавия. С другой стороны, всесторонний анализ черносотенной доктрины дает возможность выявить идеологемы, ставшие тормозом для трансформации крайне правых в качественно новые субъекты политической жизни, проявившиеся в нежелании адаптироваться к вызовам современности и готовности к переменам.

Актуальность избранной темы определяется назревшей потребностью изучения истории становления и развития общественно-политических концепций реформирования России и формирования на их основе движений, жестко противостоявших по проблемам дальнейших путей развития российского общества в начале XX в. Создание целостной картины деятельности правомонархических союзов невозможно без анализа становления мировоззрения и системы политических убеждений их членов, являвшихся источником практической партийной работы. Комплексное исследование идеологии крайне правого движения создает возможности для анализа общей политической платформы широкого спектра черносотенных организаций (Союз русского народа, Союз Михаила Архангела, Русское собрание и др.). Привлечение нового источникового материала и проведение на его основе детальной реконструкции идеологии правомонархических союзов открывает возможность установить причины и более глубоко проанализировать обстоятельства, приведшие сначала к их широкому распространению на политическом поле России начала XX в., и затем

безмолвному уходу с него при изменении политической ситуации.

Анализ масштабов распространения идеологических доктрин позволит оценить степень их влияния в различных слоях населения, реконструировать картину непростых процессов, протекавших в общественном сознании, социальной психологии и менталитете россиян. В целом, обращение к данной теме даст возможность рассмотреть степень устойчивости идейных основ традиционного общества, выразителями которых позиционировали себя черносотенцы, в условиях модернизационных процессов на рубеже XIX—XX вв. Системное знание о правомонархическом движении и его идеологии будет способствовать реконструкции объективной исторической картины, сложившейся в России в начале XX в., формированию всесторонней оценки крайне правых союзов. Данная задача тесно связана с изменениями, происходящими в современном российском обществе, где православно-монархические идеи продолжают оказывать воздействие на политические процессы в стране.

Таким образом, объективный анализ конкретного исторического опыта формирования и деятельности правомонархических организаций в России и их идеологии, с учетом позитивных и негативных сторон, имеет научное и практическое значение.

Объектом монографического исследования является идеология действовавших на политической арене России начала XX в. правомонархических организаций.

Как и в любой другой политической системе взглядов, важнейшими структурными компонентами правомонархической идеологии являлись оценка основных параметров существующего положения дел в обществе, социальный идеал и стратегические установки по его реализации. Источником крайне правой идеологии стала русская консервативная философия XIX — начала XX вв., создавшая идейную, смысловую и интеллектуальную основу для политической рефлексии тра-

диционалистски настроенных слоев российского общества. Кристаллизация доктрин правомонархических организаций сопровождалась упрощением абстрактных теоретико-методологических принципов, возникавших на базе консервативной философии. В частности, исследователь С. А. Степанов указывал, что крайне правая идеология являлась идеологией массового политического движения, а потому ее постулаты преподносились в упрощенной, вульгарной форме³.

Правомонархическая идеология выступала как проекция русской консервативной философии на реальную политическую практику и система теоретических установок, ориентированных непосредственно на политический процесс. При таком подходе творцами черносотенной системы идейных воззрений оказывались не только консервативные мыслители, но и участники правомонархического движения, пытавшиеся осмыслить собственную практическую деятельность с учетом конкретных реалий России начала XX в.

Предметом исследования данной монографии является комплекс основных идейных установок, постулатов и идеологием правомонархических организаций России в начале XX в., без которых были бы невозможны успешная самоидентификация их членов, выработка целей и ориентиров политических действий, направленных на закрепление или изменение существующих общественных отношений, принятие важнейших организационно-тактических решений и взаимодействие при их реализации.

Предметом рассмотрения стали такие вопросы как возникновение правомонархического движения; воззрения членов крайне правых организаций; православно-религиозные основы черносотенной идеологии; защита христианской традиции как одна из функций консерватизма; консервативные основы политической проблематики и проблема «Россия — Запад» в идейных воззрениях черной сотни; подходы правомонархистов к определению понятия нации; имперская и националь-

ная проблематика; роль и место русского народа в программах правомонархических организаций; отношение к погромам и террористическим методам борьбы.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1900 г., связанного с появлением первой правомонархической организации — Русского Собрания, давшего импульс формированию черносотенных организаций в период первой российской революции 1905—1907 гг., до 1917 г., когда крайне правые организации прекратили свое существование по всей стране.

Выбор указанных хронологических рамок обусловлен принятой в российской историографии периодизацией деятельности правомонархических организаций, подразделяющейся на несколько этапов: стадия зарождения (1900—лето 1905 гг.), стадия формирования и институализации (осень 1905—конец 1908 гг.), стадия угасания и постепенного распада движения (1909—1917 гг.). Таким образом, история крайне правого движения в России в начале XX в. представляет собой завершённый цикл от появления, становления, динамичной деятельности до постепенного затухания активности и ухода с политической арены.

Территориальные рамки исследования охватывают всю территорию Российской империи в границах рассматриваемого периода. Основное внимание было сосредоточено на столичных губерниях Европейской части России, где действовали руководящие органы общероссийских правомонархических союзов (Союз русского народа, Союз Михаила Архангела, Русская монархическая партия и др.) и проводились общероссийские съезды и совещания черносотенцев, осуществлявшие выработку идейных установок и политических программ. Анализ их деятельности позволяет проследить непростой процесс генезиса и эволюции правомонархической идеологии.

Источниковую базу исследования составляет обширный круг документальных материалов, включающий несколько

групп исторических документов, а именно: 1) нормативно-правовые акты; 2) делопроизводственные материалы; 3) документация крайне правых организаций; 4) стенографические отчеты Государственной Думы; 5) периодическая и листовая печать; 6) труды теоретиков консерватизма и правомонархической идеологии; 7) источники личного происхождения (воспоминания, дневники и личная переписка).

Первую группу источников представляют *нормативно-правовые акты*, внутри которой можно выделить несколько составляющих её подгрупп документов: 1) законы Российской империи; 2) постановления Совета министров, Министерства внутренних дел, Министерства юстиции и других ведомств Российской империи; 3) ведомственная инструктивно-актовая документация.

Данная группа источников дает детальное представление о нормативно-правовой базе, осуществлявшей регулирование всех сторон жизни российского общества начала XX века. Указанные документы позволяют соотнести сущность и структуру функционировавшей в России политической системы (права верховной власти, взаимоотношения церкви и государства, статус национальных меньшинств, инородческих окраин и т. д.) с политическими программами черносотенных организаций, их видениями путей охранения или изменения тех или иных нормативных положений. В этой связи особое место занимают Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» 17 октября 1905 г. и утвержденные царем 23 апреля 1906 г. «Основные Государственные Законы», оказавшие серьезное влияние на программные установки крайне правых союзов, определив направление их политических устремлений, связанный с отменой тех положений, которые каким-либо образом задевали прерогативы самодержца.

Вторую группу исторических источников составили *делопроизводственные материалы*, включающие в себя документы центральных и местных органов государственной власти и

правоохранительных структур: журналы, протоколы, стенограммы, отчеты, доклады, корреспонденцию, рапорты, донесения, агентурные сообщения, справки, аналитические записки, материалы суда, следствия и т. д., хранящиеся как в федеральных (ГАРФ, РГИА, РГАДА), так и местных (ГАЯО, ГАКО, ГАВО и др.) архивах.

Источниковый анализ делопроизводственных материалов позволяет получить неизвестные по другим источникам сведения о деятельности черносотенных союзов, закрытых заседаниях их руководящих органов, имевших место конфликтах по идеологическим вопросам. Данные документы показывают кулуарную борьбу различных групп влияния в ходе съездов и совещаний; позволяют выяснить оценки состояния различных сторон жизни империи, данные крайне правыми идеологами; передают степень их влияния в различных слоях общества.

Третья группа источников включает *документацию крайних правых организаций* и объединяет разнообразные по своему происхождению материалы, среди которых условно можно выделить несколько подгрупп: программы и уставы центральных и местных организаций; протоколы и постановления съездов и совещаний; документы руководящих органов и местных организаций (протоколы, циркуляры, частные партийные решения, отчетная документация, конфиденциальная переписка с официальными и партийными структурами, обращения к царю и в органы исполнительной власти, и другие виды документов).

Комплекс вышеуказанных источников, позволяющий определить позиции черносотенцев по идеологическим, политическим, тактическим и организационным вопросам, в основном сконцентрирован в ГАРФ в фондах Союза русского народа (Ф. 116), Русского народного союза имени Михаила Архангела (Ф. 117), а также в опубликованных документах начала и конца XX в.⁴, предвыборных воззваниях, отчетах⁵, уставах⁶ и «Трудах» съездов⁷ и др.

Четвертую группу исторических источников составили *стенографические отчеты заседаний Государственной Думы I—IV созывов*⁸, позволяющие оценить парламентскую деятельность принадлежавших к крайне правому лагерю депутатов, их место и роль в законотворческом процессе России начала XX века и т. д. Значимость этого вида источника определяется тем, что некоторые лидеры крайне правых организаций (Н. Е. Марков, В. М. Пуришкевич и др.) имели депутатские мандаты в III и IV Думах, а представляемые ими организации являлись инициаторами многочисленных запросов⁹. Выступления депутатов от правой фракции нередко издавались отдельными брошюрами¹⁰ и перепечатывались в газетах¹¹.

Пятую группу источников составляют *материалы периодической печати и листковой литературы*. По политической направленности первой подгруппы документации — *материалов периодики* — выделяются несколько её направлений в освещении интересующей нас темы: 1) крайне правая печать; 2) консервативно-ведомственная печать; 3) либеральные издания; 4) революционная пресса.

Наибольший интерес для исследования темы представляет *центральная периодика монархических партий*: газеты «Русское знамя», «Земщина»; «Вестник Союза русского народа» и др.; *издания провинциальных организаций*: газеты «Русский народ» (Ярославль), «Русская правда» (Астрахань) и др. Значительный документальный материал о крайне правом движении представлен на страницах печатных органов Русского собрания — «Летописей Русского собрания» (1902—1903 гг.), «Известий Русского собрания» (1903—1904 гг.), «Вестника Русского собрания» (1906—1912 и 1915—1916 гг.).

Выделить основные направления в пропаганде и агитации черносотенных организаций позволяет изучение такой формы листковой агитации, как «Избирательные платформы», «Обращения» и др., использовавшиеся на протяжении всего периода деятельности черносотенных союзов.

Источниковый анализ документации периодической печати и листковой литературы помогает составить более полное представление о деятельности правомонархических организаций России в начале XX в.: рассмотреть формы и методы пропаганды и агитации; проанализировать предлагавшиеся альтернативы дальнейшего развития страны; раскрыть эволюцию их взглядов, исходя из изменявшейся политической ситуации и настроений в российском обществе и т. д.

Шестую группу источников составляют *труды теоретиков консерватизма и правомонархической идеологии*.

При изучении генезиса правомонархической идеологии были привлечены труды представителей русской философии XIX — начала XX в. К. Н. Леонтьева, И. А. Ильина, Н. Я. Данилевского¹² и др., теоретические труды представителей правого лагеря Л. А. Тихомирова, С. Ф. Шарапова, А. С. Будиловича, А. А. Майкова¹³, сборники трудов А. И. Дубровина, В. А. Грингмута, А. С. Вязигина, В. Л. Величко и др.¹⁴.

Анализ данной группы источников позволяет рассмотреть черносотенную систему взглядов как проекцию русской консервативной философии на реальную политическую практику, включавшую оценку основных параметров существующего положения дел в обществе, социальный идеал и стратегические установки по его реализации.

Седьмую группу источников составляют *материалы личного происхождения*: мемуары, дневники и эпистолярное наследие представителей русской общественной мысли консервативного спектра¹⁵ и идеологов черной сотни¹⁶; лидеров различных политических партий¹⁷; государственных деятелей¹⁸; иных непосредственных участников событий¹⁹, которые в значительной степени дополняют вышеприведенные группы источников. Несмотря на субъективизм и определенную противоречивость, данный вид источников содержит обширную информацию о деятельности монархических организаций, их идеологии и взаимоотношениях.

В настоящем исследовании термины «правомонархические организации», «черная сотня», «крайне правые» используются как синонимы, хотя до настоящего времени отсутствует единая научная точка зрения о содержательной обоснованности объединения данных понятий. Автор согласен с мнением А. В. Давиденко²⁰, считающим, что применять термин «монархисты» по отношению к черносотенцам не вполне корректно, так как в начале XX в. в России присутствовал чрезвычайно широкий спектр монархических сил, включавший в себя не только черносотенцев, но и представителей гораздо более умеренных и даже либеральных взглядов (конституционные демократы). Поэтому А. В. Давиденко предложил использовать в отношении черносотенных организаций термины «правые монархисты» и «правомонархисты»²¹. Указанным обстоятельством объясняется использование в данной монографии в качестве синонимов понятий «правомонархическое движение», «черносотенное движение» и «крайне правое движение».

Понятия «базовые русские ценности», «Православие, самодержавие, народность», «триединство», «уваровское триединство», «триединая формула» также используются как синонимы.

В данном исследовании использовались следующие термины и понятия:

черная сотня — сформировавшееся в период первой российской революции 1905—1907 гг. правомонархическое политическое движение, объединившее в себе различные организации и союзы, преследовавшие цель охранения т. н. «базовых русских ценностей», к которым, по их мнению, относились неограниченное самодержавие, первенство православной церкви и русской народности, а также активно противодействовавшие либеральному и революционному движениям;

традиционалисты — носители устоявшихся т. н. патриархальных взглядов, не принимавшие деятельного участия в

политической жизни, но проявлявшие активность в период нарастания угроз базовым ценностям традиционного русского общества. Традиционалисты имелись во всех социальных слоях российского общества, что обусловило их многочисленность. Та часть традиционалистов, у которой «неосознанная» защита базовых русских ценностей переходит в стадию «осознанного» консерватизма, становится источником кадрового пополнения правомонархических (черносотенных) организаций;

прогрессивные партии и движения — широкий спектр политических объединений, выступавших за коренные изменения в общественно-политической структуре России, в частности, за ограничение или свержение самодержавной власти царя, введение законодательного органа (Государственной Думы или Учредительного собрания), предоставление населению демократических прав и свобод;

реакция — активное противодействие либеральному и революционному движениям в целях сохранения и укрепления самодержавных порядков и институтов, проявлявшееся в различных формах. Источником реакции являлись как самодержавие, так и поддерживавшие его традиционалисты и правомонархические союзы;

национализм — употребляется для обозначения идеологии, ставящей во главу понятие нации и формирующей, исходя из него, дальнейшие теоретические и программные построения;

русские националисты — употребляется для обозначения лиц, разделявших националистическую идеологию и объединенных в возникшие в начале XX в. организации, крупнейшей из которых стал Всероссийский национальный союз.

Используемые в монографии понятия «инородец» и «инородческий» не несут в себе оскорбительного смысла, так как являлись общепризнанными терминами в документах официальных

органов Российской империи начала XX века и в дальнейшем будут использоваться без кавычек. В частности, в редакциях 1876 и 1899 гг. Свода законов Российской империи о состояниях содержится конкретный перечень народов, относившихся к инородцам²². Приводимые цитаты постановлений Съездов, совещаний, циркуляров, книжной и газетной литературы правомонархических организаций, оскорбляющие достоинство национальных меньшинств, использовались лишь для характеристики взглядов крайне правых организаций по исследуемому вопросу и не отражают личной точки зрения автора.

Библиографические ссылки

¹ Степанов С. А. Черная сотня. М., 2005. С.140; Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911—1917 гг. М., 2001. С. 82.

² Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911—1917 гг. М., 2001. С. 348.

³ Степанов С. А. Черная сотня в России. 1905—1914 гг. М., 1992. С. 10.

⁴ Сборник программ политических партий в России / под ред. В. В. Водовозова. СПб., 1906; Программы политических партий России. Конец XIX — начало XX веков / под ред. В. В. Шелохаева. М., 1995; Политические партии и общество в России 1914—1917 гг. / отв. ред. Ю. И. Кирьянов. М., 1999; и др.

⁵ Отчет по Русскому Собранию за 1909 г. СПб., 1910; Шестая годовщина Русского народного Союза им. Михаила Архангела. Отчет за 1912—1913 гг. СПб., 1914; и др.

⁶ Устав Санкт-Петербургского Союза русских рабочих. СПб., 1908; Устав харьковского национального русского союза. Харьков, 1913; и др.

⁷ Деяния первых двух Всероссийских съездов русских людей. СПб., 1906; Совещание монархистов в ноябре 1915 г. в Петрограде. М., 1915; Труды Всероссийского совещания в Нижнем Новгороде уполномоченных правых организаций с 26 по 29 ноября 1915 г. Петроград., 1916; и др.

⁸ Государственная дума. II созыв. Стенографические отчеты. Сессия II. СПб., 1908; Государственная дума. IV созыв. Стенографические отчеты. Сессия I. СПб., 1913; и др.

⁹ Речи депутатов Государственной думы Маркова и Пуришкевича по запросу о Финляндии 12 и 13 мая 1908 г. СПб., 1913.

¹⁰ Речь депутата Г. Г. Замысловского, произнесенная в заседании Гос. думы 25 апреля 1908 г. по вопросу о контингенте новобранцев. СПб., 1908; и др.

¹¹ Русская правда. 1914. 14 марта.

¹² Леонтьев К. Н. Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872—1891). М., 1996; Ильин И. А. Собр. соч. М., 2001; Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991; и др.

¹³ Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М., 1998; Ша-рапов С. Ф. Опыт Русской политической программы. М., 1905; Будило-вич А. С. О единстве Русского народа. СПб., 1907; Майков А. А. Революци-онеры и черносотенцы. СПб., 1907.

¹⁴ Дубровин А. И. За Родину. Против крамолы. Сост. Д. И. Стогов. М.: Институт русской цивилизации, 2011; Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские! Сост. А. Д. Степанов. М.: Институт русской цивилизации, 2008; Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма. Сост. А. Каплин и А. Степанов. М.: Институт русской цивилизации, 2008; Величко В. Л. Рус-ские речи. Сост. А. Д. Степанов. М.: Институт русской цивилизации, 2010; и др.

¹⁵ Дневник Б. Никольского (1905—7) // Красный архив. 1934. Т. 2 (63); Тихомиров Л. А. Воспоминания. М.-Л., 1927; и др.

¹⁶ Марков Н. Е. Войны темных сил. Статьи. 1921—1937. М.: Москва, 2002; и др.

¹⁷ Милюков П. Н. Воспоминания (1859—1917). Т. 1. М., 1990; и др.

¹⁸ Коковцов В. Н. Из моего прошлого: воспоминания 1903—1919. В 2 кн. М., 1992; Витте С. Ю. Воспоминания. В 3 т. М., 1960; . Джунков-ский В. Ф. Воспоминания. В 2 т. М., 1997; Курлов П. Г. Гибель импера-торской России. М., 1991; Крыжановский С. Е. Заметки русского консерва-тора // Вопросы истории. 1997. № 2.

¹⁹ Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920. М., 1990; и др.

²⁰ Давиденко А. В. Эволюция правомонархических концепций полити-ческого устройства России (1900—1917 гг.): автореф. дис. ...канд.ист.наук. Хабаровск, 2001.

²¹ Там же. С. 3.

²² Свод законов Российской империи. Т. IX. СПб.: Типография II От-деления Собственной его императорского величества канцелярии, 1876. С. 183; Свод законов Российской империи. Т. IX. СПб.: Типография II От-деления Собственной его императорского величества канцелярии, 1899. С. 154.

ГЛАВА I СИТУАТИВНЫЙ КОНСЕРВАТИЗМ ЧЕРНОЙ СОТНИ

§ 1. Возникновение правомонархического движения

Название «черная сотня» стало собирательным для не-скольких десятков союзов и организаций, действовавших на политическом поле России с начала XX в. и по 1917 г. Наи-более заметным среди них был Союз русского народа, став-ший центром притяжения для большинства крайне правых объединений. Некоторые из них объявляли о своей готов-ности стать отделами СРН (как Русская монархическая пар-тия), другие, напротив, отстаивали свою самостоятельность (Одесский союз русских людей). Значительный вклад в пра-вомонархическое движение внесли Русский народный союз им. Михаила Архангела (далее СМА), Союз русских людей, Общество хоругвеносцев, Общество добровольной народной охраны, Сусанинский кружок, Общество русских патриотов, Кружок русских студентов, Союз законности и порядка и дру-гие¹. С момента своего появления и до настоящего времени черную сотню большинство публицистов и исследователей отождествляли с крепостничеством, погромами, деспотиз-мом, ностальгией по варварскому прошлому, религиозным фанатизмом и противопоставляли ее всему «прогрессивному

и передовому». Уже в смысловой нагрузке этих терминов заложено указание на консервативные истоки черносотенной идеологии, так как еще в XIX в. подобные эпитеты присуждались представителям русской консервативной мысли.

В исторической науке общепризнанно, что отправной точкой массового проявления черной сотни на политической арене является Манифест 17 октября 1905 г. «Хронологические рамки деятельности названных правых партий в России достаточно ясны. Начальная грань — это время образования всероссийской организации СРН непосредственно после издания Манифеста 17 октября 1905 г.», — указывал известный исследователь правого движения Ю. И. Кирьянов². Неожиданное масштабное оформление крайне правых сил во всероссийские политические организации и кристаллизация черносотенной доктрины в их программных установках вполне вписываются в ситуативную типологию определения консерватизма, разработанную видным исследователем данного направления общественной мысли С. Хантингтоном в эссе «Консерватизм как идеология»³.

Ситуативный подход С. Хантингтона был подробно рассмотрен в трудах отечественных исследователей П. Ю. Рахшмира⁴, М. Ю. Чернавского⁵, В. А. Гусева⁶, Э. А. Попова⁷ и ряда других. В частности, П. Ю. Рахшмир указывал, что «Хантингтон предложил ситуативную интерпретацию консерватизма, отвязанную от какого-то раз и навсегда данного социального базиса и жесткого набора идей. Эту трактовку можно еще назвать функциональной. Миссия консерватизма — защита бытия, традиций, обычаев от засилья рациональности и порядка от угрозы хаоса»⁸. М. Ю. Чернавский дополнил предыдущую характеристику, указав, что согласно точке зрения С. Хантингтона консерватизм являет собой «систему идей для оправдания любого социального порядка, однако, наряду со страстной приверженностью ценности существующего, психология консерватора и его убеждения свидетельствуют об

определенном типе мировоззрения, в основе которого лежит соответствующая система ценностей»⁹.

Следует отметить, что недостатком ситуативного подхода является некоторая неполнота и односторонность, так как консерватизм предстает психологической установкой, независимой от конкретных политических и социокультурных обстоятельств, и относит, по мнению Э. А. Попова, к консерваторам защитников социально-политического статус-кво, отвергая существование в консерватизме постоянного идейного ядра, как в либерализме и социализме¹⁰. Данный недостаток компенсируется «идейным» определением консерватизма, что будет рассмотрено в следующей главе.

Применяя предложенный С. Хантингтоном подход, можно утверждать, что массовое появление на политической арене правомонархических организаций было «ситуационно» в силу появления Манифеста 17 октября, создавшего угрозу традиционному строю. Крайне правые громко заявили о себе, когда перед страной остро встала проблема цивилизационного выбора. Именно Манифест, ставший очередной попыткой вестернизации страны и знаком отказа от наследия предков, поставил под угрозу первенство Русской Православной церкви, идеократическую систему самодержавного властiuстроения, знаменовал собой эволюцию Российской империи в сторону западной конституционно-парламентской монархии.

Свой внезапный выход на политическую сцену черносотенцы связывали с необходимостью отстоять базовые ценности традиционного российского общества (православие, самодержавие, народность), повернуть вспять движение российского политического корабля, не допустить достижения им «точки невозврата» с самобытного пути развития страны. Манифест дал импульс для массовых выступлений в октябре 1905 г. традиционалистски настроенной части населения, ранее находившейся в стороне от противоборства правительственно-бюрократического, либерального и революционного лагерей,

что обусловило реактивный характер черной сотни на попытку фундаментального изменения принципов российской жизни. «В дни поругания национальных святынь только один подъем национального духа, сплывающий общественные группы, может удержать страну и народ от гибели и падения», — говорилось в обращении вновь созданного Русского народного союза им. Михаила Архангела¹¹. Реакционно-охранительный характер появления Союза русского народа подчеркивался его председателем А. И. Дубровиным во время аудиенции Николая II с депутацией союзников 23 декабря 1905 г. «Недавно зародился и быстро вырос Союз русского народа. Десятки тысяч русских православных людей всякого звания соединились в нем, и с каждым днем число их увеличивается еще новыми тысячами, и подают друг другу голос однородные союзы по другим городам России. Почуяло сердце народное, что Союз русского народа сплотился для важного, неотложного дела — стать вокруг тебя, царя-самодержца и отца нашего, и ныне в лице нашем передать тебе, государь, нашу думу мирскую о том, в чем крепость и сила государства Русского»¹².

Ситуативный подход С. Хантингтона позволяет провести параллели возникновения идеологий консерватизма и черной сотни как реакции на революцию, радикальные преобразования, проникновение либеральных и революционных идей. Так, согласно устоявшейся в научной литературе точке зрения, появление консерватизма было связано с Великой французской революцией 1789 г., запустившей механизм коренного переустройства традиционного общества¹³. Образование консервативного направления общественной мысли стало духовным и интеллектуальным ответом на идеологию буржуазного общества, в основе которой лежали рационализм, либерализм и индивидуализм¹⁴.

Современные исследователи связывают появление русского политического консерватизма с реакцией на проникновение в начале XIX в. в общественное сознание россий-

ского образованного общества идей Великой французской революции. Определенная консервативная направленность ощущалась и в трудах славянофилов XIX в. (А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, И. С. и К. С. Аксаковы, Ю. Ф. Самарин,), чье учение формировалось в ожесточенных дискуссиях с западниками, черпавшими свои идеи из западных социально-политических учений¹⁵. В этот же период происходит оформление «теории официальной народности», связанной с именем С. С. Уварова, которая так же, как и славянофильские разработки, появилась в ответ на проникновение в русское общество либеральных идей. Реформы Александра II 1860—1870-х гг. дали толчок для зарождения государственно-охранительного направления русского консерватизма¹⁶.

Зарождение на арене борьбы мировоззрений правомонархической идеологии связывалось с реакцией всех слоев российского общества (как верхов, так и низов) на стремительное развитие капитализма и распространение либерализма, несших угрозу основам традиционного общества и устоявшимся патриархальным ценностям. Здесь прослеживается прямая связь между появлением русского консерватизма и правомонархическими организациями, которые подняли знамя самодержавия, православия и народности в противовес девизу противоположного лагеря «Свобода, равенство, братство», заимствовавшего свой лозунг из времен Французской революции. Если в XIX в. споры между западниками и консерваторами носили характер жесткого идеологического соперничества на страницах печатных изданий, то в начале XX в. противостояние начинает приобретать формы прямого действия. Оформление либеральных и революционных партий и последовавший за этим перенос борьбы в массы с использованием насильственных средств заставил консервативную часть общества сорганизоваться в политические союзы для нейтрализации создававшихся их политическими противниками угроз. Так, образование в 1900 г. первой черносотенной ор-

ганизации — «Русского собрания» связывается в отечественной историографии с реакцией элитарных консервативных кругов на укрепление позиций либералов в средствах массовой информации¹⁷. Ответом на широкое распространение массового революционного движения в начале 1905 г. стало возникновение в феврале Союза русских людей и в апреле 1905 г. — Русской монархической партии под руководством редактора «Московских ведомостей» В. А. Грингмута.

Ситуативная типология черной сотни как консервативного движения подтверждается наличием объекта противодействия — революции, угрожавшей существованию Российской империи. Это подтверждается оценкой, которую ей впоследствии давали правомонархисты, инкриминируя ей антиправославный, антисамодержавный и инородческий (антирусский) характер, что стало причиной объединения значительных масс людей, интуитивно почувствовавших угрозу традиционным ценностям.

Рассмотрим причины возникновения правомонархических организаций в контексте дававшихся ее идеологами оценок первой российской революции 1905—1907 гг. подробнее. По их мнению, революция несла в себе следующие угрозы:

1. *Подрыв первенствующих позиций Русской Православной церкви.* Как православные люди, правомонархисты рассматривали происходящие революционные события через религиозную призму: «Идет невидимая брань против Бога Христа, вечной жизни, царствия Христова, брань, прикрытая разноцветными огоньками, блестящей мишурой, тонким, медленно, но верно действующим ядом громких слов: “прогресс, просвещение, наука”»¹⁸. По их мнению, революция носила антиправославный характер. «Шайки диких инородцев и жидов, ненавистников христианства вообще, а православия в частности, добились того, что из мастерских русских заводов, где громадное большинство рабочих православные, были изгнаны, или, верней, выброшены св. иконы. Церковное слу-

жение совершалось, ежели еще иногда совершалось, тайком, где-нибудь в отдаленном скрытом от глаз улицы сарае... Небезопасно стало произносить имя Господа Бога... “Сознательные” товарищи сурово, не останавливаясь даже перед убийством, вводили “свободу” веры...», — писала в декабре 1907 г. черносотенная пресса¹⁹. Очевидец революционных событий вспоминал: «...помню гнусную вакханалию революции с красными знаменами, с хором жидовских газет, каждым словом оскорблявших каждого русского. Все, что нам дорого и свято, подвергалось поруганию в те проклятые “дни свободы” для разбойников, “дни рабства” для честных людей. Даже Казанский собор осквернен был жидовскими “освободителями”, избравшими св. храм местом своих подлых митингов и кричавших с паперти Православной церкви святотатственные речи против православия!»²⁰.

Причина революции виделась крайне правым идеологам в растущем безверии образованного слоя русского общества. Массовое отпадение православных от традиционной веры в силу распространения секуляристских учений привело к дезориентации всего общества. Крайне правые признавали, что в брожении и разложении русского социума нет ничего нового, так как подобные явления повторялись в российской истории с определенной периодичностью. Однако характерные черты их были различны. По следам революции черносотенцы провели анализ Смуты начала XVII в. и современных им беспорядков и нашли следующие принципиальные различия.

Смута начала XVII в. затрагивала лишь политическую структуру государства, но не совесть, сознание и ментальность людей. Поэтому преодоление нестроений прошло сравнительно легко: православный народ по благословению Церкви объединился в ополчение, разгромил интервентов и восстановил самодержавные политические учреждения. Современная им революция затрагивала самые глубинные пласты сознания народа и его бытия. Причины революции виделись в вестерни-

зации общественного сознания, приводившей к разрушению традиционных политических идей и религиозных концепций. По заявлению органа СРН газеты «Русское знамя», либерализм отшиб у образованной (т. н. просвещенной) части русского народа коллективную историческую память, что привело к переменам и искажениям в коллективном народном сознании, а затем и в самом духе народа. В результате падения веры у образованной части общества произошел крен в сторону прав и свобод в ущерб религиозно обоснованным понятиям долга, ответственности и обязанности. Черносотенная пресса оценивала это явление как упразднение «права духа над материей». В отличие от либералов, считавших приобретение человеком прав с момента рождения, черносотенцы противопоставляли другую точку зрения: права должны быть заслужены и могут быть предоставляемы только с наложением обязанностей. В результате «свободы» вылились в полный произвол, уничтожающий нравственные и религиозные преграды: «Да что и говорить, — возмущалось «Русское знамя», — когда разбой, насилия, грабежи, поджоги, клятвопреступления и святотатство проповедовались во имя всевозможных свобод...»²¹.

Угроза первенствующему статусу Русской Православной церкви (РПЦ) в государстве актуализировала задачу ее защиты со стороны традиционалистски настроенных лиц. Неспособность репрессивного аппарата самодержавия противостоять усилению натиска секуляризма и нейтрализовать либеральные идеи равенства религий вызвала стихийный выплеск масс. С момента зарождения черносотенная мысль имела сильный религиозный настрой, проявившийся в оценке причин революции, видевшейся в Божьей каре за растущее неверие русского народа: «...Господь за такое наше отношение к вере допускает в нашем Отечестве совершаться величайшим бедствиям, в том числе и гонениям на святую веру, к которой мы стали так равнодушны»²².

Защита РПЦ определила характер правомонархических организаций как религиозно-политического движения,

противостоявшего стремлениям секулярных сил предложить российскому обществу новые государственные, правовые, нравственные и морально-этические основы. Крайне правые идеологи предупреждали, что массовое утверждение рационалистических и атеистических концепций — либерализма и социализма неизбежно приведет к искажениям универсального православного миропонимания.

Появление черной сотни явило собой реакцию религиозно настроенной традиционалистской части народа на секуляризацию общественной жизни России и на происходивший в высших сферах общества (в первую очередь, в аристократических и интеллигентских кругах) отход от православия. Это был, по мнению правомонархистов, народный ответ русской элите, окончательно порвавшей с традициями своего народа и дистанцировавшейся от православного социума, углубив в начале XX в. духовный раскол между двумя частями одного народа. «И если скажешь им про опасности, они только осмеют тебя: «ретроград, консерватор, отсталый черносотенник, дубровинец, гаситель» — стали, пожалуй, своего рода острыми гвоздями, которыми ныне просвещенные люди без жалости вбивают в стопы тех, которые желают идти по пути Христовых заповедей», — делился опытом один из активистов СРН²³.

Протестуя против секуляризации всех сторон жизни общества, правомонархисты объективно выступали за сохранение христианского подхода к жизни в его православном воплощении. Себя они идентифицировали как «истинных гуманистов», «друзей прогресса», «народников», стремящихся сохранить «Божественную неограниченную власть, чтобы на Земле водворить всеобщую правду, применив к широким массам лучшие дары христианской цивилизации...»²⁴. Заявляя себя сторонниками прогресса, черносотенцы уточняли — прогресса христианского, под которым понималось нравственное совершенствование общества в противовес институциональной

перестройке государства, предлагаемой их политическими противниками (конституция, парламент, гражданские учреждения и т. д.): «Не реакционная партия — монархисты, а единая передовая русская национальная объединенная партия, признающая прогресс христианский и отвергающая языческий. Мы не беспочвенные теоретики, не фантазеры доктрины, не горлопанствующие агитаторы, не авантюристы-политиканы: мы — христиане, хотим быть христианами и будем ими. Не мелкие политические лозунги связывают нас, а Божественные заветы Христа; не в бесполезных софизмах мы запутались, а положились на вечные, неизменные законы Логоса, не оставляющие в нас ни малейшего сомнения в возможности воцарения правды на Святой Руси»²⁵.

2. *Разрушение самодержавной системы власти.* По мнению правовомонархистов, революция преследовала цель разрушения Русской православной монархии: «Священные издревле изображения самодержавного русского императора разрывались, рвались на клочья и бросались в грязь, где и топтались озверелой неистовой толпой...»²⁶. Черносотенцы выступили защитниками неограниченной самодержавной монархии, сохранения идеократической модели власти в ее национальном проявлении против западных стандартов властiuстроения, основанных на формально правовой базе.

В случае краха самодержавия и установления либерально-демократического или социалистического правления неизбежно последовала бы коренная перестройка взаимоотношений государства и церкви, существенным изменениям подверглась бы форма национально-государственного устройства империи, полностью была бы упразднена сословная структура общества. Не случайно критика монархической формы правления со стороны либерального и революционного лагерей сопровождалась резкой критикой спайки РПЦ и государства, защитой сепаратистских движений, бичеванием социальных и иерархических порядков. На фоне возникших

угроз правовомонархические организации позиционировали себя защитниками основ традиционного общества и естественной опорой царизма. Царь не оставался в долгу, делая на начальном этапе деятельности Союза русского народа вполне конкретные заявления, внушавшими крайне правым надежду на долговременное сотрудничество с Верховной властью²⁷. Так, в его телеграмме от 5 июня 1907 г. говорилось: «Да будет же мне Союз русского народа надежной опорой, служа для всех и во всем примером законности и порядка»²⁸.

Антиреволюционность черной сотни происходила не только из самодержавного кредо, но и из чисто прагматических соображений необходимости сохранения Российской империи. Если Великая французская революция вызвала во Франции сильное национал-патриотическое движение, вылившееся в попытку создания в начале XIX в. собственной империи в рамках Европы, то первая российская революция ставила под вопрос само существование единого и неделимого государства. Правомонархисты подчеркивали, что революция значительно ослабляет силы нации, поскольку разрушение старого и создание нового государства является исключительно затратным. Желания либеральных и революционных «авантюристов» перестройки социальной структуры страны в соответствии с их «искусственными» схемами, по мнению крайне правых, ставили под угрозу суверенитет, социальную стабильность и территориальную целостность государства. Нерациональность планов и действий оппозиционеров правовомонархисты объясняли их разрывом с национально-государственной традицией, согласно которой все радикальные социальные преобразования в русской истории осуществлялись верхами.

3. *Подрыв первенствующего статуса русского народа в государстве.* С точки зрения идеологов черной сотни, «антирусский» характер революции 1905—1907 гг. проявился в активном участии в ней национальных меньшинств, ставивших

целью оттеснение носителей базовых русских ценностей от власти и развал страны. В аксиому был возведен тезис, что российская революция носит «инородческий» и «еврейский» характер. «Русское знамя» заявляло, что революция поддерживалась «жидовским золотом, японской дружбой, финляндским оружием и польской изменой»²⁹.

Главенствующую роль в революции черносотенцы отводили евреям, указывая, что последние выступали в качестве организующего центра, в то время как исполнителями стали русские. Доказывая еврейский характер революции, видный черносотенец Н. Е. Марков утверждал, что евреи через свои финансовые возможности спровоцировали Русско-японскую войну в целях ускорения в стране революционного взрыва³⁰. В еврейские сети попал даже премьер-министр России С. Ю. Витте, подготовивший роковой Манифест 17 октября, «которым царскому самодержавию был нанесен ужасный удар»³¹.

В этих оценках черносотенцы были не одиноки. Такой же характер революции 1905—1907 гг. подчеркивали и националистические партии, в частности Всероссийский национальный союз (ВНС)³². Будущее революционной России изображалось в мрачных тонах: «По-видимому, будет существовать русское государство, но только по-видимому, а на самом деле государство будет еврейским. Русские же люди будут нести в нем самую тяжелую долю, будут его рабочей силой, будут обрабатывать землю (каждый поровну, земля общая), будут сохнуть на фабриках у станков (фабрики — собственность рабочего класса), будут защищать границы еврейского государства от внешних врагов, будут умирять внутренних врагов (остатки русского национального самосознания), и евреи повсюду будут господами, помещиками, господствующим классом, хозяевами финансового и материального благополучия страны»³³.

В целом черная сотня позиционировала себя как силу, вознишкую как реакция на угрозу первенству русского народа, в

защите которого она отводила существенную роль себе. В создавшихся условиях «национального и духовного разложения русских образованных классов» крайне правые организации утверждали себя единственной силой, способной обеспечить лидерские позиции русского народа в созданной им империи. Руководство СРН заявляло: «...только Союз русского народа предан священному завету служения идее... главенства в нашем великом Отечестве коренного русского народа как народа-хозяина в Российском государстве». Утверждалось, что правомонархисты являются выразителями интересов всего русского народа, а не отдельных его классов или сословий: «Правые союзы чужды каких бы то ни было личных, условных или классовых интересов. Их лозунг — Россия. Цель, которую они преследуют, — слава и величие Отечества, духовное и хозяйственное процветание всех сословий русского народа»³⁴. Союз русского народа признавался национальным потому, что воплотил те начала, из которых «состоит русский человек. Россия для русских — вот главный национальный лозунг Союза русского народа»³⁵.

4. *Разрушение социально-правовых порядков и норм традиционного общества.* Другим важнейшим пороком российской революции 1905—1907 гг. крайне правыми идеологами объявлялась ее социальная, правовая и нравственная деструктивность. Революция казалась правомонархистам громадным шагом назад — к варварскому состоянию общества, часть которого стала «тяготиться рамками христианской цивилизации и пожелала впасть в состояние первобытной жестокости». Распространение революционных идей прививало населению, особенно молодежи, насильственные методы решения социальных конфликтов, что противоречило русскому национальному характеру: «Волна убийств и грабежей, заливающая огнем и кровью землю русскую, не имеет ничего общего ни с социальным, ни с политическим бытом русского народа»³⁶.

Исходя из консервативных представлений о том, что революция и связанные с ней преступления были обусловле-

ны не политическим строем, а нравственным разложением русского общества, формирование крайне правых союзов проходило под лозунгами самозащиты от революционного террора. Причиной появления черной сотни называлась не столько агитационная работа самих черносотенцев, сколько реакция населения. «... Чем больше развивались хулиганство, политические эксцессы и разбойничество, тем значительнее становилось число друзей порядка, друзей законности, преданных монархистов, убежденных сторонников спасительности неограниченного самодержавия», — писало в мае 1907 г. «Русское знамя»³⁷.

Появление черносотенных союзов было продиктовано страхом возможного повторения террора, имевшего место во время Французской революции, стоившего жизни более миллиону «врагов народа». Крайне правые подозревали, что победившие революционеры устроят в стране такую же кровавую баню, как и во времена термидора. Желание дать активный отпор революционерам привело традиционалистов к решению взяться за оружие, несмотря на декларировавшиеся мирные средства борьбы. Негативные последствия революции виделись также и в том, что они вызывали неизбежную ответную реакцию со стороны властей по отношению к своим подданным. Черносотенцы делали вывод, что образумить революционеров и преступников политическими преобразованиями невозможно. Предлагались жесткие репрессивные и нравственные меры, казавшиеся панацеей от всех бед: «...и Совет рабочих депутатов был политической величиной, перед которой трепетали министры, пока не пришли городовые и не отвели его в участок...»³⁸.

5. *Подрыв экономики и жизненного уровня населения.* Крайне правые делали акцент и на катастрофические экономико-социальные последствия революции, нанесшей ущерб

народному хозяйству в 3 млрд рублей при годовом бюджете страны 2,3 млрд рублей. «Она подорвала мощь и могущество Родины, привела к экономическому упадку и обесценила Россию на международной арене», — заявлял в докладе на тему «От чего гибнет Россия» видный правый идеолог В. Г. Орлов³⁹. «Русская социальная революция... только разорила и разоряет русский народ и ведет его к полному обнищанию и дикости», — утверждали крайне правые. В программе Союза русских рабочих людей, пытавшегося объединить трудовую прослойку города, указывалось: «Все более и более увеличивающееся разорение государства, его торговли и промышленности лишило многих из русского трудящегося люда последних средств к существованию»⁴⁰.

В обличении черносотенцами революции явно проявлялось социальное недовольство ее последствиями. «Враги царя и родины путем обмана, угроз и насилий заставляют бастовать фабрики и заводы, останавливают движение поездов, прекращают торговлю, нанося неисчислимые убытки всему государству, лишая заработка сотни тысяч бедного люда, чтобы голодом его поднять на смуту. Дети наши лишены возможности учиться, больные умирают, не получая лекарства...», — говорилось в одном из первых обращений Союза русского народа, вышедшем в конце 1905 г.⁴¹

Применение близкого к ситуативной модели С. Хантингтона исследовательского подхода А. Тойнби, основанного на диалектике «вызова-ответа»⁴², также позволяет типологизировать правомонархическое движение как консервативное. Рассмотрение черной сотни в контексте идейно-политической реакции традиционалистски настроенной части населения на революционные потрясения и радикальный вариант модернизационного процесса, сопровождавшегося дестабилизацией во всех сферах жизни общества (религиозной, мировоззренческой, политической, экономической, культурной и т. д.)⁴³, дает основание определять ее как консервативно-охра-

нительную силу, вставшую на защиту основ традиционного общества и его ценностей.

Консервативный и реакционный характер черной сотни с позиций методологических подходов С. Хантингтона и А. Тойнби подтверждается самоидентификационными определениями самих правомонархистов. С момента своего появления черносотенцы позиционировали себя как «доблестные сыны Отечества, объединившиеся и открыто восставшие на защиту основ русской государственности: Православия и Самодержавия, которым угрожала во время жидовской революции смертельная опасность»⁴⁴. Антиреволюционную и реакционно-охранительную задачу заявляли сами крайне правые: «СРН — это объединяющийся для борьбы со своими внутренними врагами весь русский народ. Как хозяин и устроитель земли русской»⁴⁵. Себя черносотенцы рассматривали не как политическую партию, а организованную боевую силу, предназначенную для активной борьбы с революцией⁴⁶.

Факт того, что черная сотня появилась на политической арене с заметным отставанием от либеральных и революционных партий⁴⁷, говорит о том, что традиционалисты выступали как сторона, вынужденная отвечать на бросаемые им вызовы. Крайне правые сожалели, что слишком поздно сорганизовались, так как не исключали возможности противодействия и принятию Манифеста. «О, если бы черная сотня существовала раньше октября месяца!.. Многие случившееся не случилось бы, или случилось бы иначе, вплоть до Манифеста 17 октября!..», — писало в феврале 1907 г. «Русское знамя»⁴⁸.

Итак, с точки зрения ситуативного подхода черная сотня проявила себя как защитница сложившегося порядка и государственного строя от революции. В пользу идентификации черносотенного движения как консервативного позволяет говорить и заявлявшаяся крайне правыми временность своего существования на политической арене. Ситуативность появления подразумевала яркую временную

вспышку политической активности как реакции на событие и затухание при выполнении миссии. Свое появление черносотенцы связывали с целью погасить революционный импульс, вернуть страну на путь эволюционного развития и сойти с политической арены.

Черная сотня не стремилась главенствовать на политическом поле постоянно. Условием ее нахождения там было наличие требующих нейтрализации противников и угроз существующим устоям общества. В смутные времена «сами собой как протест против такого порядка вещей, возникают и союзы подобные нашему — союзы политические. Цель их восстановить нарушенный порядок в государстве посредством беспощадного искоренения причин, создающих беспорядок», — писало в феврале 1907 г. «Русское знамя»⁴⁹. Через год газета более точно определила этот временной промежуток: «Участие СРН в современной политической жизни является, в сущности, временным, преходящим и исключительным положением — периодом Отечественной опасности»⁵⁰.

Фактором, способствовавшим выходу правомонархистов на политическую арену, была неспособность репрессивного аппарата самодержавия навести порядок собственными силами. Крайне правые объясняли свою пассивность в первую половину революции тем, что ожидали от властей действенных мер к прекращению беспорядков. На запросы в органы власти, по свидетельствам правомонархистов, они получали неизменный ответ: не приказано мешать. Это породило, с одной стороны, подозрения в двусмысленной роли бюрократии, с другой — привело к мысли о необходимости собственной самоорганизации для противоборства. «Мы видели, что те из преданных самодержавию, которые принимали должные меры к усмирению, отправлялись на тот свет, потому что не имели поддержки других. Бездействие власти, или, вернее, потворство преступникам, придавало им силу, и они издевались над тем, что мы считаем святынею...», — заявлял

через два месяца после появления СРН его печатный орган⁵¹. Таким образом, именно пассивность власти способствовала самоорганизации консервативных сил.

Правомонархические организации появились в критический момент российской истории, когда явно проявилась неспособность правящей элиты защитить традиционные устои общества и целостность страны. Пассивность пропагандистского аппарата самодержавия, не обеспечившего эффективного противостояния в информационной войне, заставила традиционалистов броситься в гущу борьбы идей. Черносотенцы придали противодействию революции массовый характер, организовав разрозненные силы и оттеснив неэффективный бюрократический аппарат: «СРН создал объединяющий центр, который сплотил в крепкое, могущественное целое разбросанные энергичные единицы, показал, что есть в России люди способные, даровитые, не чиновники. До той поры, до нарождения Союза русского народа, в России людьми считались только безликие чиновники губернских правлений: он показал, что эти люди всегда могут получить поддержку от всех единомышленников»⁵².

По мнению крайне правых идеологов, черная сотня бросила открытый вызов революции в условиях самоустранения бюрократии от борьбы. Сравнивая первую российскую революцию с Великой французской революцией, они отмечали, что во Франции с королевской властью сражались заговорщики, народ же стоял в стороне, «недоумевая и не понимая, что происходит». В России же, с точки зрения правомонархистов, революция после появления черносотенных союзов боролась с народом, а правительство являлось «судьей и посредником в этой борьбе».

Роль правомонархических организаций состояла и в том, что в отличие от французского короля бюрократии не удалось убедить царя, что народ тяготится самодержавием: «Русского царя уже никому не удастся уверить в том, что Россия

тяготится самодержавием и желает республики... Миллионы черносотенцев-патриотов слишком громко кричат: “Неправда, царь-батюшка!.. Умоляем тебя, не покидай нас. Не отдавай верных слуг твоих жадным волкам на растерзание. В тебе наше спасение, наша надежда, наша любовь...”. Многотысячные митинги с молебствованиями заглушали «дикие завывания жидовских хулиганских митингов», — оценивало роль черной сотни в дни революции «Русское знамя»⁵³.

Важной характеристикой черной сотни являлась не только временность, но и вынужденность нахождения на политической арене. Занятие политикой, к которой традиционалисты прибегли по принуждению обстоятельств, противоречило монархическому сознанию. Крайне правые были убеждены, что в условиях мирного течения жизни государства политические партии — лишнее звено социальной системы и население должно объединяться только в союзы на экономической почве. Это подтверждала и либеральная пресса, язвившая над черносотенцами, что те могут «только молебны служить и “ура” кричать». Законодательство дореволюционной России ограничивало участие народа в сфере государственного управления. Свою дореволюционную бездеятельность черносотенцы объясняли законопослушностью: «...мы — черносотенцы, покуда только молились, да “ура” кричали. Делать что-либо кроме этого мы не могли, не хотели, не умели и, главное, — права не имели»⁵⁴.

Парадоксально, но именно революция и дарование свободы слова дали крайне правым на законных основаниях пропагандировать свои идеи. Если до октября 1905 г. «Русское знамя» насчитывало не более 5 тысяч подписчиков монархических газет, то уже в 1907 г. черносотенцы имели более 70 печатных изданий и несколько сот тысяч абонентов⁵⁵. Иначе говоря, если бы либеральный и революционный лагеря не выдвинули в качестве инструмента захвата власти партийную организационную форму, создание правомонархических союзов вряд ли произошло.

Обоснованность утверждения о временности существования черной сотни подтверждается синхронностью ее активности на политической арене, находившейся в прямой зависимости от масштабов деятельности революционного лагеря. Апогей наступательности правомонархических организаций пришелся на период с конца 1905 г. по 1907 г., который можно охарактеризовать как период их расцвета: монархические союзы разрастаются и распространяются по всей России. С окончанием революции наступает период постепенного затухания деятельности крайне правых⁵⁶.

Не случайно, что свои неудачи на выборах и падение активности в послереволюционные годы крайне правые связывали с отсутствием явно выраженного врага, в результате чего «Союзу русских людей оказалось нечего дать, он как бы повис в воздухе». На состоявшемся в 1909 г. одном из собраний монархисты констатировали, что при этом в наиболее затруднительном положении оказались отдаленные провинциальные отделы, всегда нуждавшиеся в «известных указаниях»⁵⁷.

Начавшийся в 1910 г. распад организаций нашел печальную оценку руководства Ярославского отдела СРН, информировавшего «Русское знамя»: «Оглядываясь назад и проверяя результаты нашей деятельности, мы с грустью должны признать, что не осуществилась и малая доля тех надежд, которые мы лелеяли в своей груди; а истекший 1910 год принес нам одни только разочарования и прошел не только бесплодно для русского дела, но и внес в ряды наши дезорганизацию, смуту и раздор, приводя к гибели все благие патриотические начинания. Без преувеличения можно сказать, что если в наступившем году мы пойдем по пути злосчастного 1910 года, то скоро вся предшествовавшая деятельность наша сойдет на нет и самое имя СРН исчезнет без следа»⁵⁸.

Постепенно набиравший с 1908 г. обороты разлад в деятельности правомонархистов был тут же зафиксирован их политическими противниками, констатировавшими в

1909 г., что «руководители черных сотен потеряли большую часть влияния своего и идут к упадку быстрыми и большими шагами»⁵⁹.

В то же время правомонархические организации продолжили существование после исчезновения основного объекта противодействия — революции. После подавления революции черносотенцы достаточно мрачно оценивали перспективы развития общественно-политической ситуации в России. Появление Государственной Думы, относительной свободы слова и собраний, оформление партийной системы давало их политическим оппонентам новые возможности по расшатыванию основ существовавшей политической системы. Крайне правые идеологи были уверены, что уходить с политической арены рано, так как основная борьба еще не закончилась и ждет впереди. Они подчеркивали, что революция временно отступила, чтобы собрать силы для решающего боя⁶⁰. Оценивая ситуацию в декабре 1907 г., «Русское знамя» писало: «Берегись, русский народ... Знай, что тайные враги твои не пропали, — нет, они только спрятались...»; «Гидра разрушения государства не раздавлена, не умерщвлена, а только отступила и спряталась в подполье, надо не покладая рук следить за ней, не давая себя усыплять видимым покоем и кажущимся благополучием»⁶¹.

По мнению крайне правых идеологов, в 1907 г. революция перетекла в тихую форму «мирного завоевания»: «Посмотрите, что сделалось с консерваторией, посмотрите, в чьей власти театры, академии художеств, университеты и другие высшие учебные заведения. Там хозяйничают сплоченные инородцы и жида, враждебно глядящие на каждый сильный русский талант, которому приходится приспособляться или сходить со сцены. Наша наука и наше искусство не могут рассматриваться вне общих условий русской культуры»⁶².

В послереволюционное время черносотенцы видели свою задачу в посильном содействии правительству и самодержцу в

деле предупреждения революционной смуты в России, водворении законности и порядка, а также «благому государственно-му созидательству». Их партийные документы декларировали: «Народ-черносотенцы... стремятся к восстановлению царской власти, к ограничению произвола конституционалистов, прикрывающихся именем государя и позволяющих себе вытворять вещи вроде превращения русских высших школ в фабрики бомб, или судебную безнаказанность красных убийц»⁶³.

В борьбе с революцией они были сторонниками жестких бескомпромиссных мер. После разгона I Государственной Думы Русское собрание заявило, что никакие самые либеральные послабления и уступки правительства анархистам, социалистам, демократам, сепаратистам не остановят их разрушительной деятельности, а потому единственным средством и обязанностью правительства в сложившейся ситуации являлся немедленный разгром их сообществ⁶⁴.

Наличие правомонархических организаций на политической арене должно было убедить революционеров в невозможности свержения монархии. «Черносотенцы ничего не хотят кроме блага Родины. Их ни купить, ни запугать нельзя в беззаветной преданности государю...», — писала крайне правая пресса⁶⁵. Крайне правые рассматривали себя как силу, к которой еще обратятся за поддержкой власть предрежащие. «Русское знамя» грозило революционерам: «И в будущем мы, черносотенцы, не допустим победы революции. И поверьте, из рук черной сотни не вырвут русского царя и его семейство, хотя бы нам пришлось возвести вокруг его дворца шестиэтажную стену из тел наших...».

Черная сотня являлась и международным фактором при проведении российской внутренней политики. «Появление на политической арене черносотенцев изменило взгляд на политику не только Русского кабинета, но и всей Европы. Разве решился бы кто-нибудь распустить Первую и Вторую думу, если бы монархические союзы... не заставили бы рус-

ских министров сначала, а затем и всю Европу понять, что народ русский не только не осудит разгона крамольников, но в ноги поклонится за него его правительству...», — писало «Русское знамя»⁶⁶.

Сторонники ситуативного подхода С. Хантингтона рассматривают консерваторов как защитников социально-политического статус-кво, что подразумевает наличие объекта охранения и соответственно сход с исторической арены при крушении сложившегося порядка. Хронологические рамки существования черной сотни подтверждают данный тезис, так как движение действовало, пока был объект защиты — самодержавная монархия, крушение которой в 1917 г. поставило точку и в деятельности правомонархических объединений. Уже через несколько дней после февральской революции Исполнительный комитет Петроградского Совета запретил выход таких печатных изданий правых организаций, как «Русское знамя», «Земщина», «Колокол», «Гроза» и др. Аналогичные постановления исполкомов местных Советов были приняты в отношении газет и журналов губернских и городских крайне правых союзов. Ю. И. Кирьянов отмечал, что идейный и организационный кризис черной сотни был настолько глубок, что правомонархисты не пытались даже перейти на нелегальное положение и оказать сопротивление новой власти⁶⁷. Основной руководящий состав прежних правых организаций был или арестован, или настолько деморализован событиями, что отошел в сторону, причем немало правых деятелей даже делало заявления о поддержке нового строя⁶⁸.

В феврале 1917 г. самодержавная монархия пала и под ее обломками погибли все, кто был в нее социально и политически интегрирован. Февральская революция и последовавшие за ней октябрьские события, гражданская война свидетельствовали, что правомонархическая доктрина при отсутствии объекта защиты не стала идейным вдохновителем значительных масс россиян в деле восстановления прежних институтов

власти. Таким образом, крайне правая идеология как охранительное политическое направление, способное мобилизовать массы на выступления, могла существовать только при наличии объектов защиты — царского самодержавия и устоев традиционного общества. С крахом монархии черная сотня маргинализируется, выродившись в «кружок по интересам» незначительной группы людей.

Черная сотня хронологически проявилась как массовое и самоорганизованное движение носителей традиционных ценностей, возникшее как ответная реакция на деятельность либерального и революционного лагерей в момент наибольшей опасности для самодержавно-монархической системы. Свою роль крайне правые идеологи видели в том, чтобы мобилизовать консервативную часть общества на отстаивание основ традиционного общества для того, чтобы «с корнем вырвать и вымести из земли Русской международную подпольную нечисть», и рассматривали свои организации как силу, подготовленную для борьбы одновременно на всех фронтах по принципу: «Хочешь мирного преуспевания, будь готов к войне»⁶⁹. Поэтому черная сотня, будучи движением реакционно-охранительным, не являлась агрессивным в условиях общественно-политической стабильности и отсутствии угроз. Как уже указывалось, в мирных условиях традиционалистски настроенные слои не имели нужды в политических организациях и активной деятельности.

Правомонархисты подчеркивали мессианскую основу своего движения, проявлявшуюся в активных формах спасения Отечества. Ведя духовные корни из Смутного времени и утверждая преемственность с ополчением XVII в., основатель Русской монархической партии В. А. Грингмут указывал на появление обоих движений в критические моменты истории: «Враги самодержавия называли черной сотней простой, черный русский народ, который во время вооруженного бунта 1905 года встал на защиту самодержавного царя. Почетное ли

это название, “черная сотня”? Да, очень почетное. Нижегородская черная сотня, собравшаяся вокруг Минина, спасла Москву и всю Россию от поляков и русских изменников, и к этой славной черной сотне присоединился и князь Пожарский с верными царю русскими боярами. Все они были настоящими “черносотенцами”, и все они стали, как и нынешние “черносотенцы-монархисты”, на защиту православного монарха, самодержавного царя»⁷⁰.

Таким образом, правомонархистами указывалось, что их движение является проявлением инстинкта самосохранения и исторической памяти русского народа. Без поддержки черносотенных организаций, вовлекших значительные массы населения на защиту традиционных порядков, самодержавие вряд ли выдержало бы удар. Оценивая результаты деятельности через несколько лет, лидер Союза Михаила Архангела В. М. Пуришкевич заявлял, что черной сотне удалось выполнить роль по защите базовых ценностей русского государства и общества: «Мы победили. Мы разбили революцию. ... победа наша была доказательством того, что народ в его массе здоров...»⁷¹. В том же духе в 1909 г. выступило и «Русское знамя»: «Роль черносотенцев... очевидна из того, что “революция”... все же присмирела»⁷².

Исходя из вышеизложенного, применение разработанного американским исследователем С. Хантингтоном ситуативного подхода и исследовательской парадигмы А. Тойнби, основанной на диалектике «вызова-ответа», позволяет решить проблему относимости крайне правых организаций к консервативному спектру, выполнявших охранительную функцию по противодействию опасности свержения существующего строя и сохранению политического статус-кво. Таким образом, крайне правое движение возникло как реакция ранее находившейся в стороне от противоборства правительственно-бюрократического, либерального и революционного лагерей традиционалистски настроенной части населения на

радикальные формы реформирования страны, угрожавшие, по их мнению, фундаментальным принципам российской жизни в мировоззренческо-идеологической, социально-политической и социально-экономической сферах. Условием появления и существования черной сотни являлись наличие угроз отстаиваемым принципам и снижение активности при затухании указанных угроз.

§ 2. Традиционализм воззрений черной сотни как причина ее всесословного характера

Консервативный характер черной сотни подтверждается ее всесословным и интернациональным характером этого движения, объединившего различные социальные и национальные группы на противодействие революции и защиту основ традиционного общества. В исследованиях последних лет констатировался весьма разнообразный социально-профессиональный состав членов крайне правых организаций⁷³, среди которых было определенное число рабочих. В частности, С. А. Степанов не только отмечал наличие отделов черносотенных союзов на целом ряде крупных промышленных предприятий (в т. ч. столичных), но и утверждал, что в этих организациях были как представители «рабочей аристократии», так и неквалифицированные рабочие⁷⁴. Исследователь Ю. И. Кирьянов пришел к выводу, что членами правых организаций являлись «крестьяне, рабочие, ремесленники, мещане, служащие, землевладельцы, дворяне, купцы и предприниматели, военные (отставные), преподаватели низших, средних и высших учебных заведений, врачи, студенты, духовенство — от низших церковных служащих до иерархов»⁷⁵.

Тезис о всесословном характере крайне правого лагеря подтверждается многочисленными архивными документами и материалами периодической печати. В частности, участники состоявшегося в феврале 1913 г. в Петербурге VI Все-

российского съезда Русских людей журнал «Прямой путь» описывал следующим образом: «Серый армяк мужика мирно уживался с блестящим генеральским мундиром, бедное одеяние простолюдина не спорило с увешанным орденами чиновничьим сюртуком»⁷⁶.

В момент наивысшего расцвета в 1907 г. Ярославского губернского отдела СРН (далее ЯО СРН) его социальный состав распределился следующим образом: крестьяне (78,8%), мещане (20,1%), дворяне (1,3%); по занятиям: рабочие (60,7%), торговцы (18,9%), мелкие служащие, ремесленники (20,4%)⁷⁷. Состав Мологского отдела СРН Ярославской губернии — типичного для уездных городов: крестьяне (28,5%), мещане (70,5%), дворяне и купцы (1%)⁷⁸.

К моменту упадка Ярославского отдела СРН его социальный состав особого изменения не претерпел. В январе 1916 г. начальник Ярославского Губернского жандармского управления докладывал в Петербург, что членами местного отдела СРН были в основном «мелкие торговцы, преимущественно старьевщики, плотники, шорники, огородники, фабричные рабочие и крестьяне ближайших к городу сел и деревень, представляющие в большинстве случаев людей, хотя и уступающих в умственном развитии рядовым членам оппозиционных групп, но сознательно преданных основной идее Союза»⁷⁹.

Таким образом, если характеристика социального состава правомонархического движения как объединявшего помещиков, чиновников и «отбросы общества» в отечественной историографии последних лет была преодолена за счет привлечения нового источникового материала, то вопрос о причинах его всесословного характера до сих пор остается открытым.

Итак, каким же образом, по утверждению либеральной и марксистской историографии, «искусственно созданным» верхами черносотенным организациям, выразившим интересы «незначительной помещичьей прослойки общества», удалось консолидировать в своей среде крупные социальные

группы, противоположные по своим классовым, сословным и национальным интересам? Что же заставило значительные массы членов крайне правых союзов в едином порыве выступить на защиту самодержавных устоев? Почему это движение носило массовый и всеобщий характер при очевидных реакционных целях? Эти вопросы в исторической литературе до сих пор остаются дискуссионными.

Так, советская историография утверждала, что правомонархические организации искусственно создавались Департаментом полиции МВД для защиты неограниченного самодержавия как противовес либеральному и революционному лагерям. Ставшие руководящими для советских историков работы В. И. Ленина на десятилетия утвердили характеристику черной сотни как партии помещиков-крепостников, отстаивавшей «политику старых крепостнических традиций»⁸⁰.

Данная точка зрения, утверждавшая, что монархическая идеология не имела глубоких корней в народной среде, а организации формировались за счет отбросов общества методами шантажа и подкупа, мигрировала и в современные исторические исследования. В частности, исследователь И. В. Омелянчук заявлял: «Объективно социальная база консервативной (черносотенной) идеологии была очень узка — помещики, государственная и церковная бюрократия»⁸¹.

Подобный подход подвергается критике в работах других современных исследователей. В частности, И. В. Нарский отмечал, что продолжающееся в отечественной историографии заострение внимания на меркантильных причинах пополнения рядов правомонархических организаций и объяснение их всеобщего характера грязными методами вербовки являются «рецидивами сложившихся в дореволюционный период стереотипов»⁸².

Советская и либеральная историография испытывала серьезные затруднения при обосновании причин массового и

всесословного объединения людей для защиты дворянско-помещичьих привилегий. «Помещичья» классовая природа черной сотни натывалась на ряд существенных противоречий, одним из которых являлось участие в ее союзах «низов» общества, в первую очередь значительного числа крестьянства. Действительно, с точки зрения разумного подхода сложно объяснить объединение крестьян для защиты ненавистного дворянско-помещичьего землевладения, а также найти оправдание желанию значительных масс людей собственноручно закабалить себя, лишив гражданских прав и участия в управлении государством. Здесь позитивистское сознание натывается на предел, который пока не может преодолеть.

И тем не менее попытки предпринимались. В частности, исследователь И. В. Омелянчук причинами вступления в черную сотню различных слоев населения называл модернизационные конфликты, обострившиеся в российском обществе в начале XX в. К факторам, повышавшим уровень политизации населения и способствовавшим единению адептов традиционализма в правомонархических организациях, он относил следующие. Во-первых, кризис идентичности (потеря привычных духовных ориентиров и поиск новых). Во-вторых, кризис участия (смена привычных форм вовлечения населения в политический процесс). В-третьих, кризис легитимности (несоответствие целей и ценностей правящего режима с представлениями граждан)⁸³.

Применяя методологию известного американского социолога П. А. Сорокина, И. В. Омелянчук указывал, что «основной причиной всех революций является подавление базовых инстинктов (потребностей) человека, в первую очередь, инстинктов самосохранения, собственности, свободы и др. Если первая фаза революции имеет своей целью немедленное удовлетворение наиболее угнетенных из них, то вторая сопровождается противоположным процессом — нарастанием подавленности базовых потребностей человека. В

результате появляется “усталость” от революции, а требование безграничной свободы сменяется жаждой порядка, хвала “освободителям” от старого режима сменяется восхвалением “освободителей” от революции»⁸⁴. В связи с тем, что среди всех слоев российского общества находились лица, неудовлетворенные результатами преобразований, то они и составили социальную базу реакции, обеспечив всесословный социальный состав правомонархических союзов⁸⁵.

Как видим, историки находят причину всесословности черносотенных организаций в основном в социально-экономической (материальной) области. Сами крайне правые видели эту причину в духовно-культурной сфере, а именно религиозно-традиционалистском характере их идеологии, являвшейся отражением глубоко укоренившихся народных взглядов.

С другой стороны, в современной российской историографии причины массовости и всесословности правомонархических организаций объясняются использованием их идеологами в качестве инструмента привлечения православия. И. В. Омелянчук утверждает, что расширить социальную базу черной сотни позволило обращение ее идеологов к неким универсальным ценностям, каковыми и обладало христианство. Использование «православной идеи, глубоко укорененной в менталитете русского народа, принесло монархистам немалые политические дивиденды и существенно расширило их электорат» — заявляет исследователь⁸⁶.

Такая трактовка имела бы право на существование, если бы подкупленные помещиками вожди черной сотни, являясь атеистами, использовали православие как приманку для заманивания электората. Но в том-то и дело, что православие для крайне правых являлось не инструментом политических манипуляций, а предметом горячей, а порой фанатичной веры, формировавшей мировоззрение, систему ценностей и нормы социального поведения. Правомонархическая иде-

ология представляла не искусственно созданную по заказу помещиков-крепостников идейную конструкцию, а отражала систему взглядов сформированного столетиями русской истории особого традиционалистского типа мировоззрения.

Советские и либеральные историки при характеристике правомонархической идеологии акцентировали внимание на социально-экономических факторах и не подвергали серьезному рассмотрению в ее концепции религиозный аспект. Оценка крайне правых строилась лишь на анализе их политических программ, без учета базовых основ их дальнейших теоретических построений. По мнению Э. А. Попова, данный подход обуславливает методологическую приземленность и ограниченность исследовательских подходов, выразившихся в полном невнимании к трансцендентальной сфере и абсолютизации социального⁸⁷. Иными словами, рационалистический подход оставляет за рамками рассмотрения вопросы, относящиеся к иррациональной сфере, но имеющие не меньшее влияние на социум, чем материальные факторы.

Долгое время советские и либеральные историки оставляли за рамками рассмотрения религиозную основу идей правомонархистов, защищавших базовые ценности традиционного общества, а не просто государственные, церковные, социальные и правовые институты царской России. Применение позитивистского подхода приводило к упрощенным выводам о реакционной и ретроградной сущности всего, что было связано с черносотенным движением. Объяснение недостатков данной методологии при исследовании общественных феноменов дал Ю. М. Лотман: «Либеральное мышление в исторической науке строится по следующей схеме: то или иное событие отрывается от предшествующих и последующих звеньев исторической цепи и как бы переносится в современность, оценивается с политической и моральной точек зрения... Создается иллюзия актуальности, но при этом теряется подлинное понимание прошлого. Деятели ушедших

эпох выступают перед историком как ученики, отвечающие на заданные вопросы. Если их ответы совпадают с мнениями самого историка, они получают поощрительную оценку, и наоборот. Применительно к интересующему нас времени вопрос ставится так: общественно-политические реформы есть благо и прогресс. Те, кто поддерживает их, — прогрессивны, те, кто оспаривает, — сторонники реакции (...) Как ни удобна эта картина, но историческая реальность сложнее»⁸⁸.

Ответ на вопрос о причинах широкого вливания разнородных социальных слоев в крайне правые организации, видимо, находится не в чисто материальной, социальной и политической плоскостях, сколько в религиозно-мировоззренческой. Имея православную основу, правомонархическая система взглядов отражала миропонимания традиционалистской части населения России, носители которой находились во всех слоях общества как среди помещиков, так и среди крестьян. Отличаясь особым религиозным восприятием окружающего мира, правомонархисты сакрализовали традиционные бытовые отношения и формы русской жизни, которые и стали объектом их защиты. «Главная же заслуга СРН состоит в том, что он вовремя показал, что трогать Церковь, Царя, Россию и Народ — нельзя, что глумиться над ними — нельзя, что они здоровы и сумеют постоять за себя сами в дни летаргического сна правителей. СРН показал также, что он ни в коем случае не допустит дележа России», — утверждала черносотенная пресса⁸⁹. Именно отстаивание базисных ценностей русского культурно-исторического сообщества и обусловило всесословный характер крайне правых организаций.

Граница между либеральным, революционным лагерями и правомонархистами пролегла по линии мировоззренческого раскола секулярно-позитивистской идеологии (в различных ее вариациях) и религиозно-традиционалистской. Неприятие все более распространявшегося светского мировоззрения, верность религиозным стандартам жизни создали основу для

появления движения, объединившего разнородные по социальному происхождению, а иногда и противостоящие по социальным и классовым интересам слои общества. «У нас нет ни крестьян, ни дворян, ни нищих, ни миллионеров, есть только братья русские люди... На самую почетную должность выбирают сплошь и рядом самого скромного бедняка, и графы и князья, миллионеры, богачи и богачихи преклоняются перед ним, раз он приносит пользу Союзу, т. е. народу русскому...», — декларировало демократичность и всесословность СРН в ноябре 1907 г. «Русское знамя»⁹⁰.

В отличие от членов прогрессивных партий, рассматривавших лишенный религиозного наполнения государственный и социальный строй Российской империи как объект для коренной перестройки, правомонархисты воспринимали самодержавную монархию как богоданный порядок властоустройства. В опубликованном в 1906 г. отзыве группы правых деятелей «Кружок москвичей» говорилось, что политический строй русского государства составляет предмет политической веры русского народа, которой он будет твердо и неизменно держаться именно как веры⁹¹. Поэтому подвергшееся штурму самодержавие вызвало мобилизацию традиционалистски настроенных представителей всех классов населения, подобно тому, как в период отечественной опасности происходит консолидация всего общества для защиты общего дома. Объединение в правомонархических организациях шло не по вектору защиты дворянско-помещичьих привилегий, а по идентичности мировоззренческих взглядов и обусловленного ими общего объекта защиты — базовых ценностей русского культурно-исторического сообщества, воплощенных в формуле «Православие, самодержавие, народность».

Безусловно, исходные цели представителей различных классов и групп населения, вошедших в правительственный лагерь для отстаивания устоявшихся социально-экономических отношений, были разными. Так, если помещичье зем-

левладение для сословных дворянских организаций (например, Объединенное дворянство) являлось предметом защиты и сохранения своего экономического господства, то члены правомонархических организаций, исходя из консервативных воззрений, признавали эволюционный характер преобразований богоданного порядка и отвергали насильственный путь решения социальных проблем в аграрном секторе. Анализ программ черносотенных организаций свидетельствует, что они отстаивали принцип легитимности, то есть законной процедуры перехода частной собственности из одних рук в другие, в то время как революционные партии декларировали радикальные меры. Отказ от революционных методов в земельном дележе и стал, по всей видимости, причиной определения классовой природы черносотенных союзов как дворянско-помещичьих.

Консерватизм масс, выразившийся в отстаивании базовых ценностей русского культурно-исторического сообщества (Православие, самодержавие, народность) и обусловивший всесословный характер черносотенных организаций, имел религиозный, политический, социальный и психологический аспект. Краткий экскурс в историю европейского консерватизма показывает, что он вырастает на основе традиционализма, определяемого как ориентация индивидуального, группового или общественного сознания в прошлое, которое противопоставляется как совокупность ценностей настоящему⁹². В религиозном, политическом и социальном аспекте традиционализм утверждает божественное происхождение власти монархии, приверженность устоявшимся социальным системам и нормам, неприятие революций и радикальных реформ, отстаивает эволюционное, самобытное развитие государства и общества⁹³.

С психологической точки зрения традиционализм трактуется как проявляющаяся у различных индивидов универсальное стремление держаться за прошлое, боязнь нововведений и

обновления, носящее подсознательный и устойчивый характер. Оказание влияния рациональной аргументацией на человека, глубоко приверженного традиции, отказаться от нее и принять иную, обычно эффекта не дают. Отношение к традиции, разделившее членов правомонархических организаций, сохранивших «русский» формат души и представителей либеральных и революционных партий, пытавшихся привить на русской почве рожденные в иных социокультурных условиях нормы политического поведения, создало основу для роста конфликтности в российском обществе.

Традиционалистское мышление, характеризовавшееся подчинением абсолютному нравственному закону, уважением государственных, общественных и семейных устоев, было присуще значительной массе населения Российской империи. Определяя русский национальный архетип, Н. А. Бердяев обозначил несколько присущих ему свойств: догматизм, аскетизм, способность нести страдания и жертвы во имя веры и устремленность к трансцендентному⁹⁴. Изначально бессознательный традиционализм широких масс населения, характеризовавшийся приверженностью традициям, стабильности, упорядоченности, не носил агрессивного характера. Особую функцию в социальном процессе традиционализм начинает приобретать при возникновении угроз патриархальному миропорядку. Реакция традиционалистски настроенного населения на сложившуюся в России в начале XX в. социально-политическую ситуацию запустила механизм перерастания «неосознанной» защиты традиционных ценностей в стадию «осознанного» консерватизма⁹⁵. Стремление правомонархистов защитить традиционное общество и интегрированные в него монархию, церковные и сословные институты, нашло отклик у определенной части населения. Председатель Астраханской народно-монархической партии Н. Н. Тиханович-Савицкий в январе 1909 г. отмечал: «Мы защищаем родное, русское; мы защищаем царя, веру, семью, власть, нравствен-

ность, величие России, русскую народность. Это ли вред?»⁹⁶. Таким образом, приобретая систему консервативных взглядов, традиционалисты становились источником кадрового пополнения правомонархических организаций, чьи политические программы в целом соответствовали их мировосприятию.

Следует отметить, что в отличие от идеологов крайне правых объединений осознанный консерватизм (как направление общественной мысли) широких масс едва ли существовал. В силу образовательного и культурного уровня лишь у немногих рядовых членов черной сотни традиционалистские воззрения перерастают форму примитивного охранения существующих порядков в четкую систему консервативных взглядов. Идеологи правомонархических союзов с сожалением констатировали, что идея самодержавия осознается массами только на уровне чувств. В связи с этим свою задачу они видели в трансформации данного понятия из «области чувства в область разума» посредством разработки рациональной аргументации преимуществ монархии перед другими способами правления⁹⁷. Попытки перевести стихийный традиционализм масс в качественно новую форму — осознанную консервативную систему взглядов — идеологи монархизма предпринимали посредством внедрения в общественное сознание теоретических разработок русских консерваторов XIX — начала XX вв.

Религиозный фактор является определяющим при решении вопроса идентификации принадлежности к черной сотне. «Русское знамя» давало такое определение правомонархисту: «Верный сын Православной церкви не может не быть верноподданным своему государю, не может не быть верным сыном своей Родины. Единственным верным пробным камнем для истинного члена СРН всегда была, есть и будет его неизменная верность Святой матери — Православной церкви: служа ей до самопожертвования, русский человек этим самым вернее всего послужит к утверждению незыблемости

Царского престола, колеблемого врагами Бога и Царя, и к сохранению целостности Родины...»⁹⁸.

Неслучайно ряд современных публицистов вслед за правомонархическими авторами начала XX в., определяя черную сотню как активную часть православной религиозной общности, ведут ее истоки из монашеских конгрегаций. Это признается как представителями современного русского национал-патриотического движения, так и представителями Русской Православной церкви. В изданной в 1999 г. в Барнауле брошюре «Краткий катехизис черносотенца» иеромонах Нафанаил (Судников) указывал на религиозные корни движения: «Черными сотнями на Руси назывались отряды народного ополчения, вместе с которыми всегда шли православные монахи и священники. Черные сотни как русское историческое явление ведут свое начало от святых Александра Пересвета и Андрея Осляби, схимонахов, которые по благословению преподобного Сергия Радонежского, игумена земли Русской, на Куликовом поле отстаивали Святую Русь как воины... Бойцы черной сотни шли впереди сражающихся за Святую Русь. Черносотенцем был святой праведный Иоанн Кронштадтский, который в начале нашего века вдохновлял это движение...».

Религиозный формат идейных воззрений правомонархистов проявился в восприятии происходящих революционных событий не только с политической, но и с эсхатологической точки зрения. Причины социальных потрясений в России в начале XX в. рассматривались ими не столько через призму способности существующей самодержавной системы выполнять функции государственного управления и удовлетворять потребности населения, сколько как результат отпадения от православия некоторой части населения, утратившей способность воспринимать религиозно-нравственный фундамент царской власти.

На фоне набравшей на глазах темпы секуляризации общественного сознания, приводившей к подрыву основ традицион-

ного мировоззрения, черносотенцы продолжали подчеркивать именно религиозный формат самодержавной монархии, что было доступно пониманию лишь православным верующим. Согласно крайне правой риторике для русского православного сознания только «богоданное» самодержавие являлось формой торжества земной справедливости, исторической истинности или, по их определению, — «Царством правды». На приеме царем депутации Союза русского народа 23 декабря 1905 г. крестьянин В. А. Андреев заявил: «Верь, государь, что русский народ, вручивший судьбы царю-батюшке, не тяготится властью его. Он глубоко верит и сознает, что власть царя — власть от Господа. Правда царя — правда Божья»⁹⁹.

Религиозность сознания обусловила особое отношение правомонархистов к прошлому. Отвергнув секуляризм и сохранив православное миропонимание, черносотенцы органически принимали историю России и пришедшие из глубины веков национально-государственные устои и традиционные ценности. Разновекторность отношения крайне правых с либеральным и революционным лагерями проявилась и в этом вопросе. Если крайне правые, несмотря на негативное отношение к петровским реформам, полностью принимали прошлое страны, то прогрессивная часть общества подвергала на страницах газет и журналах историю России уничижительной критике. Объяснение разности подходов двух сторон дал К. Манхейм, по мнению которого рационалист относится к настоящему как началу будущего, в то время как консерватор считает его последним пунктом, которого достигло прошлое. При этом консерватор, испытывая эмоциональную симпатию к предмету исследования, переживает прошлое как нечто равное настоящему и выдвигает на первый план сосуществование, а не последовательность¹⁰⁰.

Мировоззрение типичного черносотенца, фундамент которого составляли православные и традиционалистские представления, являлось отражением миропонимания верноподданного Российской империи начала XX в.

Вера в богоданность самодержавия, самобытный путь России, почитание государственных и общинных традиций, подчинение нравственному закону составляли основу взглядов рядовых членов правомонахических союзов, а потому устремления оппозиционных партий, направленные на свержение монархии и лишение первенствующего статуса РПЦ, воспринимались как посягательство на Божью волю. Крайне правые идеологи утверждали, что понятия «черносотенец» и русский являются синонимами. По их мнению, многовековая борьба за выживание сформировала черты национального характера русского народа (патриотизм, преданность народным традициям, обычаям и идеалам), воплотившихся в XIX в. в формулу «Православие, самодержавие, народность», что, собственно, и составляло сущность крайне правой идеологии.

По мнению идеологов черной сотни, члены правомонархических союзов являли собой типичный культурный тип тогдашней России, среди которого либералы и революционеры составляли незначительное меньшинство. На это указывал и руководитель Русской монархической партии В. А. Грингмут в брошюре «Руководство черносотенца-монархиста»: «Черносотенцы-монархисты — это тысячи, миллионы, это — весь православный русский народ, остающийся верным присяге неограниченному православному царю»¹⁰¹. «Того, что наши народные массы — «черносотенные», — не может отрицать никто. Глубокая вера в Бога, непоколебимая преданность царю и покорность законным властям издавна являются отличительными чертами нашего крестьянства», — вторило ему «Русское знамя»¹⁰². На упреки либеральной и революционной части общества в «невежественности» и «темноте» монархически настроенных крестьянских масс крайне правые отвечали: «...духовная просвещенность совершенно не зависит от степени образованности, и неграмотный человек сплошь и рядом бывает в миллионы раз просвещеннее ученейшего профессора»¹⁰³.

Православно-монархическая сущность крайне правых организаций подчеркивалась и в патриотической поэзии, формулировавшей в творческой форме характерные черты черносотенца: «предан родине навек», в ком жив «дух исконный, дух народный», кто «сердцем русский человек». В поэтическом посвящении «харьковских обывателей» состоявшемуся в октябре 1906 г. в Киеве III Всероссийскому съезду русских людей дано следующее определение данного понятия: «Кто, молитву творя, / Читит народ и царя, / В ком ни сердце, ни ум не шатается, / Кто под градом клевет / Русь спасает от бед, — / Черносотенцем тот называется!»¹⁰⁴.

О принципиальности для правомонархистов заявленных принципов свидетельствовали предъявляемые ими требования для контактов с другими организациями. Минимум их был сформулирован на состоявшемся в 1909 г. Монархическом съезде в Москве, который заложил критерий отношения к политическим партиям: «...все правые партии, каких бы наименований они ни были, лишь бы признавали незыблемыми начала — православие, неограниченное самодержавие и народность, — никогда не входят ни в какие соглашения и объединенные действия, особенно же во время выборов в Государственную думу и Совет, ни с октябристами, ни с кадетами и всеми еще более враждебными Русскому государству и русской народности политическими партиями»¹⁰⁵.

Традиционализм обусловил демократический и непривileгированный характер черносотенных организаций, появившихся на политической арене в момент противостояния различных групп элит. Дистанцируясь от русской элиты — бюрократии (политическая элита), буржуазии (промышленно-финансовая элита), интеллигенции (интеллектуальная элита), идеологи крайне правых указывали, что уже к началу XX в. «верхи» перестали быть носителями традиционного русского мировоззрения, подпав под влияние различных западных доктрин. Разрыв элиты с традиционными ценностями,

по мнению черносотенных идеологов, стал причиной общенациональной трагедии: «...революцию создали, но, к счастью, не могли углубить верхние слои населения — интеллигенция, оторванные от народа, воспользовавшиеся войной и вовремя не разоблаченные и не раскрытые в своих помыслах правящей властью, лишенные верноподданнического долга и чести»¹⁰⁶. Образно говоря, если низы сохраняли верность религиозному формату души, то не только либеральный и революционный лагеря, но и во многом аристократические и правительственно-бюрократические круги оказались носителями европейского секулярного мировоззрения.

Мнение о том, что источник революционных импульсов исходил из верхушки российского общества, правомонархисты сохранили и после революционных событий 1917 г. Так, руководитель обновленческого СРН Н. Е. Марков утверждал, что февральская революция 1917 г. была подготовлена и осуществлена в результате планомерной и целенаправленной работы либеральной части депутатов Государственной думы, за которой стояли «темные силы»¹⁰⁷. К последним идеолог черной сотни относил ставшие центром единения оппозиционных представителей русского истеблишмента тайные масонские ложи, где плелись нити заговора против самодержавной монархии. Противопоставляя себя российской элите, правомонархисты самоидентифицировали себя как «носителей исконно русских нравственных устоев» и «здоровую силу», появившуюся в экстремальный для страны момент всеобщего «шатания умов, чувств и убеждений, среди полного упадка веры и нравственности...», пошедшую наперекор массовому течению, осмелившуюся призывать к «молитве, к патриотизму, к верности государю...»¹⁰⁸.

Общим для советской и либеральной историографии является утверждение о прямой подчиненности правомонархических организаций правительственной бюрократии в качестве наемного орудия по подавлению революции. В

частности, в исторической литературе утвердилось мнение, что лагерь реакции представлял из себя пирамиду, состоявшую из двух уровней — высшего и низшего. К первому относился царский двор и правительственный аппарат, ко второму — различные правые партии, сословные организации консервативного толка (например, Объединенное дворянство), члены правомонархических организаций и т. д.¹⁰⁹

Анализ непростых взаимоотношений крайне правых и бюрократического аппарата отчасти ставит данную точку зрения под сомнение. Резкая критика правительственной политики, заставившая бюрократический аппарат квалифицировать черную сотню как «революционеров справа» и инспирировать раскол их организаций, имела в своей основе разность исходных посылов и мотивации политической деятельности (несмотря на наличие общих позиций по некоторым вопросам). Если целью борьбы правомонархистов с революцией была защита традиционных ценностей российского культурно-исторического сообщества, то правительственный аппарат, расставшийся с православно-государственным мировоззрением, в большей степени был ориентирован на сохранение экономических привилегий правящего класса. Противопоставляя себя «верхам», идеологи черной сотни заявляли, что на защиту самодержавных устоев поднялись именно сохранившие веру в царя представители низших сословий.

Истинным носителем самодержавных идеалов, согласно черносотенным воззрениям, являлось русское крестьянство, «предельно преданное самодержавному царю, признающее его своим единственным защитником и заступником, истинным представителем народных желаний, стремлений и носителем мощи и чести русского народа»¹¹⁰. Акцентируя свой демократизм, крайне правые идеологи приняли данное им либеральными публицистами название «черная сотня» по причине ее неэлитарного значения. Именно крестьянство, рассматривавшееся консерваторами как опора монархиче-

ской власти, ядро нации и носитель «охранительных начал» в России¹¹¹, в глубине веков носило это название.

Проведя исторический анализ происхождения данного названия, профессор В. Залесский писал в «Русском знамени»: «Третий класс посадских людей составляли черные сотни. Сотня означает, как сказано, городскую общину, на современном языке «мещанское общество». Черными же людьми назывались все те, кто не имел никаких привилегий, не был освобожден от податей и повинностей. Например, крестьяне, освобожденные от податей, назывались белопашцами, все остальные — черносошными. Значит, черная сотня — это рядовые непривилегированные обыватели, иначе сказать, вся сила земли Русской»¹¹².

В исследованиях советского периода характеристика социального состава крайне правых организаций строилась на преувеличенной оценке асоциальных элементов (люмпены, хулиганы, бродяги), мелкой буржуазии (купцы, торговцы), представителей бюрократического аппарата и правоохранительных структур (чиновники, полиция) и заниженной доли рабочих и крестьянства¹¹³. Между тем участие крестьянства в деятельности правомонархических союзов неоднократно отмечалось В. И. Лениным. Выступая в 1920 г. на IX конференции РКП (б) он признал роль черносотенцев по вовлечению в политическую жизнь ранее не проявлявших общественной активности «самых отсталых элементов крестьянства»: «Получилось так, что ...возникающая черносотенная политическая организация впервые объединяла крестьян, привлекала их к организации. И эти поднятые крестьяне сегодня выступали с черносотенными требованиями, а назавтра требовали всей земли от помещиков»¹¹⁴. Непривилегированный характер черной сотни отмечался и в другом высказывании В. И. Ленина, относящемся к 1913 г.: «В нашем черносотенстве есть одна чрезвычайно важная черта, на которую обращено недостаточно внимания. Это — темный мужицкий демократизм, самый грубый, но и самый глубокий»¹¹⁵.

Исследования отечественных историков постсоветского периода внесли существенную корректировку в оценку социального состава правомонархических организаций. В монографических работах¹¹⁶ и диссертационных исследованиях¹¹⁷ признается факт всесословного характера черносотенных союзов, в деятельности которых принимали участие все слои общества: представители аристократии, дворянство, церковные иерархи и рядовые священники, военные, рабочие, крестьяне, предприниматели, купцы, торговцы, студенты и т. д. Однородностью по своему социальному составу отличалось только Русское Собрание, являвшееся идеологическим центром правомонархистов и объединявшее в основном интеллигентную часть общества¹¹⁸.

Наиболее ярко широкий спектр сословного и профессионального представительства черносотенных организаций характеризует состав их руководителей на местах. Приведенные Ю. И. Кирьяновым сведения показывают, что среди председателей провинциальных отделов можно выделить рядовых юристов (Орфенов в Туле), врачей (Кацауров в Ярославле), школьных преподавателей (Родзевич в Одессе), владельцев магазинов (Тиханович-Савицкий в Астрахани) и чайных (Рябов в Перми), священнослужителей (о. Алабовский в Киеве, о. Виталий в Почаеве), бывших полицейских (Бутенко в Туапсе), военных (Громыко в Могилеве, Селенкин в Екатеринодаре) и т. д.¹¹⁹

В носившем всесословный характер черносотенном движении именно дворяне нередко выдвигались на руководящие посты в силу присущего данному сословию высокого уровня политической активности и образованности. Давая импульс для единения в крайне правые союзы политически инертных носителей традиционных устоев из иных слоев, они выполняли организующую функцию. По подсчетам С. А. Степанова, в Главном совете самой «демократичной» черносотенной организации — СРН — 17 из 34 членов принадлежали к дворян-

скому сословию. Среди 45 председателей губернских отделов СРН было 29 дворян. В Союзе русских людей среди 48 членов-учредителей 31 принадлежал к дворянскому сословию¹²⁰. Исследователь Ю. И. Кирьянов указывал, что некоторые отделы черносотенных союзов возглавлялись лицами с графскими титулами. В частности, А. И. Коновницын являлся председателем отдела СРН в Одессе в 1905—1911 гг., а его брат — Э. И. Коновницын первоначально состоял председателем Петербургского отдела СРН, а с 1909 г. — товарищем председателя СРН. С 1909 г. председателем С.-Петербургского губернского отдела СРН являлся князь М. Н. Волконский¹²¹. Многие представители дворянского сословия не только принимали непосредственное участие в деятельности правомонархических организаций, но и реализовывали их программные установки через Государственную Думу и Государственный Совет¹²².

Тем не менее утверждать, что дворянство являлось надежной опорой трона не вполне верно. Именно представители данного сословия возглавляли оппозиционные (П. Н. Миллюков) и даже революционные (В. И. Ленин) партии. Первая мировая война и связанные с ней трудности привели к резкому полевению настроений дворянства, что отмечали сами правомонархисты¹²³ и констатировалось административным аппаратом империи летом 1916 г.¹²⁴ О неустойчивости монархических убеждений дворянства сообщал и ДП МВД за несколько дней до Февральской революции 1917 г.: «...Дворянство — эта «опора трона» — своими постановлениями на съездах и новыми выборами в Петрограде показало, что оно относится отрицательно к нынешней «системе»¹²⁵.

Следует также отметить, что вопреки утверждениям советской историографии, крупные помещики практически не были представлены в правомонархическом движении, а потому не оказывали существенного влияния на его идеологию и деятельность. Отношение поместного дворянства к крайне правым союзам нередко было даже негативным в связи с

опасениями, что организационное структурирование крестьянства усилит позиции последних в вопросе о перераспределении земельной собственности¹²⁶. Поэтому помещичьи интересы отражал Совет объединенного дворянства, членами которого из черносотенных вождей были лишь Н. Е. Марков и В. М. Пуришкевич¹²⁷.

В заключение следует отметить, что, рассуждая о перспективах крайне правого движения в России, черносотенные идеологи приходили к выводу о том, что основной задачей их союзов в ближайшем будущем должна была стать защита интересов наиболее угнетенных слоев населения в целях ликвидации правового дисбаланса между «верхами» и «низами». Разрабатывая в мае 1916 г. проект «Основных Положений народных монархических союзов» Н. Н. Тиханович-Савицкий писал, что по своему составу они должны были быть «преимущественно союзы простонародные» и ставить целью повышение благосостояния народных масс, под которыми понимались «крестьяне, рабочие, мещане, разные служащие и вообще бедный малосостоятельный люд...»¹²⁸. Реализация этой задачи, по его мнению, могла установить социальную гармонию в обществе, служить единению различных слоев русского народа и обеспечить политическую стабильность в государстве, исповедующем принципы «Православия, самодержавия, народности».

§ 3. Характеристика черной сотни как политического движения

Организационное оформление правомонархических союзов на общественной арене России после опубликования Манифеста 17 октября 1905 г. позволило структурировать и институализировать участие консервативно настроенной части российского общества в политическом процессе, изжить погромную практику в тех регионах, где действовали отделы

крайне правых организаций, а также направить энергию верноподданнических масс в законное русло. «СРН создал юридическую помощь, благодаря чему были спаяны многие сотни людей честных и чистых, которых жидовская печать называла погромщиками. Союз далее организовал экономическую помощь. Вспомните роль в этом деле Почаевской лавры, Антония Вольнского, Виталия, Иллиодора и массы других. СРН создал правые газеты, создал правую здоровую литературу, ибо до той поры ее не было, и народ развращался беспочвенной русской интеллигенцией», — писала черносотенная пресса¹²⁹.

Несмотря на то, что правомонархические организации имели внешние признаки политических партий (программы, уставы, руководящие органы, сеть местных организаций и т. п.), марксистская и либеральная системы типологизации политических партий, имея достаточно широкий арсенал критериев (социальная опора, идеологический облик, принципы организации и др.), наталкивались на определенные затруднения при анализе крайне правых объединений¹³⁰.

Современными исследователями крайне правого движения общепризнано, что черносотенцы имели опору во всех слоях общества, классах, социальных и профессиональных группах¹³¹. Поэтому применение использовавшегося в советской историографии классового подхода не дает возможности классифицировать правомонархические союзы только как организации, представлявшие интересы отдельных классов (например, помещичьи, буржуазные, пролетарские, крестьянские) или отдельных социальных слоев (например, интеллигенции или мелкой буржуазии) и профессиональных групп. С. В. Лебедев отмечал, что «имея в своих рядах и родовитых аристократов, и представителей плебса, помещиков и крестьян, фабрикантов и пролетариев от станка, профессоров и совершенно неграмотных людей, русских и инородцев, «Черная Сотня» не подпадает под определенную классовую характеристику партии»¹³².

Действительно, черносотенцы имели массовую поддержку во всех классах и социальных группах, что характерно для политических организаций, возникающих на основе национально-освободительных движений. Крайне правым союзам удалось привлечь под свои знамена больше членов, чем всем политическим партиям России вместе взятым. Комплексный анализ источников позволяет установить, что в момент наивысшего расцвета черносотенства, приходившегося на 1906—1907 гг., в рядах монархических организаций состояло более 400 тыс. членов¹³³. Обратной стороной массового членства была рыхлость и аморфность их структур.

Попытки применения И. В. Омелянчуком методологии М. Дюверже¹³⁴ по принципам организации также не внесло ясность в решение вопроса о типологизации черносотенных организаций. Исследователь отмечал, что в рядах черносотенного движения были организации двух типов: кадровые (сформированные «сверху» на базе групп давления, ориентированные на лоббирование интересов консервативной части элиты) и массовые (сформированные «снизу», с возможным участием профессиональных политиков, как правило артикулирующих интересы определенных социальных слоев). К объединению, строившемуся по кадровому принципу, можно отнести Русское собрание, типичным образцом массовой организации стал Союз русского народа¹³⁵.

С. В. Лебедев указывал, что правомонархические союзы по принципам своей организации слабо напоминали партии, т. к. «в организационном плане они представляли собой на редкость децентрализованную массу мелких кружков и групп, постоянно то сливавшихся, то раскалывавшихся»¹³⁶.

Трудности также возникают в вопросе отнесения черносотенных организаций к политическим партиям в связи с отказом крайне правых союзов от борьбы за власть. Действительно, исходя из общепринятого определения полити-

ческой партии как организованной группы единомышленников, представляющей интересы части народа, вытекает ее основная задача — завоевание и удержание государственной власти, участие в ее осуществлении¹³⁷. «Всякая политическая партия — случайное и временное собрание единомышленников-заговорщиков для обсуждения, каким способом вести осаду государственной власти, чтобы вернее и крепче захватить в свои руки», а также «как бы урвать лучший кусок государственного пирога, остатки которого пойдут на кухню толпе», — давало свое определение партии в феврале 1911 г. «Русское знамя»¹³⁸.

Несмотря на то, что черносотенцы принимали активное участие в выборах в Государственную думу, их нельзя отнести к прагматическим, или т. н. избирательным партиям, которые ставят своей целью мобилизацию возможно большей части электората для победы на выборах и выполнение обещаний конкретным социальным группам и классам¹³⁹. Отказываясь от парламентского формата СРН, его лидеры заявляли: «Союз русского народа не представляет собой какой-либо предвыборной партии: задачи его гораздо шире, цели его неизменно выше и основы его несравненно глубже»¹⁴⁰. Стремление получить думские мандаты преследовало цель не участие в законодательной работе, а преобразование русского парламента из законодательного органа в законосоветательный, не исключая варианта и его полного упразднения.

Всесловный характер организаций и отказ от завоевания политической власти давал идеологам черной сотни основание утверждать надпартийный (или внепартийный) формат их союзов как выражающих интересы всех слоев общества. Следуя базисной установке консерватизма по защите христианской традиции, крайне правые призывали к объединению нации на православных началах, которые секулярным сознанием воспринимались лишь как умозрительная религиозная утопия. Именно религиозно-культурное единство, обуслов-

ленное общенациональным согласием, и должно было стать основой единения русского народа, который рассматривался как сплоченная семья, а не разделенное на классы, партии и группы образование. Данную мысль в концентрированном виде выразил В. А. Грингмут, утверждавший, что «Союз Русского Народа — не партия, а весь многомиллионный Русский народ, объединившийся в общий Союз. Царь стоит выше политических партий и ни к одной принадлежать не может. Но Союз Русского Народа — не партия, а Народ. А быть заодно с Русским народом Царь не только может, но иным себе Его и представить нельзя»¹⁴¹.

Утверждая непартийный характер своего движения, крайне правые доказывали это противоположностью целей и разностью характеристик современных им политических партий и их союзов. В частности, идеологи черной сотни выдвинули несколько тезисов:

Во-первых, в отличие от классовой ангажированности партий, крайне правые стремились к объединению всех русских людей вне зависимости от классовой принадлежности, сословного состояния и социального происхождения. Еще в самом начале своего пути, в 1906 г., руководители СРН заявили, что в противоположность всем политическим партиям Союз русского народа представляет именно то, что заключается в смысле слов его названия и «имеет целью объединить всех честных русских людей, верных долгу и присяге, во имя тех именно начал, на которых созидалось, росло и крепло великое и сильное государство Российское и которые, даже помимо Союза, по долгу присяги обязан свято чтить и охранять всякий верноподданный русский гражданин»¹⁴².

Свои объединения правомонархисты называли союзами и организациями в противовес взятому из западного политического лексикона слову «партия». В январе 1911 г. «Русское знамя» заявило, что СРН не признает себя партией, а является выразителем интересов подавляющего большинства русского

народа¹⁴³. С этой точки зрения черная сотня выступала как национальное единение русских без различия статуса (в отличие от классового разъединения партий). Себя крайне правые позиционировали как «опору престола»¹⁴⁴; «доблестных сынов Отечества, объединившихся и открыто восставших на защиту основ русской государственности: православия и самодержавия, которым угрожала во время жидовской революции смертельная опасность»¹⁴⁵; «СРН — это объединяющийся для борьбы со своими внутренними врагами весь русский народ. Как хозяин и устроитель земли русской»¹⁴⁶. Интересы собственных организаций правомонархисты ставили на последнее место, высокопарно декларируя важность «русской души, бога и царя»¹⁴⁷.

Исходя из данного посыла, задача лидеров крайне правых союзов состояла в том, чтобы «уловить совершающийся перелом мысли и чувства в народных массах ...и не дать заглухнуть и растаять восторженному патриотическому чувству народа и ввести его в твердые границы, обеспечивающие его правильный рост и дальнейшее прочное развитие», — заявлялось в воззвании Главной палаты Русского народного союза им. Михаила Архангела¹⁴⁸.

Во-вторых, стремлением правомонархистов к укреплению исторически сложившегося национального государства, а не его трансформации в интересах отдельных классов и социальных групп (буржуазии, пролетариата, интеллигенции и т. д.). В «Задачах русского монархизма» декларировалась цель не завоевания политической власти, а укрепление государственности: «...основной миссией монархизма является содействие благому устройению Государства, в смысле развития во всех отношениях его полной мощи, пристойной Великой империи и ее национальному гению»¹⁴⁹.

С этой точки зрения цель черносотенных организаций состояла в мобилизации населения на защиту национальных устоев и в противодействии разрушению оных либеральны-

ми и революционными партиями. СРН в распространенном в 1906 г. обращении заявлял, что «не стремится искусственно изменить исторически сложившийся на Руси государственный строй». Напротив, он желает направить течение государственной жизни России в то «историческое, самобытное русло, из которого она была искусственно выведена Петром Великим двести лет тому назад»¹⁵⁰.

В-третьих, развитием правомонархистами общегражданских добродетелей (патриотизма, нравственности, уважения к традиции и т. д.) в противовес культивировавшихся партиями ценностям и приоритетам отдельных классов и социальных групп. Позиционируя себя как общенародное объединение и в широком смысле слова отождествляя себя со всей русской нацией, черносотенцы заявляли задачу своих организаций в нравственном воспитании народа в духе христианства и русского монархизма, что позволило бы в условиях единения и согласия преодолеть общенациональный кризис. В частности, в обращении Главной палаты Русского народного союза им. Михаила Архангела в марте 1908 г. заявлялось: «Будить чувство национального самосознания в народной массе, не давать забывать ей, кто ее враги, как бы они ни притихли в силу обстоятельств, укреплять в русском народе уверенность в его мощи, основанной на сплоченности отдельных единиц, связанных любовью к исконным созидательным началам родной земли»¹⁵¹.

Отказываясь от борьбы за власть, крайне правые подчеркивали задачу борьбы с самой партийной системой. Принципиально негативное отношение к партиям и принципу партийности черносотенцы обосновывали следующими тезисами, являвшимися отражением их религиозно-православных, самодержавно-монархических и консервативно-традиционалистских воззрений:

1. *Противоречие принципа партийности православному сознанию.* Появление партий и вовлечение в партийную борьбу

значительных масс населения свидетельствовали о коренном сдвиге в общественном сознании в сторону его секуляризации. Правомонархисты подчеркивали, что явление партийности стало протестным по отношению к базовой ценности традиционного русского общества — православию, так как изначально отрицало Божественный абсолют и означало взятие мятежным человеком своей судьбы из рук Бога в собственные.

В данном контексте черносотенцами ставился вопрос об ослаблении или отсутствии у членов оппозиционных партий православной ментальности, что неизбежно находило свое выражение в реальной политической практике. Данную мысль сформулировал состоявшийся в 1909 г. в Москве Монархический съезд: «Ввиду существующих и в теории, и на практике, в жизни народов учений и форм государственного, церковного и общественного быта, не только противоречащих основным воззрениям русских правых партий, но и решительно отрицающих эти воззрения и даже злобно относящихся к ним, русские православные люди, верные охранители самодержавной власти русского государя, православия и русской народности, должны находиться в непрерывной борьбе с ложными и пагубными для народов, и в особенности, для русского народа, учениями и формами государственного, церковно-религиозного и общественного быта: а) признающими конституционный, тем более республиканский государственный строй; б) отвергающими православие и Православную церковь как господствующие в Российской империи, тем более — ведущими к безбожию или равнодушию к Христову учению и в) проповедующими космополитические начала государственно-общественной жизни с отрицанием патриотизма и главенства в Российской империи русского народа»¹⁵².

2. *Противоречие принципа партийности консервативно-традиционалистским воззрениям.* Правые идеологи, опираясь на православное вероучение, подчеркивали невозможность

создания общества социальной гармонии. Критикуя теорию прогресса, теоретик монархизма Л. А. Тихомиров писал: «Всякое общество, как бы его ни переделывать, будет столь же мало представлять абсолютное начало, как и общества современные или прошлых веков»¹⁵³.

На примере демократических стран крайне правые указывали на слабость революционной аргументации, заявляя, что смена формы правления с монархической на республиканскую и утверждение партийной системы не приводит к достижению обществом всеобщего благополучия: «А ведь знают же главари революции, что в тех странах, где введена предлагаемая ими форма правления, на которую они указывают как на спасительную, народ испытывает не меньше нашего горя и лишений, а иногда даже и больше»¹⁵⁴. Внедрение конституций, республик, парламентов и прочих атрибутов правового государства не смогло решить на Западе присущих и России социальных болезней: нищеты, бедности и безработицы. Страницы черносотенных изданий переполняли сведения и факты о глубоких социальных противоречиях западных демократий: «Хороши же хваленые братство и равенство, — лошади едят на серебре, а тысячи бедноты погибают с голода в грязных кварталах Нью-Йорка, Вашингтона, Чикаго и других республиканских городов»¹⁵⁵.

Исходя из консервативных постулатов, правомонархисты не считали «народную массу» активным участником политического процесса, отводя ей пассивную роль в качестве объекта воздействия «верхов». Двигателями истории в их системе воззрений являлись структурированные малые группы элит: царь и его двор, аристократия, дворянство, правительственно-бюрократический аппарат и т. д. В этой связи революция представлялась столкновением разноректорных по своим интересам групп российского истеблишмента, апеллировавших к народу как инструменту завоевания власти. Сам народ при выработке будущих реформ оставался в стороне: «...если

интеллигенты жидовскую революцию могли предвидеть, то народ она застала врасплох, никогда не ожидавшим, что «растерянность», или измена бюрократии отдаст глубину России на растерзание супостатам»¹⁵⁶.

По мнению черносотенных идеологов, Великая французская революция была также спровоцирована рвущейся к власти интеллектуальной элитой, среди которой, по заявлению монархической прессы, на первый план вышли «низкие в нравственном отношении люди», движимые тщеславием и жадой власти, — Мирабо и Дантон, ставшие главари «шаек черни, хулиганов того времени». Правомонархисты утверждали, что королевская власть пользовалась безоговорочной поддержкой народа, который в силу отсутствия патриотических союзов не мог выступить организованно в поддержку королевской власти: «Французский народ честно и стойко отстаивал своего короля, свою религию, свою родину от насильников! Этого не могут скрыть даже прославители революции... Весь юг Франции, от Авиньона до Тулона, встанет на защиту любимого короля. Рабочий город Лион вооружается против республики. Четверть Франции возмущается тем, что творится в Париже, и с оружием в руках пробует защищать свою свободу от тирании незваных и непрошенных благодетелей народных, от которых народ прямо отрешивается»¹⁵⁷.

В условиях мирной жизни носители традиционных принципов и идеалов не проявляли себя в политической жизни, отдавая ее на откуп царю и его слугам. Это не только не противоречило, но и согласовывалось с позицией черносотенцев, выступавших жесткими противниками участия народа в вопросах государственного и административного управления, считая, что «народ не только не помогает родине, но прямо вредит ей, мешая правительству спокойно делать свое дело и отвлекая внимание власти от ее прямых обязанностей»¹⁵⁸. Крайне правые рассматривали народ пассивной политической силой, наделенной только «совещательными» полномо-

чиями, но никак не правом вмешиваться в несвойственные ему дела управления. Право и обязанность подданных трактовались в контексте поддержки правильно действующего правительства и указания на его ошибки в случае злоупотреблений административного аппарата¹⁵⁹.

Вовлечение народа в политический процесс в рамках партийных организаций, по мнению крайне правых идеологов, могло принести только дезорганизацию и смуту. Исправление ошибок или наказание за злоупотребления могла осуществлять только высшая законная власть, но не «самосуд толпы», что являлось острой реакцией на уличные столкновения, провоцировавшиеся революционными партиями. Мятежи и уличный разбор казались неэффективным средством решения конфликтных ситуаций, так как несли серьезный ущерб «не только в денежном смысле, но и в нравственном». Мятеж не мог помочь правительству разобраться в народных нуждах: «Как же правительству разобрать нужды народные, если весь народ скопом примется выкликать их, да еще весь вдруг, каждый поразное...»¹⁶⁰.

3. *Неспособность политических партий быть инструментом национального сплочения и являться выразителями интересов всех слоев общества в силу их классово и групповой ангажированности.* Уходя корнями в русский консерватизм, крайне правая система взглядов заимствовала отсюда следующие социально-культурные ценности: религия, народ, семья, мораль, закон, порядок, традиция, государство, власть, иерархия, собственность, безопасность¹⁶¹. В отличие от либеральных индивидуалистических доктрин характер этих ценностей подчеркивал примат целого над частным, а также духовных начал, интегрировавшихся в такие основополагающие ценности, как православие, отечество, община, народность, общее прошлое и т. п.

Правомонархическую доктрину характеризовало неприятие разделения общества, приоритет коллективистских начал

над индивидуалистическими, стремление обеспечить единение и согласие на базе традиционных ценностей. В признании приоритета соборности черносотенная идеология имела общую точку соприкосновения с идеей коллектива коммунистического учения. Оба ценностных компонента противостоявших доктрин имели разное смысловое наполнение: у крайне правых соборность несла религиозную основу, у коммунистов — социальную.

Черносотенцы рассматривали самодержавное государство и народ как органичную систему, имевшую отлаженный механизм социального регулирования, в рамках которого монарх выступает выразителем общенациональных интересов, а не какого-либо класса, партии или придворной группировки. Идея социального единства базировалась на общем православном мировосприятии, обеспечивавшем примирение и гармонизацию личных (индивидуальных) и государственных интересов. Единство церкви, царя, народа и государства, вытекавшее из исторического опыта выживания России в непростых геополитических условиях, формировало, по мнению крайне правых, прочную основу для внутренней стабильности общества и его традиционных ценностей.

Исходя из консервативной начинки своей идеологии, черносотенцы критиковали либеральное разделение нации на части, партии, группы и т. д.¹⁶² Уже в самом слове «партия», происходящем от латинского слова «part», что переводится как «часть», черносотенцы видели ущербность, так как «партия» предполагает раскол целого на враждующие между собою составляющие, тогда как «союз», напротив, соединяет разрозненные части в одно целое. Подчеркивая коренное различие между приведенными двумя понятиями черносотенная пресса писала: «В России не может существовать “партия” русского народа: это такой же логический абсурд, как “партия” немецкого народа в Германии или английского народа в Англии»¹⁶³.

Искусственное разделение народа на враждебные друг другу партии воспринималось черносотенными идеологами как целенаправленный раскол общества. Газета «Русское знамя» наивно полагала, что «...существование в государстве политических партий, этого неопишемого зла, от гнета которого изнемогают все народы Западной Европы и которое, вопреки здравому смыслу, насильно было навязано и нам, само собой прекратится, не имея под собой почвы»¹⁶⁴.

По мнению крайне правых, многопартийность порождает враждебность, подрывавшую сплоченность общества, консолидация которого могла быть направлена на решение насущных государственных задач: «Вожаки враждующих партий, как в басне «Лебедь, рак и щука», в борьбе из-за власти тянут государственный воз в разные стороны, т. е. не могут чего-либо создать для народа, а способны только разрушать старое, не разбирая, что хорошо, а что худо»¹⁶⁵. Партийная система критиковалась и за превалирование классовых и групповых интересов над общенациональными: «Они готовы давить правду, скрывать или преследовать истину, если это требуется выгодам партийного движения»¹⁶⁶.

Из опыта работы государственных дум черносотенцы вынесли вывод о негативном в целом влиянии партийности и фракционности на дело государственного строительства и нравственность народа: «Политические партии зовут народ не к объединению, не к общей созидательной культурной работе на пользу народа, а к партийной нетерпимости, к раздорам, к насилию, даже преступлениям, если это необходимо будет для торжества интересов партии. Такая этика партий страшно развращает общество и сильно понижает нравственный уровень»¹⁶⁷. По заявлению монархической прессы, утверждение партийной системы грозило подрывом основ государства из-за вовлечения в ее деятельность государственных служащих и военнослужащих.

Выступая за уничтожение «искусственно созданного» разделения на политические партии как противоречащего

государственному самосознанию, черносотенцы отказывались видеть серьезную основу для партий в политической системе России: «Просто смешно слышать, что наших кадюков, октябристов, националистов, социал-демократов серьезно называют политическими партиями. Вернее их назвать картонными партиями. Вся эта игра в политические партии — буффонада, так как эти партии вовсе не имеют почвы в народе». В черносотенной прессе утверждалось, что партии выражают интересы меньшинства русского народа: «За вожаками их стоят две-три сотни интеллигентных пройдох и карьеристов и две-три тысячи одураченных русских рабочих, если не считать инородцев и жидов»¹⁶⁸.

5. *Противоречие партийности принципам Русской православно-самодержавной монархии.* Правомонархические идеологи утверждали, что политические партии не могут быть структурированы в самодержавно-монархическое государство, ибо партийность противоречит самой его природе. «Никакие политические партии в стране недопустимы. Граждане могут придерживаться самых разнообразных мнений и взглядов, но все они обязаны признавать существующие в стране законы. Как во Франции все граждане обязаны признавать республику, в Германии — конституционную монархию, так у нас в России все русские подданные, а в том числе и военнослужащие, обязаны признавать самодержавную монархию...», — писало в мае 1907 г. «Русское знамя».

Утверждая законопослушность, черносотенцы указывали, что исповедуемые ими принципы были начертаны в основных законах государства, а потому должны разделяться всеми подданными империи. При такой трактовке принадлежность к крайне правым организациям являлась обязанностью каждого верноподданного в силу данной царю присяги. Членство в оппозиционной самодержавию политической организации приравнивалось к государственной измене: «Все русские подданные ...должны быть беспартийными, т. е. не должны раз-

бываться на политические партии, но обязаны уже по долгу присяги признать основные законы Российской империи, согласно которым Россия представляет собой самодержавную монархию»¹⁶⁹. В разосланном в сентябре 1906 г. циркуляре СРН утверждалось: «Признавая разнообразие мнений по тому или другому вопросу крайне желательным в целях наилучшего и всестороннего освещения данного вопроса, Союз в то же время не может признать возможным законное существование политических партий в среде верноподданных русских граждан, каковыми должны быть все подданные русского царя»¹⁷⁰.

Оставляя лазейку для своих союзов, идеологи крайне правых разъясняли, что монархические идеи не могут считаться «партийными в монархической стране»¹⁷¹. Партии рассматривались как организации, подрывающие устои монархического государства, а потому желающим в них состоять настоятельно рекомендовалось сменить подданство и переселиться в страну, чей государственный строй соответствует их политическим взглядам.

Наиболее яро черносотенцы выступали против участия чиновников в деятельности оппозиционных партий¹⁷². Указывалось на невозможность совмещения службы государству в рабочее время с подрывом его основ после окончания служебных занятий. Крайне правые язвили, указывая, что в число чиновников принимаются люди, признающие правоспособными, т. е. понимающими смысл произносимой ими присяги на верность службе царю, а это исключало принадлежность к оппозиции. Иной формат представляли черносотенные организации, которые не несли угроз для безопасности государства, т. к. их программные установки не противоречили основным его законам¹⁷³. Потому двери в правомонархические союзы были широко открыты как для высшей номенклатуры, так и рядовых служащих. В циркуляре СРН утверждалось: «Лица, состоящие на государственной службе, очевидно, не могут не быть верноподданными

русскими гражданами. Значит, они обязаны или безусловно признавать основные положения Союза и, по долгу службы, всеми мерами ему содействовать, или же, в случае несогласия, оставить совершенно службу тому государству, законов которого они не желают признавать». Вывод отсюда ясен: все состоящие на государственной службе, как верноподданные русские граждане, не только могут, но и обязаны, по долгу присяги, быть членами монархических союзов. Принадлежность к черной сотне должна была распространяться и на армию, так как «всякий военный служащий... по одному только долгу присяги... обязан защищать именно те основы положения, которые исповедуют монархисты»¹⁷⁴.

Враждебное отношение к партийности черносотенцы сохраняли на протяжении всего периода существования их союзов. Это неоднократно подтверждалось в официальных документах. «Союз основной своей целью полагает уничтожение в стране всякой политической партийности, влекущей за собой взаимную вражду и ненависть, путем объединения всех честных русских людей, верных долгу и присяге, во имя веры, царя и отечества, о чем заявлялось неоднократно и устно, и в печати. При этом Союз задается целью нравственно дисциплинировать и воспитывать народные массы в духе христианских начал и любви к Родине», — говорилось в разосланном в сентябре 1906 г. на места циркуляре Главного совета СРН¹⁷⁵.

В послереволюционное время черносотенное движение все более политизировалось. На исходе первого десятилетия XX в. руководители СРН в узком кругу называли организацию партийей, хотя для широкой общественности продолжали именовать объединение союзом всего русского народа. Повод к тому, чтобы самоидентифицировать себя как партии, давало обилие монархических союзов, между которыми часто вспыхивали споры и скандалы, ведшие к расколам и отделениям.

Пытаясь преодолеть собственную «партийность», черносотенцы предпринимали попытки объединить разрозненные

союзы в одну организацию. Этот вопрос обсуждался на состоявшемся в октябре 1906 г. III Всероссийском съезде русских людей в Киеве¹⁷⁶. Разрозненность действующих правых партий объяснялась не следствием различия их мировоззренческих основ, а являлась «лишь продуктом разных личных недоразумений», возникающих между отдельными руководителями в силу личных амбиций.

Пытаясь скрыть явно бросающееся в глаза противоречие между декларируемым единством и обилием союзов, состоявшийся в 1909 г. Монархический съезд в Москве сделал заявление, что все политические партии, исповедующие православию, неограниченное самодержавие и русскую народность в их неразрывном единстве, составляют «единую партию, каковое единство и нашло уже для себя выражение в наименовании их всех правыми». Проявлением внешнего единства крайне правых союзов должны были служить ежегодные всероссийские съезды русских людей. А для нейтрализации растущего раскола в черносотенном лагере Монархический съезд предложил учредить постоянный орган для «авторитетного, непрерываемого руководства правыми партиями в важнейших областях деятельности их»¹⁷⁷.

Разразившийся вскоре раскол Союза русского народа на обновленцев и дубровинцев похоронил эти планы. В конечном итоге идеологи крайне правых вынуждены были признать, что на политическом поле постманифестной России их организации действуют как политические партии. После революции 1917 г. некоторые из них винили себя за то, что не сумели сразу и бесповоротно дистанцироваться от участия в политической системе, утвержденной Манифестом 17 октября, чем волея-неволей способствовали трансформации «объединения всего русского народа» в рядовую партию¹⁷⁸.

С началом первой мировой войны и актуализацией задачи сплочения общества перед общей угрозой черносотенцы предприняли последнюю попытку преодоления собственной

«партийности». Данная цель была продекларирована на состоявшемся в ноябре 1915 г. Всероссийском монархическом совещании уполномоченных правых организаций в Нижнем Новгороде¹⁷⁹. Об этом же говорилось и в изданных в 1914 г. «Задачах русского монархизма»: «Ввиду этого в объединенном монархизме, преследующем столь великие задачи, никоим образом не могут быть допустимы партийность и все те личные стремления и крайние увлечения, которые, не принося пользы государству, способны лишь колебать национальные устои и поселать в народных массах рознь и беспорядок»¹⁸⁰. Однако даже перед лицом внешнего врага и революционной угрозы крайне правым не удалось преодолеть разрозненность.

Анализ деятельности правомонархических организаций на политической арене России начала XX в. показывает, что, несмотря на наличие у них всех внешних признаков политической партии (программы, уставы, партийные методы работы), однозначно отнести их к разряду партий не представляется возможным по следующим причинам.

Во-первых, в силу отсутствия у них главной черты политической партии — стремления к обладанию государственной властью и участию в ее осуществлении. Проведенный анализ программных установок черносотенных союзов показал, что их задача состояла в нейтрализации оппозиции; передаче всей полноты функций управления в стране царю; защите принципов, начертанных в основных законах государства. Выбор «партийного» формата черносотенных союзов был обусловлен необходимостью адекватного противодействия оппозиционным силам, использовавшим партийные организации как инструмент достижения политической власти в стране.

Во-вторых, правомонархическая идеология не являлась классовой идеологией, поскольку отражала универсальные христианские ценности и обширный спектр традиционалистских воззрений, что обусловило ее всесловный характер. Поэтому к черносотенным союзам более применим

подход с точки зрения оценки идеологического облика. Это дает основание отнести их к идейно-политическим, или т. н. мировоззренческим объединениям, которые в своей деятельности руководствуются определенными идеологическими принципами. С этой точки зрения, по мнению исследователя И. В. Омелянчука, применение классификации З. Ньюмена позволяет причислить черносотенные организации к доктринальному типу, целью которых являлась защита чистоты своих идеалов¹⁸¹.

Анализ программных установок и практической деятельности показывает, что черную сотню можно классифицировать как православное религиозно-политическое движение, объединившее традиционалистскую часть населения для противостояния разрушению самодержавной монархии, угрозам первенствующим позициям РПЦ и целостности страны. Объектом ее защиты выступали основы российского культурно-исторического сообщества, а не интересы отдельных классов или социальных групп. Широкая социальная база и исключительно быстрая мобилизация, позволившая черной сотне стать серьезной политической силой, позволяют условно ее типологизировать как общественное движение в защиту устоев и ценностей традиционного общества, выступавшего против внутренних врагов, а именно: порожденной петровскими реформами антинациональной (космополитической) бюрократии и являвшихся трансляторами различных западных концепций переустройства общества либерального и революционного лагерей.

Несмотря на собственное позиционирование быть «опорой престола», черносотенцев нельзя отнести к реакционным объединениям, ориентировавшимся на возврат к доманифестному строю, так как модель абсолютистской монархии не вписывалась в их представления об исторической русской власти. Наличие программ крайне правых организаций по решению социальных проблем значительных групп населения

опровергает тезис о стремлении их к консервации сложившегося в России в начале XX в. положения. Правомонархические организации нельзя также в полной мере квалифицировать как ситуативно-консервативное движение, стремившееся сохранить постманифестный строй. Будучи критически настроенными к существующей абсолютистско-бюрократической системе власти и не признавая Государственную Думу как законодательный орган, черносотенцы вынашивали планы восстановления основ своего патриархального идеала — Русской православной монархии.

Таким образом, черную сотню можно определить как консервативное политическое движение, ориентировавшееся на преобразование в сторону возрождения традиционного уклада русского общества, утраченного в ходе реформ XVIII — начала XX в. и стремившееся к восстановлению принципа допетровского самодержавия «единения царя с народом». Выступив на защиту абсолютной монархии, крайне правые, во-первых, резко критиковали и активно боролись с предлагаемыми либеральными и революционными лагерями проектами переустройства России; во-вторых, стремились использовать существовавшую в стране модель власти как основу для реставрации Русской православной монархии. Стремительное разрушение в общественном сознании в результате модернизационных процессов православно-монархического комплекса идей привело к резкой поляризации сословных и классовых интересов даже в традиционалистских слоях населения, что стало одной из причин организационного краха крайне правого лагеря.

Библиографические ссылки

¹ Кирьянов Ю. И. Предисловие // Правые партии. 1905—1917 годы. Документы и материалы. В 2 т. М., 1998. Т. 1. С. 7.

² Там же. Л. 16.

³ Huntington S. P. Conservatism as an Ideology // American Political Science Review. 1957. Vol. LI.

⁴ Рахшмир П. Ю. Аналитик широкого профиля // Новый компаньон. № 45 (151). 26.12.2000.

⁵ Чернавский М. Ю. Два подхода к определению консерватизма // Традиционализм и консерватизм на юге России. Южнороссийское научное обозрение. Ростов н/Д, 2002. Вып. 9.

⁶ Гусев В. А. Русский консерватизм: основные направления и этапы развития. Тверь, 2001.

⁷ Попов Э. А. Русский консерватизм: идеология и социально-политическая практика. Ростов н/Д, 2005.

⁸ Рахшмир П. Ю. Аналитик широкого профиля // Новый компаньон. №45 (151). 26.12.2000.

⁹ Чернавский М. Ю. Указ. соч. С. 35.

¹⁰ Попов Э. А. Указ. соч. Режим доступа: <http://www.fidel-kastro.ru/history/rossia/ruskons.htm>.

¹¹ Колокол. 1908. № 642.

¹² Русское знамя. 1906. 9 января.

¹³ Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности. М., 1999. С. 42.

¹⁴ Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 593.

¹⁵ См.: Гусев В. А. Русский консерватизм: основные направления и этапы развития. Тверь, 2001; Попов Э. А. Русский консерватизм: идеология и социально-политическая практика. Ростов-на-Дону, 2005; Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности. М., 1999; Цимбаев Н. И. Общественно-политические взгляды славянофилов. Спб., 2001; и др.

¹⁶ См.: Гросул В. Я., Итенберг Б. С., Твардовская В. А., Шацилло К. Ф. и Эймонтова Р. Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000.

¹⁷ См.: Кирьянов Ю. И. Русское собрание. 1900—1917. М., 2003.

¹⁸ Русское знамя. 1913. 7 февраля.

¹⁹ Там же. 1907. 9 декабря.

²⁰ Там же. 1 августа.

²¹ Там же. 19 декабря.

²² Там же. 1911. 9 марта.

²³ Там же. 1913. 7 февраля.

²⁴ Там же. 22 мая.

²⁵ Там же. 1907. 22 мая.

²⁶ Там же. 9 декабря.

²⁷ Кирьянов Ю. И. Предисловие // Правые партии. 1905—1917 годы. Документы и материалы. Т.1. С. 6.

²⁸ Русское знамя. 1907. 18 сентября.

²⁹ Там же. 1 августа.

³⁰ Марков Н. Е. Войны темных сил. Статьи. 1921—1937. М., 2002. С. 132.

³¹ Там же. С. 133.

³² Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001. С. 142.

³³ Русское знамя. 1907. 19 июля.

³⁴ Третий Всероссийский съезд русских людей в Киеве. Киев, 1906. С. 167.

³⁵ Русское знамя. 1907. 13 мая.

³⁶ Там же. 19 декабря.

³⁷ Там же. 22 мая.

³⁸ Там же. 1908. 17 июля.

³⁹ ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1908. Д. 191. Л. 5.

⁴⁰ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/2. N 381/33.

⁴¹ Там же. Кор. 46, 1. N 1160/28.

⁴² См.: Тойнби А. Постигание Истории. М., 1990.

⁴³ Попов Э. А. Указ. соч. Режим доступа: <http://www.fidel-kastro.ru/history/rossia/ruskons.htm>.

⁴⁴ Русское знамя. 1907. 2 декабря.

⁴⁵ Там же. 1911. 4 февраля.

⁴⁶ Русские ведомости. 1909. 2 октября.

⁴⁷ См.: Шелохаев В. В. Феномен многопартийности в России // Сб. История национальных политических партий России. Материалы международной конференции. М., 21—22 мая 1996 г., Росспэн. 1997.

⁴⁸ Русское знамя. 1907. 9 августа.

⁴⁹ Там же. 1 февраля.

⁵⁰ Там же. 1908. 12 января.

⁵¹ Там же. 1906. 9 января.

⁵² Там же. 1911. 27 апреля.

⁵³ Там же. 1907. 9 августа.

⁵⁴ Там же. 1 августа.

⁵⁵ Там же. 22 мая.

⁵⁶ Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911—1917. М., 2001. С. 16; Омелянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи (1901—1914 гг.): автореф. дис. ...докт. ист. наук. Воронеж, 2006. С. 44; и др.

- ⁵⁷ Русские ведомости. 1909. 2 октября.
- ⁵⁸ Русское знамя. 1911. 9 марта.
- ⁵⁹ Обнинский В. Новый строй. Ч. 1. М., 1909. С. 276—277.
- ⁶⁰ Степанов С. А. Черная сотня. М., 2005. С. 223.
- ⁶¹ Русское знамя. 1907. 9 декабря.
- ⁶² Там же. 1911. 27 мая.
- ⁶³ Там же. 1907. 29 марта.
- ⁶⁴ Вестник Русского собрания. 1906. 29 сентября.
- ⁶⁵ Русское знамя. 1907. 29 марта.
- ⁶⁶ Там же. 9 августа.
- ⁶⁷ Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. С. 420—421.
- ⁶⁸ Он же. Предисловие // Правые партии. 1905—1917: Документы и материалы. Т. 1. Л. 19.
- ⁶⁹ Русский монархический союз и расширение его деятельности по основам высочайшего рескрипта 30 января 1914 г. М., 1914. С. 6.
- ⁷⁰ Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские! Сост. А. Д. Степанов. М., 2008. С. 344.
- ⁷¹ Русское знамя. 1911. 27 апреля.
- ⁷² Там же. 1909. 17 октября.
- ⁷³ См. напр.: Лебедев С. В. Слово и дело национальной России. Очерки истории русского патриотического движения. М., 2007. С. 115.
- ⁷⁴ Степанов С. А. Рабочие и черносотенные организации. 1905—1917 // Рабочие и интеллигенция. Россия в эпоху реформ и революции. 1861 — февраль 1917. СПб., 1997. С. 371.
- ⁷⁵ Кирьянов Ю. И. Предисловие // Правые партии. 1905—1917: Документы и материалы. Т. 1. Л. 26.
- ⁷⁶ Прямой путь. 1913. Вып. III (март). С. 157.
- ⁷⁷ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 595. Л. 21-25.
- ⁷⁸ Архив ФСБ РФ по Ярославской области. Дело N 11350. Л. 356—357.
- ⁷⁹ ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1915. Д. 151. Л. 80 об.
- ⁸⁰ Ленин В. И. Политические партии в России // Полн. собр. соч. Т. 21. С. 275—287; Он же. О черносотенстве // Полн. собр. соч. Т. 24. С. 18—19.
- ⁸¹ Омелянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи (1901—1914 гг.): автореф. дис. ... докт. ист. наук. Воронеж, 2006. С. 33.
- ⁸² Нарский И. В. «Революционеры справа». Черносотенцы на Урале в 1905—1916 гг.: материалы к исследованию «русскости». Екатеринбург, 1994. С. 9.
- ⁸³ Омелянчук И. В. Черносотенное движение...: автореф. дис. ... докт. ист. наук. С. 30.
- ⁸⁴ Там же. С. 31.

- ⁸⁵ Там же. С. 32.
- ⁸⁶ Там же. С. 33.
- ⁸⁷ Попов Э. А. Указ. соч. Режим доступа: <http://www.fidel-kastro.ru/history/rossia/ruskons.htm>.
- ⁸⁸ Лотман Ю. М. Карамзин. Сотворение Карамзина. Статьи и исследования. 1957—1990. Заметки и рецензии. СПб., 1997. С. 590.
- ⁸⁹ Русское знамя. 1911. 27 марта.
- ⁹⁰ Там же. 1907. 25 ноября.
- ⁹¹ См.: Отзыв на Обращение «Русского собрания» к единомышленным партиям, союзам и русскому народу по поводу Манифеста 17 октября. М., 1906.
- ⁹² Попов Э. А. Указ. соч. Режим доступа: <http://www.fidel-kastro.ru/history/rossia/ruskons.htm>.
- ⁹³ См.: Новая философская энциклопедия: В 4 тт. М.: Мысль. Под ред. В. С. Степина. 2001; Краткий философский словарь. Под ред. А. П. Алексеева. М., 2007. С. 396—397.
- ⁹⁴ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 9.
- ⁹⁵ Попов Э. А. Указ. соч. Режим доступа: <http://www.fidel-kastro.ru/history/rossia/ruskons.htm>.
- ⁹⁶ Русская правда. 1909. 18 января.
- ⁹⁷ Русское знамя. 1907. 22 мая.
- ⁹⁸ Там же. 1911. 9 марта.
- ⁹⁹ Там же. 1906. 9 января.
- ¹⁰⁰ Манхейм К. Диагноз нашего времени. С. 609.
- ¹⁰¹ Грингмут В. А. Указ. соч. С. 344.
- ¹⁰² Русское знамя. 1916. 1 декабря.
- ¹⁰³ Там же.
- ¹⁰⁴ Черная сотня: историческая энциклопедия. 1900—1917. М., 2008. С. 583.
- ¹⁰⁵ Сборник съезда русских людей в Москве 24 сент.—4 окт. 1909. М., 1910. С. 136.
- ¹⁰⁶ Русское знамя. 1911. 27 апреля.
- ¹⁰⁷ Марков Н. Е. Указ. соч. С. 153.
- ¹⁰⁸ Русское знамя. 1907. 1 августа.
- ¹⁰⁹ Аврех А. Я. Царизм и IV Дума. 1912—1914. М., 1981. С. 224; Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911—1917. С. 3; и др.
- ¹¹⁰ Вестник русского собрания. 1906. 22 сентября.
- ¹¹¹ Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности. С. 87—88.

- ¹¹² Русское знамя. 1907. 3 апреля.
- ¹¹³ Спирин Л. М. Крушение помещичьих и буржуазных партий (начало XX в.—1920). М., 1977. С. 168.
- ¹¹⁴ Ленин В. И. Политический отчет ЦК РКП(б). Стенограмма выступления на IX конференции РКП(б) 22 сентября 1920 г. // Исторический архив. 1992. № 1. С. 18.
- ¹¹⁵ Он же. О черносотенстве // Полн. собр. соч. Т. 24. С. 19.
- ¹¹⁶ Степанов С. А. Черная сотня в России. 1905—1914 гг. М., 1992; Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911—1917 гг. М., 2001; Кожин В. В. “Черносотенцы” и Революция (загадочные страницы истории). М., 1998; Нарский И. В. «Революционеры справа»: черносотенцы на Урале в 1905—1916 гг. (Материалы к исследованию «русскости»). Екатеринбург, 1994; Михайлова Е. М. Черносотенные организации Среднего Поволжья в 1905—1917 гг. Чебоксары, 2000; Омелянчук И. В. Черносотенное движение на территории Украины (1904—1914 гг.). Киев, 2000; и др.
- ¹¹⁷ Абушик В. В. Деятельность монархических организаций Центральной России в период развития буржуазно-демократической революции. 1905—февраль 1917 гг. Дис. ...канд. ист. наук. М., 1995; Размолодин М. Л. Черносотенные организации губерний Верхнего Поволжья в 1905—1914 гг. Дис. ...канд. ист. наук. Ярославль, 1999; Слесарев Ю. В. Деятельность правых организаций Центрально-Черноземного региона в 1905—1917 гг. Дис. ...канд. ист. наук. Пенза, 1998; Станкова М. В. Черносотенно-монархическое движение в Западной Сибири в 1905—1917 гг. Дис. ...канд. ист. наук. Омск, 1999; и др.
- ¹¹⁸ Кирьянов Ю. И. Русское собрание. 1900—1917. М., 2003. С. 74—75.
- ¹¹⁹ Он же. Предисловие // Правые партии. 1905—1917 годы. Документы и материалы. Т. 1. С. 26.
- ¹²⁰ Степанов С. А. Черная сотня в России. С. 111.
- ¹²¹ Кирьянов Ю. И. Предисловие // Правые партии. 1905—1917 годы. Документы и материалы. Т. 1. С. 26.
- ¹²² См.: Иванов А. А. Последние защитники монархии: Фракция правых IV Государственной думы в годы первой мировой войны (1914—февраль 1917). СПб., 2006.
- ¹²³ Минувшее. Т. 14. С. 169.
- ¹²⁴ Красный архив. М.—Л., 1929. Т. 2 (33). С. 145—146.
- ¹²⁵ Буржуазия накануне Февральской революции. М., 1927. С. 178.
- ¹²⁶ Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914—1917 годах (сост. Ю. И. Кирьянов) // Вопросы истории. 1996. № 3. С. 164.
- ¹²⁷ Лебедев С. В. Слово и дело национальной России. С. 116.
- ¹²⁸ Минувшее. Т. 14. С. 196.
- ¹²⁹ Русское знамя. 1911. 27 апреля.

- ¹³⁰ Омелянчук И. В. Черносотенное движение...: автореф. дис. ... докт. ист. наук. С. 32.
- ¹³¹ См.: Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911—1917 гг. М., 2001.; Степанов С. А. Черная сотня. М., 2005; Лебедев С. В. Слово и дело национальной России. Очерки истории русского патриотического движения. М., 2007; и др.
- ¹³² Лебедев С. В. Слово и дело национальной России. С. 115.
- ¹³³ Степанов С. А. Черная сотня. С. 140; Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911—1917 гг. С. 82.
- ¹³⁴ См.: Дюверже М. Политические партии. Пер. с франц. М., 2000.
- ¹³⁵ Омелянчук И. В. Черносотенное движение...: автореф. дис. ... докт. ист. наук. С. 32.
- ¹³⁶ Лебедев С. В. Слово и дело национальной России. С. 115.
- ¹³⁷ Политология: энциклопедический словарь. М., 1993. С. 245—246.
- ¹³⁸ Русское знамя. 1911. 4 февраля.
- ¹³⁹ Омелянчук И. В. Черносотенное движение...: автореф. дис. ... докт. ист. наук. С. 32.
- ¹⁴⁰ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1905. Д. 999. Ч. 39. Т. 1. Л. 231.
- ¹⁴¹ Грингмут В. А. Указ. соч. С. 331.
- ¹⁴² ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 677.
- ¹⁴³ Русское знамя. 1911. 20 января.
- ¹⁴⁴ Прямой путь. 1913. Вып. III (март).
- ¹⁴⁵ Русское знамя. 1907. 2 декабря.
- ¹⁴⁶ Там же. 1911. 4 февраля.
- ¹⁴⁷ Там же. 1907. 22 мая.
- ¹⁴⁸ Колокол. 1908. № 642. Приложение.
- ¹⁴⁹ Русский монархический союз и расширение его деятельности по основам высочайшего рескрипта 30 января 1914 г. М., 1914. С. 4.
- ¹⁵⁰ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/1. № 1100/28.
- ¹⁵¹ Колокол. 1908. № 642. Приложение.
- ¹⁵² Вече. 1909. 18 октября.
- ¹⁵³ Тихомиров Л. А. Критика демократии. М., 1997. С. 77.
- ¹⁵⁴ Русское знамя. 1908. 14 марта.
- ¹⁵⁵ Там же. 1906. 4 ноября.
- ¹⁵⁶ Там же. 1911. 9 марта.
- ¹⁵⁷ Там же. 1907. 9 августа.
- ¹⁵⁸ Там же. 1 августа.
- ¹⁵⁹ Там же.
- ¹⁶⁰ Там же.
- ¹⁶¹ Политология: энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост.: Ю. И. Аверьянов. М., 1993. С. 140—141.

- ¹⁶² Лебедев С. В. Слово и дело национальной России. С. 115.
¹⁶³ ГАРФ, Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 677.
¹⁶⁴ Русское знамя. 1907. 23 февраля.
¹⁶⁵ Там же. 1911. 4 февраля.
¹⁶⁶ Там же. 1907. 22 мая.
¹⁶⁷ Там же. 1911. 4 февраля.
¹⁶⁸ Там же.
¹⁶⁹ Там же. 1907. 29 мая.
¹⁷⁰ ГАРФ, Ф. 102. ДП ОО. 1905. Д. 999. Ч. 39. Т. 1. Л. 231.
¹⁷¹ Русское знамя. 1907. 29 мая.
¹⁷² Степанов С. А. Черная сотня. С. 145—146.
¹⁷³ Русское знамя. 1907. 22 декабря.
¹⁷⁴ Там же. 29 мая.
¹⁷⁵ ГАРФ, Ф. 102. ДП ОО. 1905. Д. 999. Ч. 39. Т. 1. Л. 231.
¹⁷⁶ Третий Всероссийский съезд русских людей в Киеве. Киев, 1906. С. 145—189.
¹⁷⁷ Вече. 1909. 18 октября.
¹⁷⁸ Последние дни императорской власти. По неизданным документам составил А. Блок. Пг., 1921. С. 126—140.
¹⁷⁹ См.: Труды Всероссийского монархического совещания в Нижнем Новгороде уполномоченных правых организаций с 26 по 29 ноября 1915 г. Пг., 1916.
¹⁸⁰ Русский монархический союз и расширение его деятельности по основам высочайшего рескрипта 30 января 1914 г. М., 1914. С. 4.
¹⁸¹ Омельянчук И. В. Черносотенное движение...: автореф. дис. ...докт. ист. наук. С. 32.

Глава II ИДЕЙНЫЙ КОНСЕРВАТИЗМ ЧЕРНОЙ СОТНИ

§ 1. Православно-религиозные основы черносотенной идеологии

В предыдущей главе правомонархическое движение было типологизировано как консервативное с точки зрения ситуативного подхода. Однако данный подход страдает серьезным недостатком, который состоит в крайнем релятивизме, позволяющем относить к консервативной любую систему взглядов, отстаивающую существующий режим¹. Изъян ситуативного подхода проявляется в том, что в отличие от либерализма и социализма консерватизм не наделяется устойчивым идейным ядром и потому может принимать разные формы в различные исторические периоды². Консерватизм фактически сводится к охранительно-сдерживающей функции в обществе по отношению к революционно-деструктивным изменениям³. Это означает, что бороться за сохранение «традиционных основ» могут сторонники различных политических идеологий — от приверженцев монархической идеи до либералов и большевиков⁴.

С другой стороны, ситуативный подход приводил к отождествлению различных по своим идейным установкам движений, возникших как реакция на угрозу радикальных революционных изменений. В частности, в либеральной и

советской историографии нередко ставился знак равенства между черносотенной и националистической доктриной, в том числе фашистской⁵. Аргументация исследователей основывалась на идентичности условий их появления как реакции на активизацию левых партий в условиях слабости государства. Некоторые исследователи даже считали правомонархистов прямыми предшественниками итальянских фашистов и немецких национал-социалистов, ставя их на одну доску и рассматривая как разные стороны одной медали⁶.

Действительно, основания для определения правомонархических и националистических организаций как идентичных или родственных имелись. С точки зрения ситуативного подхода черносотенные и русские националистические организации можно отнести к консервативным, так как они возникают при сходных обстоятельствах — как реакция на революцию. К факторам, повлиявшим на появление русского национализма, относились: обострение социальной борьбы в российском обществе, вовлечение в политический процесс значительных масс населения, усиление межпартийной борьбы, активизация национально-освободительных и сепаратистских движений на окраинах, неспособность Центра противостоять угрозам традиционного русского общества. Появление в начале XX в. значительного числа исторических, просветительских и культурных организаций националистической направленности, крупнейшим из которых был Киевский клуб русских националистов, свидетельствовало о выходе на политическую арену России нового политического движения. Расширение географии и поля его деятельности сопровождалось процессом выработки националистической идеологии и идейной самоидентификации⁷.

Исследователь Д. А. Коцюбинский указывал, что мобилизацию русского населения на четко сформированной националистической платформе осуществил возникший в мае 1908 г. Всероссийский национальный союз (ВНС), начало ко-

торому положил Съезд уполномоченных дворянских обществ и Постоянный совет объединенного дворянства, руководимый графом А. А. Бобринским. ВНС объединил две фракции III Государственной думы — умеренно правую и русскую национальную, Партию умеренно правых, Киевский клуб русских националистов, Варшавское русское общество, Витебский предвыборный комитет, Воронежский национальный клуб, Корольское православное братство, Подольский сонм русских националистов, Рижский русский клуб, Русское патриотическое общество Холмщины и Подляшья⁸.

На политическом поле страны ВНС занял место между правомонархическими союзами и правоцентристскими партиями. В отличие от октябристов русские националисты занимали более жесткую позицию по национальному вопросу, что объяснялось значительным представительством в ее руководстве крупных помещиков юго-западных и западных губерний (П. Н. Балашов, гр. В. А. Бобринский, П. Н. Крупенский, кн. А. П. Урусов и др.), вынужденных конкурировать с польскими землевладельцами и еврейскими предпринимателями. В то же время руководящий состав партии русских националистов формировался за счет ученых (П. И. Ковалевский, Д. И. Пихно, И. А. Сикорский) и публицистов (М. О. Меньшиков, А. И. Савенко, В. В. Шульгин), являвшихся жителями центральных российских губерний⁹.

Жесткость по национальному и религиозному вопросам дала некоторым исследователям основание ставить знак равенства между черносотенцами и русскими националистами¹⁰. Почву для этого давали сами националисты, настаивавшие на том, что национализм является оборотной стороной консерватизма и неотделим от него¹¹.

В современной философской и политологической литературе утвердилось мнение, что консерватизм и национализм относятся к мировоззрениям, в которых некоторые базовые ценности были идентичны, в частности, примат целого над

частным и идея субстанции (человеческий род, государство, нация, народ, община, социальная группа). Обе доктрины утверждают приоритет коллективистских начал (нации, государства) и противостоят индивидуалистическим мировоззрениям¹². Как видим, объекты охранения и консерватизма, и национализма оказываются одинаковыми, но не вполне совпадающими, что будет рассмотрено ниже. Черносотенцы признавались, что появление партии националистов (ВНС) они встретили с подозрительностью, так как увидели в них конкурентов, которые будут эксплуатировать их же лозунги, но при полной лояльности правительству¹³.

С другой стороны, заявленная националистами приверженность консервативным ценностям дала черносотенцам надежду на преодоление политической изоляции и обретение надежных союзников. Видный идеолог ВНС М. О. Меньшиков указывал, что основу системы взглядов русских националистов заложило Русское Собрание и Союз русского народа¹⁴. За счет националистов правомонархистами планировалось решить насущную проблему дефицита интеллектуальных сил. В резолюциях состоявшегося в Москве в 1909 г. Монархического съезда русских людей говорилось: «Съезд признает, что в состав “Национального союза” как в Думе, так и вне ее входят люди, всецело исповедующие основные начала программ правых партий и отошедшие в этот союз по соображениям, не имеющим ничего общего с программными вопросами. Признавая это как нечто пока в жизни русской неизбежное, Съезд с сожалением выражает, что такое отделение в большей части образованного православно мыслящего и монархически настроенного общества обессиливает деятельность правых партий, так как оставляет эти партии без тех интеллигентных сил, которые бы могли много существенной пользы принести массе народной в политическом воспитании»¹⁵.

Из консерватизма националисты заимствовали положения об идеократическом государстве, единовластном

правителе (вожде), авторитарной модели власти, «консолидированном» правительстве, состоящем из управленцев, объединенных общим мировоззрением, державности, уникальности российского культурно-исторического пространства. Хотя русские националисты в меньшей степени, чем консерваторы воспринимали Запад как чуждую и враждебную русскому обществу цивилизацию¹⁶, тем не менее антизападная направленность в их идейных воззрениях проявлялась достаточно определенно¹⁷. Несомненное идейное сходство между националистической и консервативной доктринами проявлялось в принципе коллективизма (соборности), антииндивидуализма, вождизма, охранительности, неприятию радикальных преобразований и т. д.

Общее проявлялось в критике безнациональной (или космополитической) бюрократии, якобы стремившейся насадить в России республиканский или «скрытно республиканский» образ правления, подходах к оценке кадетской партии и левого сегмента политического спектра России, которые считались марионетками в руках «темных сил». Нередко в критике главы правительства П. А. Столыпина черносотенцы и националисты выступали единым фронтом, ставя ему в вину сотрудничество с левоцентристскими партиями и партиями центра, нерешительность в борьбе с революционными организациями, нежелание ужесточить режим третьеиюньской монархии (в частности, пересмотреть избирательный закон)¹⁸.

В практической области общность программных установок черносотенцев и националистов в преломлении к российской действительности проявилась в следующем.

Отстаивание первенства русского народа. Черносотенцам импонировало четко заявленная русскими националистами защита прав русского народа. На состоявшемся в конце сентября — начале октября 1909 г. в Москве Монархическом съезде русских людей была зафиксирована следующая весьма сдержанная оценка нового партийного образования: «Близка

к правым партиям, по-видимому, партия под названием “Национальный союз”, так как эта партия основывается в своей программе и деятельности на одном из основных и дорогих и для правых партий начал — господственном положении в Российской империи русского народа как народа-созидателя и хозяина русской земли»¹⁹.

Признание инородческой угрозы. Общность некоторых базисных ценностей национализма и консерватизма способствовала идентичному восприятию угроз двумя партиями. Твердой почвой для взаимодействия с соседями по правому лагерю стал инородческий вопрос. Жестко следящие за чистотой идеологических установок и отрицавшие контакты с «неверными» черносотенцы готовы были объединяться с националистами по проблеме противодействия инородческому засилью. Состоявшийся в 1909 г. в Москве Монархический съезд признал возможным сотрудничать с националистами в отстаивании интересов православного населения в Западном крае, подвергавшегося религиозному и экономическому гнету польских землевладельцев. Это было официально зафиксировано в резолюциях съезда: «...на западе России, где русская народность во всех отношениях жестоко страдает от притеснений поляков и евреев, объединившихся для экономического и национального порабощения русских, где возникает стремление украинофильства к сепаратизму...»²⁰. Оба движения предлагали идентичную систему мер по противодействию инородческой угрозе посредством ужесточения правовой и экономической дискриминации.

Антисемитизм. Правомонархистов и националистов объединял также антисемитизм, являвшийся одной из мировоззренческих черт представителей крайне правого лагеря в России в начале XX в. Заимствованные у славянофилов представления об отсутствии в России почвы для социальных конфликтов заставляли и черносотенцев, и националистов видеть в евреях источник разрушения основ христианского общества

и революционных потрясений. Обе партии давали единую оценку революции 1905—1907 гг. как «еврейской»²¹. В «жидомасонском заговоре» черносотенцы и националисты видели первопричину всех бед, обрушившихся на Россию. Тем не менее антисемитизм националистов имел определенные отличительные черты, причиной которых были западные расовые теории, оказавшие серьезное влияние на идеологов национализма и практически не затронувшие черносотенцев.

Популизм и вождизм. Правомонархистов и националистов сближал общий взгляд на необходимость формирования идеократической властной вертикали, состоящей из людей, объединенных общим мировоззрением и возглавляемых пользующимся поддержкой большинства общества вождя с диктаторскими полномочиями. Черносотенцы первыми на российской политической арене выступили за сильную власть, пытались формировать культ личности царя и своих лидеров, в отношении которых использовали ранее не встречавшееся в политическом лексиконе слово «вождь»²².

Той же линии придерживались и националисты. В частности, В. В. Шульгин писал, что русскому народу нужен сильный лидер, который бы преодолевал присущую «русскому племени» разрозненность, склонность к ссорам, внутреннему взаимоотталкиванию посредством направления разрушительной энергии масс на выполнение некой сверхзадачи. Иными словами, вождь нивелировал присущие русскому народу национальные изъяны, выполнял объединительную функцию, обеспечивая устои государства поддержкой всех социальных слоев и групп российского общества²³.

Разность подходов к понятию «вождь» между черносотенцами и националистами (в т. ч. фашистами) также пролегла в религиозной плоскости. Если вождь, фюрер у последних рассматривался как персонифицированная в концентрированном виде воля нации, то для правомонархистов вождь был выразителем божественной, а не народной воли и воспринимался

как поводыр вверенного ему Богом народа к евангельским идеалам. Стараясь воздействовать на массовое сознание, и черносотенцы, и националисты широко использовали приемы социальной демагогии. Наиболее успешными в этом были черносотенцы, которым удалось, казалось бы, невозможное: привлечь на свою сторону представителей всех сословий, совместив охранительную риторику с радикальными требованиями свертывания современной им абсолютной монархии и восстановления допетровского самодержавия. Но ни черносотенцы, ни националисты в отличие от немецких и итальянских фашистов не сумели практически реализовать вождистскую идею в силу слабого развития технических средств манипуляции общественным сознанием (радио, телевидение).

Итак, как было установлено, близость консерватизма и национализма обуславливалась единством условий их возникновения (как реакции на угрозу радикальных преобразований), некоторых базовых компонентов идеологии и охранительностью функций (защита базовых ценностей). Вышеизложенная общность давала основание историкам ставить между ними знак равенства²⁴. Но справедливо ли рассматривать черносотенные и националистические организации как идентичные явления? Для того чтобы ответить на данный вопрос, необходимо провести анализ фундаментальных основ их идеологий, выявив общие черты и существенные различия. В качестве методологического приема решения поставленной проблемы проведем сравнение идейного ядра правомонархической доктрины с системой взглядов Всероссийского национального союза — классического проявления национализма на русской почве.

Преодолеть недостаток релятивизма ситуативного подхода при анализе консерватизма позволяет разработанный немецким социологом К. Манхеймом в книге «Консервативная мысль»²⁵ идейный подход, который рассматривает консерватизм как одно из идейно-политических течений Нового

времени, имеющее подобно его оппонентам (национализм, либерализм и социализм) устойчивое идейное ядро. Согласно разработкам К. Манхейма фундамент консервативной идеологии составляет «консервативный стиль мышления» или особое мировоззрение, опирающееся на религиозные и традиционалистские представления об окружающем мире и человеческом обществе. Результатом его исследования стал вывод о том, что консерватизм стоит на защите не всякой традиции, а лишь христианской и национальной.

В рамках разработки теоретико-методологической сущности консерватизма проблематика идейного подхода нашла отражение в работах отечественных исследователей Э. А. Попова²⁶, М. Ю. Чернавского²⁷, В. А. Гусева²⁸ и др. В частности, предложенная К. Манхеймом типологизация была поддержана отечественным исследователем В. А. Гусевым, который применил универсальные принципы и ценности консерватизма к русской специфике, предложив следующий критерий: «На статус русского консерватизма может претендовать только такая идеология, которая... видит в православии и непосредственно вытекающих из него нормах человеческих взаимоотношений — от бытовых и экономических до политических и духовных — абсолютную ценность...»²⁹.

Теоретико-познавательная модель черносотенной идеологии во многом идентична таковой же русского консерватизма. Их тождественность обусловлена общностью духовного ядра — защиты православия и национальной традиции. Несмотря на обилие правомонархических союзов и их программных установок, идейное ядро черной сотни было написано на ее знаменах — «Православие, самодержавие, народность» (далее ПСН). Триединство выступало здесь как квинтэссенция консервативно-политической философии, включавшей в себя и религиозную, и национальную константы.

В правомонархической идеологии триединство ПСН приобрело национальное содержание, проявившись в рели-

гиозном, политическом и культурном аспектах, и отражало принципы национально-государственного бытия, составивших самобытный облик России. По существу, русский консерватизм «национализировал» элементы уваровского триединства, ставшие национальной идеей русского народа. «Русский народ как нация выражается в трех символах: вере православной, царе самодержавном и народе русском», — отмечало в мае 1907 г. «Русское знамя»³⁰. Представители черной сотни утверждали, что именно русский народ подарил человечеству самодержавие — самобытную национальную и духовную форму единоличной власти, отличную от восточного деспотизма и западного абсолютизма.

Сформулированная в 30-х гг. XIX вв. С. С. Уваровым триада «Православие, самодержавие, народность» получила широкое распространение в начале XX в. именно благодаря правомонархическим организациям, включившим ее в свои политические программы как стержневую идею их практической деятельности и тем самым провозгласившим себя приверженцами русской консервативно-государственной традиции. Теория официальной народности не только несла в себе православно-религиозное кредо (и соответственно его защиту), но и включала в себя базисные национально-государственные признаки России, определившие ее специфическую роль в мире и историческое предназначение. Элементы триединства ПСН в официальных документах и материалах периодической печати крайне правых определялись как «главные духовные ценности и принципы», основа «русского государственного строения и народного быта», «незыблемые основы отечественной самобытной государственности» и провозглашались всеми правыми партиями на всем протяжении их существования.

Для крайне правых значимость триединства определялась фактом существования невиданного в истории человечества по размерам и национальному составу государства. «Русское

государство держалось верой православной, царем самодержавным и русскими людьми — это были скрепы огромной империи», — писала черносотенная пресса³¹. Формула ПСН, реально воплощенная на практике, рассматривалась как фундамент могущества и непобедимости государства: «А крепость его в том, чтобы власть твоя, великий государь, исконная самодержавная, врученная русским народом предку твоему, Михаилу Федоровичу, стояла незыблемою и нерушимою, земля наша Русская — единою и неделимою, вера наша православная в России — первенствующею», — заявлял А. И. Дубровин на приеме депутации СРН царем 23 декабря 1905 г.³²

Неразрывность православной веры и самодержавной идеи с народностью, по убеждению идеологов черной сотни, определяла их национальный характер. Наличие внутренней связи элементов триединства обуславливалась их принципиальной невозможностью существования в отрыве друг от друга. Черносотенцы не рассматривали каждый элемент триады как отдельную составляющую, утверждая, что без привязки с другими они теряют свою силу. Каждый символ воспринимался как часть нерасторжимого целого: без православия и народности нет истинного самодержавия, равно и наоборот. Все элементы конструкции сосредотачивались в образе царя, который рассматривался олицетворением религиозного, политического, национального и культурного идеалов русского народа³³.

Став символом веры правомонархических организаций, теория официальной народности выполняла двоякую функцию, включая в себя и христианскую, и национальную составляющие. Таким образом, наряду с православием (религиозный элемент) русская народность (национальный элемент) в триаде занимала равнозначное место, так как и самодержавие и православие, вытекали из свойств и характера самого русского народа. Постановления III частного совещания представителей отделов СРН, состоявшегося в марте 1909 г. в Ярославле, четко и недвусмысленно заявляли, что самодер-

жавная государственность зиждилась на «святости православной веры», «твердости государя» и «разуме русского народа».

Став мировоззренческим кредо православного государственного мышления, теория официальной народности была безоговорочно мобилизована черносотенными организациями, так как, во-первых, имела христианскую основу, во-вторых, декларировала национальный самобытный путь развития России, отвергая западные универсальные стандарты путей развития общества. «Что такое Союз русского народа и иные родственные ему союзы? Союз русского народа есть собрание людей всех сословий и состояний, братски объединенных между собою одною мыслью, одним стремлением охранять и отстаивать начала исконного исторического бытия России», — утверждалось в Своде основных понятий и положений русских монархистов, выработанных Всероссийским съездом русских людей в мае 1912 г.³⁴

Триединство составило фундамент правомонархической идеологии, на котором строились остальные положения их доктрины. Именно триединство дало серьезный импульс для дальнейших идейных разработок и программных установок крайне правых союзов. «...эмблема монархических организаций Бог, Царь, Отечество... — сама правда жизни, это — единственный путь для свободы и прогресса, для защиты бедных, угнетенных, униженных и оскорбленных», — утверждалось в газете «Русское знамя»³⁵.

С учетом вышеизложенного, черная сотня вполне вписывается в предложенную типологию консервативного движения, так как подпадает под характеристики, которые были присущи европейскому и русскому консерватизму. По вынесенному на знамена лозунгу «Православие, самодержавие, народность» безошибочно определялась принадлежность партии к крайне правому политическому спектру, т. к. в начале XX в. в России им пользовались только черносотенцы и близкие им по воззрениям организации.

Отношение к триединству, ясно выраженное в уставах и программах других политических партий, становилось критерием определения их враждебности или дружественности. В постановлении состоявшегося в 1909 г. в Москве Монархического съезда указывалось: «...все правые партии, каких бы наименований они ни были, лишь бы признавали незыблемыми начала — православие, неограниченное самодержавие и народность, — никогда не входят ни в какие соглашения и объединенные действия, особенно же во время выборов в Государственную думу и Совет, ни с октябристами, ни с кадетами и всеми еще более враждебными Русскому государству и Русской народности политическими партиями»³⁶.

Принципиальность отношения к триединству закреплялась в постановлениях и региональных черносотенных организаций. Совет Ярославского отдела СРН от 8 сентября 1911 г. постановил признать враждебными все партии, не разделяющие триединую формулу, и не входить с ними ни в какие отношения³⁷.

Важнейшей характеристикой идентичности правомонархической идеологии как консервативной является приверженность универсальной христианской религиозной традиции. Православное миропонимание являлось отличительной чертой черносотенной системы взглядов. Несмотря на декларируемое равенство элементов триединства, приоритетное положение в формуле занимал религиозный принцип (первый среди равных). Исключительное положение православия определялось его ролью в формировании двух других элементов — самодержавия и народности. В Своде основных понятий и положений русских монархистов православная вера определялась как «краеугольный камень» триединства и «основание начал русской жизни»³⁸. Русское культурно-историческое сообщество взросло под сильным влиянием православной веры, которая духовно окормляла русский народ на протяжении многих веков, став его нравственным оплотом. Наиболее видные

черносотенцы полностью разделяли мнение С. С. Уварова, считавшего, что союз РПЦ, государства и народа составит «залог будущего жребия» России³⁹. Реализация формулы в практическом плане означала усиление роли Православной церкви в общественно-политической жизни страны⁴⁰.

На фоне усиления секуляристских тенденций в общественном сознании правомонархисты открыто провозглашали себя приверженцами универсальных христианских ценностей и православного взгляда на мир как борьбу двух непримиримых начал. Приверженность Православной церкви утверждалась как вполне осознанный и принципиальный выбор, а борьба со злом рассматривалась как одна из форм подвижнической деятельности. «Мы, православные, знаем, что в жизни человека существуют два пути: правый и левый. Нам дана свобода воли, мы можем делать так, как нам хочется: идти направо — к Богу или налево — к дьяволу, но вера наша предупреждает нас и говорит направо — к спасению, налево — к гибели, выбирай сам», — писало «Русское знамя» в январе 1916 г.⁴¹ Правомонархисты декларировали, что в решении основных вопросов они будут руководствоваться только учением Христа и указаниями церкви. «Другого руководства мы, правые, не должны принимать», — разъясняла черносотенная пресса⁴².

При идентичности ряда положений русских националистов и правомонархистов последние были более настойчивы в своем религиозном подходе к оценке общественно-политических событий, не допуская ревизионизма православных канонов, в результате чего черная сотня критиковалась либералами за религиозный фундаментализм. Религиозность ее идеологии обнаруживается и в анализе собственной деятельности, и причин имевших место неудач. В 1911 г. Ярославский отдел СРН сообщал в редакцию газеты «Русское знамя»: «Оглядываясь назад и проверяя результаты нашей деятельности, мы с грустью должны признать, что не осу-

ществилась и малая доля тех надежд, которые мы лелеяли в своей груди; а истекший 1910 г. принес нам одни только разочарования и прошел не только бесплодно для русского дела, но и внес в ряды наши дезорганизацию, смуту и раздор, приводя к гибели все благие патриотические начинания». Причины злключения обнаруживались в грехе гордыни: «Сознаемся, друзья, что первые же наши успехи слишком скоро вскружили нам головы, и мы, забыв, что Бог гордым противится, чуть не с первых шагов нашей союзнической деятельности, стали кричать: “шапками закидаем”, а также в отходе от руководящего водительства церкви: «Задавшись целью играть политическую роль не забыли ли мы, что вся суть политики Православной церкви должна заключаться в неуклонном стремлении верных сынов ее всегда пребывать в теснейшем единении с святой Христовой церковью, в послушании самим Богом постановленным пастырям, с готовностью умереть с радостью за исповедание святой веры, если Господь от нас этого потребует. И вот эту-то первую задачу нашу — следовать неизменно пути, по которому идти зовет нас Святая Мать — церковь Христова, мы не исполнили с самого начала нашего объединения: вера для нас была не первой святыней, которую мы должны были отстаивать до последнего издыхания»⁴³. Для преодоления создавшегося положения ярославские черносотенцы предлагали методы из религиозной практики: усиление руководящей роли церкви над организациями, укрепление православного духа и братское объединение на почве религиозной.

Существенное отличие правомонархической и националистической доктрин проявляется в отношении к уваровскому триединству «Православие, самодержавие, народность». Если черносотенцы приняли триаду в стандартном виде и не допускали отхода от канона в трактовке роли ее элементов, то для теоретиков Всероссийского национального союза она стала объектом для творческих интерпретаций⁴⁴. Националисты счи-

тали, что самодержавие и традиционный для России властный централизм т. н. «единодержавие» вытекают из национального характера и ментальности самой русской нации⁴⁵. Данная система рассуждений ставила принцип православия по шкале приоритетов после самодержавия.

Уваровская формула казалась националистам пережитком, требующим усовершенствования с учетом политических реалий. Идеологи ВНС подвергли черносотенцев жесткой критике за патриархальность, желание ввергнуть страну во времена мрачного Средневековья, что было следствием влияния «прогрессистского» комплекса идей. Значительно дальше в реформировании триединства пошел один из лидеров ВНС М. О. Меньшиков, поставивший принцип народности в преимущественное положение перед принципом самодержавия и православия. По его мнению, изменившаяся в стране политическая ситуация создавала возможности для развития именно этого элемента символа веры консерваторов, которому ранее уделялось недостаточно внимания⁴⁶. Подобные манипуляции с триединой формулой черносотенцам казались покушением на каноническое установление, что вызвало их жесткую реакцию со страниц газет.

Особое внимание русских националистов к принципу народности (нация, народ) соответствует определению, которое дает национализму современная наука: национализм есть идеология, психология, социальная практика, мировоззрение, ставящие нацию как высшую внеисторическую и надклассовую форму социальной общности, как гармоническое целое с тождественными интересами всех составляющих ее классов и социальных групп⁴⁷. Приоритетная трактовка нации неизбежно должна была занять свое место за счет отеснения других составляющих — православия и самодержавия. У националистов религиозный компонент носил достаточно практичный и прикладной характер. Если черносотенцы воспринимали православие как божественную истину, данной

русскому народу для выполнения его мессианской задачи, то националисты принцип православия и принцип самодержавия осмысливали через этническую призму, т. е. исключительно как русскую национальную религию, отражающую уникальные черты русского народа⁴⁸.

Апелляция к религиозной сфере использовалась националистами для обоснования нации («народности») как высшей ценности, сотворенной Богом. Это не могло не вызвать бурную реакцию Православной церкви. Идеи основоположника русского национализма адмирала А. С. Шишкова, рассматривавшего нацию богоданной ценностью и обладавшей коллективным духом, совестью, волей и иными качествами, присущими человеку, нашли негативную оценку будущего митрополита Московского Филарета (Дроздова)⁴⁹. В середине XIX в. выражавший официальную позицию РПЦ митрополит отказался признать данный комплекс идейных построений как противоречащий канонам православного учения⁵⁰.

Исходя из приоритета понятия нации, составившей идейное ядро доктрины националистов, последние допускали отход от консервативных канонов в трактовке сущности и роли православия. Западные влияния оказывали весьма действенное воздействие на мировоззрение сторонников «плотской чистоты», проявлявшиеся в отрицании этики православной терпимости, прощения и сострадания, проповеди протестантских идей богоугодности финансовых и карьерных достижений, недопустимости проявления сочувствия к социальным низам⁵¹, а также в религиозном безразличии, что подчеркивало вторичность православного элемента в националистической системе идейных воззрений⁵².

Частые выпады идеолога ВНС М. О. Меньшикова со страниц националистической прессы против Православной церкви, отдельных ее представителей и аспектов деятельности, в частности, миссионерской, жесткая критика черносотенных организаций за их «антинациональность» подталкивали по-

следних к мысли о враждебном отношении националистов к православию и его защитникам: «Видеть Меньшикова в этой роли (националиста-публициста. — М. Р.) то же самое, что доверить жидовскому раввину совершать в христианском храме тайну великого претворения вина и хлеба в кровь и тело Христово»⁵³.

В религиозной плоскости лежали и различия между черной сотней и фашизмом, обусловленные различиями духовного ядра двух идеологий. Фашизм в своей основе опирался на секулярный комплекс идей, ставший источником антихристианских социальных концепций. Если черносотенство можно рассматривать как «детище» христианской культуры, отечественных традиций и русской консервативной философии, то фашизм был продуктом западной секуляризованной мысли.

После Французской революции 1789 г., расставшись с христианскими ориентирами, европейская идейно-политическая мысль стала источником различных комплексов философских и социальных идей, а именно: либерализма, коммунизма, национализма и фашизма. Правомонархическая система взглядов, остававшаяся на позициях религиозного восприятия мира, разделяла точку зрения И. А. Ильина, который писал: «Духовная культура XIX века и XX века есть культура секуляризованная. Но она отделилась, обособилась не только от христианских исповеданий; нет — она утратила религиозный дух вообще. Она обособилась не от христианской религии во имя другой какой-либо; она не перешла от старой религиозности к новой; она не перешла даже к поискам новой. Она обособилась от христианской религии и ушла в безрелигиозную, безбожную пустоту»⁵⁴. Секуляризация, подрывая нравственные основания христианского социума провозглашением самоценности личности человека, утверждала новый ценностный ряд: материализм, атеизм, индивидуализм, рационализм, эгоизм, культ личности, силы, потребления и т. д.

В отличие от правомонархической системы идейных воззрений фашизм нельзя отнести к направлению консерватизма, т. к. в своей идеологии и практике был глубоко враждебен христианству, являясь языческой в своей основе доктриной. Даже серьезное влияние протестантизма на формирование его идейного базиса не позволяет установить точки соприкосновения фашизма с консерватизмом, что теоретически обосновал М. Ю. Чернавский, утверждавший: «Основой консерватизма является не религиозность вообще, но лишь фундаментальные, традиционные религии. Для европейского региона — католицизм и православие, две ипостаси истинной христианской религии. Лишь то мировоззрение носит консервативный характер, которое отражает систему ценностей этих двух религий. Характер «русского христианства» сыграл определяющую роль в разработке теоретико-познавательной модели и социальной философии русского консерватизма. Православная догматика и православное мировоззрение определили специфику и отличие русского консерватизма от западноевропейского. Прочие, вторичные религии, трансформированные под влиянием буржуазно-реформаторского движения (лютеранство, кальвинизм, англиканская церковь и т. д.), несут в себе элементы либерализма, противоречащие истинному консерватизму, ибо консерватизм есть антипод либерализма»⁵⁵.

Таким образом, исходя из определения консерватизма как идеологии, стоящей на защите христианской и национальной традиции, критерием различия черносотенной и националистической (в т. ч. фашистской) доктрин является отношение к религиозной константе. Идентичность функции защиты национальной традиции и обусловила формирование не вполне верного мнения о правомонархической идеологии как тождественной националистической и фашистской. Недоработка исследователей состояла в том, что, акцентируя внимание именно на национальной защитительной функции

крайне правой доктрины, они не замечали или преднамеренно игнорировали ее базовый компонент — защиту христианской, а в конкретном случае, православной традиции.

Разность идейного ядра черносотенной и националистической (в т. ч. фашистской) доктрин обуславливало различное понимание проблемы мессианизма. Троиединство ПСН в его правомонархической трактовке рассматривалось как явление, направленное на защиту и развитие духовного, политического и культурного идеалов русского народа, что соприкасалось с комплексом идей о мессианстве русского народа, разработанных Ф. М. Достоевским и его единомышленниками. Вслед за почвенниками в укреплении позиций РПЦ и неограниченного самодержавия крайне правые видели всемирно-историческое призвание России. В этом отношении правомонархическая трактовка мессианизма идейно близка к концепции Филофея «Москва — Третий Рим», согласно которой миссия охранения православия рассматривалась как возложенная Богом на Россию⁵⁶. Данную мысль в начале XX в. уточнил духовный окормитель правомонархических союзов Иоанн Кронштадтский: «Русь дана миру, чтобы свидетельствовать ему Правду о Христе».

Будучи проникнуты православным сознанием, идеологи черной сотни не ставили цели кардинального изменения глобального миропорядка или построения «идеального» общества с широким набором социальных и правовых гарантий. Задачи своих организаций они видели в миссии охранения православия, подвергнутого в начале XX в. ударам со стороны носителей различных секулярных учений. В отличие от националистических и фашистских доктрин черносотенцы проповедовали не завоевание и подчинение стран и народов с последующей перестройкой всей системы человеческого общества, а сохранение православной веры, что и составляло, по их мнению, историческое предназначение России.

Займствував идею Ф. М. Достоевского о русском народе как народе мессианском, «народе-Богоносце», призванном

спасти Европу от бездуховности, идеологи черной сотни верили в его особое предназначение в борьбе с материализмом, заложенном в основе учений либерализма и социализма. Исходя из консервативной идеи самобытного пути развития России, они считали, что в противовес преобладавшим на Западе материальным интересам жизни, находившим выражение в потере веры, социальной разобщенности, индивидуализме, противостоянии человека человеку, России и русскому народу предстоит спасти мир от духовной катастрофы, заложив основы нового духовного просвещения, опиравшемся на православие⁵⁷. Вслед за славянофилами, правомонархисты считали, что России суждено встать в центре мировой цивилизации и на основе православия предотвратить гибель Запада, пораженного секуляризмом и рационализмом. Однако реализация данных планов возможна будет только тогда, когда сам русский народ проявит духовные силы, отбросит навязываемые ему либеральными и революционными партиями учения и построит в своей стране жизнь по учению Нового Завета.

Крайне правые рассматривали русский православный мессианизм как дело далекого будущего. Духовно-нравственное состояние современного им православного народа и разбалансированность самодержавного государства не соответствовали выполнению возложенных на них задач. Само появление правомонархических организаций рассматривалось как симптом глубокой болезни государства и общества, все более утрачивавших свое предназначение в православной миссии. Только сохранив свою духовную самобытность, которая должна проявиться во всех сферах жизни (в первую очередь в государственном строительстве), опасность оказаться задворками разлагающегося «цивилизованного человечества», по мнению черносотенцев, могла быть преодолена.

Акцент на духовную сторону совершенствования обусловил у черной сотни отсутствие программы внешней экс-

пансии. Это также отличало их от фашистов, для которых было характерно подчинение внутренней жизни своих стран решению внешнеполитических задач. Приоритетными для крайне правых являлось не завоевание колоний и расширение границ империи, а решение внутривнутриполитических задач и поддержание территориального статус-кво⁵⁸. Таким образом, разность лежит и в мессианизме черносотенцев и фашистов: если первые посредством распространения православия желали привести человечество к духовному возрождению, то фашизм преследовал цели эксплуатации поработанных народов и выдвигал идею их расовой неполноценности.

§ 2. Защита христианской традиции как основная функция консерватизма

Проведенный черносотенными идеологами анализ причин революции показывал, что устои самодержавия и традиционного общества были поколеблены растущим безверием населения и особенно образованной его части. По их мнению, благодатной почвой для распространения различных секулярных направлений общественной мысли (либерализм и социализм) стал отход от православия, которое захватило, по выражению монархической прессы, «столь громадное число образованных русских людей, да и не только образованных...»⁵⁹. Революция казалась крайне правым лишь симптомом глубокой болезни общества и карой Божьей за колебания русского народа в вере: «...Господь за такое наше отношение к вере опускает в нашем Отечестве совершаться величайшим бедствиям, в том числе и гонениям на святую веру, к которой мы стали так равнодушны»⁶⁰. Нравственное состояние российского общества черносотенцы оценивали как «шатание всех мировоззрений, время смуты в умах и сердцах русских людей...»⁶¹.

Вопрос спасения самодержавной монархии, ценностей традиционного общества и самого русского народа для край-

не правых идеологов напрямую был связан с укреплением религиозно-нравственных основ. Черносотенцы исходили из убеждения, что аутентичность русского народа будет сохраняться до тех пор, пока Русская православная церковь сохраняет доминирующие позиции в духовной сфере страны, при утрате которых наступит неизбежный конец самодержавию, а затем и разложение народа из коллективистско-соборной общности в массу не связанных друг с другом общим миропониманием атомизированных индивидов. Русский народ и его духовность, по мнению крайне правых, могли сохраниться только в рамках сильной авторитарно-идеократической системы властiuстроения. В связи с этим черносотенцы предлагали реализовать следующую систему практических мер: восстановление первенства РПЦ и нейтрализация любых попыток подрыва ее доминирующего статуса.

В послереволюционное время крайне правое движение, возникшее как реакция на угрозу традиционным устоям, позиционировало себя как единственная политическая сила, вставшая на защиту первенствующего положения РПЦ, противопоставив секулярному вызову православные духовные принципы. В распространенном в мае 1912 г. предвыборном воззвании Союза Михаила Архангела указывалось, что пришла пора возвращать церкви долги: «Православная церковь всегда была заступницей за истинные нужды народные и в то же время неусыпно, особенно в години бедствий, стояла на страже величия государства Российского и неприкосновенности царской власти»⁶².

Защита православия была внесена в программы всех без исключения правомонархических организаций. В утвержденной в апреле 1907 г. программе Союза русских рабочих людей в концентрированном виде была выражена разделяемая всем крайне правым лагерем позиция: «...неуклонно... поддерживать искреннюю веру и церковь Православную; ...защищать церковь и все ей принадлежащее от посягательств ее врагов»⁶³.

В многочисленных решениях съездов подробно прописывался комплекс мер по усилению влияния РПЦ в обществе, созданию православных братств, учреждению издательств, выпуску историко-религиозной литературы.

Требование первенства православия проистекало из базисного положения русского консерватизма о православном характере Российского государства и его историческом союзе с РПЦ. Определяя необходимый статус церкви, идеологи черной сотни употребляли термин «первенство», реже — «господство». Последний термин был более распространен в лексиконе националистов, которые утверждали доминирование православия над другими конфессиями. В лексикон крайне правых он вошел благодаря Александру III, сформулировавшему символ веры традиционалистов: «Православной вере — господство, каждой вере — почитание; русской народности подобает всеобъединяющая и всеподчиняющая сила, но каждой народности да будет свобода во всем, что этому объединению и этому подчинению не препятствует».

Содержательная разница между первенством (первый среди равных) и господством все-таки была. Впрочем, для черносотенных идеологов, не склонных к глубокому анализу политической терминологии, отличие между двумя понятиями было нивелировано. Поэтому в их программных документах на равных применялись оба понятия. В совместном обращении Русского собрания, СРН и Партии правового порядка, относящегося к началу 1907 г., заявлялось: «Мы будем стремиться, чтобы при свободе всех инославных вероисповеданий, наша народная православная вера, обязательно исповедуемая и нашими государями, оставалась первенствующею»⁶⁴. При этом в ноябре 1905 г. в обращении того же Русского собрания применялась иная терминология: «Православная церковь должна сохранить в России господствующее положение»⁶⁵. Нередко в черносотенных документах употреблялись и оба термина сразу: «Первенствующая и господствующая в Российской им-

перии вера есть христианская, православная, католическая восточного исповедания»⁶⁶, — говорилось в основных положениях Народных монархических союзов, разработанных председателем Астраханской народной монархической партии Н. Н. Тихановичем-Савицким в мае 1916 г.

В контексте консервативных взглядов первенствующее положение православия аргументировалось обеспечением им единого духовно-идеологического пространства многонациональной империи, что обуславливало в идейных воззрениях правомонархистов его «державную» характеристику. Параллельно с этим крайне правые трактовали православие как «национальную» религию, являющуюся источником ментальности русского народа и носительницей самодержавно-государственных начал.

Сохранение первенствующего статуса РПЦ и недопустимость отделения ее от государства в правомонархической идеологии базировалась на константах социальной философии консерватизма. В отличие от либерализма проблема государственного принуждения в данной сфере и свободы личного предпочтения подданного империи снималась не только за счет религиозного фактора⁶⁷, но и исходя из концепций органицизма и самобытного развития общества. В пылу политической борьбы государственные статус и привилегии Русской Православной церкви обосновывались черносотенными идеологами как религиозными аргументами, так и политическими.

Во-первых, единство русского государства и РПЦ базировалось на иррациональном утверждении, являвшемся предметом веры о том, что православие есть истина. Русский народ исповедовал не просто христианство, а православие, которому давалось определение как «единой истинной, апостольской и отеческой церкви»⁶⁸. В постановлениях состоявшегося в сентябре 1909 г. в Москве Монархического съезда русских людей подчеркивалось, что первенство и господство Православной церкви зиждется не только из-за признания этого государ-

ством и принадлежности к ней государя императора и русского народа, но в силу того, что «Православная вера и церковь есть Вселенская, Божественная и единая непреложная истина Христова над всеми религиозными лжеучениями»⁶⁹.

Во-вторых, православие являлось национальной религией создателя государства — всего русского народа во главе с государем императором. Исключительное положение православия мотивировалось тем, что «народ русский, в подавляющем большинстве, православный...»⁷⁰. В различных вариациях данное положение было зафиксировано в других документах черносотенных организаций. «Признавая веру православную (без различия старого и нового обряда), исповедуемую всем коренным русским населением, господствующую в России...» — заявлялось в обращении СРН, распространенном в 1906 г.⁷¹; «Союз признает веру православную, исповедуемую всем коренным русским населением, основой русской жизни, господствующую в России...» — декларировалось в избирательной программе, принятой в сентябре 1906 г. I Всероссийским съездом уполномоченных отделов СРН⁷².

В-третьих, первенствующий и государственный статус православия основывался на признании его «основой русской жизни» и роли в формировании менталитета народа. Православие есть «целое мировоззрение, веками воспитанное, народом воспринятое в свою душу, как родное, как единое истинное, как основа его жизни, и это мировоззрение закон народа должен не только охранять, но и воспитывать в сынах народа, если хочет быть родным народу, священным для него», — писала монархическая пресса⁷³.

Привилегированный статус православия в государстве правомонархистами объяснялся его особым значением в жизни русского народа, дававшим силы переносить выпадавшие на долю страны тяготы. Они подчеркивали, что православию выражает «дух народа, это его святыня, перед чем он преклоняется, что он кладет в основу своей политической,

общественной и семейной жизни...»⁷⁴. Православие сыграло огромную роль в формировании, воспитании и сохранении русского народа, став его духовным стержнем. Это наиболее проявилось в тяжелые для страны времена. По заявлению состоявшегося в 1909 г. в Москве Монархического съезда, православие «создало сущность русской национальности, всегда являлось единственно прочным и жизнотворным началом во времена общерусских бедствий (монгольское иго, борьба со шведами, ливонцами, поляками, в Смутное время, во времена Отечественной войны)»⁷⁵.

В-четвертых, в вопросе сохранения первенствующих позиций православной церкви, недопущения отделения церкви от государства и свободы вероисповеданий был еще один важный аспект — проблема сохранения самодержавия. Крайне правые выдвинули тезис о неразрывной связи православия с Русской государственностью как важнейшем условии ее существования⁷⁶. Для сохранения самодержавной монархии необходимо главное историческое условие — православность социума и господство христианского (православного) мировоззрения. Для черносотенцев монархия не являлась извне принесенной формой правления, а возникла как результат христианского воспитания народа⁷⁷, в ходе которого был сформирован особый принцип властипонимания, сфокусированный в идее «царя-батюшки».

Ключевой вопрос сохранения самодержавия для черносотенцев состоял в удержании первенствующих позиций РПЦ, выступавшей идеологическим фундаментом самодержавно-государственных начал и обеспечивавшей духовно-идеологическую цельность государства. «Русская Православная церковь приобрела национальный характер и вместе с тем дала особую окраску русской государственной власти. И немудрено, ибо русское самодержавие народилось и выросло под церковным благословением», — утверждал в своей речи на собрании монархистов студент-академик Б. Надеждин⁷⁸.

Положение о том, что православие составляло идеологическую опору самодержавия, не являлось тайной за семью печатями и для левого лагеря, который, по мнению черносотенцев, в попытках разрушения монархии сделал упор на дискредитацию РПЦ в массовом сознании. Таким образом, вопрос спасения православной монархии и всего традиционного мироустройства требовал восстановления и укрепления позиций РПЦ, иначе говоря, ее первенства.

В контексте правомонархической доктрины требование первенства православной веры подразумевало под собой восстановление утраченных в результате петровских реформ позиций и придание церкви верховного значения в государственных делах: «...Голос ее должен быть выслушиваем законодательную властью, как было встарь, в величайших государственных вопросах», — говорилось в обращении Русского собрания, датированном ноябрем 1905 г.⁷⁹ Данное положение было неоднократно подтверждено в других документах правомонархических организаций, в частности, в объединенной избирательной программе Союза русского народа на выборах в I и II Думу⁸⁰. С одной стороны, задача максимум состояла в восстановлении «русской православной монархии», существовавшей до петровских реформ, и возвращение к естественным и самобытным формам русской жизни. С другой, — задача минимум сводилась к восстановлению охранительно-защитительной функции церкви, преодолению пагубности чуждого духовного влияния и созданию надежного идеологического заслона на пути проникновения в социальную структуру общества секулярных идей и концепций.

Черносотенцы утверждали, что явление космополитической бюрократии, либеральных и революционных партий было бы невозможно при наличии мощной церковной организации РПЦ во главе с патриархом, игравших роль предохранительного клапана от секуляризма, создававшего почву для проникновения с Запада вредных идеологических воз-

действий. Низведший церковь до одного из правительственных министерств петровский абсолютизм, по их мнению, разрушил иммунную систему государства и открыл пути для инфицирования традиционного русского общества опасными идеями. «В XVIII в. государственная власть, в лице Петра Первого, значительно ослабила церковное влияние на государственную жизнь... не к своей пользе. Правда, министерство духовных дел удобнее сильным своим нравственным авторитетом патриарха. Но в трудную минуту от стоящих во главе такого управления лиц, хотя бы и духовного сана, едва ли можно было ожидать чего-либо большего обычной чиновничьей угодливости и исполнительности», — заявляли крайне правые публицисты⁸¹.

Необходимость восстановления охранительной функции православия, по мнению русских консерваторов и правомонархистов, особенно актуализировалась в начале XX в. в контексте модернизационных процессов, приводивших к разрушению ценностей традиционного общества и психологической трансформации сознания населения⁸². Исходя из консервативных представлений о социальной роли государства, крайне правые настаивали на выполнении властью своих охранительных функций, связанных с защитой духовной сферы общества от различных идеологических соблазнов, исходивших из либерального и революционного лагерей. Допущенные Манифестом 17 октября уступки врагам неограниченной монархии могли, по мнению черносотенной прессы, привести к катастрофическим последствиям. «Свобода слова и печати привела к тому, что все наше родное, дорогое уничтожается, все русское безнаказанно оскорбляется. Свобода союзов вылилась в свободу союзов злонамеренных людей, ведущих свою разрушительную против государства и общества работу под видом разных обществ. Благодаря свободе личности, эгоизм и самолюбие возросли до небывалых размеров. А свобода действий, как логическое последствие

всех предыдущих свобод, превратилась в свободу насилия над жизнью и имуществом ближних. Свобода обратилась в рабство греху!», — возмущалась черносотенная газета «Земщина»⁸³.

Реализация патерналистской роли государства и церкви должна была, по предложению правомонархистов, реализовываться жесткими репрессивными мерами. «Но в нашей обширной России, при разбросанности селений, при недостатке достаточно подготовленных пастырей, при невежестве в учении веры нашего простого народа, при любви его ко всему, что говорит о спасении души, о вечности, при убеждении его, наконец, что все, что законом дозволено, то не грешно, закон должен строго запретить всякую пропаганду ересей...», — требовало «Русское знамя»⁸⁴. Черносотенцы применяли аргументы из эмоциональной сферы. Лишенный патриархальной опеки государства и церкви, оставшись один на один с ловкими сектантскими и католическими миссионерами, народ подвергнется агрессивной пропаганде: «И вот их станут совращать... Что же: ужели не жаль этих погибающих?»

Восстановление защитительно-охранительной функции церкви предусматривалось черносотенцами посредством реализации четырех мер.

Во-первых, восстановление патриаршества и созыв для этих целей Поместного собора. «В настоящее время, когда сама церковь Православная, в особенности с тех пор, как объявлена свобода вероисповеданий, обуреваема многочисленными врагами, желателен скорейший созыв Поместного собора и восстановление исторической власти всероссийского патриарха», — говорилось в распространенном в мае 1912 г. предвыборном воззвании Союза Михаила Архангела⁸⁵.

Во-вторых, нейтрализация влияния и запрет на вмешательство во внутренние дела церкви государственной бюрократии. В целях реализации первенства РПЦ состоявшийся

в сентябре 1909 г. в Москве Монархический съезд поставил вопрос об ограничении влияния светских властей на внутреннюю жизнь церкви и ее решения. Черносотенцы потребовали, чтобы представитель государя императора в Св. Синоде в служебном положении и своих решениях был независим от Совета министров, чей состав и политика находились, с их точки зрения, под сильным влиянием «разноверных, а частью и безверных членов Государственной думы и Государственного совета, а был защитником исключительно интересов церкви в высших государственных учреждениях»⁸⁶.

В-третьих, внутреннее оздоровление церковной организации посредством избавления от священников, зараженных «крамольными» идеями. Критикуя участие духовенства в деятельности оппозиционных партий, черносотенная пресса не стеснялась в красках, описывая жуткую картину нравственного падения части священства: «...видим в митрополиях и епархиях этих пастырей, мечети, капища и сатанинские мессы»; «...патентованные служители Православной церкви попустительствуют позорнейшему издевательствам баптистов над православием, или заводят в древлепочитаемых монастырях московских хоры певиц под своим авторитетным покровительством»⁸⁷. Церковь призывалась заняться самоочищением от неблагонадежных элементов: «...если высшая духовная власть будет строго следить за проявлениями пастырей и удалять недостойных, то русская церковь окрепнет...»⁸⁸.

Критерием оздоровления РПЦ должна была стать всемерная поддержка ею правомонархических организаций. Крайне правые напоминали, что сама принадлежность к православному священству должна была определять их монархические взгляды: «Священник, не стоящий за православие, не укрепляющий самодержавия и не служащий благу православного русского народа, не может стоять у престола Божия; он должен быть низвержен из сана по учению нашей православной веры»; «...оно должно твердо стоять за православие и защищать свою

паству от совращения во всякие секты... стоять твердо за самодержавие. Пастырь должен быть примером для своей паствы в исполнении требований православной веры. Церковные каноны и постановления Вселенских соборов должны в точности исполняться пастырями: не иметь общения с еретиками и не принимать к себе в дом кто идет против Христа»⁸⁹.

В-четвертых, усиление влияния церкви во внутривнутриполитической жизни государства. Состоявшийся в сентябре 1909 г. в Москве Монархический съезд принял широкий пакет постановлений по церковным и вероисповедальным вопросам, касавшимся конкретизации места и роли РПЦ в структуре государства, оптимизации ее внутреннего устройства и управления. Предлагалось реализовать систему мер по усилению активности РПЦ, в частности, по противодействию сектантству и беспрепятственной миссионерской деятельности и публичной проповеди на всей территории Российской империи⁹⁰.

Практическая реализация первенства РПЦ включала фиксацию и максимальное развитие в правовом поле установленных преимуществ Православной церкви. Законодательные нововведения по делам веры и церкви должны были соответствовать положениям Основных Законов империи о государственном статусе православной веры и запрете на проведение инославными конфессиями миссионерской работы. Черносотенцы считали, что базовые положения российского законодательства следует оставить неизменными, т. к. их вполне устраивало существовавшее положение: «До сего времени, по нашим законам, только Православная церковь имеет право в России распространять свободно свое вероучение; другим же вероисповеданиям сего права не предоставлено»⁹¹.

Идея первенства РПЦ не была нова. Необходимость защиты РПЦ была признана самим государством и юридически подтверждена в ст. 64 Основных Законов Российской империи. «Император яко христианский государь есть Верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры и блю-

ститель прав веры и всякого церкви святой благочиния..»; «Русские люди не новшества просят, а лишь исполнения Основных Законов, кои подлежат изменению только по царскому почину. Основные Законы говорят о церкви Православной как о первенствующей и главенствующей. Ее же ныне пытаются развенчать со всех сторон. Да не будет сего», — говорилось в решениях состоявшегося в ноябре—декабре 1911 г. в Москве Всероссийского съезда СРН⁹².

В связи с тем, что для националистов религиозный фактор не имел решающего значения (в отличие от понятия «нация»), это определило их расхождение с черносотенцами по вопросу статуса РПЦ в государстве. Отношения между двумя движениями серьезно накалились в связи с попытками правительства Столыпина провести в Госдуме законопроект о свободном переходе из православного вероисповедания в инославные конфессии. 25 мая 1909 г. при поддержке фракции националистов Дума приняла законопроект о свободном переходе из православия и одобрении внеисповедального состояния. В этом черносотенцы увидели нарушение первенствующего положения РПЦ, умаление ее статуса, нивелирование ее исторической роли и узаконение равноправности с нехристианскими конфессиями. На страницах черносотенной прессы последовали заявления о предательстве правительством Столыпина национальных интересов: «Необычайно грустное впечатление произвела декларация правительства по вероисповедальному вопросу. Не хочется верить, что она исходит от правительства Русского православного государства», — говорилось в газете «Русское знамя»⁹³.

В подрыве идеологических основ государства были обвинены и представители оппозиционных партий думского большинства. «Обманули вас заправила III Государственной думы, с г. Гучковым во главе, ратовавшие как будто бы за русские интересы, а в действительности добивавшиеся в Государственной думе, при поддержке инородцев и жидовских став-

ленников, уравнения православной веры с идолопоклонством и жидовской верой» — говорилось в обращении Центрального предвыборного комитета правых к крестьянам⁹⁴. Либеральный принцип «равнодушия» государства к православию проявился, когда правительство отвергло требование церкви установить в законодательстве сорокадневный пост для увещевания отпадающих от нее: «Доказательством провозглашения в туманных хотя, для начала, выражениях принципа отделения церкви от государства служит и указание Столыпина, что государству никакого дела нет до требований церкви»⁹⁵.

Для черносотенцев уравнение православия с извечным его врагом католичеством фактически означало потерю Россией статуса православной державы, что подводило итог многовековому противостоянию: «Можно представить себе теперь всю радость врагов нашего православия. Католичество победил! Не менее радуются жида, мусульмане и язычество. Важна лишь брешь. Трещина в устье сделана. Всего только пять лет тому назад нельзя было себе представить, чтобы православие в России было унижено до одинакового положения с расколом, католичеством и лютеранством — ныне это сделано». По мнению правомонархистов, вероисповедательное безразличие открывало широкий доступ национальным меньшинствам к аппарату управления, который мог грозить ослаблением «величайшего государства в мире — Православной России»⁹⁶. Состоявшийся в ноябре—декабре 1911 г. в Москве Всероссийский съезд СРН слезно молил царя не утверждать решений, нарушающих главенствующие права РПЦ, а также «не допускать иноверцев обсуждать в Государственной думе вопросы, касающиеся православия»⁹⁷.

В принятом законе черносотенцы увидели симптом будущей гибели, который был лишь первым шагом в деле отделения церкви от государства: «...это первая тропа, пролагающая путь к иноверию для легчайшего доступа к православной государственной силе, это первая трещина к раз-

рушению величайшего государства в мире — Православной России»⁹⁸. Лишение РПЦ ее статуса и минимизация ее влияния на общество, по их мнению, неизбежно привели бы к краху выполнявшего охранительную функцию русского народа самодержавия, а вслед за ним и полному перерождению русского народа в «Иванов, не помнящих родства».

Консервативная начинка черносотенной идеологии устанавливала зависимость продолжительности жизни народов и государств от твердости духовных основ, ослабление которых неизбежно приводило к распаду: «Все нации, изменившие своей религии, в деле политической жизни должны неминуемо идти по наклонной плоскости, к гибели...». В качестве доказательств приводились и исторические параллели: «Тому примером могут служить Египет, Вавилонское царство, Греческое государство, Римское государство», — сообщала газета «Русское знамя»⁹⁹. Из современных правомонархистам государств наиболее близкой к своему смертному рубежу, по их мнению, была Франция: «... а в настоящее время Франция накануне политической смерти, что неминуемо постигнет все государства, раз они не останутся верны своей религии, не только с внешней стороны, но и по духу».

В целях сохранения первенствующих позиций РПЦ правомонархисты жестко выступали против двух обсуждаемых в обществе идей: отделения церкви от государства и свободы вероисповедания, которые они рассматривали как «дарование свободы для разорения господства православия»¹⁰⁰. Желание введения свободы вероисповеданий объединило разнообразные политические силы — не только левые партии, но и политический центр, в том числе часть бюрократического аппарата. В рамках реализации основной функции консерватизма по защите христианской традиции черносотенцы сконцентрировали свои усилия на противодействии этим планам: «...все усилия верных сынов царя и Родины должны быть направлены на отвращение этих ударов, на защиту корня. Толь-

ко таким образом можно будет сохранить целостность всего дерева, только в этом одном залог спасения царского самодержавия и целостности родины»¹⁰¹.

Исходя из концепции органицизма и «естественного» происхождения общества, черносотенцы заявляли о невозможности произвольного переноса политического и социального опыта (в том числе и политических институтов) одних обществ и государств на чужеродную почву. Состоявшийся в сентябре 1909 г. в Москве Монархический съезд требовал, чтобы все законопроекты по делам веры и церкви строго хранили начертанные в Основных Законах начала «веротерпимости», а не проводили в религиозную жизнь государства западноевропейские начала «свободы совести», которые «повсюду неуклонно завершаются отделением государства от церкви, государственным атеизмом и гонением на религию»¹⁰².

С другой стороны, константы консервативного мировоззрения ограничивали возможности реформирования общественно-политической системы в соответствии с абстрактными теориями, имевшими искусственное происхождение: «Россия как носительница идеи совершеннейшей формы монархии, идеи православного царя, может и должна заимствовать, перенимать, усваивать и развивать все истины чистой науки. Но высшие государственные учреждения, через которые проявляется воля верховной власти, законы, формы обложения и все общественные учреждения, она должна развивать самобытно, строго сообразуясь с народным духом, так как нации и государства развиваются, крепнут и гибнут исключительно благодаря только своему государственному праву»¹⁰³.

Столкновения по вопросу о свободе совести и о статусе Православной церкви демонстрировали два типа мировоззрения. Присущий черной сотне идейный консерватизм особенно отчетливо проявлялся при сопоставлении с соответствующими постулатами либерализма, лишавшего государство

трансцендентальной сущности как инструмента, предназначенного для реализации высших целей, связанных с Божьим Промыслом. В соответствии с православной традицией в вопросе государства крайне правые ставили в приоритет волю Всевышнего, из-за чего для них кощунственными представлялись либеральные идеи об общественном договоре, правах человека, свободе выбора, плюрализме мнений и т. д. Единство Русского государства и РПЦ базировалось на православной концепции государства, согласно которой основное его предназначение — исполнение заповедей Божьих, служение людям посредством принудительного обуздания зла. Согласно этой схеме представители власти назывались Божьими служителями (Рим. 13, 2—6).

Проводившееся черносотенцами в прессе сравнение трех основных форм правления — монархии, олигархии и демократии показывало, что цель спасения от греха легче всего достигается в союзе церкви и монархической власти во главе со специально подготовленным для этой миссии правителем — служителем Божьему замыслу. Такой наследственный царь, рукополагаемый и направляемый церковью, с одной стороны, сам независим от политической борьбы за власть, с другой стороны — освобождает и народ от искушения борьбы за нее. Не стесненный рамками избирательного срока, руководствуясь вечными критериями народного блага, православный царь в наибольшей степени способен обеспечить условия для духовного развития человека. Критикуя либеральные теории, идеологи черной сотни указывали, что через устранение христианства как высшего руководителя государства подрывается и личность человека, которая низводится до положения средства, орудия и даже жертвы на службе уже не данного Богом закона, а разным измышленным теориям, приносящим человека в жертву бесцельному прогрессу ради будущих поколений.

Если черносотенцы признавали приоритет дарованного Богом вечного и неизменного закона, то либералы и нацио-

налисты исходили из того, что государство само определяет политические, имущественные, гражданские и общеуголовные нормы, не считаясь с требованием церкви. Критикуя данный подход, крайне правые указывали на классовую ангажированность либерального государства, в котором имущие классы, не стесненные религиозными ограничениями, формируют законодательство, исходя из своих интересов в ущерб низшим слоям. В православном государстве законы направлены не на узаконение естественных отношений, а к самоисправлению подданных по идеям высшей правды и служения воле Божьей. Надклассовый характер православного монархического государства, по мнению крайне правых, обуславливался участием церкви в законотворчестве и доведении до власти веками выработанного опыта. «Церковь должна проникать собою все законодательство»; «Церковь всегда указывала гражданской власти, какие меры принять для скрепления русских граждан между собой...»; «Церковь имела право высказывать свои требования и указания, при этом государство не должно было пренебрегать мнением церкви», — указывала черносотенная пресса¹⁰⁴. При этом монархисты делали существенное уточнение, позволявшее уйти от обвинений в клерикализме: «Но она должна быть лишь духом законов и вовсе не брать на себя, в свои руки самого управления государством». В этой связи представитель государственной власти выступал не обладателем всех прав человеческого общества, а носителем обязанностей общества по отношению к церкви, т. е. к делу Божьему на земле. Черносотенная пресса разъясняла: «Царь России есть царь православный, он же блюститель христианской церкви. Казалось бы, из этого следует вывод один: царь есть закон России; он же, следовательно, закон и в гражданских делах, касающихся церкви. Но так как царь есть только блюститель церкви, то, очевидно, в законодательстве, соприкасающимся с церковью, царь должен руководствоваться лишь ее святы-

ми указаниями. Государи российские так всегда и поступали. Поэтому все законодательство до последнего времени носило на себе следы внушения церкви, и потому только Россия расширила свои пределы, заняв шестую часть света»¹⁰⁵.

Секулярные европейские концепции лишали государство идеократической сущности и наделяемого ею церковью особой миссии. В свою очередь, церковь низводилась до одного из общественных институтов, не имевшего права претендовать на использование возможностей государства по выполнению своей функции и получение с его стороны поддержки. По существу, отчуждение государства от церкви приводило к разрыву с народом, так как его воззрения имели религиозную основу. Это в корне противоречило черносотенной доктрине, базировавшейся на консервативном постулате защиты христианской традиции. Получая от церкви духовное наполнение, государство выступало защитником православия: «Так должна веровать его государственная власть, потому что так верует его народ. Тут должны все либеральные, «всечеловеческие» соображения и теории быть отложены в сторону... И закон должен это делать не потому, что вера православная сама по себе нуждается в такой охране, а просто потому, что православие есть основа жизни русского народа, есть душа души народной, что православию обязан народ всеми теми сокровищами духа, которыми восхищались даже другие народы, — сокровищами, которым обязана Русь своим величием, духовною красой, своим единством, могуществом и без которых она — погибнет, исчезнет с лица земли...»¹⁰⁶.

В отличие от черносотенцев, наделявших государство трансцендентальной сущностью, идеологи либерализма нередко исходили из парадигмального восприятия его как извечного ограничителя прав и свобод человека, источника принуждения, насилия и злоупотреблений над гражданами, что изначально закладывало негативное отношение к власти как таковой и стремление локализовать государственные зло-

употребления¹⁰⁷. Отказывая государству в защитной функции по отношению к РПЦ, либералы волей-неволей выступали союзниками сектантских ересей: «Запретите уряднику препятствовать сектанту-проповеднику совращать православных простецов в какую-нибудь нелепую секту — наш либерал будет протестовать против миссионера или священника, который не может же не принимать мер против такого совращения. Уж такова душа у наших «либералов», что она только и дышит протестом»¹⁰⁸.

Крайне правые указывали, что на деле реализация принципа свободы исповеданий приводила не к истинной свободе, а развязывала руки сектантам и прочим мошенникам от религии в борьбе за души людей: «Вот наши либералы, левые, коим претит святое православие, и добиваются всеми мерами, чтоб всем неправославным было предоставлено право свободно пропагандировать свое лжеучение, совращая православных в разные секты, особенно модные в последние годы, — штунду, баптизм, адвентизм и прочие немецкие ереси»¹⁰⁹.

Исходя из определения русского народа по принадлежности к православной вере, вопрос его сохранения находился в духовной плоскости. Помимо распространения революционных по отношению к устоявшейся идеологии учений либерализма и социализма, другим угрожающим фактором православному мировоззрению русского народа, по мнению черносотенцев, стали неправославные конфессии. Крайне правые указывали, что принятие в 1909 г. закона о свободном переходе из православия в другую веру привело к небывалой для страны активизации сектантства, что, наряду с распространением секулярных учений либерализма и социализма, формировало дополнительную опасность для православного мировоззрения подданных. В 1911 г. ярославские черносотенцы вопрошали: «Чем объяснить ту дерзость, с которой еретики и сектанты, изрыгая открыто хулы на Святое православие,

свободно распространяют свое погубительное лжеучение среди русского народа»¹¹⁰.

Утверждая неготовность государства, РПЦ и самого православного народа жить в условиях режима свободы совести, правомонархическая пресса акцентировала внимание на негативных последствиях объявленных религиозных послаблений. Указывая на «воинствующий» и «злоупотребляющий терпимостью РПЦ» характер деятельности католической церкви, крайне правые прогнозировали в стране рост межнациональных и межконфессиональных конфликтов: «Что дала эта свобода Белоруссии? Прежний мир, прежние добрососедские отношения между православными и католиками отошли в область преданий. Взамен пышно расцветает иезуитская пропаганда и стремление подчинить Св. Русь влиянию Папского престола в Риме. Идет усиленная пропаганда полонизма и католицизма не только в Западном крае и Польше, но и по всей России»¹¹¹.

Обосновывая свою позицию по недопущению введения в стране режима свободы совести и уравнивания статуса РПЦ с инославными конфессиями, правомонархисты прогнозировали рост нападков на православие со стороны сектантов, которые воспользуются поводом подорвать в народной среде позиции первенствующей церкви: «Вот в том-то и опасность, что стоит дать так называемую свободу вероисповедания, как ею овладеют всякие предатели Христовой веры. И тогда начнется поругание...»; «...будет просторно и жиду, и немцу, и всякому иноверцу и инородцу, только русскому православному человеку — ох как придется тесно!»¹¹². Другим аргументом против религиозной свободы называлась неготовность православных пастырей к существованию в условиях прямой конкуренции. Жесткой критике подвергался тезис либеральных оппонентов о том, что отсутствие свободы и развращенность патерналистской поддержкой государства не дает РПЦ возможности раскрыть свой потенциал.

Данная мысль была озвучена еще русским философом Владимиром Соловьевым, чьи слова цитировались на страницах черносотенных изданий: «...именно потому, что истина веры стала исключительно предметом благочестивого (а иногда и неблагочестивого) охранения, она потеряла живую и действительную силу, отделившись от действительности, перестала быть жизненной правдой»¹¹³. Спорной правовомонархистам казалась и высказываемая либералами идея о необходимости поставить церковь в трудное положение, чтобы пробудить в ней дух жизни: «Какая заманчивая перспектива: разбудить спящее духовенство, оно волей-неволей должно будет выступить в защиту православия; самый ленивый батюшка вынужден будет заняться изучением ересей, чтоб не быть осмеянным сектантскими пропагандистами; православные заинтересуются религиозными спорами, а наши интеллигенты, наши либералы всех покроев будут исподтишка посмеиваться над батюшкой, над его неумением отражать софизмы сектанта. Батюшку будут обижать, над православием будут издеваться, а полиция не смей подходить, потому — свобода». Давая такую оценку либеральным концепциям, «Русское знамя» писало: «В теории все будто выходит хорошо, а на деле вот... не всегда так»¹¹⁴.

Невозможность существования РПЦ в условиях прямого соперничества с инославными конфессиями объяснялась черносотенцами и рядом других обстоятельств. Во-первых, разность ментальности православного духовенства и сектантских миссионеров обуславливала различие приемов и средств борьбы за паству: «...мы, православные, несмотря ни на какую свободу, всегда будем связаны в своей совести нравственным законом, а враги наши всякое средство считают дозволенным, а паства наша далеко не всегда это понимает, не всегда способна оценить дух кротости и смирения, которым должен руководствоваться пастырь; иногда наглость сектанта будет возвеличена как голос твердого убеждения в истине, и священник будет поруган, осмеян под покровом

“свободы исповеданий”?»¹¹⁵. Во-вторых, несопоставим был и уровень финансовых возможностей РПЦ и инославных конфессий по проведению миссионерской работы. «Поляки ксендзов содержат очень богато, а финляндские пасторы живут по-княжески», — утверждалось в постановлениях состоявшегося в ноябре—декабре 1911 г. в Москве Всероссийского съезда СРН¹¹⁶. В-третьих, препятствующим фактором являлось общее состояние православного духовенства, которое отгородилось от народа и его нужд глухой бюрократической стеной. «Но, служа всем существом своим прежде всего православной церкви, народ не может не видеть, что, обращаясь к пастырям, в послушании коим народ обретается, — он получал и получает не хлеб, а камень, не рыбу, а змею, готовую ужалить», — писало в 1911 г. «Русское знамя»¹¹⁷.

В противовес либеральной альтернативе «свободы веры» черносотенцы предложили идею веротерпимости, согласовавшуюся с концепцией христианского государства принципом первенства и государственных преимуществ РПЦ. Под веротерпимостью понималось право каждого подданного империи исповедовать любую религию без права религиозной пропаганды или переманивания в свою веру представителей других исповеданий¹¹⁸. В кратком виде данная идея была сформулирована в утвержденной в апреле 1907 г. программе Союза русских рабочих людей: «...считая Православную церковь господствующей, члены Союза относятся к другим вероисповеданиям с полной терпимостью»¹¹⁹.

Бесспорным аргументом в пользу принципа веротерпимости являлась его опора на традицию, возвращение к которой для черносотенцев было смыслом деятельности. Газета «Русское знамя» утверждала, что в допетровской Руси иностранцы не преследовались за исповедывание инославных верований, при условии нераспространения среди православных своего вероучения. Являясь самым веротерпимым государством своего времени, Московское царство до великого раскола

практически не знало массовых гонений, пыток, инквизиций и религиозных распрей, причем русское духовенство всегда являлось противником этих нехристианских приемов¹²⁰.

Требование веротерпимости при сохранении первенствующего положения РПЦ означало наложение ограничений на инославные конфессии. В отличие от либерального понятия свободы вероисповеданий принцип веротерпимости определял четкие границы осуществления деятельности неправославных вероисповеданий: «Пусть они веруют своей, иногда сожженной совестью как хотят, но не смей касаться чужой совести, не смей смущать православного»¹²¹. Пытаясь предупредить критику за религиозную нетерпимость, черносотенцы делали заявления о том, что в так называемых свободных государствах гонения по религиозным мотивам имеют больший масштаб, чем в России.

Законодательство Российской империи о РПЦ как государственной религии, имевшей первенствующее значение, должно было неукоснительно соблюдаться. В первую очередь, самими властными структурами. Черносотенцы настаивали на жестких мерах против конкурирующих конфессий: «Либералы нам скажут: вы хотите полицейскими мерами охранять православие? — Да хотя бы и полицейскими, — в том смысле, что вот этих совратителей привлекать к строгой судебной ответственности, невзирая на их вопли о свободе совести»¹²². Состоявшийся в сентябре 1909 г. в Москве Монархический съезд подталкивал полицейскую машину к активным действиям: «Чтобы подлежащая власть приняла безотлагательно меры к пресечению хулы на Святое православие в прессе и особенно в сектантских и так называемых старообрядческих изданиях, как, например, в журналах: «Баптист» и «Церковь», а равно и в изданиях так называемого иоаннитского «Кронштадтского маяка», а также приняла меры к изъятию из обращения богохульных антихристианских и безнравственных печатных произведений, как-то: Ренана, Л. Толстого, Арцыбашева, со-

циалистических авторов и т. п.»¹²³. Черносотенцев не останавливало то, что борьба с идеями насилием и запретительными мерами вызывает лишь фанатизм и нередко желание получить мученический венец: «Тут не может быть никаких рассуждений «о свободе совести». Руки прочь и — конец»¹²⁴.

Принцип первенства РПЦ обуславливал признание правовых ограничений в отношении «вредных» и «изуверных» сект. «Не о насилиях над чужою свободой совестью говорим мы, а об ограждении такой свободы для православных верующих от покушения на нее со стороны инаковерующих — вот в чем наша забота», — разъясняла черносотенная пресса¹²⁵. Градация религиозных организаций на враждебные и дружественные определялась четкими критериями, сформулированными состоявшимся в марте 1909 г. в Ярославле III Частным совещанием отделов Союза русского народа: «...терпимость к остальным вероисповеданиям (за исключением вредных сект) может быть проявлена постольку, поскольку эти вероисповедания не грозят православию русского народа»¹²⁶.

Заявлялось, что все религии в России имеют право на проповедь в пределах своей национальной территории, если не подрывают традиционные устои и имеют нацеленность на достижение общегосударственных задач. Критерием негативного отношения выступала миссионерская активность на территории империи. «Свобода совести иноверцев еще не означает угнетения совести православных», — отмечалось в программных документах черносотенных союзов¹²⁷. Наибольшую склонность прозелитизму, по утверждениям монархической прессы, проявляла католическая церковь, занесенная в список «непримиримого зложелателя православия». РКЦ вменялось в вину агрессивная религиозная пропаганда среди православного населения Западной и Северо-Западной Руси¹²⁸. Особую остроту эта проблема получила в связи с Холмским вопросом: «...спешат всеми правдами и неправдами расширить область, населенную католиками, надеясь таким способом приобщить

явочным порядком к Польше если не всю, то хотя бы часть Западной Руси, как они уже приобщили к ней такими же приемами многострадальную Холмскую Русь»¹²⁹. Католическая экспансия фиксировалась правомонархистами даже в таких оплотах православия, как Санкт-Петербург, Москва и Киев¹³⁰.

Размах активности католиков заставлял черносотенную прессу с язвительной ноткой обращаться к главе Священного синода В. К. Саблеру: «Совершенно неожиданно для русских оказалось, что Польша и Рим завоевали Москву и Петербург и устроили там католические сакрекеры и урсулиско-иезуитские пансионы чуть не у порога самого Святейшего Синода»¹³¹. Католический прозелитизм становился серьезным фактором в территориальных спорах и геополитическом раскладе тогдашнего времени. Черносотенцы, по существу, выступали лоббистами интересов православия, используя для этого специфические методы социально-политической борьбы. Крайне правые били тревогу, о чем свидетельствовали многочисленные кричащие заметки: «Русская земля в руках польских панов-католиков»; «Для католической шляхты отобрали землю у русских помещиков и дали совсем даром, а русского мужика гонят чуть не в Китай»; «Русские власти чуть не целуют рук у польских панов»; «...в Киеве на каждой улице баптистская соборня, на каждом шагу католический ксендз. Хуже, чем во времена Речи Посполитой» и т. д.¹³²

Другую угрозу позициям православия представляли протестанты, чьи организации, лишенные иерархического устройства, оказывались более энергичными и мобильными в работе с населением, чем обюрократившаяся церковная структура РПЦ. Крайне негативным было отношение черносотенцев и к проблеме православного сектантства, а также «русского баптизма». Серьезную озабоченность вызывали бурно расцветшие в послереволюционное время теософские, религиозно-философские, штундистские и прочие псевдорелигиозные организации, которые предлагалось закрыть со

«строжайшим воспрещении им публичного оказательства, потому что они, в сущности, не представляют собою того, что разумеется под понятием «вероисповедания»¹³³. «Русское знамя» с возмущением писало: «Имеются сведения, что в русском граде святого Петра уже утвердился культ сатаны и что там совершаются дьявольские «черные мессы», страшно подумать, что ожидает нашу несчастную столицу: Господь поругаем не бывает»¹³⁴.

Наложение законодательных ограничений на инославные конфессии должно было, по мысли теоретиков крайне правых, заключаться, в первую очередь, в запрете на публичную проповедь: «Мыслимо ли допустить, чтобы в православном государстве каждый еретик-пропагандист свободно отторгал от Православной церкви в простоте верующие души?»¹³⁵. Это не означало запрета на миссионерскую деятельность в рамках национальных границ. «Инославным и иноверным исповеданиям, — провозглашал Союз русского народа, — предоставляется полная свобода отправления их обрядов и религиозной жизни, но пропаганда этих исповеданий безусловно воспрещается во всей империи»¹³⁶. Совершенный запрет на какую-либо религиозную деятельность налагался на изуверные секты.

Крайне правые настаивали на лишении отпадающих от православия гражданских прав, строгом наказании за пропаганду сектантства и «совращение из православия», запрете сектантских собраний с присутствием на них православных, установлении строгого надзора за сектантской печатью¹³⁷. Предлагалось на законодательном уровне запретить местным властям предоставлять помещения для сектантских собраний, а миссионерскую работу сект признать «противогосударственной крамолой, стремящуюся покорить народные умы и сердца под инородческое... иго и влияние с целью раздробить целостность православной государственности и в конце обобрать духовные и материальные богатства православного корен-

ного народа — собирателя, строителя и единого истинного первенца империи». Председатель СРН А. И. Дубровин ходатайствовал перед Священным синодом об отмене положения Совета министров от 4 марта 1908 г. о возвращении католическому духовенству зданий и имуществ, конфискованных в XIX в. за пособничество польским мятежам¹³⁸. Жесткость мер обосновывалась не только угрозой существованию государства, но души человека: «Простительно и нам, грешным, иногда прибегнуть к власти полицейских, чтоб оберечь простых сердцем овец Христовых от волков хищных»¹³⁹. Насилие по отношению к разрушителям души человека должно было быть поддержано всем православным сообществом.

Как видим, в рамках присущей консерватизму функции защиты христианских традиций на канонических территориях РПЦ активность представителей Римско-католической церкви и сектантских объединений черносотенцами предполагалось подавлять посредством жестких репрессивных мер. Укреплению православного мировоззрения подданных должна была способствовать борьба и с различными «еретическими» социальными учениями переустройства мира, в первую очередь с либерализмом и социализмом. На протяжении всего периода существования черной сотни ее позиции по данному вопросу оставались неизменными, что не могло не повышать градус политической, межнациональной и межконфессиональной напряженности в обществе.

§ 3. Консервативные основы политической проблематики в идеологии черной сотни

Помимо разности базовых компонентов правомонархической и националистической доктрин, в частности, проявившейся в отношении к религиозному фактору, эти направления политической мысли разделяли другие, не менее важные позиции. Как свидетельствует анализ их отношения

к проблеме государственного устройства и самодержавной форме правления, взаимоотношения между крайне правыми и националистами были достаточно натянутыми, а подчас — прямо враждебными. Еще большая пропасть в отношениях к приемлемым формам государственного правления лежала между черносотенцами и фашистами. Несовпадение взглядов касалось фундаментальных вопросов об источнике (легитимности) властных полномочий, возможности ограничения верховной власти, отношении к народному представительству (парламенту) и ряде других.

По мнению крайне правых идеологов, в начале XX в. черная сотня оказалась единственным в стране политическим движением, продемонстрировавшим цельное историко-государственное мировосприятие и определившим роль и место самодержавия в истории России. Краеугольным камнем политико-идеологической концепции правомонархических организаций стала идея Русской православной монархии и обоснованное русскими консерваторами XIX в. положение об историческом союзе самодержавия и русского народа¹⁴⁰, эффективное взаимодействие которых доказывалось выживанием российского государства в непростых геополитических условиях и созданием не имевшей в истории аналогов империи. Исходя из черносотенного определения русского народа по принадлежности к православной вере, по мнению правомонархистов, его выживание зависело от сохранения первенствующих позиций РПЦ, которые могли быть обеспечены только в условиях сильной самодержавной монархии.

Рассмотрим подробнее систему аргументации крайне правых по проблемам самодержавия как условия сохранения и выживания русского народа. К основным тезисам относились:

1. *Исключительная роль самодержавия в формировании русского народа и государства.* Данный тезис проистекал из исторических заслуг русского самодержавия в формировании русского народа, создании сильного государства и крупнейшей в

мире империи, которое «уже с самого зарождения своего на Руси всегда являлось единственно могучим объединяющим как русские племена, так и весь инородческий мир началом на основах справедливости, всегда было и будет единственно могучим защитником масс народных и совершенно беспристрастным вершителем судеб народных...»¹⁴¹.

Плодотворный исторический опыт существования России, по мнению крайне правых, подтверждал тезис о самодержавии как выразителе интересов русского народа. С точки зрения черносотенных идеологов, самодержавие являлось формой организации русского народа, так как русская нация появилась с формированием власти, оказавшейся способной мобилизовать силы и мощь народа: «Сильной русской национальности не было до выработки идеала неограниченной царской власти. Явился царь — явилась и нация. Одно от другого не отделимо»¹⁴². Представляя из себя концентрированную волю русского народа, самодержавие сумело раскрыть скрытый потенциал нации, соорганизовав народ и направив его энергию в созидательное русло, обеспечив как территориальный рост страны, так и ее военную и экономическую мощь: «На пространстве многих веков власть эта неуклонно вела Россию к могуществу и силе»¹⁴³.

Правомонархисты утверждали, что идеократическая самодержавная конструкция зиждилась на православном мировосприятии, согласно которому божественная природа власти царя накладывала на него огромную ответственность за все происходящее в стране перед Всевышним. «Тебе, великий государь, народ вверил судьбы свои, и только ты один дашь ответ пред Богом и историей за целость, сохранность и покой вверенной тебе державы, и только ты один пока еще можешь водворить мир и порядок в родной стране», — говорилось во всеподданнейшем адресе, принятом на общем собрании монархических партий 8 августа 1906 г.¹⁴⁴ Следуя эсхатологическим представлениям, правомонархисты считали, что с

падением самодержавия Бог мог отвернуться от России, что повлекло бы ее исчезновение с карты мира.

В идейных взглядах правомонархистов утверждение самодержавия в качестве стержневого компонента государственной конструкции протекало в русле религиозных представлений, где династия Романовых являлась ниспосланной благодатью Божьей: «Все, что было сделано доброго и великого в России, все было сделано волей помазанника Божьего»¹⁴⁵; «Воцарился дом Романовых, и растерзанное тело нашей государственности стало крепнуть и расти и развивалось из небольшого Московского царства в необъятную Российскую империю. Трудями преемников царя Михаила Федоровича сковано это могучее государство. За три века нет великого события в русской истории, над которым бы не витало славное имя Романовых»¹⁴⁶. В черносотенной публицистике незаменимость самодержавия обосновывалась не только из области рациональной аргументации, но и из сферы богословских представлений: «Народная душа полна горячею благодарностью Господу Богу, создавшему род Романовых и повелевшему ему царствовать над Св. Русью»¹⁴⁷.

Тезис о самодержавии как условии существования русского народа и государства доказывался его созидательной ролью в истории страны, что, по мнению крайне правых, указывало на органичность авторитарной государственной системы: «Более 1000 лет Россия управлялась царями и, при милости Божьей, достигла славы и могущества, — великою державой стала» — говорилось в обращении СРН¹⁴⁸. Самодержавие доказало свою эффективность, обеспечив территориальный и могущественный рост страны, путем ее поступательного эволюционного развития: «...когда осуществилась в России самодержавная единоличная царская власть, Россия начала расширяться, достигнув таких колоссальных размеров»¹⁴⁹.

Подчеркивая роль самодержавия в истории России, черносотенные публицисты утверждали, что все достижения

страны во многих сферах человеческой деятельности неизменно оказывались связанными с государством: «Целый ряд победоносных войн, блестящая плеяда народных поэтов, литераторов, композиторов, художников, героев и ученых, лавровым венком увенчали благородное чело русского народа за его исторические подвиги и страдания, за бессмертность его святого идеала — самодержавие царское, вера православная, Родина — могучая и неделимая»¹⁵⁰.

Территориальные приобретения страны и ее роль в мире делали для правомонархистов безальтернативным не только самодержавный способ правления, но и династию Романовых: «...первый Романов, царь Михаил, укрепил государство, второй — возвратил от Польши Малороссию, а третий — Петр Великий отвоевывает выход к Балтийскому морю и закладывает основы для роста могущества империи»¹⁵¹. Черносотенцы указывали на явную результативность и эффективность трехсотлетнего правления династии Романовых, считая ее Божьим посланием. «Самодержцы — потомки царя Михаила Первого за 300 лет своего неограниченного правления Русскою землею вырастили из малого и слабосильного Московского царства великую империю — владычицу шестой части земного шара и могущественную царицу всего православного мира», — писал в обращении председатель СРН А. И. Дубровин¹⁵². В самодержавно-православной идее и правящей династии, по убеждению черной сотни, скрывался нераскрытый еще потенциал, которому предстоит проявить себя при условии возвращения русского общества на путь стабильного развития: «Поэтому в царствующем государе, являющемся единственным во всем мире неограниченным самодержцем, и в благополучии и долголетье дома его вся наша опора в настоящем и наше светлое счастье в будущем»¹⁵³.

В оценках исторического пути России крайне правые редко находили место народным массам, зачисляя все успехи страны только на счет династии: «Весь рост нашей империи,

ее слава и величие представляют собою священные плоды веры, мудрости и любви самодержцев из рода Романовых. Они вывели наше Отечество из ничтожества и сделали его крепкою, единою, неделимою, необъятною державою»¹⁵⁴. В отличие от противников из либерального лагеря черносотенцы не были склонны акцентировать внимание в оценке исторического пути на «неприятные» частности. Их подход отличался глобальностью: «Плохо ли, хорошо ли управлялось это освободившееся от тяжелого рабства государство, можно судить лишь по результатам, а история свидетельствует, что много разных бед и невзгод пришлось перенести Руси: не раз она была почти на краю гибели, но всегда сама выходила из них с честью, спасала другие народы и все росла, крепла, приумножалась и ныне является властительницей 1/6 части земного шара»¹⁵⁵.

2. *Патернализм самодержавия по отношению к русскому народу.* Следуя русской консервативной традиции, черносотенцы уподобляли государство семье, где монарх как «отец нации», выполнял миссию по нравственному и физическому оздоровлению русского народа, ограждая его от различных «соблазнов» и направляя на путь религиозного воспитания¹⁵⁶. Данная задача могла быть решена только в рамках сильного государства с мощным охранительным потенциалом. «...Устойем (после православия. — М. Р.) русской государственности, как и всякого вообще государства, является сильная и твердая верховная власть...», — писала в 1908 г. газета «Русское знамя»¹⁵⁷.

Черносотенная пресса заявляла, что при упразднении монархии и установлении республиканского способа правления утверждение либеральных ценностей, в первую очередь индивидуализма, неизбежно скажется на демографическом состоянии. В качестве примера приводилась Франция, где охвативший массы эгоизм подорвал культ семьи и запустил процессы вырождения страны. «Для каждого правильно мыслящего че-

ловека очевидно, что такая нация, — если пока еще не совершенно погибшая, то уже погибающая, ибо ей невозможно вынести ни военного, ни экономического, ни какого-либо иного соперничества с соседними процветающими нациями... Политический режим, доведший ее до такого критического состояния, бессилён укрепить ее расслабленный за эти сорок лет организм», — писало в марте 1908 г. «Русское знамя»¹⁵⁸.

Другая картина крайне правым представлялась в соседней Германии, где монархия, противодействовавшая либерализму, пропагандировала патриотизм и национальное достоинство. Население Германии вдвое превышало таковое во Франции, тогда как «полвека тому назад жителей в обеих этих странах было почти поровну». На фоне вымирающей Франции ежегодный прирост населения в Германии — более миллиона человек в год вызывал у черносотенцев восхищение: «Вот оно как шагает Германия!»¹⁵⁹. Причиной вырождения Франции называлась отстаиваемый либерализмом принцип свободы самовыражения, выливающийся на деле в крайний эгоцентризм, своеволие и безнравственность.

3. Охранение самодержавием базовых ценностей русского народа. По мнению правомонархистов, из положения о самодержавии как эталоне русской государственности вытекала его защитная функция по отношению к первенствующему положению русского народа и его духовным и культурным национальным особенностям от внешних и внутренних идеологических воздействий, что было зафиксировано во многих документах черной сотни. «Самодержавный царь есть истинный и мощный защитник Русского государства и русского народа от всего враждебного», — говорилось в одной из черносотенных листовок, распространенной в августе 1906 г.¹⁶⁰ «Царь есть единственный представитель русского народа и охранитель его достоинства перед другими народами», — утверждалось в предвыборном воззвании СМА, выпущенном в мае 1912 г.¹⁶¹ Самодержец выступал защитником русского народа

от притязаний национальных меньшинств на ведущую роль в стране: «Он никогда не даст в обиду коренное население ни евреям, ни инородцам»; «Он с своим правительством и войском защитит народ от крамолы»¹⁶².

Черносотенцы предсказывали, что при ликвидации самодержавия и устранении института монархии русский народ оставался бы один на один с инородческими врагами, которые бы «хитростью и обманом» добились не только распада России, но и политического и экономического закабаления русского народа.

Важнейшей причиной, вызывавшей необходимость сохранения неограниченной царской власти, являлась, по мнению крайне правых, потенциально чреватая опасными межнациональными и межконфессиональными конфликтами неоднородная национальная структура империи¹⁶³. В условиях сильных центробежных тенденций только самодержавие с его громадным репрессивным аппаратом могло подавить революционное и сепаратистское движения и обеспечить защиту русского населения на национальных окраинах. «...Только твердая царская власть, основанная на непосредственном единении царя с народом... может дать безусловные гарантии прочного правового порядка в таком разноплеменном государстве, как Россия», — говорилось в одном из первых обращений Союза русского народа, вышедшем в конце 1905 г.¹⁶⁴ Данная мысль была зафиксирована и в постановлении III Частного совещания представителей отделов Союза русского народа, состоявшегося в марте 1909 г. в Ярославле: «Россия должна и впредь управляться самодержавным неограниченным государем, так как только под его державой возможно существование Русского государства в его теперешнем объеме ...»¹⁶⁵.

4. Защита самодержавием русского народа от внешних угроз. Необходимость сохранения и укрепления самодержавия обосновывалась черносотенцами сложившейся в начале

XX в. неблагоприятной международной обстановкой. Официальные документы правомонархических организаций предупреждали о скором начале мировой войны. «Грозные тучи надвигаются со всех сторон на Россию. Революция и резня у наших соседей в Китае и Персии. Агитация жидов против России в Америке и Австрии. Распад Турции и брожение на Кавказе и в Финляндии — все заставляет Россию ждать войны со дня на день», — заявлялось в опубликованном в январе 1912 г. циркуляре Главного совета СРН¹⁶⁶.

Из оценки международной обстановки для правомонархистов вытекала необходимость укрепления монархии, а не расшатывание ее устоев во внутренних межпартийных ссорах и смутах. В противовес демократическим институтам черносотенцы указывали, что быструю мобилизационную готовность может обеспечить только единая государственная власть, наиболее приспособленная к эффективным действиям в условиях чрезвычайной ситуации. Монархист Н. Н. Черняев подчеркивал, что русское самодержавие есть тот «аппарат, благодаря которому Россия в любую минуту и притом в самых трудных случаях своей жизни может превратиться как бы в один вооруженный стан, одухотворенный одной мыслью и способный как к несокрушимому отпору, так и к грозному натиску»¹⁶⁷.

Обращаясь к прошлому, черносотенцы утверждали, что самодержавие не только обеспечило выживание русского народа в сложных геополитических условиях, но и выполняло цивилизаторско-миссионерскую функцию: «...царь всегда внимал голосу своего народа: хранил православие, взял под свою защиту Малороссию и Белороссию, возвратил России святой Киев, распространял грамоту, чтобы каждый мог читать Евангелие — конституцию России и стремился исполнить заветное мечтание русского народа, его мировую задачу — водрузить крест на святой Софии»¹⁶⁸.

5. Обеспечение самодержавием единства и неделимости Российской империи как условия выполнения русским народом месси-

анской задачи. Все черносотенные организации внесли в свои программные установки требование твердой власти, способной противостоять дезинтеграционным процессам в многонациональной и многоконфессиональной Российской империи. Наиболее емко оно было сформулировано в предвыборном воззвании Союза Михаила Архангела в мае 1912 г.: «Для сохранения целостности империи и защиты ее от внешних врагов, безусловно, необходима — сильная, ничем не ограниченная, ни от кого, кроме Бога, не зависящая, а потому нелицеприятная государственная власть»¹⁶⁹. Иными словами, сохранение целостности империи зависело от проблемы консервации самодержавия, рассматривавшегося как цемент империи и условие существования разноплеменного государства.

В концентрированном виде эта идея была выражена в постановлении состоявшегося в 1909 г. в Москве Монархического съезда русских людей: «Самодержавие... уже с самого зарождения своего на Руси всегда являлось единственно могучим объединяющим как русские племена, так и весь инородческий мир началом на основах справедливости, всегда было и будет единственно могучим защитником масс народных и совершенно беспристрастным вершителем судеб народных и носителем незыблемых идеалов русской государственности и культуры среди подвижных, непрерывно сменяющихся течений в настроении различных классов и партий в государстве. Без этих создающих существенные черты русской национальности начал последняя явится в жизни государства только зоологическим признаком и, лишенная содержания, легко может подвергнуться разным лжетолкованиям, к чему уже и приступили октябристы и кадеты»¹⁷⁰.

Признавая в современном им монархическом государстве значительное количество нерешенных социальных проблем, правомонархисты принимали исходный принцип самодержавия, напрямую связанный с тезисом о богоустановленности царской власти. Из русского консерватизма

черносотенцы унаследовали мысль митрополита Филарета Московского: «...Бог, по образу Своего небесного единачалия, устроил на земле царя; по образу Своего вседержительства — царя самодержавного; по образу Своего царства непреходящего, продолжающегося от века и до века, — царя наследственного»¹⁷¹.

Самодержавие рассматривалось крайне правыми не как форма правления, а как форма организации высшей верховной власти, отражающая структуры высшего мира, что определило ее идеократичность. Будучи сторонниками религиозной монотеистичности, черносотенцы калькировали небесный мир на земную почву, рассуждая по принципу: «Один Бог, один царь», «Демократия в аду, а на небе царство». Показательно поэтому, что возникшая в 1907 г. крупная черносотенная организация взяла название Михаила Архангела. Объяснение этого имело религиозную основу: «Русский народный союз призывает на себя покровительство архистратига Михаила Архангела как представителя грозных небесных сил, низвергнувшего в бездну, по велению Царя Царей, первого во Вселенной крамольника, восставшего против Божеского Единодержавия»¹⁷².

Заложенные в основу правомонархической доктрины представления о мире как произведении Всевышнего определили восприятие самодержавия в неразрывном единении с РПЦ и русским народом. Комплекс самодержавно-государственных представлений черносотенцев базировался на религиозном фундаменте, а потому представлял из себя предмет веры правомонархистов, который не мог обосновываться секулярными методами. Утверждая религиозные основы власти, черносотенцы четко и ясно заявляли, что источником власти был Бог, а не народ¹⁷³. В исследовании группы правых деятелей, объединенных в «Кружок москвичей», говорилось: «Политический строй Русского государства составляет предмет настоящей и политической веры русского народа, кото-

рой он держится и будет, несмотря ни на что, твердо и неизменно держаться именно как веры»¹⁷⁴.

Данное обстоятельство подчеркивается и современными исследователями. В частности, С. В. Лебедев утверждал: «Для России всегда была характерна огромная роль *веры* народа в существующий политический порядок. Когда власть в России теряет свой сакральный характер, то государство стремительно рушится»¹⁷⁵.

Привитое исследователями черносотенцам «самодержавное кредо»¹⁷⁶, под которым подразумевался приоритет самодержавия перед православием, не вполне верно. Акцент на самодержавии черносотенцы делали по причине актуальности и явственности угроз в начале XX в. именно этому элементу триединства, так как острие критики оппозиции в меньшей степени затрагивали вопросы изменения положения РПЦ и русского народа. В контексте взглядов правомонархистов приоритет православия определялся формированием всей идеократической конструкции самодержавия, что родило тезис о неразрывной связи православия с русской государственностью как важнейшем условии ее существования¹⁷⁷. «Русская православная церковь... дала особую окраску русской государственной власти. И немудрено, ибо русское самодержавие народилось и выросло под церковным благословением», — писала черносотенная пресса¹⁷⁸. Православие являлось идеологической опорой самодержавия, которое «освящало и освящает как незыблемую основу государственности русской»¹⁷⁹. В различных документах и материалах периодической печати неизменно подчеркивался религиозно-идеократический взгляд на государство: «Русское государство держалось верой православной, царем самодержавным и русскими людьми — это были скрепы огромной невиданной в истории человечества империи»¹⁸⁰.

Признавая, что наиболее приближенным к идеалу Русской православной монархии являлось допетровское само-

державие, сумевшее реализовать модель «единения царя с народом», крайне правые идеологи утверждали, что неограниченное самодержавие является конструктивным образом будущего, т. к. в завершённом виде и окончательно установившейся форме никогда не существовало¹⁸¹. Монархисты восприняли славянофильскую идею о том, что самодержавие есть недостижимый идеал, требующий кропотливой и долгой внутренней духовной работы всего общества для воплощения его в органичные рамки. Даже в незавершённом виде, по их мнению, Русская православная монархия раскрыла свой потенциал, проявившийся в эффективности успешного государственного строительства на протяжении ряда веков.

Отвергнув секулярные концепции происхождения монархии (доктрина общественного договора, классового происхождения государства и т. д.)¹⁸², правомонархисты взяли на вооружение шедшую из глубины веков религиозную концепцию о богоустановленности царской власти. Не отрицая происхождения монархии из естественной иерархии человеческого общества, черносотенцы тем не менее делали акцент на ее религиозно-духовном аспекте. Ссылаясь на Священное Писание, их литература указывала, что монархия в избранном народе во главе с царем, имевшим специальное посвящение, была установлена Богом по просьбе людей, осознавших неспособность жить по Божьим законам.

Согласно идейным воззрениям черносотенцев русское самодержавие наследовало традицию Царства в истории человечества, где монарх выступал средством удержания народа на Божьем пути. С христианской точки зрения, греховная природа человека могла быть преодолена посредством подчинения независимой от людей, но зависимой от Бога верховной власти. В постановлении III Частного совещания представителей отделов Союза русского народа, состоявшегося в марте 1909 г. в Ярославле, заявлялось: «Самодержавие имеет религиозное обоснование: самодержец есть помазанник Бо-

жий, что подразумевает подчинение ему православных людей»¹⁸³. Задача подданных виделась крайне правым в достижении нравственных, религиозных идеалов, с одной стороны, и уважении к законам, с другой. Отсюда вытекала и причина революции — оскудение в народе православной веры, падение уважения к верховной власти.

Именно в религиозном основании и лежало отличие самодержавной власти от фашистской диктатуры. Крайне правые подчеркивали, что православный фундамент самодержавной идеи позволял России в начале XX в. сохранять облик и содержание христианского государства. «Поэтому-то русский царь, помазанник Божий, обладающий полнотою свободы воли в земном своем царствовании, никакою земною властью не ограниченный, является ответственным перед Господом Богом и своею царскою совестью; потому-то он и есть неограниченный самодержец и отец своего народа», — заявлялось в Своде основных понятий и положений русских монархистов, выработанных Программным разрядом IV Всероссийского съезда Союза русского народа в мае 1912 г.¹⁸⁴

Существенно дополнивший критерии типологизации русской консервативной идеологии А. В. Репников отмечал, что при всем своеобразии и различии консервативных концепций в качестве стержневой идеи выступает сакрализация царской власти, обусловленная идеократическим взглядом на мир¹⁸⁵. И. С. Аксаков в трактате, посвященном теоретическим вопросам самодержавной власти, писал: «Самодержавие не есть религиозная истина или непреложный догмат веры... Отнявши у самодержавия навязанный ему религиозный ореол и сведя его к самому простому выражению — мы получим только одну из форм правления».¹⁸⁶

Именно наличие религиозного фактора отличало самодержавную монархию от диктатуры. Фашистская диктатура, лишённая религиозного оправдания, могла опираться лишь на социальную демагогию и насилие, что и обусловило ее

отличие от русского самодержавия. Важно отметить, что фашизм стал возможным только на Западе, где почва для него была подготовлена веками проводившейся секуляризацией. Еще в начале XX в. черносотенцы указывали, что так Запад, сохранявший лишь внешние атрибуты христианства, по своему внутреннему содержанию фактически расстался с ценностями и идеалами Нового Завета, сделав ставку на развитие материального прогресса в ущерб духовному¹⁸⁷.

Из вышеизложенных рассуждений следовал тезис, что неограниченная власть, имеющая религиозно-нравственное основание, не есть диктатура и тирания. Согласно правомонархическим воззрениям, подчиняясь православному царю, народ подтверждал свою приверженность и верность принадлежавшей Богу верховной власти. Эти положения неоднократно официально фиксировались в программных документах крайне правых. На приеме Николаем II депутации Союза русского народа 23 декабря 1905 г. крестьянин В. А. Андреев заявил: «Верь, государь, что русский народ, вручивший судьбы царю-батюшке, не тяготится властью его. Он глубоко верит и сознает, что власть царя — власть от Господа. Правда царя — правда Божия»¹⁸⁸. В рамках данной схемы рассуждений роль царя в истории страны неимоверно возрастала: «Все, что было сделано доброго и великого в России, все было сделано волей помазанника Божьего», — писала в марте 1913 г. черносотенная пресса¹⁸⁹.

При таком понимании за самодержавием признавалось неотъемлемое право полной свободы действий, неограниченной и не стесненной никакими земными политическими и законодательными институтами. Контролирующую и ограничительную функцию в системе самодержавия выполнял религиозный компонент, где судьей неограниченного царя выступал Бог и царская совесть, которым «он отдает отчет во всех своих делах и поступках не как человек только, а как русский царь...»¹⁹⁰. Невозможность ограничения его власти носила сакральную подоплеку: «Священство государя, как по-

мазанника Божия, исключает всякое понятие о возможности ограничения его власти властью мира»¹⁹¹.

Иной подход к проблеме властных полномочий российского самодержавия демонстрировали русские националисты. Если черносотенцы оставались верными самодержавному кредо как неограниченной монархии, то шараханья между либеральным идейным ядром своей доктрины и необходимостью следовать линии защиты национальной традиции обуславливало непоследовательность и противоречивость их позиции. Решение вопроса об ограниченности или неограниченности российского самодержавия в постманифестной монархии ставилось националистами в зависимости от конкретной внутривластной конъюнктуры¹⁹². С одной стороны, они заявляли, что являются убежденными сторонниками неограниченного самодержавия, вытекавшего из национальных свойств русского народа, органически неспособного к объединению самих в себе и самоуправлению¹⁹³. С другой стороны, националисты подчеркивали свою приверженность законодательной Государственной думе¹⁹⁴.

Пытаясь скрыть бросающуюся в глаза двойственность и непоследовательность своей позиции по вопросу о приемлемой для них формы правления и государственного устройства, русские националисты выбрали тактику лавирования, что позволяло им взаимодействовать с различными политическими силами третьеиюньской монархии: правительством, думскими фракциями, крайне правыми и центристскими партиями, избирателями и т. д.¹⁹⁵ Д. А. Коцюбинский указывал, что неопределенность выдвигавшихся идеологами национализма формулировок позволяла им избежать обвинений в нелояльности как к институту неограниченного самодержавия и лично Николаю II, так и реально функционировавшему законодательному институту Государственной Думы. Попытки соединить два взаимоисключающих тезиса предпринимались националистами неоднократно, но все они указывали на

их скрытую приверженность парламентским институтам¹⁹⁶. Например, идеолог движения А. И. Любинский высоко оценивал эффективность неограниченного самодержавия в далеком прошлом, когда царь мог лично направлять всю работу правительственных структур¹⁹⁷.

По мнению правомонархистов, причина непоследовательности националистов состояла в сильном влиянии на их идеологию западных секулярных учений, что привело к потере религиозного и национального смысла самодержавия, которое в их трактовке превратилось в оторванную от православной и русской традиции ненациональную форму правления, имевшую аналоги в других странах. Попытка законсервировать основы третьеиюньской монархии заставляла националистов искать обоснование сохранявшему внешние атрибуты самодержавной власти способу правления. Стремление совместить взаимоисключающие принципы: неограниченного самодержавия, с одной стороны, и ограниченной монархии, с другой, приводило к постройке замысловатых концепций¹⁹⁸. Одна из них в ноябре 1907 г. была озвучена в Думе премьер-министром П. А. Столыпиным, который изложил поддержанный националистами новый взгляд на сущность самодержавия: «Самодержавие московских царей не походит на самодержавие Петра; точно так же и самодержавие Петра не похоже на самодержавие Екатерины II и царя Освободителя»¹⁹⁹.

Утверждением, что самодержавие еще не расцвело и для своего усовершенствования нуждается в положительном воздействии на него народных представителей, П. А. Столыпин, по мнению крайне правых, низвел самодержавие на ступень временного по своей сущности, изменяемого учреждения. По заявлению «Русского знамени», сделанная премьер-министром попытка отделить самодержавие от религиозного и исторического значения приводила к нивелировке истинного смысла верховной власти и выставляла ее в качестве ординарной деспотии²⁰⁰.

Это противоречило концептуальным догматам религиозной обусловленности самодержавия как проекции царства Божьего на земле, сущность и основы которого не изменяются с приходом к власти разных царей, так как самодержавие представляет Богом данную власть, которая как «дар свыше и благодать Духа святого — неизменна, как неизменны все законы Господни». Постоянность основ самодержавия признавала и РПЦ, обеспечить сохранность данной Богом власти которой цари клялись при венчании на царство. Идеологи черной сотни ставили вопрос ребром: или Божественный авторитет самодержавной власти, или ее зависимость от избранных народом парламентариев. В газете «Русское знамя» было сделано официальное заявление: «Воззрения правительства не могут быть приняты православными людьми и не отвечают в данном случае требованиям государя императора, сказавшего, что его самодержавие ныне будет таким же, каким оно было встарь»²⁰¹. П. А. Столыпин и правительство были обвинены в попытке трансформировать русское самодержавие под германский и английский аналоги, искажении русских исторических начал в либеральном, независимом от православия новаторском смысле, которое не имело основы в прошлом страны и потому было нежизненно. По существу, П. А. Столыпин подтачивал идеологические основы государственного строя, чем лил воду на мельницу оппозиции.

Наиболее остро противоречия черносотенной и националистической концепций проявились в вопросе источника властных прерогатив, который на Западе в общем виде был разрешен уже к началу XIX в. с утверждением принципа суверенитета и верховенства народа (нации). В России легитимность царской власти продолжала официально основываться на тезисе ее божественного происхождения. Власть самодержавца не рассматривалась как народная, т. к. не санкционировалась народом и не выражала его волю. Здесь черносотенцы исходили из теоретических наработок русских

консерваторов и славянофилов, согласно которым русский народ не стремится государствовать, его предназначение совсем иное — жизнь на земле и в Боге²⁰².

При этом согласно консервативной концепции, самодержавная власть существовала не для самой себя, что характерно для абсолютизма, но для исполнения свыше указанной миссии, составлявшей священное служение, а не привилегию. При своей отчужденности от народной воли царская власть, имея религиозную основу, являлась выразителем народного духа, идеала и национальных традиций, в результате чего обретала статус верховной власти. В российской исторической практике, по мнению консерваторов, процесс перехода единоличной власти в верховную произошел естественным путем, так как имел для этого плодородную почву — религиозно-нравственную основу народа. Данные представления нашли отражение в известной славянофильской формуле: «Внешняя правда — государству, внутренняя правда — земле; неограниченная власть — царю, свобода мнения и слова — народу»²⁰³. Данная система рассуждений неизбежно приводила консерваторов к мысли, что для исполнения священной миссии проводника Божественной воли самодержавная власть должна быть свободна от ограничений конституционных и парламентских институтов²⁰⁴, а отношения между народом и монархом должны строиться только на нравственной основе взаимного доверия.

Если правомонархическая доктрина вырабатывалась под влиянием отечественных консервативных традиций, то генезис русской националистической доктрины проходил под воздействием западных учений XIX в., сформулировавших комплекс представлений о «нации-суверене» как высшем принципе легитимности. Согласно данному учению, народ как абсолютный источник права делегирует свои властные полномочия правителю, который обязан учитывать народное мнение при принятии решений²⁰⁵. Отбрасывая религиозный компонент, националисты отвергали черносотенный тезис о

божественном происхождении царской власти и выводили генезис самодержавия из факта народного избрания, тем самым подводя идейный базис под парламентские институты²⁰⁶.

Первым, кто выявил либеральную начинку национализма, был К. Н. Леонтьев, писавший в работе «Национальная политика как орудие всемирной революции»: «Идея национальностей чисто племенных в том виде, в каком она является в XIX веке, есть идея, в сущности, вполне космополитическая, антигосударственная, противорелигиозная, имеющая в себе много разрушительной силы и ничего созидającego... ибо культура есть не что иное, как своеобразие, а своеобразие ныне почти везде гибнет преимущественно от политической свободы»²⁰⁷. На западные либеральные корни русского национализма указывала и черносотенная пресса. В июле 1912 г. печатный орган СРН газета «Русское знамя» прямо заявляла, что не приемлет занесенный из-за рубежа национализм как проявление антиправославной мысли²⁰⁸.

Исследователь Э. А. Попов подчеркивал, что между либерализмом и национализмом имеется не только общее генетическое происхождение, но и определенное морфологическое сходство²⁰⁹. Либерализм в начале XIX столетия сформулировал права индивида, по аналогии с ним национализм сформулировал права нации²¹⁰, по которым они могут требовать от власти отчета и избирать ее. Черносотенцы подвергли данный тезис критике как богохульный. «Народовластие — власть от человека, поэтому народовластие — безбожная идея, а потому неприемлема для верующих христиан», — писала в январе 1908 г. черносотенная пресса²¹¹.

Черносотенцы отвергли воспринятую националистами либеральную трактовку народа как абсолютного источника права, делегировавшего свои властные полномочия правителю, и сохраняли верность Божественному происхождению власти. Поэтому ставить знак равенства между националистической и правомонархической доктринами, а также

утверждать их «духовное родство» представляется не совсем верным.

Отстаивая принцип несхожести исторического пути России и Запада, идеологи черной сотни старались в своих идейных построениях обосновать источник верховной власти вне западочентричных схем с их идеями о народоправстве. Но, ведя свои корни из русской философской мысли XIX в., правомонархисты не могли игнорировать славянофильское учение²¹², в котором концепция «нации-суверена» получила определенное развитие. Славянофилы рассматривали государство и народ как объединенный нравственным законом союз, в рамках которого народ наделяет царя своими властными полномочиями, поручая ему управление на благо всего русского общества.

Положение о воле нации в качестве критерия легитимности получила определенное распространение и в среде русских консерваторов. В частности, Л. А. Тихомиров, утверждая тезис Божественного происхождения царской власти, предложил рассматривать царя как персонификацию народного духа и выразителя народного идеала (данная идея была взята у славянофила Д. А. Хомякова). Э. А. Попов указывал, что данная трактовка, безусловно, несла в себе определенное новшество, так как традиционное монархическое (в том числе и простонародное) восприятие монарха ограничивалось представлением о государе-помазаннике Божьем, а не как о выразителе духа нации²¹³.

Таким образом, и в классическом консерватизме, не допуская пересмотра концепции божественного происхождения самодержавия, проявились славянофильские влияния, нашедшие свое отражение и в высказывании члена Главного совета СРН А. А. Майкова в брошюре «Революционеры и черносотенцы»: «Самодержавие царское установлено самим русским народом. Царская власть не происходит от завоевания, чем отличается от власти абсолютных монархов и вос-

точных деспотов, а вручена царю русским народом, почему она и не представляет из себя господства, а занимает относительно народа служебное положение»²¹⁴.

Крайне правые не стали резко отвергать эту идею, позволявшую им решить проблему национального характера самодержавия, т. е. как продукта русского национального творчества, посредством следующих тезисов.

Во-первых, уникальность самодержавия как формы правления, присущей только русскому народу, осмысливалась через призму русской народности: «...самодержавие создано разумом русского народа и является исконным и чисто русским способом правления»²¹⁵. Самодержавная монархия вытекала из национальных свойств именно русского народа и, исторически выросши на русской почве, была тесно связана с «миросозерцанием народа и всем его бытом»²¹⁶. По мнению черносотенцев, основой легитимности самодержавия выступало русское народное право, позволившее ему стать самобытной организацией русского исторического бытия, государственной формой проявления народной общинности, соборности.

Во-вторых, самодержавие являлось произведением именно православного народа, неизменно сохранявшего верность религиозно обоснованной модели власти. Формированию национально ориентированной самодержавной монархии способствовали многочисленные иностранные нашествия, актуализировавшие проблему создания идеократической системы властистроения с функцией защиты православного социума. В частности, негативно сказавшееся на материальном развитии производительных сил и культуры монголо-татарское иго сыграло положительную роль в выработке оригинальной модели самодержавного государственного правления: «Пробыв целые века под татарским гнетом и во время других, не менее тяжелых годин и испытаний, русский народ искал духовного утешения и опоры своим надеждам в заветах Христа и, перевоплотив их в себе, создал свою чисто русскую христиан-

ско-содружественную государственность, с патриархальной самодержавною властью во главе»²¹⁷. Исходя из данных рассуждений, самодержавие рассматривалось как уникальный, изобретенный православным русским народом способ правления, аналоги которому в мире отсутствовали.

Таким образом, в вопросе об источнике властных прерогатив царя черносотенной идеологии отчасти был присущ дуализм, который истек из восприятия царя, во-первых, как проявления высшей божественной власти, что соответствовало концепции Русской православной монархии, и, во-вторых, как персонификации духа собственного народа, чья власть «независима от народной воли, но зависима от народного идеала». Дуализм был емко выражен в газете «Русское знамя»: «Бог и народ — вот две идеи, заключающиеся в самом бытии человека, из которой вытекает третья — царь»²¹⁸. Годом ранее газета писала: «Для нас царь больше, чем человек, больше, чем правитель. Он одухотворенное, живое знамя России, верховный представитель народа русского. И вместе с тем он наместник Божий, священный хранитель небесной справедливости...»²¹⁹. Формулируя свое представление о монархической власти, идеологи правомонархического движения решили проблему дуализма просто: божественный источник власти царя признавался первостепенным, в то время как народный — второстепенным.

Включение народа в черносотенную властиустроительную схему было вынужденной реакцией на все более завоевывавшие популярность западноевропейские секуляристские учения с декларируемым ими принципом «верховенства народа». Крайне правые нехотя включили народ в православно-самодержавную концепцию власти из вполне прагматичных соображений. С одной стороны, необходимо было повышать конкурентоспособность своей политической программы на рынке общественных идей, где в спорах неизбежно вставал вопрос о роли и месте народа в политическом процессе. Принятая черносотенцами славянофильская концепция о царе — «пер-

сонификаторе народного духа» прикрывала слабое место их религиозной концепции источника властных прерогатив царя, ставшей объектом для серьезной критики их политическими оппонентами. Мода на секуляристские концепции заставляла черную сотню «дорабатывать» свою доктрину в соответствии с требованиями времени. С другой стороны, модернистские элементы их идеологии преодолевали «абсолютистскую» оценку современного им самодержавия, согласно которой уклонившийся от начал истинного христианства народ будто бы отрекается от своей власти в пользу монарха.

Данная схема имела слабое место. Нехотя включив народ в систему властиустроения, правомонархисты невольно смыкались со своими политическими противниками из либерального и революционного лагерей, которых подвергали жесткой критике. Позже обозначилась и другая опасность — возможность реформирования и даже ликвидации самодержавия. Тезис о том, что главная ценность самодержавия заключается не в его достоинствах, а в том, что оно — симптом известного духовного строя народа, могли использовать оппозиционные политические силы для того, чтобы убедить царя, что «нынешний духовный строй народа не тот, что был встарь, что народ перестал видеть в царе выразителя нравственного начала — правды, а видит в нем только начальство и барина. А раз так, то самодержавие перестало быть нужным и лучше упразднить его», — предупреждала об опасности черносотенная пресса²²⁰.

В конечном итоге противоречивость черносотенной идеологии, ставшая результатом смешения концепций охранителей с их идеей божественного происхождения царской власти и славянофилов с их либеральными идеями «нации-суверена», привела к расколу черносотенного движения на дубровинцев, оставшихся верными канонам, и обновленцев, принявших либеральную идею «народа-суверена», что дало им возможность признать ограниченность власти царя Государственной думой и Манифестом 17 октября.

Черной сотне не требовалось отвечать на вопрос о позитивности или негативности самодержавной формы правления для России. Дискуссия по этому поводу представлялась кощунственной, так как рассматривалась посягательством на волю Творца. Из богоданной характеристики самодержавия рождался тезис о недопустимости ограничения власти царя. «Царское самодержавие, исторически развившееся вместе с Русской землей, — корнями своими глубоко проникающее в русскую народную почву и ставшее даже второй народной, — сохраняется в неприкосновенности и оберегается как священное наследие. Основываясь же на постоянном единении царя с народом, оно не может, однако, перейти в форму какой-либо сделки или договора между народом и верховной властью с целью ограничения последней», — утверждалось в выпущенной во второй половине 1906 г. объединенной избирательной программе Русского собрания и СРН²²¹.

Либеральная идея «народа-суверена» как источника властных полномочий неизбежно вела националистов к обоснованию прав русского народа на участие в управлении государством посредством представительного органа власти²²². Принятие русскими националистами Государственной думы как политического института предопределяло их идейный разлад с черносотенцами. Если последние, в целом признавая необходимость законосовещательного народного представительства в виде Земских соборов, отвергали современный им законодательный формат Думы, созданной по образцу и подобию западных парламентов, то националисты признали необходимость введения в России института законодательного представительства и выступали против его упразднения. Националисты оставили довольно многочисленные и вполне определенные заявления о признании русского парламента. В частности, М. О. Меньшиков писал, что благодарен Всевышнему за учреждение в России парламента и конституции, на основе которых возможно построение нового государ-

ственного здания²²³. Разногласия касались и объема полномочий Государственной думы: если черносотенцы отрицали законодательный характер русского парламента, то националисты принимали современный им формат Думы.

Попытки националистов совместить в оценках современной им модели российской власти одновременно абсолютистский и парламентский принципы критиковались крайне правыми, указывавшими на дрейф поборников «плотской чистоты» из правого лагеря в лагерь центра. Националистический тезис о самодержавии в «единении с законодательным народным представительством» резко критиковался и Л. А. Тихомировым, охарактеризовавшим его как пережиток «октябризма»²²⁴. Признание парламентского строя, русской «конституции» — Манифеста 17 октября, а также «кощунственное» требование отделения церкви от государства окончательно позиционировали националистов в глазах черносотенцев как либералов-республиканцев, тактически более осторожных в достижении цели окончательного «умаления» монархии, чем кадеты и октябристы. По утверждениям крайне правой прессы, сохранение самодержавной власти националистам было необходимо лишь как инструмент расправы с революционными партиями. К ограничению самодержавия они подходили эволюционно, по меткому выражению «Русского знамени», «медленной сапой»²²⁵.

Напряженность между черносотенцами и националистами подогревалась разностью оценок сущности третьеиюньской монархии. Тактические установки русских националистов были нацелены на консервацию современной им политической системы в том внутренне противоречивом («дуалистическом») виде, в котором она оформилась к середине 1907 г.²²⁶ Черносотенцы же не приняли постманифестной системы, защищая сакральные принципы православно-самодержавной монархии. Оставаясь на позициях самодержавного кредо, они утверждали, что Манифест 17 октября и Госдума не изменили

самодержавной сущности власти²²⁷, что противоречило позиции националистов, убежденных в большем совершенстве парламентской модели, которая создает основу для дальнейшего развития²²⁸.

Фактически русские националисты признали ограниченный характер царской власти, трактуя ее как неограниченную и ограниченную одновременно²²⁹. Д. А. Коцюбинский указывал, что оценка сущности постманифестной государственности, предлагавшаяся идеологами ВНС, примерно соответствовала определению, содержащемуся в известном международном политическом справочнике Гота: «Конституционная монархия при самодержавном царе»²³⁰. Согласно рассуждениям националистов, при нормальном течении государственной жизни действуют установленные парламентские нормы принятия законов и их реализация посредством утверждения царем. В том случае, если законодательное учреждение вступает на конфронтационный путь с Верховной властью и в стране складывается конфликтная ситуация, то монарх имеет право вмешательства в целях водворения порядка и нормализации политической ситуации.

Подобная «гибкость» по фундаментальному вопросу, расценивавшаяся как политическая беспринципность и скрытый республиканизм, раздражала черносотенцев, констатирующих на состоявшемся в конце сентября—начале октября 1909 г. Всероссийском монархическом съезде русских людей, что ВНС недостаточно ясно засвидетельствовал свою готовность, наравне с крайне правыми партиями, защищать неограниченное самодержавие. В связи с этим съезд предложил «выждать более точного самоопределения Национального союза в своей дальнейшей деятельности»²³¹.

В либеральной сущности националистов черносотенцы окончательно утвердились через два года. В постановлении состоявшегося в ноябре 1911 г. съезда Всероссийского Дубровинского СРН констатировалось отступление националистов

от правоконсервативных принципов, в связи с чем совместные действия с ними объявлялись предвзятными²³². Отказав националистам в монархических убеждениях, черносотенная пресса определила им место в лагере умеренно правых²³³.

Характеризуя националистов как «робких конституционалистов» и политических «флюгеров», черносотенцы указывали на отсутствие у них четкой и твердой позиции по принципиальным вопросам, касающимся самодержавия и будущего страны. Такой оценке способствовало поведение фракции националистов в Думе, постоянно лавировавшей между различными думскими группировками. Это наталкивало на мысль, что националисты преследовали те же цели, что и октябристы с кадетами, с которыми их разнила тактика (более медленные темпы) перехода к конституционному способу правления. «Левые устроят лет через пять новую революцию во имя республики — тогда эти националисты превратятся в умеренных республиканцев. Не задумываясь превратятся, в случае надобности, в умеренных анархистов», — характеризовало «Русское знамя» конкурентов из правого лагеря²³⁴. В июле 1912 г. «Русское знамя» причислило «националистов» (наряду с октябристами и кадетами) к партиям, «стремящимся к государственному перевороту», имея в виду ущемление прерогатив царя-самодержца.

Причины крайней противоречивости идеологии русского национализма, сказывавшейся на внутреннем единстве движения, лежали отчасти в кадровом составе ВНС. Стоит отметить, что в период революции 1905—1907 гг. многие лидеры ВНС входили в состав различных политических партий (по большей части либеральных), открыто провозглашавших приверженность парламентаризму. «Русское знамя» указывало на разновекторность политических взглядов и «компрометирующее» прошлое видных лидеров ВНС: профессор Локоть являлся бывшим трудовиком, Савенко сотрудничал в годы революции в левой газете «Полтавский вестник», Юзефович поддерживал

либеральное «Новое время» и т. д. В этой связи черносотенцы рассматривали националистов как незначительную часть русской интеллигенции, отшатнувшейся от «жидовской культуры» (читай: либеральной. — М. Р.), но не пришедшей к истинным ценностям, а остановившейся на полпути²³⁵.

Квинтэссенцию негативных качеств националистов «Русское знамя» персонифицировало в критике ведущего публициста «Нового времени» и одного из лидеров ВНС М. О. Меньшикова: «ярый жидовский фанатик, космополит, превратившийся в русского националиста». «Русское знамя» вопрошало: «Зачем же Суворин ему, атеисту, позволяет вести руководящие речи в вопросах веры, ему, космополиту, трактовать о национальности, ему, непротивленцу, когда говорят об армии — этом символе активной борьбы, ярому республиканцу, доказывать значение монархии»²³⁶.

В своем стремлении сохранить политическую систему в том виде, в которой она сложилась по итогам событий 1905—1907 гг., со всеми ее институциональными и государственно-правовыми противоречиями, русские националисты выступили ситуативными консерваторами постманифестной монархии, которую черносотенцы находили ущербной. Созданный в мае 1908 г. Всероссийский национальный союз стал очередным проектом правительства П. А. Столыпина, пытавшегося, с одной стороны, сделать Союз основной правительственной партией, а с другой, усилить проправительственную фракцию октябристов в Госдуме для поддержки своего авторитарно-либерального курса²³⁷.

Если враждебность черносотенцев бюрократии давала основание последней характеризовать крайне правых как «революционеров справа», то исходным для русских националистов являлся тезис о дружественном отношении к назначаемому императором правительству²³⁸. С точки зрения ситуативного подхода, утверждая лояльную позицию по отношению к исполнительной власти, националисты проявили

консервативный настрой на сохранение политического статус-кво. С учетом того, что назначаемое царем правительство несло ответственность перед ним, а не перед Государственной Думой, противодействие правительственной политике означало оппозицию императору²³⁹. В целом черносотенцы характеризовали природу ВНС как либерально-бюрократическую, существование которой полностью зависело от близости к бюрократическим сферам и лично Столыпину²⁴⁰.

Создание партии националистов прямо сказалось и на положении черносотенцев. С формированием ВНС П. А. Столыпин взял курс на раскол ставшего ненужным после подавления революции крайне правого лагеря. Департамент полиции предпринял шаги, направленные на ослабление влияния председателя СРН А. И. Дубровина и видоизменение роли самого Союза. В итоге произошло фактическое отстранение А. И. Дубровина от руководства СРН путем избрания в период его отсутствия заместителем графа Э. И. Коновницына. А. И. Дубровин вскоре вынужден был оставить пост председателя, а затем и вообще выйти из состава членов Главного совета. В конце ноября 1911 г. он собрал своих сторонников на особый съезд, где они объявили о создании Всероссийского Дубровинского союза русского народа и отмежевались от СРН во главе с Э. И. Коновницыным и Н. Е. Марковым²⁴¹. С подачи бюрократии правомонархические организации вступили в полосу медленного угасания, которое закончилось их окончательным крахом в 1917 г.

Либерально-оппозиционная сущность националистов явно проявила себя в ходе деятельности в Госдуме, что еще раз продемонстрировало отсутствие в их идеологии консервативного ядра. Анализ парламентской деятельности националистов дал основание газете «Русский народ» в 1913 г. утверждать, что природа ВНС по сути была октябристской, но в отличие от последних националисты проявляли меньше самостоятельности и полностью шли на поводу у правитель-

ства. По выражению газеты «Русское знамя», партия националистов состояла из «менее образованной интеллигенции, и, переполненные служилым элементом, они оказались более послушными и даже раболепными и тем совершенно удовлетворяли правящий слой»²⁴². Не имея большинства в Государственной Думе, националисты могли продвигать свои предложения только при содействии центристских партий, сотрудничество с которыми рождало подозрение о полном подчинении их фракции октябристам.

Свою зависимость от октябристов признал и Совет национальной фракции в Госдуме, опубликовавший в марте 1910 г. в газете «Новое время» заявление: «Русская национальная фракция, имея в своих рядах девяносто членов Государственной думы, т. е. около одной пятой ее личного состава, не может быть признана ответственной за направление дел в законодательном учреждении. Решающее значение в Государственной думе имеет только Союз 17 октября, который, занимая центральное положение, может влиять на то или другое направление вопроса, привлекая на свою сторону правое или левое крыло народного представительства»²⁴³. Эта мысль была подтверждена и в выпущенной в 1912 г. в С.-Петербурге в книге «Националисты в 3-й Государственной думе»: «Имея значительное сходство в своих программах, русская национальная фракция и Союз 17 октября идут в большинстве вопросов рука об руку...»²⁴⁴.

Либерализм националистов все более проявлялся после смерти П. А. Столыпина, выразившийся в росте оппозиционности по отношению к политике правительства. Консервативная маска с Всероссийского национального союза была окончательно сорвана в ходе разразившегося в России весной—летом 1915 г. общеполитического кризиса, в ходе которого в IV Думе был создан оппозиционный Прогрессивный блок, в который вступила значительная часть фракции националистов²⁴⁵. Таким образом, проявившаяся в условиях

политического кризиса либеральная и оппозиционная самодержавию суть идеологии национализма, прикрывавшегося консервативной риторикой, поставила окончательную точку в вопросе его идейной направленности.

Широкая вариативность политических партий, декларировавших приверженность лозунгу «Православие, самодержавие, народность» и использовавших риторику защиты интересов русского народа ставит проблему идентификации принадлежности к правомонархическому сегменту. В качестве критериев отнесения к черной сотне представляется возможным использовать отношение к «ничем земным не ограниченному самодержавию в русском православном его проявлении». Принятие самодержавия как единственно возможной для России формы государственного правления, недопустимость его ограничения законодательными парламентскими учреждениями по западному образцу позволяет относить организацию или отдельных лиц к правомонархическому лагерю и проводить четкую границу с националистическими организациями.

§ 4. Самобытность российской цивилизации в идеологии черной сотни

Усиление в начале XX столетия в России модернизационных процессов, приводивших к разрушению традиционных основ российского общества и вестернизации самобытных сторон его жизни, стало одной из причин появления на политической арене страны правомонархических организаций. Среди сотни политических партий России черносотенцы позиционировали себя как движение, ставящее целью отстоять «самобытный» путь развития страны, базирующееся на православной, русской национальной и исторической почве; не признающее рожденных в иных социально-культурных условиях подходов к реформированию страны, а потому

не имеющее универсальных рецептов по решению мировых проблем и развитию других стран и народов. Крайне правые подчеркивали русоцентричный характер своей идеологии, ограниченный рамками российского масштаба.

Само появление своего движения правомонархисты объясняли необходимостью защиты духовной независимости русского культурно-исторического сообщества от непрекращающейся идеологической агрессии Запада. Основное различие между противоборствовавшими лагерями состояло в идейных корнях их мировоззрений: если либеральные и революционные партии по своей сути являлись трансляторами различных западных политико-социальных концепций, то черносотенцы выступали в качестве единственной самостоятельной национальной политической силы, опиравшейся исключительно на почвенническую базу. Уход черной сотни с политической арены знаменовал собой начало борьбы между различными направлениями западничества.

Пытаясь провести границу между собой и черносотенцами, идеологи русского национализма позиционировали себя как консерваторов, чья концепция допускает позитивные эволюционные изменения²⁴⁶. Создавая в мае 1908 г. Всероссийский национальный союз, М. О. Меньшиков видел партию, состоящую из «здоровых прогрессивных сил», для которой в прошлом важно лишь то, что имеет влияние на настоящее²⁴⁷. Подчеркивая реакционность черной сотни, националисты указывали на вектор их устремления в прошлое, что лишало их возможности формулировать модель будущего. Широкое распространение в националистической среде получила характеристика правомонархистов как сторонников монархии, отвергнутой монархом.

Еще большие различия имели место между черной сотней и фашизмом, который был явлением в целом революционным, в то время как правомонархисты преследовали охранительные цели²⁴⁸. В отличие от фашистской идеологической системы

крайне правое движение представляло собой антипрогрессивное направление, теоретико-методологическую основу воззрений которого в большей степени составляет религиозный подход, в меньшей — позитивизм или рационализм.

Правомонархисты стояли на позициях цивилизационного антиглобализма. Подчеркивая данное обстоятельство, Ю. И. Кирьянов указывал, что исходной позицией, которой руководствовались крайне правые в подходах к решению основных вопросов государственного, политического и социально-экономического устройства империи, было признание особого, не схожего с Западной Европой пути развития России²⁴⁹. В то время как сторонники либеральной доктрины отстаивали тезис об «извечной отсталости» Российского государства, т. к. некоторые самобытные черты российского общества не соответствовали европейским стандартам, именно консервативный лагерь пытался осмыслить историческую обусловленность существования Российской империи, органичность присущих ей религиозных, политических и социальных параметров.

Отрицание идеологами ВНС основного постулата русского консерватизма о самобытном пути развития российского культурно-исторического сообщества оборачивалось признанием общности закономерностей исторического развития России и Запада²⁵⁰. Суть идейных расхождений ВНС и черносотенцев состояла в различном понимании теми и другими сути допетровского периода русской истории. Если, по мнению черносотенцев, до XVIII в. Россия шла отличным от Запада путем самобытного развития, то с точки зрения русских националистов, в допетровскую эпоху страна эволюционировала в соответствии с европейскими канонами²⁵¹. Последние утверждали, что имея зачатки парламентаризма в виде Земских соборов и Боярской думы, российское государство имело шанс развить их в институты народного представительства по западноевропейскому образцу²⁵². Черносотенная пресса

указывала на спорность и внутреннюю противоречивость подобных рассуждений, делая вывод, что националисты воспринимали Россию как часть западноевропейской цивилизации, но имеющую национальные особенности²⁵³.

Рассматривая Российскую империю как самобытное культурно-историческое сообщество, русский политический консерватизм настаивал на сохранении духовных и культурных границ и выступал против «впаивания» России в западную или какую-либо иную цивилизацию. Ориентир на создание общества, базирующегося на христианских ценностях, крайне правые объясняли «богоугодностью» русского пути. Для нейтрализации западных идей и учений черносотенцы заимствовали идеи славянофилов о видовой разности российской и западной цивилизаций, отличности путей их развития и непродуктивности заимствования чуждого опыта²⁵⁴. Серьезную работу по обоснованию этих тезисов проделали поздние славянофилы Н. Я. Данилевский²⁵⁵ и К. Н. Леонтьев²⁵⁶, выдвинувшие концепцию о видовой разности двух сообществ, имевших альтернативные формы самовыражения. В правомонархической системе взглядов их идеи получили дополнительное развитие, в результате чего отличие России и Запада проявились в следующем: в политической сфере — это самодержавие и конституционализм, в экономической — сельское хозяйство и промышленность, в социальной — соборность и индивидуализм, в духовной — православие и католицизм (протестантизм)²⁵⁷.

Крайне правые популяризировали идеи Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева в своей литературе. В частности, на страницах крайне правой печати находили отражение следующие тезисы.

Отрицание универсальности мировых исторических законов. Если в начале XX в. пришедшее с Запада учение о социально-экономических формациях находило значительное число последователей среди российского образованного общества, то черносотенцы безоговорочно приняли открытый цивилиза-

ционный подход, теоретически обоснованный Н. Я. Данилевским. Развивая славянофильский тезис о противоположности России и Запада, русский ученый в изданной в 1869 г. книге «Россия и Европа» выдвинул теорию культурно-исторических типов, отрицавшую существование единой истории человечества, универсальных мировых законов развития, односторонности восходящего эволюционного процесса, при котором все страны и народы проходят одни и те же этапы развития²⁵⁸.

По мнению Н. Я. Данилевского, представление о единых для всего мира стадиях развития стран и народов являлось следствием неправомерного переноса этапов развития Западной Европы на весь остальной мир. Заявляя о враждебности Запада славянству, историческую миссию России он видел в сохранении славянского культурно-исторического типа²⁵⁹. Российское культурно-историческое сообщество имело собственный путь развития, заимствуя опыт соседей в государственной и культурной областях, но не поддаваясь глобальному влиянию иных цивилизаций. Так как исходные точки у Запада и России были различны, то пути их развития, а тем более результаты цивилизационного строительства, не должны были совпадать.

Данное открытие стало серьезным фундаментом для критики русскими консерваторами и правомонархистами предложенной западной философией теории прогресса, легкой в основу различных политических направлений — либерализма, марксизма и национализма и получившей определенное распространение в среде российского образованного сообщества. По мнению консерваторов, проповедовавшийся прогрессистами подход с позиции теории «универсализма» вел к игнорированию российского культурно-исторического опыта, познание которого требовало специфического подхода, отличного от теоретических формул, рожденных западной мыслью.

Отказ от градации степеней развития цивилизаций. В сравнительном анализе проблемы «Россия — Запад» черносотенцы выступали против утвердившегося в среде либе-

рального и революционного лагерей позитивистского метода иерархической градации стран и народов, делившего их на «передовые» и «отсталые», «высшие» и «низшие», «развитые» и «неразвитые», «цивилизованные» и «нецивилизованные». Отказавшись от получившей впоследствии распространение концепции «догоняющего развития», крайне правые рассматривали существование двух цивилизаций через призму религии и культуры, которые как явления духовного порядка не имели «стадиальных» признаков. Отличность от западных стандартов многих сторон русского культурно-исторического сообщества, по мнению черносотенных идеологов, обуславливалась проявлением промысла Божьего, что давало возможность оценивать русскую самобытность и традицию не как архаизм, но как особую православную цивилизацию.

Самобытность русского культурно-исторического сообщества доказывалась правомонархистами присущей России особой властной, правовой, институциональной системами и специфическим социокультурным комплексом, не имевшим аналогов в мире. Непризнание западного опыта как образца для подражания создавало основу для критики утверждений либералов и революционеров об архаичности самодержавного способа правления. Указывая на недопустимость абсолютизации демократической формы правления на опыте последних ста лет европейской истории, правомонархисты доказывали эффективность монархической модели власти успехами страны, превратившейся за короткий исторический период из небольшого Московского княжества в империю, занимающую 1/6 часть земной суши²⁶⁰.

Иными словами, идеологи черной сотни проводили мысль, что самодержавие являлось присущим православному культурно-историческому сообществу политическим феноменом, а потому не могло подлежать сравнительно-оценочному анализу в системе координат западной философской и социальной мысли. В контексте подобных представлений

специфика российской модели власти и социальной структуры общества предстает проявлением самобытного культурно-исторического типа. «Выйдя из-под ига татарского, русский народ начал самобытно развивать свою цивилизацию и мечтал о мировой задаче, о царе царей — императоре, живущем в Царьграде и своим правлением вносящем мир и счастье на всю землю, так как самодержавие русского православного царя неразрывно слито с идеями свободы, равенства и братства» — писала в июле 1908 г. газета «Русское знамя»²⁶¹.

Идея единственно приемлемого для правомонархистов иноземного влияния была сформулирована и разработана К. Н. Леонтьевым. «Сила наша, дисциплина, история просвещения, поэзия одним словом, все живое у нас сопряжено органически с родовой монархией нашей, освященной православием, которого мы естественные наследники и представители во Вселенной. Византизм организовал нас, система византийских идей создала величие наше, сопрягаясь с нашими патриархальными, простыми началами, с нашим, еще сырым и грубым вначале, славянским материалом...», — писал К. Н. Леонтьев²⁶². Высказанная К. Н. Леонтьевым концепция о сильном влиянии византизма на духовные и государственные основы Руси позволяла черной сотне нейтрализовывать т. н. западноевропейское влияние и утверждать самобытность России как наследницы павшей под ударами как мусульманских врагов, так и «католических братьев» великой православной цивилизации. Вслед за К. Н. Леонтьевым в июле 1907 г. «Русское знамя» утверждало: «Русский народ перенял религию и цивилизацию от греков как нечто родное и явился единственным достойным преемником греческой цивилизации»²⁶³.

Применяя открытый Н. Я. Данилевским цивилизационный подход и «византийскую» концепцию К. Н. Леонтьева, черносотенные идеологи на страницах своей литературы обосновывали следующие позиции разности европейской и русско-православной цивилизаций.

1. *Разность вероисповедального и духовного строя.* Являясь наследницей Византии, российское культурно-историческое сообщество в своем духовно-культурном содержании на протяжении веков имело существенные отличия как от западных соседей, так и стран Востока. Принципиальная причина состояла в разнице основных параметров духовной жизни, проявлявшихся в том, что большинство славянских народов исповедовали православие, а германо-романские — католицизм или протестантство. По мнению правомонархистов, русские сердцем восприняли учение Христа и его заповеди: «Русский народ все прощает, подражая самому Христу...» Православие глубоко проникло в душу русского народа, который «повинуется Богу не по принуждению, как Богу католичества, Богу-ревнителю, жестоко карающему всех ослушников воли Папы Римского. Нет, он повинуется по своей воле тому Богу, который в правде и милости и который возлюбил людей и вследствие их грехов для их же спасения послал Сына Своего на землю для страданий...»²⁶⁴.

В отличие от русского, западноевропейские народы не восприняли христианство «сердцем и душой», о чем свидетельствовала вся многовековая кровавая история Европы. Черносотенцы популяризировали тезис Н. Я. Данилевского о том, что происхождение католичества объяснялось характером германо-романских народов, существенная черта которых проявлялась в чрезмерной насильственности. Оставаясь лишь внешне приверженцем христианства, западное общество не смогло преодолеть свою этническую предрасположенность к насилию, а потому сохраняло верность языческому принципу: «Человек человеку волк». Наоборот, «братство у русского народа основывается на христианской любви — возлюби ближнего твоего, как самого себя, на сознании, что все — братья по Христу и что у всех один Отец небесный», — утверждала черносотенная пресса²⁶⁵. Поэтому, если католический мир уничтожал и жестоко грабил покоренные народы, то православные цивили-

лизации (византийская и русская) несли завоеванным народам культуру и просвещение.

2. *Разность властоустроительных систем.* Из разности духовного строя истекла несхожесть политической организации государства, обусловленная отличием религиозных основ русской православной самодержавной монархии и абсолютистских монархических образований Западной Европы. Русская государственная традиция, основывавшаяся на православном понимании мироустройства, жестко противоречила и западным идеям либеральной демократии и социализма, предлагавших широкое участие народа в политическом процессе. Идеи демократии русские монархисты противопоставляли тезис об отказе народа от участия в политической деятельности в пользу самодержца, власть которого имеет божественное происхождение и не подчиняется «многоязычному человеческому хотению».

Своеобразную трактовку представители черной сотни давали и понятию свободы, которая понималась как спокойствие духа, возможность исповедовать свою религию, дистанцированность от решения общественных и государственных проблем, защищенность, уверенность в своей безопасности: «Русский народ, будучи уверен, что о нем печется Бог и православный царь-помазанник, является наиболее политически свободным народом»; «Свобода русского человека заключается в свободе совести. Русский крестьянин сам хочет поступать по совести, а не по выгоде и делает то, что велит ему царь и Бог. Он одобряет только ту деятельность, где видна христианская добродетель и смирение. Он поступает только так, как велит ему совесть: молится, постится, трудится; беспрекословно повинуется, если убежден, что ему надо повиноваться, и умирает на посту и на службе, не сказавши ни единой жалобы, примерами чего полна русская история»²⁶⁶.

По мнению правомонархистов, отличие в государственных устройствах, выработанное народами Европы и России, состо-

яло в заложенных при их формировании принципах. Европейская система власти формировалась в результате многовековой борьбы различных государственных и церковных институтов, классов и социальных групп, что обусловило историческую разобщенность западного общества в отличие от спаянного православием русского: «Среди граждан Англии идет такая же борьба, как и в Риме между патрициями и плебеями, между оптиматами и пролетариями»²⁶⁷. Свою лепту в борьбу «всех против всех» вносили постоянные войны, в результате которых покоренные народы старались избавиться от завоевателей: «Английское королевство было основано Вильгельмом Завоевателем, морским пиратом, который узурпировал трон Англии и захватил английские земли вместе с проходимцами всей Франции. Как и Рим, Англия составила из племен враждебных друг другу по цивилизации и по крови».

Российское государство, по мнению крайних правых, родилось в результате сотрудничества сословий, постоянно боровшихся за выживание с соседними племенами и государствами. Сложное геополитическое положение страны и обусловленная этим необходимость концентрации внутренних сил привели к формированию жестко централизованной монархической системы. В июле 1908 г. газета «Русское знамя» утверждала, что в отличие от западноевропейских государств, где различные социальные слои вели непрекращающуюся борьбу за расширение привилегий, русский народ, стремясь к освобождению от иноземных нашествий, добровольно отказывался от значительной части прав в пользу московских князей, которые «сообразовывали свои желания с желаниями народа, постепенно объединяя Русь в своих интересах и интересах народа, стремясь свергнуть иго»²⁶⁸.

Разность двух цивилизаций проявлялась также в приоритете правового формализма на Западе и духовно-нравственных основ на Востоке. В то время как развитие европейских народов шло в непрерывной борьбе за расширение прав, что

привело к чрезмерному развитию личностного (индивидуалистического, эгоистического) начала, русский народ отстаивал свое право на существование, что создало основу для утверждения коллективности и соборности. Начало личности приводило к борьбе, заканчивавшейся заключением договоров и строгим следованием нормам права. Начало соборное, общенародное утверждало доверие, стремление решать возникающие конфликты «полюбовно», на основе нравственных норм, а не юридических. Главное различие в двух подходах проявилось в абсолютизации права на Западе, проявлявшееся в выполнении буквы закона, а не его смысла. «Правильная алгебраическая формула, — заявлял Хомяков, — была действительно тем идеалом, к которому бессознательно стремилась вся жизнь европейских народов»²⁶⁹. Запад «пал жертвой» внешнего принуждения, «внешнего закона», в то время как Россия созидала себя, опираясь на закон внутренний, повинуюсь нравственному велению. «Даже само слово “право” означало у нас только справедливость, правду», — резюмировал И. В. Киреевский²⁷⁰.

Подход к основной проблеме государственной и социальной организации общества у черносотенцев базировался на признании бесспорного приоритета духовно-нравственного начала. Наличие твердого религиозного фундамента в социуме, по их мнению, определяло доверие народа к власти согласно формуле «единения царя с народом». Правомонархисты с сомнением относились к западноевропейскому «юридическому формализму», считая правовые акты вторичными по отношению к религиозным нормам. Поэтому в их мировосприятии подчинение закону было возможно только при нравственном его обосновании, что противоречило западным подходам. В частности, правомонархическая пресса критиковала позицию католической церкви, проповедовавшей: «Повинуйтесь королю, даже дурному»²⁷¹.

Противоположность представляла Россия, где, по мысли правомонархистов, осмысленное понимание православия

формировало тип самодержавного русского царя с «идеальными, бескорыстными, чуждыми интересам минуты стремлениями, основанными на заветах Христа и первых христиан»²⁷². Следование строгой законности на Западе прямо вело к водворению «правовой тирании» и парламентской гегемонии: парламент укреплял законы, законы усиливали власть парламента. Право ставилось черносотенцами в неразрывную связь с обязанностью, и подобный подход соответствовал традиционной православной трактовке. «Русский народ свободно и добровольно повинуется своему царю-батюшке, а не по принуждению, потому, что он убежден, что у него православный царь, помазанник Божий; и потому все исходящее от престола царя, как и от престола Божья, полно одной только Высшей правды, чуждой всего житейского и своекорыстного. У него православный царь, а не король католический, которому надо повиноваться, даже если он несправедлив. Если народ будет хоть немного сомневаться в справедливости своего царя, никакие силы в мире не заставят народ повиноваться ему, любить и почитать его, что и было с Борисом Годуновым — царем Иродом, как его называл народ», — писало «Русское знамя»²⁷³.

Западные государства являлись наследниками римской цивилизации и римской теории права, для которых было характерно признание земного происхождения верховной власти. В отличие от православной концепции государства, где только Бог являлся источником власти монарха, ограниченность власти короля в западном обществе обуславливалась получением им власти не непосредственно от Бога, а от Папы Римского²⁷⁴. Концепция земного источника властных полномочий правителя получила дальнейшее развитие во времена Реформации и окончательно оформилась в эпоху Просвещения (XVIII в.). Великая французская революция, окончательно отказавшись от включения религиозного принципа во властьюстроительную схему, утвердила положение о служе-

нии «народному суверенитету», что было закреплено в Декларации прав человека и гражданина 1789 года. Это собрание норм полностью исключило нравственное понимание власти из своего лексикона, а подчинение закону провозглашалось неукоснительной обязанностью граждан.

Россия являлась наследницей греческо-византийской цивилизации, где между верховной властью и народом утверждалась нравственная связь. Крайне правая пресса писала, что русский человек неразрывно связывал свое существование с Россией и ее государственным строем, употребляя характерные выражения: царь-батюшка, Русь-матушка, сравнивая солнце с царем, луну с царицей, а звезды с их детьми — подданными империи²⁷⁵. Православие видело в государстве необходимую форму человеческого бытия, а потому духовенство в России являлось помощником верховной власти, радея о благе Родины и строго порицая делающих дурные поступки монархов. Богоустановленность власти царя обуславливала недопустимость ограничения его полномочий. «Поэтому-то все попытки ограничить царское самодержавие и в допетровской и после петровской Руси кончались ничем точно так же, как и в наше лихолетье, так как эта затея верхов, честолюбцев, инородцев и особенно евреев не встречает не только поддержки со стороны народных русских масс, но даже получает решительный отпор», — утверждали черносотенные публицисты²⁷⁶. Здесь проявлялся разрыв секулярного мировоззрения с религиозным, который в 1884 г. отметил один из идеологов славянофильства И. С. Аксаков: «С точки зрения западноевропейского исторического опыта, возведенного в философскую теорию, с точки зрения западноевропейской науки государственного права русское историческое государственное начало — не более, как *nonsens*, аномалия. Для него нет юридической нормы в западноевропейской науке»²⁷⁷.

Разрыв западного общества после Великой французской революции с сакральным абсолютном еще более усугубил про-

пасть в разнице духовных основ двух цивилизаций. Если Российская империя, по утверждениям черносотенных идеологов, оставалась форпостом христианства в православном его проявлении, то Запад таковым быть уже перестал, положив в свое основание материализм и рационализм²⁷⁸. Вслед за славянофилами правомонархисты заявляли, что в основании европейских государств «...вражда, ненависть, разобщенность, узкий личный материалистический эгоизм, господство материальной силы, рабство духа и души»²⁷⁹.

Цивилизованные народы Европы объявлялись правомонархистами нравственно ущербными, а потому не могущими быть ориентиром для русского народа. «В жизни Англии не воплотились идеи свободы, равенства и братства; вместо совести, дающей человеку истинную свободу, у них — закон; вместо равенства — господство права, вместо права — упорная партийная борьба, а прогресс у них часто идет ко вреду ближних», — утверждала черносотенная пресса²⁸⁰. Отказ от христианских ценностей оборачивался духовной деградацией: «...Англия не может считаться культурной с своей безнравственной политикой, а уподобляется хитрому животному»²⁸¹. Утверждалось, что даже отсталые народы Азии обладали более высокой нравственностью. Западу противопоставлялся Китай, который с внешней стороны вряд ли мог считаться цивилизованной страной, но «по духовной же культуре он более христианин, чем англичане, которые состоят христианами». Крайне правые поучали Запад: «Не богатство, не меч управляет нациями, а главным образом высшая духовная культура... В разрешении всех государственных вопросов мы должны проникнуться христианской идеей и ...согласно ей решить все вопросы и только тогда мы будем в мире и покое жить...»²⁸². Примером была Россия, где православие возвышало человека до Бога: «Это и есть свобода, равенство и братство, которые охраняет Россия...»²⁸³. На страницах официальных документов и публицистики черносотенцев утверждалось, что духов-

ное разложение Запада диктует необходимость готовности для сохранившего православную веру русского народа встать во главе европейской цивилизации по созданию общества на христианских началах²⁸⁴.

По мнению правомонархистов, разным был и смысл существования двух цивилизаций. Если Запад находил цель в обеспечении собственного благосостояния, в первую очередь за счет ограбления покоренных народов, то существование России крайне правые объясняли Божьим промыслом, обоснованном православной историософией о возложенной на Россию миссии охранения православия. Сознательно отказавшись от построения «общества социального благополучия», крайне правые полностью приняли формулу Иоанна Кронштадтского: «Русь дана миру, чтобы свидетельствовать ему правду о Христе». В отличие от Запада, находившего цель в самоутверждении, подчинении и переделывании мира под собственные замыслы, историческое предназначение России крайне правые видели в том, чтобы указать человечеству путь духовного спасения. «Православный русский царь как защитник православия на всей земле и покровитель всех славянских народностей в сознании славянских народов является и будущим всеславянским императором и царем царей, каковым он и являлся в сознании русских XVI века», — писала в июле 1907 г. газета «Русское знамя»²⁸⁵.

Из видовой разности европейской и российской цивилизаций проистекал тезис о неприменимости в российской действительности западных рецептов. Черносотенные идеологи отвергли рожденный в середине XIX в. западниками тезис о том, что все положительные черты русского культурно исторического сообщества были результатом воздействия прогрессивного Запада. Значительный вклад в его утверждение в начале XX в. внес лидер кадетской партии П. Н. Милюков в своем труде «Главные течения русской общественной мысли»²⁸⁶. Признавая очевидное утверждение об имевшем

место западном влиянии на русскую историю, крайне правые расходились с западниками в оценках его результатов. По их мнению, западные заимствования и подражания возведенного в культ реформатора Петра I привели страну к национальной и культурной катастрофе: «преобразованная Россия отказалась от самобытного развития своих государственных институтов и своего государственного права, заимствуя все от Запада, сохранив самобытность только в языке, костюме, народной литературе, т. е. в том, что само по себе не может дать самобытного развития, а есть только продукт. Преобразованная Россия отказалась от самобытного развития и от этого не выиграла ни в материальном, ни в духовном отношениях и дошла до унижения в международных делах и внутренней революции»²⁸⁷. Прозападная политика привела к упадку экономики, уровня жизни населения и в конце его «царствования народ обеднел, а прикрепленные к земле крестьяне превращаются в рабов»²⁸⁸. Реализовать Петру его мечту о повышении материального благосостояния народа за счет разрушения традиционной Руси не удалось.

Черносотенцы указывали, что западные влияния на русской почве всегда приводили к разрушительным для заимствующей стороны последствиям. На страницах монархической литературы приводился показательный пример кадетской партии, позиционировавшей себя в России носителем социальных норм европейского либерализма. Включив в свои программные документы требования верховенства закона, неприкосновенности частной собственности, уважения прав граждан и т. д., в своей реальной практической деятельности кадеты нередко расходились с заявленными принципами: игнорировали неприемлемые для них законы (Выборгское воззвание), признали возможность насильственного перераспределения земельной собственности, проявляли неуважение к властным структурам и своим политическим оппонентам справа, отказывались осудить террористическую деятельность

революционных партий. «Горячо порицая смертные казни над преступниками, кадеты отказывались высказать свое осуждение насильникам и убийцам верных слуг царя и Отечества. Они при всяком случае клеветали и позорили русскую армию и закончили свою «патриотическую» деятельность Выборгским воззванием к бунту и Гельсингфорским двусмысленным объяснением», — говорилось в обращении Русского собрания, СРН и Партии правого порядка, распространенном в начале 1907 г.²⁸⁹ П. Н. Милюкова неоднократно обвиняли в государственной измене, в частности в получении денег от болгарского и финляндского правительств для лоббирования в Думе чуждых интересов²⁹⁰. Современный исследователь С. В. Лебедев отчасти подтверждает заявления правомонархистов, утверждая, что оппозиционные партии финансировались зарубежными спецслужбами, а создание кадетской партии «осуществлялось на деньги воюющей против России Японии»²⁹¹.

Черносотенцы не пытались навязать ценности русского культурно-исторического сообщества другим странам и народам. Отказываясь от революционного передела, внедрения западных политических институтов и норм социальной жизни, они ставили вопрос о «самобытном» пути развития России, которое, по их мнению, было возможно лишь на базе развития национальных духовных и государственных традиций. Уваровская триада «Православие, самодержавие, народность» являлась для крайне правых основой, позволявшей русскому народу идентифицировать свое место в мире и понять будущее предназначение. Свое развитие она получила на состоявшемся в 1906 г. в Киеве III Всероссийском съезде русских людей, где в концентрированном виде были изложены принципы, объединившие все правомонархические организации: «Россия для русских! За Веру, Царя и Отечество! За исконные начала: Православие, Самодержавие и Народность! Долой революцию! Не надо конституции! За самодержавие, ничем на земле не ограничиваемое!»²⁹².

Опираясь на ключевые постулаты идеологии государственнического консерватизма, разработанные русскими охранителями М. Н. Катковым, К. П. Победоносцевым, В. П. Мещерским, Д. А. Толстым, правомонархисты отвергли западноевропейские парламентские и конституционные учреждения, идейные и культурные нормы социального бытия, ставку на ускоренное промышленное развитие, неизбежно разрушавшие традиционный уклад жизни российского общества и т. д. Ю. И. Кирьянов указывал, что «заимствования... классифицировались как космополитизм, который разрушает самобытную культуру России»²⁹³.

Признавая неизбежность модернизации страны, правомонархисты считали необходимым при проведении реформ выполнение двух главных условий, сформулированных русскими консерваторами. Во-первых, реформы не должны задевать основ российской государственности и традиционного общества. Во-вторых, проводником реформ должна выступать самодержавная власть с сильным правительственным аппаратом как единственная политическая сила, способная недопустить анархию при перестройке социальных отношений²⁹⁴. В этом отношении руководящими для черной сотни стали слова императора Николая II, подчеркивавшего опору на традицию: «Только то государство и сильно и крепко, которое свято хранит заветы прошлого». Данную мысль в брошюре «Революционеры и черносотенцы» развил и конкретизировал член Главного совета СРН А. А. Майков: «Черносотенники желают полного переустройства русской жизни, осуждают всю правительственную политику, как внутреннюю, так и внешнюю, всего последнего времени и желают самых коренных реформ. Но только они домогаются, чтобы реформы эти были произведены в духе русского народа, согласно с его историей, чтобы реформы явились естественным развитием всего созданного русским народом, а не являлись бы насильственным навязыванием чуждых русскому народу учений и учреждений»²⁹⁵. В качестве основного метода этого предлагалось обращение к собственной истории

в целях поиска в «ней более совершенных и самобытных форм управления государством, а не в чуждом нам, давно отжившем западном конституционализме, который многолетним опытом уже доказал свою полную непригодность», — писало в феврале 1907 г. «Русское знамя»²⁹⁶.

Таким образом, для черносотенцев самобытность русского государства и общества основывалась на уникальных традициях, обычаях, моральных и нравственных ценностях, унаследованных от предшествующих поколений. Согласно правомонархической доктрине, опираясь на опыт предков и следуя принципам упорядоченности, стабильности, равновесия, российское культурно-историческое сообщество могло обеспечить себе эволюционное движение вперед и постепенное обновление на базе национальных устоев. Поэтому крайне правые считали неприемлемыми и неприменимыми для путей русской государственности и культуры какие-либо программы и рецепты реформирования страны, заимствованные откуда-либо извне.

Библиографические ссылки

¹ Попов Э. А. Русский консерватизм: идеология и социально-политическая практика. Ростов н/Д, 2005. Режим доступа: <http://www.fidel-kastro.ru/history/rossia/ruskons.htm>

² См.: Консерватизм // Современная западная социология. Краткий энциклопедический словарь. М., 1990; Консерватизм политический // Политология: энциклопедический словарь. М., 1993. С. 141.

³ Чернавский М. Ю. Два подхода к определению консерватизма // Традиционализм и консерватизм на юге России. Южнороссийское научное обозрение. Ростов н/Д. 2002. Вып. 9. С. 31.

⁴ См.: Кармизова С. Т. Российский консерватизм как философско-политическая идея. Дис. ... канд. философ. наук. Ростов-на-Дону, 1999.

⁵ См.: Залежский В. Н. Монархисты. Харьков, 1929; Кон И. Благословение на геноцид. Миф о всемирном заговоре евреев и «Протоколах сионских мудрецов». М., 1990; Лакер У. Россия и Германия. Наставники Гитлера. Вашингтон, 1991; Löwe H.D. Antisemitismus und reaktionäre Utopie: Russischer Konservatismus in Kampf gegen Wandel vor Staat und Gesellschaft. Hamburg, 1978; и др.

⁶ См.: Любош С. Б. Русский фашист Владимир Пуришкевич. Л., 1925; Лакер У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма. М., 1994; Аронсон Г. Я. Россия накануне революции. Исторические этюды: монархисты, либералы, масоны, социалисты. Madrid, 1986; Löwe H.D. Antisemitismus und reaktionäre Utopie: Russischer Konservatismus in Kampf gegen Wandel vor Staat und Gesellschaft. Hamburg, 1978; и др.

⁷ Коцюбинский Д. А. Утопия русского консерватизма: на примере партии Всероссийский национальный союз 1908—1917 // Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности): сб. статей. Вып.1. СПб., 2004. С. 81—82.

⁸ Всероссийский национальный союз. 1-е собрание представителей 19—21 февраля 1912 г. СПб., 1912. С. 31.

⁹ См.: Коцюбинский Д. А. Утопия русского консерватизма: на примере партии Всероссийский национальный союз 1908—1917. С. 82; Он же. Русский национализм в начале XX столетия. С. 32—36.

¹⁰ Омелянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи (1901—1914 гг.): автореф. дис. ... докт. ист. наук. Воронеж, 2006. С. 3.

¹¹ Киевлянин. 1912. 1 марта.

¹² Политология: энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост: Ю. И. Аверьянов. М., 1993. С. 139—141, 196.

¹³ Русское знамя. 1913. 2 апреля.

¹⁴ Меньшиков М. О. Письма к русской нации / Вступ. ст. и примеч. М. Б. Смолина. М., 2000. С. 24.

¹⁵ Вече. 1909. 18 октября.

¹⁶ Лебедев С. В. Слово и дело национальной России. Очерки истории русского патриотического движения. М., 2007. С. 96—97.

¹⁷ Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900—1917. Сост. А. Д. Степанов, А. А. Иванов. М., 2008. С. 414.

¹⁸ Меньшиков М. О. Письма к русской нации. С. 278.

¹⁹ Вече. 1909. 18 октября.

²⁰ Там же.

²¹ Марков Н. Е. Войны темных сил. Статьи. 1921—1937. М., 2002. С. 132; Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. С. 142.

²² ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Л. 853. Ч. 55.

²³ См. Шульгин В. В. Что нам в них не нравится? М.: Наследие предков, 1991.

²⁴ Омелянчук И. В. Черносотенное движение...: автореф. дис. ... докт. ист. наук. С. 3.

²⁵ См.: Манхейм К. Консервативная мысль // Диагноз нашего времени. М., 1994.

²⁶ См.: Попов Э. А. Указ. соч. Режим доступа: <http://www.fidel-kastro.ru/history/rossia/ruskons.htm>.

²⁷ Чернавский М. Ю. Религиозно-философские основы консерватизма. М., 2004.

²⁸ Гусев В. А. Русский консерватизм: основные направления и этапы развития. Тверь, 2001.

²⁹ Там же. С. 242—243.

³⁰ Русское знамя. 1907. 13 мая.

³¹ Там же. 1911. 26 мая.

³² Там же. 1906. 9 января.

³³ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 653.

³⁴ Вестник Союза русского народа. 1912. № 104.

³⁵ Русское знамя. 1908. 20 января.

³⁶ Вече. 1909. 18 октября.

³⁷ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 595. Л. 59.

³⁸ Прямой путь. 1912. Вып. V (май).

³⁹ Уваров С. С. О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения // Река времен. Кн. I. М., 1995. С. 70.

⁴⁰ Кирьянов Ю. И. Предисловие // Правые партии. 1905—1917 годы. Документы и материалы. В 2 тт. М., 1998. Т. 1. С. 32.

⁴¹ Русское знамя. 1916. 9 января.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. 1911. 9 марта.

⁴⁴ Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. С. 149—151.

⁴⁵ Ковалевский П. И. Основы русского национализма. СПб., 1912. С. 26—27.

⁴⁶ Меньшиков М. О. Письма к русской нации. С. 85, 308.

⁴⁷ Политология: энциклопедический словарь. М., 1993. С. 196.

⁴⁸ Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. С. 399—400.

⁴⁹ См.: Журавлева О. М. Епархиальная практика и церковно-государственная деятельность московского митрополита Филарета (Дроздова). 1821—1867: автореф. дисс. ... канд. историч. наук. СПб., 2003.

⁵⁰ Зорин А. «Кормя двуглавого орла». Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII—первой трети XIX века. М., 2001. С. 261—262.

⁵¹ Меньшиков М. О. Вечное воскресение (Сборник статей о Церкви и вере). М., 2003. С. 136.

- ⁵² Там же. С. 129.
- ⁵³ Русское знамя. 1907. 13 мая.
- ⁵⁴ Ильин И. А. Собрание сочинений. М., 2001. С. 155—156.
- ⁵⁵ Чернавский М. Ю. Сверхкраткие тезисы о консерватизме // Научный поиск в решении проблем учебно-воспитательного процесса в современной школе. Тезисы докладов конференции студентов, молодых ученых и учителей (Москва, 1997 г.). Выпуск III. М., 1998. С. 312—314.
- ⁵⁶ История политических и правовых учений. Под общ. ред. В. С. Нерсесянца. М., 1996. С. 198—199.
- ⁵⁷ Степанов С. А. Черная сотня. М., 2005. С. 15-16.
- ⁵⁸ Он же. Черная сотня в России. 1905—1914 гг. М.: Росвузнаука, 1992. С. 22—23.
- ⁵⁹ Русское знамя. 1913. 16 марта.
- ⁶⁰ Там же. 1911. 9 марта.
- ⁶¹ Там же. 1913. 16 марта.
- ⁶² Прямой путь. 1912. Вып. V (май). С. 778.
- ⁶³ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/2. № 381/33.
- ⁶⁴ Там же. Кор. 46/1. № 17/34.
- ⁶⁵ Сборник программ политических партий в России. Под ред. В. В. Водовозова. Вып. VI. СПб., 1906. С. 34.
- ⁶⁶ ГАРФ. Ф. 102. ОО. Оп. 265. 1916. Д. 610. Л. 100.
- ⁶⁷ Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности. М., 1999. С. 56.
- ⁶⁸ Степанов С. А. Черная сотня. С. 23.
- ⁶⁹ Вече. 1909. 18 октября.
- ⁷⁰ Русский народный союз им. Архангела Михаила. Программа и устав. СПб., 1909 (Приложение к «Колоколу»).
- ⁷¹ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 677.
- ⁷² Вестник Русского собрания. 1906. 29 сентября.
- ⁷³ Русское знамя. 1916. 25 февраля.
- ⁷⁴ Там же. 1907. 29 июня.
- ⁷⁵ Вече. 1909. 18 октября.
- ⁷⁶ Прямой путь. 1913. Вып. III (март).
- ⁷⁷ Русское знамя. 1908. 17 июля.
- ⁷⁸ Там же. 1907. 11 марта.
- ⁷⁹ См.: Сборник программ политических партий в России. Под ред. В. В. Водовозова. Вып. VI. СПб., 1906.
- ⁸⁰ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 37. Л. 7—8.
- ⁸¹ Русское знамя. 1907. 11 марта.
- ⁸² Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности. С. 56.
- ⁸³ Земщина. 1911. 26 апреля.
- ⁸⁴ Русское знамя. 1916. 25 февраля.
- ⁸⁵ Прямой путь. 1912. Вып. V (май). С. 779.
- ⁸⁶ Вече. 1909. 18 октября.
- ⁸⁷ Русское знамя. 1911. 9 марта.
- ⁸⁸ Там же. 1916. 9 января.
- ⁸⁹ Там же. 1911. 9 марта.
- ⁹⁰ Вече. 1909. 18 октября.
- ⁹¹ Русское знамя. 1916. 25 февраля.
- ⁹² Постановления Всероссийского съезда Союза русского народа и примыкающих к нему монархических организаций. 21 ноября—1 декабря 1911 г. в Москве. СПб., 1912. С. 1—29.
- ⁹³ Русское знамя. 1909. 30 мая.
- ⁹⁴ Вестник Союза русского народа. 1912. № 117.
- ⁹⁵ Русское знамя. 1909. 30 мая.
- ⁹⁶ Там же.
- ⁹⁷ Постановления Всероссийского съезда Союза русского народа и примыкающих к нему монархических организаций. 21 ноября—1 декабря 1911 г. в Москве. СПб., 1912. С. 1—29.
- ⁹⁸ Русское знамя. 1909. 30 мая.
- ⁹⁹ Там же. 1907. 29 июня.
- ¹⁰⁰ В Святейший правительствующий синод Главного совета Союза русского народа ходатайство. СПб., 1909. С. 45.
- ¹⁰¹ Русское знамя. 1911. 9 марта.
- ¹⁰² Вече. 1909. 18 октября.
- ¹⁰³ Русское знамя. 1908. 25 июля.
- ¹⁰⁴ Там же. 1909. 30 мая.
- ¹⁰⁵ Там же.
- ¹⁰⁶ Там же. 1916. 25 февраля.
- ¹⁰⁷ Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности. С. 57.
- ¹⁰⁸ Русское знамя. 1916. 25 февраля.
- ¹⁰⁹ Там же.
- ¹¹⁰ Там же. 1911. 9 марта.
- ¹¹¹ Земщина. 1911. 26 апреля.
- ¹¹² Русское знамя. 1916. 25 февраля.
- ¹¹³ Там же.
- ¹¹⁴ Там же.

- ¹¹⁵ Там же.
- ¹¹⁶ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 68—85.
- ¹¹⁷ Русское знамя. 1911. 9 марта.
- ¹¹⁸ Там же. 1 мая.
- ¹¹⁹ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/2. № 381/33.
- ¹²⁰ Русское знамя. 1908. 17 июля.
- ¹²¹ Там же. 1916. 25 февраля.
- ¹²² Там же.
- ¹²³ Вече. 1909. 18 октября.
- ¹²⁴ Русское знамя. 1916. 25 февраля.
- ¹²⁵ Там же.
- ¹²⁶ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 655.
- ¹²⁷ Там же. Л. 68—85.
- ¹²⁸ Русское знамя. 1911. 1 мая.
- ¹²⁹ Там же.
- ¹³⁰ Там же.
- ¹³¹ Там же.
- ¹³² Там же.
- ¹³³ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 398.
- ¹³⁴ Русское знамя. 1911. 9 марта.
- ¹³⁵ Там же.
- ¹³⁶ Устав и основоположения Союза русского народа. М., 1906. С. 6.
- ¹³⁷ Вестник Союза русского народа. 1912. № 104. С. 5—15.
- ¹³⁸ В Святейший правительствующий синод Главного совета Союза русского народа ходатайство. СПб., 1909. С. 45.
- ¹³⁹ Русское знамя. 1916. 25 февраля.
- ¹⁴⁰ Лебедев С. В. Слово и дело национальной России. С. 59.
- ¹⁴¹ См.: Сборник съезда русских людей в Москве 24 сентября—4 октября 1909 г. М., 1910.
- ¹⁴² Русское знамя. 1907. 22 мая.
- ¹⁴³ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 678.
- ¹⁴⁴ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/3. № 981/33.
- ¹⁴⁵ Русское знамя. 1913. 15 марта.
- ¹⁴⁶ ГАРФ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 225. Л. 1.
- ¹⁴⁷ Русское знамя. 1910. 28 августа.
- ¹⁴⁸ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 666.
- ¹⁴⁹ Русское знамя. 1908. 15 января.
- ¹⁵⁰ Там же. 1907. 12 апреля.
- ¹⁵¹ Там же. 16 октября.
- ¹⁵² Там же. 1910. 28 августа.
- ¹⁵³ Там же.

- ¹⁵⁴ Там же.
- ¹⁵⁵ ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1916. Д. 358. Л. 18.
- ¹⁵⁶ Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности. С. 73.
- ¹⁵⁷ Русское знамя. 1908. 28 августа.
- ¹⁵⁸ Там же. 1 марта.
- ¹⁵⁹ Там же.
- ¹⁶⁰ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/1. № Ц58654.
- ¹⁶¹ Прямой путь. 1912. Вып. V (май).
- ¹⁶² ГОПБ. ОРК. Кор. 46/1. № 58654.
- ¹⁶³ Кирьянов Ю. И. Правые партии в России (1911—1917 гг.). М., 2001. С. 301.
- ¹⁶⁴ ГОПБ. ОРК. 46/1. № 1160/28.
- ¹⁶⁵ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 654.
- ¹⁶⁶ Вестник Союза русского народа. 1912. № 82.
- ¹⁶⁷ Черняев Н. Н. Из записной книжки русского монархиста. Харьков, 1907. С. 2.
- ¹⁶⁸ Русское знамя. 1908. 15 июля.
- ¹⁶⁹ Прямой путь. 1912. Вып. V (май).
- ¹⁷⁰ Сборник съезда русских людей в Москве 24 сентября—4 октября 1909 г. М., 1910.
- ¹⁷¹ Митрополит Московский и Коломенский Филарет. Слово в день рождения благочестивейшего государя императора Николая Павловича. Говорено в Успенском соборе 25 дня 1851 г. // Николай Первый и его время. Т. I—II. М., 2000. Т. I. С. 63.
- ¹⁷² Русский народный союз им. Архангела Михаила. Программа и устав. СПб., 1909 (Приложение к «Колоколу»).
- ¹⁷³ Русское знамя. 1913. 5 июня.
- ¹⁷⁴ Отзыв на обращение «Русского собрания» к единомышленным партиям, союзам и русскому народу по поводу Манифеста 17 октября. М., 1906.
- ¹⁷⁵ Лебедев С. В. Слово и дело национальной России. С. 119.
- ¹⁷⁶ Степанов С. А. Черная сотня в России. С. 17.
- ¹⁷⁷ Прямой путь. 1913. Вып. III (март).
- ¹⁷⁸ Русское знамя. 1907. 11 марта.
- ¹⁷⁹ Вече. 1909. 20 октября.
- ¹⁸⁰ Русское знамя. 1911. 26 мая.
- ¹⁸¹ Там же. 1907. 22 мая.
- ¹⁸² Степанов С. А. Черная сотня. С. 26.
- ¹⁸³ Протокол частного совещания в Ярославле с 8 по 11 марта 1909 года // ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 654.

- ¹⁸⁴ Вестник Союза русского народа. 1912. № 104.
- ¹⁸⁵ Репников А. В. Русские консерваторы о природе и сущности самодержавного государства и власти // Перспективы: фонд исторические перспективы [Электронный ресурс]. М., 2008. Режим доступа: http://www.prospekts.ru/hisrory/russkie_konservatory_o_prirode_i_suschnosti_samoderzhavnogo_gosudarstva_i_vlasti_2008-10-27-11-52.htm
- ¹⁸⁶ Цит. по: Дудзинская Е. А. Славянофилы в пореформенной России. М., 1994. С. 224.
- ¹⁸⁷ Степанов С. А. Черная сотня. С. 15—16.
- ¹⁸⁸ Русское знамя. 1906. 9 января.
- ¹⁸⁹ Там же. 1913. 15 марта.
- ¹⁹⁰ Там же. 1907. 9 декабря.
- ¹⁹¹ Там же. 1910. 7 марта.
- ¹⁹² Коцюбинский Д. А. Утопия русского консерватизма: на примере партии Всероссийский национальный союз. С. 89—90, 166—167.
- ¹⁹³ Ковалевский П. И. Основы русского национализма. С. 27.
- ¹⁹⁴ Националисты в 3-й Государственной думе. СПб., 1912. С. 154.
- ¹⁹⁵ Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. С. 167.
- ¹⁹⁶ Там же. С. 152, 165—168, 215—216.
- ¹⁹⁷ Любинский А. И. Русский национализм как средство борьбы с революционно-инородческим движением. Киев, 1907. С. 11.
- ¹⁹⁸ Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. С. 162—171.
- ¹⁹⁹ Русское знамя. 1907. 2 декабря.
- ²⁰⁰ Там же.
- ²⁰¹ Там же.
- ²⁰² См. напр.: Хомяков Д. А. Православие, самодержавие, народность. Минск, 1997. С. 125; и др.
- ²⁰³ Аксаков К. С. Собрание сочинений. М., 1889. С. 284.
- ²⁰⁴ Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности. С. 104.
- ²⁰⁵ История политических и правовых учений. Под общ. Ред. В. С. Нерсесянца. М., 1996. С. 277—308; 464—489.
- ²⁰⁶ Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. С. 154—162.
- ²⁰⁷ Леонтьев К. Н. Восток, Россия и славянство. Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872—1891). М., 1996. С. 512.
- ²⁰⁸ Русское знамя. 1912. 13 июля.
- ²⁰⁹ Попов Э. А. Указ. соч. Режим доступа: <http://www.fidel-kastro.ru/history/rossia/ruskons.htm>.

- ²¹⁰ Политология: энциклопедический словарь. М., 1993. С. 154, 155, 195, 197.
- ²¹¹ Русское знамя. 1908. 31 января.
- ²¹² Степанов С. А. Черная сотня. С. 14, 15, 22, 23.
- ²¹³ Попов Э. А. Указ. соч. Режим доступа: <http://www.fidel-kastro.ru/history/rossia/ruskons.htm>.
- ²¹⁴ Майков А. А. Революционеры и черносотенцы. СПб., 1907. С. 23.
- ²¹⁵ Русский народный союз им. Архангела Михаила. Программа и устав. СПб., 1909 (Приложение к «Колоколу»).
- ²¹⁶ Предвыборное воззвание к русскому народу Русского народного союза им. Михаила Архангела // Прямой путь. 1912. Вып. V (май). С. 777.
- ²¹⁷ Русский монархический союз и расширение его деятельности по основам высочайшего рескрипта 30 января 1914 г. М., 1914. С. 3.
- ²¹⁸ Русское знамя. 1908. 31 января.
- ²¹⁹ Там же. 1907. 29 марта.
- ²²⁰ Там же. 1909. 19 сентября.
- ²²¹ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 37. Л. 7—8.
- ²²² Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. С. 215.
- ²²³ Новое время. 1909. 24 марта.
- ²²⁴ Тихомиров Л. А. Апология веры и монархии. М., 1999. С. 214—215.
- ²²⁵ Русское знамя. 1913. 2 апреля.
- ²²⁶ Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. С. 167, 216, 217.
- ²²⁷ См.: Отзыв на Обращение «Русского собрания» к единомышленным партиям, союзам и русскому народу по поводу Манифеста 17 октября. М., 1906.
- ²²⁸ Меньшиков М. О. Письма к русской нации. С. 84.
- ²²⁹ Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. С. 161.
- ²³⁰ Там же. С. 164.
- ²³¹ Постановления Монархического съезда русских людей в Москве в 1909 г. // Вече. 1909. 20 октября.
- ²³² Постановления Всероссийского съезда Союза русского народа и примыкающих к нему монархических организаций. 21 ноября—1 декабря 1911 г. в г. Москве. СПб., 1912. С. 1—29.
- ²³³ Русское знамя. 1911. 1 марта.
- ²³⁴ Там же.
- ²³⁵ Там же. 1913. 2 апреля.

- ²³⁶ Там же. 1907. 13 мая.
- ²³⁷ Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. С. 477—490.
- ²³⁸ Меньшиков М. О. Письма к ближним. СПб.: Изд. М. О. Меньшикова. 1907. С. 492.
- ²³⁹ Коцюбинский Д. А. Утопия русского консерватизма: на примере партии Всероссийский национальный союз. С. 91.
- ²⁴⁰ Русское знамя. 1913. 2 апреля.
- ²⁴¹ Кирьянов Ю. И. Предисловие // Правые партии. 1905—1917 годы. Документы и материалы. Т. 1. С. 10.
- ²⁴² Русское знамя. 1913. 2 апреля.
- ²⁴³ Новое время. 1910. 21 марта.
- ²⁴⁴ Националисты в 3-й Государственной думе. СПб., 1912. С. 3—6.
- ²⁴⁵ Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. С. 217, 491.
- ²⁴⁶ Сборник Клуба русских националистов. Киев, 1913. С. 251.
- ²⁴⁷ Меньшиков М. О. Письма к ближним. СПб., 1912. С. 617.
- ²⁴⁸ Спирин Л. М. Крушение помещичьих и буржуазных партий (начало XX в.—1920). М., 1977. С. 211—213.
- ²⁴⁹ Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911—1917. С. 298.
- ²⁵⁰ Стороженко А. В. Происхождение и сущность украинофильства. Киев, 1912. С. 36.
- ²⁵¹ Коцюбинский Д. А. Утопия русского консерватизма: на примере партии Всероссийский национальный союз. С. 83, 94.
- ²⁵² Меньшиков М. О. Письма к ближним. С. 22.
- ²⁵³ Русское знамя. 1913. 2 апреля.
- ²⁵⁴ Степанов С. А. Черная сотня. С. 15—17.
- ²⁵⁵ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991.
- ²⁵⁶ Леонтьев К. Н. Восток, Россия и славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872—1891). М., 1996.
- ²⁵⁷ Омелянчук И. В. Черносотенное движение...: автореф. дис. ... докт. ист. наук. С. 37.
- ²⁵⁸ Краткий философский словарь / А. П. Алексеев, Г. Г. Васильев и др. М., 2007. С. 82—83.
- ²⁵⁹ Там же.
- ²⁶⁰ Русское знамя. 1907. 1 февраля.
- ²⁶¹ Там же. 1908. 17 июля.
- ²⁶² Леонтьев К. Н. Собрание сочинений. М., 1912. Т. 7. С. 14.
- ²⁶³ Русское знамя. 1908. 17 июля.
- ²⁶⁴ Там же.

- ²⁶⁵ Там же.
- ²⁶⁶ Там же.
- ²⁶⁷ Там же.
- ²⁶⁸ Там же. 15 июля.
- ²⁶⁹ Хомяков А. С. Полн. собр. соч. СПб., 1900. Т. 1. С. 15.
- ²⁷⁰ Киреевский И. В. Полн. собр. соч. М., 1911. Т. 1. С. 115.
- ²⁷¹ Русское знамя. 1908. 17 июля.
- ²⁷² Там же.
- ²⁷³ Там же.
- ²⁷⁴ Там же.
- ²⁷⁵ Там же.
- ²⁷⁶ Там же.
- ²⁷⁷ Аксаков И. С. Сочинения. М., 1887. Т. 5. С. 149—150.
- ²⁷⁸ Степанов С. А. Черная сотня. С. 15—16.
- ²⁷⁹ Вестник Союза русского народа. 1910. 6 августа.
- ²⁸⁰ Русское знамя. 1908. 17 июля.
- ²⁸¹ Там же. 1907. 29 июня.
- ²⁸² Там же.
- ²⁸³ Там же. 1908. 17 июля.
- ²⁸⁴ Юзефович М. В. Несколько слов об исторических задачах России. 2-е изд. Киев, 1895. С. 8.
- ²⁸⁵ Русское знамя. 1908. 17 июля.
- ²⁸⁶ См.: Милоуков П. Н. Главные течения русской общественной мысли. М., 2006.
- ²⁸⁷ Русское знамя. 1908. 17 июля.
- ²⁸⁸ Там же. 15 июля.
- ²⁸⁹ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/1. № 17/34.
- ²⁹⁰ Русское знамя. 1916. 9 января.
- ²⁹¹ Лебедев С. В. Слово и дело национальной России. С. 124.
- ²⁹² Третий Всероссийский съезд русских людей в Киеве: Протоколы. Киев, 1906. С. 62.
- ²⁹³ Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911—1917. С. 298.
- ²⁹⁴ Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности. С. 79.
- ²⁹⁵ Майков А. А. Революционеры и черносотенцы. С. 30.
- ²⁹⁶ Русское знамя. 1907. 22 февраля.

Глава III ЗАЩИТА НАЦИОНАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ

§ 1. Подходы черной сотни к определению понятия нации-народности

В данной главе будет рассмотрена тема защиты право-монархическими организациями национальной традиции как одной из функций консерватизма. Успешное решение поставленной задачи может быть достигнуто только при определении содержательной трактовки понятия народ и нация, присущих черносотенной и националистической доктринам, которые разделяла разность идейных основ. В предыдущей главе при сравнении черносотенства и национализма была выявлена важная характерная черта, которая устанавливает водораздел между двумя доктринами, — отношение к религии. Процессы секуляризации европейской мысли XIX—XX вв. привели к появлению различных комплексов философских и социальных идей — либерализма, коммунизма, национализма, фашизма, для которых была характерна потеря христианских ориентиров.

Остававшиеся на позициях религиозного восприятия мира теоретики русского консерватизма и крайне правые идеологи разделяли точку зрения И. А. Ильина, который писал: «Духовная культура XIX века и XX века есть культура секуляризованная. Но она отделилась, обособилась не только от

христианских исповеданий; нет — она утратила религиозный дух вообще. Она обособилась не от христианской религии во имя другой какой-либо; она не перешла от старой религиозности к новой; она не перешла даже к поискам новой. Она обособилась от христианской религии и ушла в безрелигиозную, безбожную пустоту»¹.

Оформление европейских доктрин в стройную систему взглядов сопровождалось расширением географии их распространения. Теоретики западного социал-дарвинизма и расизма (Ж.-А. Гобино, Г.-С. Чемберлен и др.) оказали серьезное влияние на формирование в начале XX в. идейных основ русского национализма. В 1911 г. идеолог ВНС М. О. Меньшиков, пропагандируя расистскую теорию, заявлял, что арийская раса является «аристократией человечества». Если черносотенцы и воспринимали единство с Западом только через христианскую традицию, то русские националисты рассматривали общность в духе принадлежности к арийской расе. М. О. Меньшиков утверждал, что в отличие от «низших» рас европейские народы достигли совершенства благодаря просвещению, в результате чего они имеют более широкий череп, нежели малокультурные народности. Признавая «отсталость» и славянских народов, теоретики русского национализма считали возможным преодолеть культурный разрыв посредством вовлечения народной массы в жизнь Европы². Таким образом, русский национализм через посредство социал-дарвинизма и теории расизма оказался в идейной зависимости от западных учений.

Воспринятые русскими националистами идеи европейских мыслителей о неравенстве рас и народов были отвергнуты отечественной консервативной мыслью, стоявшей на позициях признания социальной иерархии, а не этнической³. А. В. Репников отмечал, что русские консерваторы видели причины государственных нестроений в религиозно-нравственном состоянии народа и не рассматривали развитие ком-

плекса идей национальной исключительности как панацею от социальных бед⁴. Данная мысль находила свое отражение и на страницах правомонархической прессы, в которой нередко были случаи жесткой критики русского народа как основного виновника собственных проблем из-за утраты религиозности. Препятствующим фактором для восприятия крайне правыми расистских идей был присущий им религиозный подход, ставивший приоритет духовного очищения субъекта (нация, человек) перед социально-политическими преобразованиями социума на основе умозрительных доктрин, т. к. источниками нестроений рассматривались причины морального порядка, а не социальные условия жизни⁵. Идеи расового превосходства и этнической чистоты не могли быть восприняты черносотенцами в силу их антихристианского характера, поэтому плодородную почву для их утверждения представляли секуляризированные сегменты российского политического сообщества, черпавших идейные новации за рубежом.

Концепция русской народности в теоретических построениях идеологов правомонархических организаций рассматривалась как защитно-охранительный комплекс идей, выполнявший мобилизующую функцию по защите основ традиционного русского общества, но не фундамент для разжигания ксенофобии и ненависти к представителям других этносов. Включенная в основополагающие документы крайне правых организаций формула «Россия для русских» в «Обращении» Союза русских людей расшифровывалась следующим образом: «Державные права Русской народности суть: первенство Православной церкви, Самодержавная власть русского царя, единство строя и подчиненности Государю Императору сухопутных и морских военных сил Российской империи и общегосударственное значение русского языка»⁶. С этой точки зрения лозунг утверждал Россию как духовно-территориальное пространство для лиц, рассматривавших Русь как оплот святости и место спасения во Христе. При-

оритетом здесь выступала проблема сохранения незыблемости духовных ценностей русского культурно-исторического сообщества от влияния чуждых идеологий.

Трактуя национальность как явление прежде всего духовное, политическое и культурное, правомонархисты не придавали приоритетного значения природно-биологическим факторам. В противовес им идеолог русского национализма М. О. Меньшиков заявлял о недопустимости пренебрежения этническими факторами⁷. Позиция «зоологического национализма» подверглась осуждению не только широким спектром политических партий России начала XX в. (крайне правыми, либералами, левыми радикалами), но и со стороны теоретиков консерватизма. В частности, К. Н. Леонтьев писал: «Что такое племя без системы своих религиозных и государственных идей? За что его любить? За кровь? Но кровь ведь... ни у кого не чиста... И что такое чистая кровь? Бесплодие духовное! Любить племя за племя — натяжка и ложь. Другое дело, если племя родственное хоть в чем-нибудь согласно с нашими особыми идеями, с нашими коренными чувствами»⁸.

Националистические идеи расовой чистоты и этнической сегрегации, по мнению идеологов крайне правых, подтачивали основы государства и создавали почву для распада Российской империи. Черносотенцы исходили из вполне рациональных рассуждений, полагая, что многонациональное Российское государство не стало бы фактом истории, если бы при его создании власти руководствовались только этническим принципом. Именно в сформулированном русскими консерваторами приоритете общеимперского начала над этническим родством состоял один из факторов успешного строительства многонационального государства⁹. В противовес грозившей распадом страны этнической обособленности черносотенцы выступали за интеграцию инородцев в состав русской семьи посредством привития им базовых основ русского культурно-исторического сообщества. Это

четко и недвусмысленно было зафиксировано в протоколах состоявшегося в ноябре 1911 г. Всероссийского съезда СРН: «Союз стремится не к сепаратистской и человеконенавистнической политике неонационализма, а к объединению всего населения под единым скипетром и державою»¹⁰. В ответ лидеры ВНС заявляли, что реализация данной политики приведет к утрате русскими своей этнической чистоты и самобытного национального облика. В качестве контраргумента М. О. Меньшиков предложил политику национальной самоизоляции в целях «сохранить себя»¹¹.

Правомонархисты не приняли получившее распространение на Западе определение, смысловое содержание и трактовку понятия нации. Консервативные корни и русоцентричный характер черносотенной доктрины заставлял их ограничиваться рамками российского масштаба при разработке понятия «русская народность», рассматривавшейся как сугубо национальная категория, локализованная национальными традициями. Отказавшись от решения всемирных «универсалистских» задач, черная сотня находила опору в национальных идейных корнях, в частности, в русском консерватизме, а не в западных учениях.

В отличие от черносотенной доктрины, носившей русоцентричный характер, русские националисты придерживались универсальной концепции национализма. На критику К. Н. Леонтьева о «космополитизме» русского национализма лидеры ВНС отвечали, что в своей базовой основе русский национализм ничем не отличался от всех остальных¹².

Зависимость доктрины русских националистов от европейских аналогов, по мнению правомонархистов, нивелировала понятия православия и самодержавия (базовые русские ценности), которые лидерами ВНС рассматривались в качестве инструментов, используемых национальными меньшинствами для внедрения и интеграции в русский социум¹³. Таким образом, не только религиозно-нравственное

содержание «русского мессианства», но и само его существование отрицалось. Русский национализм как очередной продукт «европеизации» отечественных интеллектуалов был подвергнут консерваторами жесточайшей критике: «Нельзя не заметить поразительного сходства национальной узости иных наших патриотов, — писал Л. А. Тихомиров в статье “Что значит жить и думать по-русски?”, — с той еврейской национальной психологией, которую обличали пророки. В узких порывах патриотизма и у нас понятие о вере ныне смешивается с понятием о племени, и русский народ представляется живущим верой только для самого себя, в эгоистической замкнутости»¹⁴.

Пытаясь дистанцироваться от националистов, правомонархисты отказались от расово-биологического критерия определения понятия нации, а также широкого использования самого термина «нация», заменив его народностью. Руководствуясь необходимостью сохранения «единой и неделимой России», идеологи черной сотни осудили этнический национализм, видя в нем конфликтный потенциал осложнения межнациональных отношений в стране. Не желая безоговорочно опираться на теории западных националистов и расистов, они не обращали особого внимания на четкую теоретическую разработку оперируемых ими терминов. Их доктрина не имела генетической зависимости от европейских учений, поэтому даже сам термин «национализм» черносотенцы считали несостоятельным и неприменимым к России. Он был привнесен с Запада, будучи рожден в других социокультурных условиях и среде. Их пугало его иностранное происхождение как проявление антиправославной западной мысли, а потому, по мнению правомонархистов, он был малопригоден для реализации практических задач по стабилизации социальных и гармонизации межнациональных отношений в России¹⁵.

Отрицательно относясь к распространенным в тот момент на Западе теориям, рассматривавшим национальный фено-

мен в контексте расово-биологических факторов, черносотенцы придерживались иной трактовки понятия «нация». В отличие от понимания национальности как определенного типа человеческой общности по крови и единства этнического происхождения черносотенцы вкладывали в этот термин религиозно-политическое и культурное содержание. «Плотское единство» националистов крайне правым казалось недостаточным: «Националисты не считают единство, религию и политический строй за устои государства, находя, что эта вещь сторонняя, как кто хочет, так пусть и понимает», — писало «Русское знамя»¹⁶.

Необходимость политического размежевания с националистами обуславливалась для правомонархистов также тем обстоятельством, что продвигаемые националистами идеи русской национальной исключительности сводили на нет реализацию мессианской задачи России проповеди православия, что было отмечено Л. А. Тихомировым. «У нас нынче, среди правых, — писал он, — иногда проявляется такая узкая идея русского интереса, такой национальный эгоизм, которые приличествуют разве какой-нибудь бискайской “национальности”. Но это в высочайшей степени антирусская черта... Русская национальность есть мировая национальность, никогда не замыкавшаяся в круге племенных интересов, но всегда несшая идеалы общечеловеческой жизни, всегда умевшая дать место в своем деле и в своей жизни множеству самых разнообразных племен. Именно эта черта делает русский народ великим мировым народом и, в частности, дает право русскому патриоту требовать гегемонии для своего племени»¹⁷.

В своих подходах к определению понятия народности черносотенцы использовали теоретические наработки славянофилов. Народность рассматривалась в нераздельности с православием и самодержавием и не имела самодовлеющего этнического значения. Иными словами, народность понималась как религиозная (православная), политическая (само-

державие) и культурная (язык, быт, просвещение) общность. Содержательная сторона данного понятия была раскрыта в Своде основных понятий и положений русских монархистов, выработанных в мае 1912 г. IV Всероссийским съездом Союза русского народа и V Всероссийским съездом русских людей: «...народность, в отличие от национальности и космополитизма, есть триединство 1) вероисповедания, 2) государственности и 3) своеобразной просвещенности, основанной на обособленности языка, страны и нравов (обычаев)»¹⁸.

Этническому подходу националистов черносотенцы противопоставили «почвенническое» содержание понятия народности, которое рассматривалось как исторически сложившаяся самобытная общность, связанная племенным родством, территорией (всею русскою землею) и возделыванием ее плодов для материального самодовления (удовлетворения своих нужд). Культурный компонент народности определялся как идентичность самосознания народа, обусловленный общностью «языка, науки, просвещения и всего того, что творится в Отечестве всеми средствами человеческого разума для блага общественного и частного». Культурная составляющая в значительной степени являлась производной от религиозного элемента, а потому носила второстепенное значение, что было зафиксировано в Своде понятий русских монархистов: «Народность же требует, кроме языка, истории (быт), нравов, обычаев и просвещения (культуры), единство: 1) веры, 2) царства и 3) земщины»¹⁹.

Таким образом, под народностью черносотенцы понимали духовно-религиозное, политико-идеологическое, культурно-историческое и соборное единство русских людей²⁰. Данная трактовка коренным образом отличалась от пришедшего с Запада понятия нации, в который националисты вкладывали этническое, «кровное» родство, а либералы государственно-гражданскую сплоченность. Сравнивая нацию с народностью, черносотенцы указывали, что нация является понятием более

общим по объему и менее содержательным по сути: «Нация есть искусственное общество людей разного рода и племен, разно верующих и не всегда говорящих одним общим языком, но сплоченных одной цивилизацией и подвластных одному государству». Противопоставляя два понятия, крайне правые указывали на необязательность присутствия у нации важнейших атрибутов, составлявших понятие народности. «Национальность может обходиться без веры и вероисповедания (французы), рода и племени (австрияки), без страны и земли (жиды), без государственности (цыгане, жиды)», — утверждалось в программных документах крайне правых. При утрате одного из базовых компонентов русской народности черносотенцы указывали на опасность ее перерождения в «национальность» или «нацию». «Без вероисповедного единства, царского домостроительства и земской соборности русская народность перестает быть народностью, а становится антинародною не русскою национальностью», — говорилось в Своде основных понятий и положений русских монархистов²¹.

Народности противопоставлялся и космополитизм, давая определение которому, крайне правые делали акцент на отсутствии у него каких-либо атрибутов, присущих как понятию народности, так и нации: «Учение о такой безнародности, при которой будто возможно гражданское сплочение, которое охватывало бы всю земную поверхность без различия народности и национальности». По мнению черносотенцев, в утверждении космополитизма были заинтересованы «паразитное жидовство и масонство», которые посредством внедрения его в сознание народов пытались ликвидировать охранительно-защитительную функцию нации-народности и обеспечить себе доступ к власти и национальным богатствам страны. В этой связи и повсеместное внедрение на Западе понятия нации в вышеуказанной трактовке рассматривалось ими как переходный этап к космополитизму: на пути «прогресса» нация постепенно теряла бы один за другим свои защитные

компоненты, разлагалась и превращалась в лишенную национальных черт людскую массу — объект для эксплуатации еврейских банкиров и промышленников. Космополитизму противопоставлялось христианство, которое «объединяет все народы, без разрушения народного облика, масонство же стремится обезнародить народ, как пытается оно обезнародить и обессилить государство и обезверить веру». Исходя из вышеизложенного, заявлялось, что и национализм и космополитизм для русской народности одинаково вредны, так как разрушают «народность русскую, уничтожают, в конце концов, русскую государственность и русскую церковность»²².

Итак, принадлежность к русскому народу определялась через принятие основных компонентов теории официальной народности: православия, самодержавия и народности. В мае 1907 г. газета «Русское знамя» кратко, но емко утверждала: «Русский народ как нация выражается в трех символах: вере православной, царе самодержавном и народе русском»²³. Они стали идентификационными чертами истинно русского человека. «...Три основные начала сознательно или бессознательно, но, во всяком случае твердо, начертаны в сердце каждого честного русского человека, любящего Родину и верного долгу и присяге», — утверждалось в постановлениях III Всероссийского съезда русских людей²⁴. Состоявшийся в ноябре 1911 г. в Москве Всероссийский съезд СРН к истинно русским относил лиц, «твердо, до самозабвения исповедующих наши Святые основоположения, единственно и исключительно способных осуществить самодержавную волю нашего царя»²⁵.

Рассмотрим подробнее систему аргументации, предлагаемую черносотенцами при определении понятия русской народности.

1. Принадлежность к православию как трактовка русскости. Основной характеристикой русскости являлась православная религиозная традиция, сформировавшая за тысячелетнюю

историю русский народ, систему его взглядов и определившая его национальный облик. По заявлению состоявшегося в 1909 г. в Москве Монархического съезда, православие «создало сущность русской национальности, всегда являлось единственно прочным и жизнотворным началом...»²⁶. Черносотенное «Русское знамя» писало, что православие есть «целое мировоззрение, веками воспитанное, народом воспринятое в свою душу как родное, как единое истинное, как основа его жизни, и это мировоззрение закон народа должен не только охранять, но и воспитывать в сынах народа, если хочет быть родным народу, священным для него»²⁷. Тезис о роли РПЦ был заимствован у русских консерваторов и почвенников, в частности Ф. М. Достоевского, писавшего: «Русский народ весь в православии и в идее его. Более в нем и у него ничего нет — да и не надо, потому что православие все»²⁸. Данное мнение поддержал И. А. Ильин, заявивший: «Православие научило нас освящать молитвою каждый миг земного труда и страдания: и в рождении, и в смерти; и в молении о дожде, и в окроплении плодов; и в миг последнего, общего молчаливого присеста перед отъездом; и в освящении ратного знамени; и в надписи на здании университета; и в короновании царя; и в борьбе за единство и свободу Отчизны. Оно научило нас желанию быть святою Русью»²⁹.

Черносотенцы рассматривали православие как национальную веру, ставшую стержневым элементом складывания самобытного облика русского народа. Исходя из разработок консервативных мыслителей (Ф. М. Достоевского и И. А. Ильина), народ в крайне правой системе взглядов воспринимался не только как субъект истории, социальный организм, но как духовная общность. Черносотенцы подчеркивали, что влияние православия и русского народа друг на друга было обоюдным. За многовековую историю взаимоотношений православие по выражению крайне правой прессы «прониклось духовными запросами русского племени, став его народной верой». «Сохранив неприкосновенную чистоту

догматов, Русская Православная церковь приобрела национальный характер...», — заявлял в марте 1907 г. на монархическом собрании студент-академик Б. Надеждин³⁰.

Из данного посыла следовал тезис об определяющей роли православия в формировании самой русской народности и выработке его отличительных от других народов черт. «Русское народное самосознание верой православной рождено, воспитано, укреплено и освящено, которая и положила в основу русской государственности не деспотическую (варварскую) силу, а начала христианской любви и нравственности», — говорилось в официальном документе Союза русского народа³¹. РПЦ выработало единую систему нравственных идеалов и духовных принципов русского народа, в частности, понятия совести, справедливости, святости, греха, правды, добра и зла, милосердия, братства, чувство достоинства, сочувствие к бедному, слабому, больному, ответственность гражданина перед царем и Богом³².

Вслед за основоположниками славянофильской и «официально народной» доктрин черносотенцы указывали на православную религиозность как фактор, обеспечивающий наличие у русского народа таких духовно-нравственных качеств, как верность, взаимоподдержка, жертвенность, соборность, солидарность, терпение, позволивших России выстоять в тяжелые исторические периоды, выдержать внешний натиск, создать великую империю: «Прошедший тяжелый исторический путь, не раз оказываясь на краю гибели, русский народ выработал в себе непреодолимую стойкость и крепость духа, готовность к перенесению невзгод и готовность к страданиям»³³. Православие проникло во все сферы жизни русского народа, став основой его политической, общественной и семейной жизни, что давало огромную нравственную силу и христианское терпение переносить страшные потрясения русской истории: удельное время, монгольское иго, Смутное время, крепостное право, нашествие Наполеона³⁴.

Успех православия объяснялся его соответствием характеру и духовным потребностям русского народа, которому черносотенцы приписывали природную религиозность и вечный поиск божественной истины. Идеолог Союза русских людей Ю. П. Бартенев утверждал, что христианское учение пустило глубокие корни в менталитете русских: «Русский народ, глубоко проникшись бытовою стороною православия, смотрит на жизнь земную, как на подготовку к бытию загробному...»³⁵. Присущая русскому национальному типу религиозность как психологическая черта в сентябре 1909 г. подчеркивалась и «Русским знаменем»: «Русский народ — религиозный по преимуществу, начиная крестьянином и кончая дворянином. Искание Бога живого составляет ту характерную особенность русского человека, которую не отрицают и враждебные духу народному выродки русского общества, всевозможные «левые»³⁶. Соответствие православного верования духовным исканиям восточных славян утверждалось и в программных документах крайне правых организаций. «...Русский народ на заре народной своей жизни... воспринял христианство православное, а не инославное, и потому, что само православие сохранило истину во всей ее целостности и неприкосновенности», — говорилось в Своде основных понятий и положений русских монархистов³⁷.

По мнению крайне правых, православие наиболее отвечало характеру и психологическим чертам восточного славянства, что сделало процесс восприятия «греческой веры» безболезненным. При выборе религии русский народ «инстинктивно почувал, что только православие дает “полную свободу и господство совести”». Потребность в совести составляла уникальную черту восточного славянства, проявлявшуюся даже в их языческой мифологии, которая не была проникнута враждой, кровью, насилиями (что проявлялось у западных народов). «Языческие боги славян были добродушными и бескорыстными, как и сами славяне», — писала черносотенная пресса³⁸.

Приоритет религиозного компонента над этническим при определении национальности распространялся и на другие народы. Об этом свидетельствуют многочисленные высказывания крайне правой литературы: «В Германии мужик и лютеранин, и католик, и реформатор, как придется. Во Франции — мужик католик, кальвинист и гугенот. В России же мужик только православный»; «И как русского человека нельзя представить себе иначе как православным, так и поляка иначе как католиком, татарина иначе как магометанином»³⁹.

Исходя из этого тезиса, черносотенцы делали вывод, что утрата духовного компонента приводила к потере принадлежности к народу. Вслед за Федором Достоевским, утверждавшим, что «неправославный человек не может быть русским», принадлежность к православию провозглашалась главным признаком русскости. В несколько иной интерпретации эта мысль была озвучена видным черносотенцем Н. Е. Марковым в ноябре 1915 г. на Всероссийском монархическом совещании в Нижнем Новгороде: «Русский народ крепко связан своими верованиями, и если он перестанет быть православным христианином, он перестанет быть собственно русским»⁴⁰.

Данное положение было зафиксировано в большинстве программных и руководящих документов крайне правых, в частности, в «Памятке» Союза Михаила Архангела. Измена православию неизбежно вела в стан врагов Родины, что было сформулировано одним из видных черносотенцев Густавом Шмидтом: «Потеряв веру, русские становятся космополитами и революционерами»⁴¹. Даже принятие инославной христианской веры не могло спасти от данного приговора: «Русский человек, соvrащенный в баптизм или другую секту, перестает быть русским, он ненавидит русского православного человека, не любит русского царя и вешает в своем доме портрет Вильгельма, его родиной становится Германия, и облик этого русского делается немецким»⁴². Лишенный православного ядра и самодержавного политического стержня народ превращается в многомиллионную этническую массу,

с разновекторными устремлениями, делающими его уязвимым для внешних и внутренних врагов. Наоборот, принятие православия являлось пропуском в среду русского народа. «Когда спрашивают про кого-либо родом из Польши или с польской фамилией, он поляк? Отвечают: нет, православный. Если он родился в Польше и поляк родом, но веры не католической, а православной, то он этим самым считается уже русским», — разъясняла черносотенная пресса⁴³.

2. Самодержавный монархизм как трактовка русскости. Идентифицирующим признаком истинно русского человека являлся также проистекавший из православия монархизм. Черносотенцы отстаивали тезис, что для подлинно верующего православного христианина признание неограниченной самодержавной монархии как единственно возможной формы правления являлось очевидным. Крупный исследователь черносотенного движения С. А. Степанов писал, что для «черной сотни принадлежность к господствующей нации определялась не столько национальностью или религией, сколько степенью преданности престолу»⁴⁴. В этом утверждении есть некоторое уничтожение принципа религиозности, что в отношении «коренных русских людей» не вполне верно. Если православие рассматривалось правомонархистами как идейный фундамент самодержавия, то отношение к самодержавию определяло глубину веры индивида. По сути, это были две стороны одной медали, определявших понятие русскости: православие являлось его духовным проявлением, в то время как самодержавие — политико-мировоззренческим воплощением.

Отождествление понятия «русский» с верностью самодержавию постоянно подчеркивалось крайне правыми идеологами. «Можно было бы указать отступников православия, преданных отвлеченной идее монархизма, даже преданных лично тому или другому русскому государю, но изменника православно преданного идее русского царского самодержавия

не только указать, но и представить невозможно. С другой стороны, при иных исторических условиях существование людей православных, но отрицающих самодержавие или равнодушных к нему, вполне понятно и нормально. Другое дело — в России русскому нужно изменить самодержавию, нужно отречься от «всей родной святыни», искать исцеления у иных, мертвых и нелепых богов. Трудно совместить такое национальное отступничество с верностью православию. И мы видим, на деле даже лучшие из таких отступников быстро охлаждаются к народной вере, или еще чаще и хуже пытаются отыскивать в православной вере и церкви демократические и иные любезные им начала», — заявлял на собрании монархистов Б. Надеждин⁴⁵.

Отказ признать самодержавие национальной формой правления с точки зрения правомонархистов автоматически вел к отрешению от принадлежности к русскому народу. Черносотенная печать всячески напоминала, что приверженность монархии является русской национальной чертой: «Тот, кто не православен, тот не русский: он уже выродок. Тот, кто не предан царю, также не русский, потому что эта преданность есть наследие тысячелетних верований»⁴⁶.

По мнению русских консерваторов, благодаря православию русский народ выработал отличную от восточного деспотизма и западного абсолютизма форму монархической власти, которая, являлась наиболее приближенной к идеальному типу монархии вообще⁴⁷. Русское самодержавие рассматривалось правомонархистами как классическая монархия, в то время как существовавшие в мировой истории другие образцы являли собой пример отклонения от нормы. Главная отличительная черта самодержавия состояла в выражении им религиозно-нравственного и этического идеалов русского народа. «Монархия есть верховенство того самого этического начала, которое является сущностью всякой личности данной нации», — утверждал председатель Монархической партии Иоанн Восторгов в

книге «Монархический катехизис». Иными словами, русская монархия являлась зримым политическим проявлением или производной мировоззренческих представлений русского народа. «Идея “Царь” есть идея стихийного всего многомиллионного русского народа. Эта идея — вне корысти и честолюбия, естественное ее движение — идея народного блага, и весь вопрос заключается в создании таких условий, при которых эта идея могла бы жить и своим светом правды и справедливости осветить жизнь народную и вести ее по пути прогресса и духа материального улучшения», — писало «Русское знамя» в январе 1908 г.⁴⁸

Аргументируя нравственную основу самодержавной власти, черносотенная пресса не скупилась на декларации о духовном родстве русского народа со своим православным царем, связь которых имела религиозно-духовную основу: «У царя и народа — одно сердце и одна душа. У нашего царя и русского народа — один учитель и наставник — Иисус Христос. У царя и народа — один Отец — Царь небесный»⁴⁹. Доказательную базу составляли печатавшиеся на страницах «Русского знамени» поговорки, в которых проявлялось отношение русского народа к своему царю: «Русский народ инстинктивно понял общность своего мирозерцания с царским. В своих сказках он забитого Иванушку-дурачка делает царем, замарашка делается царицей. В своих пословицах он говорит: «Народ думает, царь ведает», «Как весь народ вздохнет, до царя дойдет». С другой стороны, расхитители царского самодержавия, кто бы они ни были, считаются русским народом одинаково опасными как для себя, так и для царя, что народ высказывает, говоря: «Царево око видит далеко, а из-за тына и царю не видать», «Приспешники царю застыят, народу напастят», «Царские милости в боярское решето сеются» и т. д. и перенося всю свою ненависть в периоды гнета не на царя, а на временщиков, как, например, Малюту Скуратова, на Бирона и на других. На русского царя только тогда перено-

сится народная ненависть, если он уклоняется от православия или от совести, — что, конечно, одно и то же, что, например, и случилось с так называемым Лжедмитрием и с Борисом Годуновым, который народом назывался царем-иродом»⁵⁰.

В воззрениях русских консерваторов и правомонархистов, самодержавие в наибольшей степени, чем какая-либо иная форма правления, соответствовала характерным чертам русского народа, которые определялись как особые монархические качества: политический консерватизм, врожденный монархизм, покорность властям, аполитичность, неприятие инакомыслия и правового государства⁵¹. Рассмотрим эти черты подробнее.

Аполитичность. Черносотенцы приняли идеи государственников-охранителей и славянофилов об аполитичности русского народа, являвшейся следствием присущей ему религиозности. Утверждая, что народные массы не стремятся участвовать в управлении государством, крайне правые часто использовали в своих программных документах и на страницах печати рожденную славянофилами формулу: «Внешняя правда — государству, внутренняя правда — земле; неограниченная власть — царю, свобода мнения и слова — народу»⁵². Представления о предназначении русского народа жить на земле и в Боге четко выразил неославянофил Д. А. Хомяков, утверждавший: «Народ, живущий верой и бытом, твердо стоит на принципе самодержавия, т. е. устранения от политиканства, в котором видит лишь “необходимое (или неизбежное) зло”, которое возлагает как бремя, на избранное и жертвующее собою для общего блага лицо — государя...»⁵³.

Следуя этим размышлениям, крайне правые идеологи пропагандировали идею о том, что русский народ, добровольно отрекаясь от власти, передает правление царю: «Народ может наслаждаться полным счастьем, когда вся власть над ним сосредоточена в одних руках, когда им управляет одно лицо, то есть монарх, который своей могучею властью

устраняет противоречия, все различия во взглядах мелких начальников», т. е. также нейтрализует противостояние внутри бюрократического аппарата⁵⁴. Помимо отвлеченно религиозной аргументации монархисты применяли и аргументацию из практической области, указывая, что для решения государственных вопросов народ не обладает достаточной компетенцией, уровнем образования и времени в силу занятости производством материальных благ⁵⁵.

Повиновение власти как этическому принципу. Исходя из присущей консервативной идеологии установке об иерархическом строении общества, повиновение и покорность государству определялись правомонархистами как неотъемлемые черты русского национального характера. «Ты один, государь, должен стоять выше всех законов и умягчать своей властью несовершенство их и должен стоять, никем не заслоненный пред своими подданными...», — говорилось во всеподданнейшем адресе собрания Монархической партии⁵⁶. А. В. Репников отмечал, что консерваторы приписывали русскому народу высокий уровень ожиданий от государства, персонифицировавшийся в лице его главы. Со времен Ивана Грозного в народе культивировался сформулированный им тезис о повиновении православному царю как части христианского благочестия. Это трактовалось как утверждение патриархально-семейных отношений между царем-батюшкой и его народом, но не проявление рабской покорности⁵⁷. Утверждая, что потребность в смирении и послушании рассматривалась консерваторами не как аномалия, а норма, исследователь приводит мнение К. П. Победоносцева, отмечавшего, что «искание над собой власти» представляет естественную психологическую черту людей и является проявлением не «рабской сущности», а следованием нормам Нового Завета. В контексте данных представлений «государство и власть защищают народ, монарх подобен «отцу», а его подданные «детям»⁵⁸.

Мнение К. П. Победоносцева было развито Л. А. Тихомировым в книге «Монархическая государственность»: «Это

очень глубоко подмеченная черта нашей психологии — черта, которую можно назвать женственной... Она вовсе не есть выражение слабости, по крайней мере, по существу, но выражает поэтическое созерцание идеала, искомого нами и чарующего нас в частных воплощениях своих, вызывающего наше преклонение и подчинение, ибо идеалом нельзя владеть, а ему можно только подчиняться как высшему для нас началу»⁵⁹.

Данная черта выражала целую серию присущих русскому народу государственно-политических достоинств: смирение, скромность, искание идеального, вековая терпеливость, подчеркивая которые, черносотенная пресса писала: «Русский народ — аскет, народ-страстотерпец... Стремление страдать во Христе создало в русском народе и вообще в православных свойство безропотно нести свой крест, быть твердым в своих убеждениях и не употреблять против насилия насилие... русский народ безропотно и твердо нес татарское иго, век Ивана Грозного, боролся с суровой природой и нашествиями иноплемеников, а со времен Петра начал нести иго рабства и поправки всех его человеческих прав, как, например, во времена Бирона — иго, перед которым бледнеет весь татарский гнет»⁶⁰. Следствием способности к повиновению власти был исторический успех русского народа: «Народ беспрекословно повиновался воле государя и с помощью самодержавия и церкви Православной развил свою национальность, подчинил сотни племен, даже культурнее себя, и укрепил русский дух на шестой части земного шара»⁶¹.

Врожденный монархизм. Черносотенцы выдвинули тезис о том, что единоличная власть отвечала природе русского народа. Естественный монархизм славян проявился еще до принятия христианства призыванием варягов, от которых потребовали установления сильной власти и прекращения беспорядков⁶². Монархия объявлялась производной от национальных интересов народа. «Не верю в коллективный ум, а потому и в парламентаризм. Верую только в монархизм», — отражал мнение

миллионов своих соратников на съезде монархистов в 1906 г. священник Пестряков⁶³.

В воззрениях черной сотни только неограниченная самодержавная монархия могла обеспечить условия для следования Россией предначертанным свыше самобытным путем, обеспечить порядок и стабильность функционирования православного социума, обуздать внутренние и внешние деструктивные силы, раскачивавшие лодку государственного корабля. Неприятие западноевропейских демократических институтов, правового государства и инакомыслия зафиксировано в обращении к царю Собрания Монархической партии, которое в августе 1906 г., заявляло: «Но ни в каком случае народ твой не признает над собою власти никаких парламентских безответственных властителей, а только единого ответственного пред Богом и историей царя, и скорее погибнет в кровавой смуте, нежели даст надеть на себя ярмо конституции»⁶⁴. Такая же мысль была высказана и в мае 1911 г. в «Русском знамени». «Кому будет с радостью повиноваться русский православный народ — царю ли самодержавному, помазаннику божьему, или 500 самодурам, с деятельностью которых и благожелательством к себе он уже познакомился?» — задавались вопросом редакторы газеты «Русское знамя»⁶⁵.

С точки зрения черносотенных идеологов, представляя самобытную форму государственного управления, самодержавие вытекало из национальных качеств русского народа и его религиозных представлений, что порождало у православного социума внутреннее стремление к истинно монархической власти. «Главная ценность самодержавия заключается не в его достоинствах, а в том, что оно — симптом известного духовного строя народа», — тиражировало высказанное славянофилами утверждение на своих страницах печатный орган СРН газета «Русское знамя»⁶⁶. У славянофилов правомонархистами была заимствована идея о том, что неограниченная монархия соответствовала социальному строю русского на-

рода, в основе которого лежали связь царя и народа через православие, сословность и патриархальные устои общества. Важным качеством русской монархии называлось служение интересам православного социума, всему русскому народу, а не интересам отдельных социальных групп. Таким образом, по мнению правомонархистов, сформировавшееся на русской почве самодержавие было тесно связано с мирозерцанием народа и всем его бытом⁶⁷.

В славянофильском духе черносотенцы доказывали, что имевшие место в истории России бунты и мятежи никогда не были направлены против института неограниченной самодержавной власти, не ставили целью получение либеральных свобод и расширение прав, а имели экономическую подоплеку, стремление обуздать злоупотребления бюрократического аппарата и всегда носили религиозно-нравственную окраску. Крайне правая пресса заявляла, что на протяжении всей своей истории русский народ никогда не изменял монархической форме правления: «Загляните бегло в русскую историю, и вы найдете... что от интриг, неправды, и лихоимства «приказных», от духовного убожества и гнета правительства — народ бежал в дремучие леса, и там, оставаясь верным своим вековым идеалам, он воздвигал святые, православные монастыри — будущие оплоты государства — и молился за Россию и самодержавного царя»⁶⁸. Данное обстоятельство подчеркивалось и А. В. Репниковым при анализе взглядов русских консерваторов⁶⁹, что еще раз подчеркивает существенные консервативные черты правомонархической доктрины.

По мнению крайне правых, особые монархические качества русского народа проявлялись в критические моменты русской истории, когда появлялась возможность смены формы правления. Указывая на естественный «монархизм» русского народа, черносотенцы заявляли о возможной республиканской альтернативе России после смерти Ивана Грозного и прекращения династии Рюриков: «...свободный народ

мог установить конституцию, республику, завести выборных царей, сильно ограниченных в своей власти, как в соседней Польше. Но народ оставил самодержавие...»⁷⁰. Такая же альтернатива возникла и двумя столетиями позже — в 1812 году, когда русский народ имел возможность «сменить свое позорное рабство, на ту, золотую якобы, республиканскую свободу, которую им предлагал Наполеон...»⁷¹.

Необходимость сохранения самодержавия, по мнению крайне правых, остро актуализировалась в связи с имевшими место в России в начале XX в. модернизационными изменениями, приводившими к росту социальной напряженности, что создавало благоприятные условия для деятельности либеральных и революционных организаций. Черносотенные идеологи указывали, что успех левой агитации носил временный характер и не имел перспектив стать настоящей системой взглядов русского народа, так как рано или поздно столкнулся бы с его внутренним мировоззрением: «Набить революционной трухой голову какой-нибудь курсистке левые могут, взбунтовать полуграмотных рабочих они тоже могут, но изменить пути внутреннего развития русской национальной души, опровергнуть хотя бы Тютчева и Леонтьева и лишить их действенной силы — для этого у жидов силенки не хватит»⁷².

Правомонархисты считали увлечение революционными идеями некоторой части народа явлением мимолетным и обусловленным переходным этапом: «Русский мужик — монархист и черносотенец; прикоснувшись к современному «образованию», он становится «критиканом» и отчасти революционером; но, достигнув настоящей образованности, русский человек опять становится монархистом и черносотенцем, какими были Достоевский, Тютчев, Леонтьев»⁷³. Глубокоукорененное православие и врожденный монархизм проявятся, как только человек подойдет к так называемой «точке невозврата»: «Интеллигентные безбожники долгое время могут путать простого русского человека и таскать его

по “окольным путям”, но когда они, наконец, подведут его к иконе и скажут: “Плюнь на икону”, то простой русский человек забудет все “окольные пути”, по которым его вели, размахнется и трахнет плюгавенького интеллигентшику по уху своим могучим трудовым кулаком»⁷⁴. Черносотенцы приводили в пример Максима Ковалевского, судьба которого показала, что влияние левых идей не носит безграничного характера и не имеет глубокого укоренения. Ковалевский всю сознательную жизнь был врагом православной церкви, критиковал русские народные идеалы и традиции. В конце жизни он ужаснулся содеянному, пересмотрел свои взгляды и вернулся в лоно церкви, что вызвало бурю негодования левых и заявления П. Н. Милюкова о его сумасшествии⁷⁵.

Постоянство национального характера приводило черносотенных идеологов к мысли о перманентности самодержавия как отвечающего природе русского народа. «Народ, создавший самодержавие, глубоконациональный образ правления, прекрасно уживающийся со свободой граждан и с участием в государственных делах по форме Земских соборов, остался и в XX в. таким же убежденным сторонником единоличной власти повсюду», — утверждала черносотенная пресса⁷⁶. Теоретическое обоснование этому факту дал глава Русской монархической партии Иоанн Восторгов: «Основными элементами государственной структуры являются нация или народ и верховная власть. Под именем нации объединяется вся масса групп и лиц, порождающая данный государственный порядок, организуемый верховною властью. Тем не менее нация и государство не тождественны по своему содержанию: государство есть только один из союзов, связующих членов данной нации, и нация только некоторою частью своего существования живет в государстве, не будучи поглощаема им всецело. Нация не только способна перестраивать формы образуемого ею государства, но способна и пережить его полнейшее крушение и восстановить его много веков спустя»⁷⁷.

Из природной присущности самодержавия русскому народу следовал вывод о недопустимости искажения верховной власти, что может повлечь угрозу для существования самого русского народа: «Россия как носительница идеи совершеннейшей формы монархии, идеи православного царя, может и должна заимствовать, перенимать, усваивать и развивать все истины чистой науки. Но высшие государственные учреждения, через которые проявляется воля верховной власти, законы, формы обложения и все общественные учреждения она должна развивать самобытно, строго сообразуясь с народным духом, так как нации и государства развиваются, крепнут и гибнут исключительно благодаря только своему государственному праву»⁷⁸.

Для национальных меньшинств именно верность самодержавию (а не православию) оказывалась определяющей при идентификации принадлежности к русскому народу. Если для коренного русского православие и монархизм являлись необходимыми требованиями для признания их истинно русскими людьми, то инородец мог исповедовать свою традиционную религию, но если он принимал самодержавие как единственно допустимый в России способ правления, то имел шанс называться истинно русским человеком.

Таким образом, термин «истинно русский» в отношении инородцев означал прежде всего политическую принадлежность. Поэтому руководство СРН предпринимало меры по созданию Мусульманского союза русского народа из казанских татар. В ряде мест функционировали отделы крайне правых союзов, состоявших исключительно из представителей национальных меньшинств. Так, по данным И. Е. Алексеева в 15% отделов крайне правых союзов Казанской губернии большинство членов составляли чуваша, а три отдела Царско-народного русского общества состояли из мусульман. Помимо этого в губернии действовало самостоятельное Царско-народное мусульманское общество⁷⁹.

Полной противоположностью выступали евреи, которым правомонархисты приписывали враждебное отношение к устоям русского традиционного общества и стремление революционными методами установить в России свое господство. Впрочем, некоторая часть евреев пыталась доказать свою лояльность властям. В Одессе в феврале 1910 г. возникло «Общество евреев, молящихся за царя» Моисея Кениса, пытавшееся примкнуть к черносотенному движению⁸⁰.

3. Культурно-психологическая и историческая общность как трактовка русскости. В дополнение к конфессиональному и политическому элементам принадлежности к русской народности черносотенцы добавляли также культурно-психологическую и историческую составляющие, под которыми понималось служение русскому государству, принятие базовых ценностей русской культуры и традиций, жертвенное участие в судьбе страны, верность ее историческим заветам, принятие ее прошлого.

В первую очередь, культурно-психологический и исторический критерии относились к представителям нерусских по этническому происхождению лиц, чьи предки ратным трудом доказали преданность России и разделили историческую судьбу страны: «Да где же вспомнить, хотя бы приблизительно, всех инородцев, всех, рожденных мусульманками, грузинками, француженками, поляками, литвинками, гречанками, шведками, немками и даже финляндками и все же ставших настоящими русскими людьми, готовыми отдать, да и отдавшие всю свою жизнь, всю свою кровь, все свое состояние в пользу родины»⁸¹.

Трактовка принадлежности к русскому народу в категориях религиозного и политического факторов давала правомонархистам возможность преодолеть присущую националистам узость этнического или «кровного» критерия и дать возможность войти в состав державного народа представителям других этносов, признававших имперские интересы Рос-

сии приоритетными по отношению к своим собственным и не проявлявших к ним враждебности в какой бы то ни было форме. Расширительная трактовка русскости была зафиксирована в программах большинства черносотенных организаций. В официальном документе Союза Михаила Архангела сынами России признавались «лица других вероисповеданий, кроме иудейского, но с тем непременным условием, чтобы свои отдельные интересы, племенные и вероисповедные, они отнюдь не противопоставляли, а подчиняли и сливали с общими интересами Российского государства»⁸².

Данная трактовка культурно-психологического фактора и исторического служения России обеспечивала, по мнению правомонархистов, интеграцию в состав русского народа представителей достаточно широкого спектра нерусских этносов. Крайне правая пресса писала: «Как сметь, наконец, не признавать русскими мучеников долга, отдавших родине свою жизнь, свое время, свое состояние. Понадобился бы целый том, чтобы перечислить нерусские имена русских патриотов от петровского Лефорта и Ганнибала до современных Алиханова и Каравгозона, от Екатерины Великой до супруги Александра I, от Карамзина до Тагиева, от князя Цицианова, завоевателя Кавказа, — до Меллер-Закомельского, от генерала Дибича, Багратиона, Барклая-де-Толли, Кауфмана до Раненкампа, Рейбота и фон дер Лауница, от Пушкина до Лермонтова...»⁸³.

4. Соборность как форма организации русского народа. Одним из идентифицирующих признаков принадлежности к русскому народу для черносотенцев являлась соборность, которая в широком смысле подразумевала единение народа, выражаемое «в слове и деле всеми его членами вместе и каждым в отдельности». Она охватывала все сферы жизни народного организма, став одним из компонентов определения понятия народности, которая «есть соборность рода, языка и быта страны (отечества, родины), связанная верою, просвещением и предопределенною Господом Богом целесообразностью»⁸⁴.

Соборность выполняла интегративную и охранительно-защитную функции, исходя из которых приобретала следующие основные формы:

гражданско-правительственная соборность как форма единения народа с царем, то есть своеобразный патриархальный демократизм, обеспечивавший коммуникацию между верховной властью и подданными. Противопоставляя ее западноевропейским парламентским учреждениям, крайне правые указывали, что член собора — не представитель народа в стане царя, а «свидетель о жизни народной перед лицом самого народа, возглавляемого царем»⁸⁵;

церковная соборность как форма организации и единения православных верующих: «Церковно-соборное деяние есть свидетельство представителей церкви о вере Богом врученной им паствы. Правое веры свидетельство перед лицом церкви вводит ее в общественное сознание, утверждает и расширяет ее во все концы»⁸⁶;

земская народно-общественная соборность, выполнявшая интегративную роль обеспечения связи русского человека со своим социальным слоем, обществом и народом в целом. Данный вид соборности рассматривался как «свидетельство всех чинов людей о правде народной: о его жизни, нуждах, думах и чаяниях» и имел преимущества перед партийностью, так как обеспечивал возможность реализации качества (истины) перед количеством (большинством). Здесь черносотенцы исходили из мнения, что сила соборных постановлений заключалась не в численности их провозглашающих, а в истинности провозглашаемого как «вечного проявления неизменной правды Божией». Ссылаясь на опыт демократических стран, крайне правые указывали, что «большинство голосов» часто обеспечивается умышленной подтасовкой, а иногда складывается неразумною случайностью⁸⁷.

Другой функцией земской народно-общественной соборности являлась охранительно-защитная. Исходя из по-

ложения о том, что русский человек принадлежит русской цивилизации, пока сохраняет связь с малой родиной и своим социальным слоем, черносотенцы указывали, что в отрыве от своей среды русский человек подпадает под соблазны западничества, духовно и физически разлагается. «Пожив в городе или где-нибудь на “шахтах”, — мужик очень часто возвращается в деревню хулиганом, ни к селу ни к городу толкует о «швабодах» и поносит начальство», — писала в январе 1916 г. черносотенная пресса⁸⁸.

Согласно исследованию А. В. Репникова, русские консерваторы традиционно рассматривали общину как основу охранительства в государстве, т. к. отношения в ней были построены на особом, религиозном понимании бытия⁸⁹. Вслед за ними ортодоксальное крыло правомонархистов считало необходимым консервацию общины как преграду на пути внедрения капиталистических отношений в деревне, вызывавших расслоение крестьянства и создававших основу для подрыва самодержавной системы. Одна из причин первой российской революции виделась в том, что проведенная в 1861 г. крестьянская реформа, во-первых, лишила помещиков возможности оказывать воспитательное влияние на крестьян, во-вторых, открыла дорогу для проникновения в сельский мир «неблагонадежных» элементов, что в совокупности создало условия для ослабления внутриобщинных связей, приведших к стремлению крестьян решать возникающие вопросы нередко незаконными мерами⁹⁰.

Исходя из вышеизложенных критериев, черносотенцы весьма расширительно толковали термин «русский народ», включая в его состав украинцев и белорусов, что определило его триединый характер. «Под именем “русской народности” мы понимаем: великоруссов, малоруссов и белорусов...», — заявляла черносотенная пресса⁹¹. Принятие указанных народов в русскую семью обуславливалось общностью православной религии, истории, национальной культуры и психо-

логии, что констатировали в своих программах крупнейшие крайне правые организации — СРН и СМА. В данном случае черносотенцы следовали официальной идеологии, считавшей русским все православно-славянское население Российской империи и отказывавшейся видеть в украинцах и белорусах отчужденные от великороссов народы. Наличие у последних собственной национальной культуры и языка трактовалось как локальные проявления единого целого⁹².

Разность позиций черносотенцев и националистов в подходе определения понятия русского народа ярко проявилась именно в отношении украинцев. Если черносотенцы не делали различий между русскими и украинцами, считая их единым народом, то большинство идеологов из числа русских националистов дистанцировались от малороссов посредством утверждения первенства именно великорусского начала⁹³. В несколько ином ключе данную проблему трактовал другой видный националист В. В. Шульгин, считая, что большие права на русскость имеют именно украинцы, так как понятие Руси преимущественно было связано с Киевом⁹⁴. Повод подтвердить правильность своей позиции националистам представился в связи с активизацией на Украине сепаратистского движения т. н. мазепинства⁹⁵. Для черносотенцев украинский национализм не являлся поводом для самоустранения от малороссов, наоборот, подчеркивалась его враждебность не столько имперским интересам, сколько самим малороссам, интересы которых он якобы представляет. В любом случае между русскими и украинцами националисты проводили жирную границу.

Как видим, данные выше характеристики народности определяли размытость этнического компонента в определении понятия «русский». Трактую народность в религиозном, политическом и культурном контексте, черносотенцы делали в этой связи вывод о том, что истинно русским человеком можно стать, приняв базовые ценности русского культурно-

исторического сообщества. О малозначительности для черносотенцев этнического происхождения говорит то, что они признавали немецкое происхождение царской династии. На страницах «Русского знамени» указывалось, что предки бояр Романовых вели свою родословную от прусского короля Войдевита, внук которого Гландус Камбила в 1283 году, спасаясь от немецких крестоносцев, бежал к русскому князю Дмитрию Александровичу. При крещении прусака Гландуса, ставшего родоначальником Романовых, назвали Иваном, а прозвище дали по созвучию с прежним — «Кобыла» (Камбила)⁹⁶.

Для черносотенцев пример династии Романовых, веками верой и правдой служившей России, являл собой ошибочность националистического подхода определения русскости по крови. Иными словами, русскость являлась не генно-этнической конструкцией, а категорией духовного порядка, подразумевавшей православное и самодержавно-государственное миропонимание. Данный подход подтвердил видный черносотенец Иоанн Восторгов, который в своем труде «Монархический катехизис» вообще не включил этнический компонент в определение понятия народности, рассматривая ее как «общество, объединенное на основах единства духовных и материальных интересов — территории, географических условий, языка, верований, исторических условий развития и т. п.»⁹⁷.

Несмотря на многочисленные обвинения либерально-го и революционного лагерей в национализме и шовинизме, присущий правомонархической идеологии приоритет духовно-религиозного компонента позволял преодолеть узкий национализм и обеспечить представительство в крайне правых организациях различных народов Российской империи. Исследователь С. А. Степанов отмечал, что в руководстве черносотенных союзов оказалось довольно много нерусских по крови и список «истинно русских» вождей пестрил молдавскими, греческими, грузинскими и немецкими фамилиями⁹⁸. Среди

лидеров черносотенцев можно видеть немцев (В. А. Грингмут, Н. Ф. Гейден, Н. А. Энгельгард и другие), французов (председатель правой фракции III Государственной Думы В. Ф. Доррер)⁹⁹. Видное положение в крайне правом лагере занимали поляки (руководитель одной из правых организаций в Казани В. Ф. Залесский, редактор газеты «Земщина» С. К. Глинка-Янчевский) и молдаване (П. А. Крушеван, П. Ф. Булацель)¹⁰⁰.

Вопрос участия в провинциальных черносотенных организациях татар, сохранявших приверженность мусульманской религии, подробно рассмотрен в работе И. Е. Алексева¹⁰¹. В исследовании Ю. И. Кирьянова приводятся данные о значительном представительстве в 1912 г. в Томском отделе СРН чувашей, в 1916 г. в Ялтинском отделе СРН — греков и татар (Рустем Ахтем Усеинов, Асан Девлешга и др.), в 1908 г. в Сухумском отделе СРН — жителей греческих селений¹⁰².

Черносотенная идеология исходила из фундаментальных ценностей консерватизма, среди которых народ (нация) рассматривался сакральной общностью, предопределяющей судьбу составляющих ее социальных слоев, групп, личностей. Для консервативной идеологии народность формировала определенный тип личности через систему нравственных норм, человеческих взаимоотношений, способ жизни и ведения хозяйства. Митрополит С.-Петербургский Владимир на VI Всероссийском съезде русских людей в феврале 1913 г. дал характеристику русскому народу: «По адресу русского народа раздаются иногда упреки в невежестве. Но это несправедливо. Ум русского народа такого свойства, что имеет особый национальный склад и враждебен в основе космополитизму, что умеет верно определить отношение отвлеченных мыслей к живой жизни, вот почему ум этот возмущается, когда в русскую жизнь стараются втиснуть несвойственные русскому народу идеи»¹⁰³.

Для крайне правых слова «черносотенец» и «русский» являлись синонимами. Данную мысль четко сформулировало

в январе 1916 г. «Русское знамя»: «Русский человек должен быть православным — правым, и если русский не православный, то он — не русский»¹⁰⁴. Данная трактовка русскости неизбежно включала всех носителей вышеуказанных религиозных и политических взглядов как сторонников крайне правых организаций. «Нам не приходится пропагандировать свои идеи в народе, как то делают все политические партии почти без всякого успеха, если не считать обман и насилие за успех», — заявлялось в 1906 г. в Киеве на III Всероссийском съезде русских людей.

Таким образом, в черносотенной и националистической идеологии проявлялись существенные различия в содержательной трактовке понятий «народ» и «нация». Под народностью понималось духовно-религиозное, политическое, культурно-психологическое и соборное единство русских людей. Националисты делали приоритет на этнической идентичности (родстве), а либералы на государственно-гражданском единстве. В современной литературе также встречаются подходы рассмотрения нации и как культурно-исторической и языковой общности (общности исторической судьбы, религии, языка и культуры), и как этнической общности, основанной на кровном родстве. С этой точки зрения в своих подходах к понятию нации черносотенцы опередили свое время, так как понятие народности в правомонархическом варианте трактовки несло прежде всего идеологическую начинку, что позволяло преодолеть фактор этничности.

Идеологию правомонархических организаций России начала XX в. достаточно сложно отнести к националистической и шовинистической, поскольку главными качествами русскости в их представлении было православное вероисповедание и верность самодержавным устоям. Этническое происхождение имело гораздо меньшее значение, что стало идеологическим новшеством, т. к. черносотенцы предлагали основу единения народов империи на базе самосовершен-

ствования в христианском духе и укрепления основ общего государства — Российской империи. Преодолеть этнический фактор при формировании новой общности — советского народа впоследствии пыталась и КПСС, но уже на других идейных основах.

Как показывает вышеизложенный материал, отрицательно относясь к распространенным в то время на Западе теориям, рассматривавшим национальный феномен в контексте расово-биологических факторов, черносотенцы определяли принадлежность к русскому народу принятием базовых ценностей русского культурно-исторического сообщества — православия, самодержавия и народности. Несмотря на многочисленные обвинения либерального и революционного лагерей в национализме и шовинизме, присущий черносотенной идеологии приоритет духовно-религиозного компонента позволял правомонархическому движению преодолеть узкий национализм и интегрировать в него представителей других национальностей, что определило интернациональный характер черной сотни. Дистанцирование от националистических идей расовой чистоты, национального превосходства и этнической сегрегации, чреватых возникновением напряжения с населением окраин страны, объяснялось стремлением сохранить единую и неделимую Российскую империю.

§ 2. Имперская и инородческая проблематика в идеологии черной сотни

Появление правомонархических организаций было связано с реакцией консервативной части русского общества на попытки либеральных и революционных партий сломать традиционный уклад жизни российского общества и на его обломках утвердить новые стандарты социальной жизни. В числе препятствий для успешной реализации на русской почве либеральных или социалистических моделей государствен-

ного устройства, стояли базовые ценности традиционного русского общества: православная религия, самодержавие, первенствующий статус русского народа, общинная психология и т. д. По мнению правовомонархистов, на разрушение этих основ Российской империи и была направлена вся послереволюционная деятельность оппозиционных сил. На страницах печати и в официальных документах организаций черносотенцы заявляли, что партии центра и левее не являются выразителями русских национальных интересов, т. к. предпринимают попытки навязать чуждый, неестественный для державного народа образ жизни, толкая Россию не в сторону усовершенствования ее самобытности, а в направлении имитации Запада: «Инородцы русские и иноземные, иноверцы, разные революционеры, бесплодно до настоящего времени стремившиеся осуществить свои бредни в жизни западных народов, — все они ринулись на русскую землю и соблазном, разными обещаниями, ложью и страхом смутили русских людей», — говорилось в утвержденной в апреле 1906 г. программе Союза русских рабочих людей¹⁰⁵.

Одним из направлений критики различных оппозиционных партий стала имперская модель национально-государственного устройства России, рассматривавшаяся ими как препятствие на пути успешной реализации планов по социальному переустройству России. Поэтому наряду с защитой христианской традиции (первенство РПЦ и православной монархии) для черносотенцев принципиально важным положением было сохранение единой и неделимой России. Этот основополагающий принцип, утверждавший централистский, иерархический, унитарный и административный тип функционирования имперской модели, противоречил либеральным ценностям. Парадоксальным образом лозунг «Единая и неделимая» был заимствован правовомонархистами у деятелей Великой французской революции 1789 г.¹⁰⁶ Анализ общественно-политических взглядов правовомонархических организаций

по имперскому вопросу показывает, что наиболее тесно их идеологические построения были связаны с взглядами русских консерваторов — охранителей, у которых они заимствовали следующие постулаты: единство и неделимость национально-государственного устройства Российской империи; первенство русского народа как создателя государства и «собирателя земель»; первенство русского языка; строгая унитарность государственного устройства, единоначалие и твердый порядок как основа существования разноплеменного государства; необходимость борьбы с инородческим сепаратизмом и засильем; право национальных меньшинств на лимитированную политическую и экономическую свободу¹⁰⁷. Самодержавие выступало гарантом вышеизложенных принципов.

По мнению правовомонархических идеологов, вопрос сохранения империи для черносотенцев был напрямую связан с проблемой выживания русского народа. Только в рамках империи русский народ, по их мнению, мог обеспечить сохранение самодержавия как условия своего существования и выполнения своей мессианской роли. «Дробное деление на части, удовлетворяя началу многообразности и свободы частей, не удовлетворит началу соборного братства и единства целого. От сего происходят постоянные враждебные столкновения и распад самодержавного домостроительства частей страны. Только в соборно сплоченной великодержавной единице Россия может выполнить предназначенную ей судьбою великую просветительную задачу», — говорилось в Своде основных понятий и положений русских монархистов, разработанных СРН¹⁰⁸.

Империя не только выполняла защитную функцию в мировом геополитическом раскладе, но и рассматривалась как фактор ценностных установок державного народа, включавших основные компоненты национальной традиции — религиозно-православные, самодержавно-политические и национально-психологические. Поэтому сохранение империи

являло собой форму защиты национальной традиции, являвшейся важнейшим элементом идейного консерватизма наряду с охранением христианского наследия. Гарантию единства и неделимости России крайне правые организации видели в строгой унитарности государственного и территориального устройства России. Квинтэссенцию их взглядов по данной проблематике выразил Ю. И. Кирьянов, отмечавший, что черносотенцы выступали за «твердое проведение политического и государственного объединения Кавказа с Россией», против автономии Польши и Финляндии с тем, чтобы с точки зрения общегосударственной и экономической, они оставались бы в составе Российской империи»¹⁰⁹. Их программы не допускали возможность предоставления национальным окраинам самоопределения в какой бы то ни было форме. «Избиратели!.. Подавайте же свои голоса только за таких русских людей, которые будут непоколебимо стоять на том, чтобы... Россия единая, неделимая, без тени каких бы то ни было автономий для окраин», — говорилось в распространенном в июле 1907 г. обращении Союза русского народа¹¹⁰. Черносотенцы практически не оставили историкам теоретических документов, а также материалов диспутов и споров, связанных с разработкой проблемы унитарности, которая воспринималась ими как аксиома выживания государства, не требующая дополнительных доказательств.

Единство и неделимость национально-государственного устройства Российской империи, рассматривавшееся как безусловная политическая ценность, декларировалось всеми черносотенными организациями. Данная формула занимала первостепенное место в пунктах их программ и оставалась неизменной на протяжении всего периода существования правомонархических организаций.

Перечислим наиболее важные из них. «Созданное русским народом Русское государство не может быть ни под каким видом делимо и разделяемо на разные автономные

области, а должно сохранять все земли, ему принадлежащие в настоящее время, в полной неприкосновенности», — заявлялось в программе Союза русских рабочих людей¹¹¹; «Все же попытки к расчленению России под каким бы то ни было видом не должны быть допускаемы. Россия едина и неделима», — утверждалось в обращении Главной палаты Союза Михаила Архангела от 1 марта 1908 г.¹¹²; «Союз русского народа твердо объявляет и всенародно исповедует неделимость Российской империи в ее теперешних границах и поставляет своим священным непреложным долгом всеми силами содействовать тому, чтобы завоеванные кровью предков земли навсегда оставались неотъемлемой частью Русского государства и чтобы все попытки к расчленению России, под каким бы то ни было видом, решительно и безусловно были устраняемы», — говорилось в избирательной программе, принятой в сентябре 1906 г. I Всероссийским съездом уполномоченных отделов СРН¹¹³; «Мы будем стремиться к тому, чтобы великая Россия оставалась всегда единою и нераздельною. Мы будем стремиться к недопущению государственного обособления (автономии) окраин: Финляндии, Польши и др.», — заявлялось в совместном обращении Русского собрания, СРН и Партии правового порядка в начале 1907 г.¹¹⁴

Целостность государства рассматривалась крайне правыми как идея, способная объединить различные группы населения в борьбе за сохранение территориального наследия и традиций страны. Второй пункт программы и устава Союза Михаила Архангела гласил: «Сила Родины кроется в сохранении неделимой целостности государства Российского... а также в братской поддержке русскими, всех сословий и состояний, друг друга, везде и всюду, как в духовном, так и в материальном отношениях»¹¹⁵. Подчеркивалось, что забота о единстве страны является делом всех государственных и общественных структур, всех слоев и классов российского общества. Особую надежду они возлагали на депутатов Государственной Думы, которым

наказывали, чтобы «выборные в Государственную Думу... заботились о целостности и неделимости России». Исходя из вышеизложенных соображений, черносотенцы отвергали даже возможность обсуждения вопросов, связанных с пересмотром государственных границ империи. Любой отход от данного положения рассматривался как идеологический подрыв.

Правомонархисты относили в разряд враждебных все политические объединения, поддерживавшие лозунг права наций на самоопределение и выдвигавшие предложения о федерализации и автономизации России как единственном способе сохранения многонационального государства¹¹⁶. В этой связи объектами для жесточайшей критики становились не только социалистические партии с их требованием права наций на самоопределение (вплоть до отделения от Российской империи) и либеральные круги, настаивавшие на введении национально-культурных автономий, но и русские националистические организации. Если предложения либеральных и революционных партий, по мнению черной сотни, исходили из базовых ценностей либерализма, а именно: разделение, атомизм, индивидуализм, уважение прав меньшинств, абстрактных идей свободы¹¹⁷, а потому не претендовавших на умы прагматически мыслящего населения, то набиравшие все большую силу в российском обществе националистические партии представляли растущую опасность. Именно эксплуатировавшиеся националистами приоритет общего, государственного, национального интереса над личным, идеи патриотизма и национального единства претендовали на часть консервативного электората. Если под данными положениями черносотенцы готовы были подписаться, то лозунги превосходства русской нации, национальной обособленности, этнической сегрегации и т. д. могли подорвать имперские основы.

Идеи разделения народов империи по этническому принципу уходили корнями во вторую четверть XIX в., получив свое

развитие в трудах основоположника русского национализма Н. Г. Дебольского¹¹⁸. Подвергнув критике «космополитизм» империи (т. н. «всемирного государства»), Н. Г. Дебольский выдвинул идею государства национального¹¹⁹, которая была подхвачена его последователями в начале XX в. По мысли националистов, необходимость дистанцирования коренной России от инородческих окраин, в т. ч. посредством введения автономий для революционно и сепаратистски настроенных национальных меньшинств, к которым они относили поляков, армян, грузин, литовцев и др., обуславливалась необходимостью защиты русской нации от враждебных посягательств.

По мнению лидера ВНС М. О. Меньшикова, насаждением автономий на окраинах достигалось несколько целей: заселенные русским народом земли становились бы закрытыми для проникновения инородцев; угрозы со стороны национальных меньшинств оказались бы локализованы в рамках мест их проживания; русское государство было бы избавлено от необходимости обеспечения выполнения государственных функций на национальных окраинах¹²⁰. Возможные претензии о том, что предлагаемый план объективно ведет к распаду Российской империи, идеологом русского национализма парировался требованием сохранения неделимости той части империи, которая заселена собственно русским племенем¹²¹.

Правомонархисты упрекали националистов в том, что вместо задачи по привитию инородцам державного сознания, националисты выступали за их дистанцирование от интересов русского государства. Это давало основание «Русскому знамени» в апреле 1913 г. заявить, что в программе русских националистов «цельность России, ее характерные, определяющие русскую народность особенности подверглись распылению». Таким образом, выступая за национальную обособленность, русский национализм смыкался с враждебными ему либеральными и социалистическими партиями по вопросам автономизма и федерализма. «Вся программа национали-

стов имела вполне определенный разрушительный для государства характер», — делало вывод «Русское знамя»¹²².

По мнению крайне правых, в условиях враждебности национальных меньшинств (армяне, поляки, финны, грузины, евреи и т. д.) предложения националистов и оппозиционных партий по предоставлению автономии окраинам будут использованы как шаг на пути к полному обособлению. Предупреждая об опасности распада России на удельные княжества, в октябре 1907 г. «Русское знамя» прямо заявляло: «Автономия — это прямой путь к независимости окраин»¹²³. Угроза такого развития событий была весьма высока, так как часть инородцев проводила «разрушительную, антигосударственную деятельность» и исповедовала «непримиримую ненависть ко всему русскому», что «слишком наглядно выразилось особенно за время настоящего революционного движения»¹²⁴. В программных документах идеологи черной сотни указывали, что населявшие империю народы еще не доросли до требований предоставления им уступок. Революция рассматривалась как показатель социальной незрелости народов, поэтому обсуждение данной проблематики предлагалось отложить до полного успокоения страны. Всероссийский съезд Русского собрания в феврале 1906 г. заявлял, что «считает необходимым оставить в силе исключительные законы впредь до полного повсеместного восстановления порядка, при котором только и может быть обеспечена истинная свобода»¹²⁵.

Критикуя идею националистов об обособлении русского народа от наиболее враждебных инородцев посредством дарования последним автономии, крайне правая печать указывала, что предоставление уступок станет для национальных меньшинств свидетельством слабости центральных властей, что спровоцирует появление новых требований. Отмечалась характерная тенденция, что любые, даже незначительные послабления одним национальным меньшинствам вызывали поток требований со стороны других. Так, предоставленная

Финляндии при Александре I самостоятельность в делах самоуправления стала причиной требования автономии со стороны поляков. «Русское знамя» писало: «...за финляндцами поспешили потребовать автономии поляки, за ними потянулись прибалтийские немцы... Одновременно всполошились латыши и тоже сочинили в пику немцам свою собственную автономию. Литовцы тоже заявили желание отмежеваться от России и Польши. Даже между украинцами находятся малоумные сбитые с толку лица, требующие тоже автономии, о Кавказе, Туркестане и говорить нечего, если находятся сумасшедшие, требующие автономии для Сибири, после чего остается только выразить таковое желание всем прежде бывшим удельным княжествам с новгородской республикой во главе»¹²⁶.

Правомонархисты утверждали, что путь автономии мог привести к распаду империи, подрыву силы и престижа России и созданию на окраинах государств, которые будут представлять «злейших и более опасных ... врагов, чем любые азиаты»¹²⁷. Это означало возвращение к удельному периоду и, как следствие, необходимости покорять ранее утраченные территории, вновь неся значительные человеческие и материальные потери. С другой стороны, федерализация была чревата неизбежным ущемлением прав русского населения на окраинах, так как неизбежно привела бы к повышению правового статуса инородцев и экономической дискриминации русского населения.

В частности, требование автономии Польши черносотенцами интерпретировалось как желание польских панов вернуть утраченное право грабить православное население западных губерний: «...покоренные нами поляки не только посягают на нашу православную веру, но хотят отобрать земли, завоеванные земли и облитые родной кровью веками победоносного русского воинства»¹²⁸. На заседании состоявшегося в сентябре 1909 г. в Москве Монархического съезда русских людей рисовались неприглядные перспективы: «В руках не-

большой кучки поляков будет не только материальная сила и распоряжение экономической жизнью русского населения, но и все культурные силы — школы и народное образование. Скажите сами: что придется нам делать тогда? Мы — люди порядка и законности, люди культурные и христиане. Мы не можем силою снести кучку угнетателей; нашей тяжелой задачей в течение всего периода смуты было удержать народ от революционного взрыва против поляков как угнетателей русской народности и открытых врагов церкви Православной. А положение было и продолжает быть крайне натянутым. Духовенство многократно подвергалось грубым оскорблениям... Скоро предстоит крупное судебное дело о панах, которые, охотясь за лисицей, взломали замки у церкви, подняли половицу и затравили лисицу, осквернив церковь кровью лисицы и прострелив образ Божией Матери. Это вопиющее дело получило направление довольно своеобразное — охота в чужом владении без дозволения»¹²⁹.

Крайне правые утверждали, что защита интересов русского населения и обеспечение первенства русского народа в «иностранческих землях» могли быть осуществлены только в рамках «единой и неделимой» империи. Автономия тайла и другую опасность — рост ненависти к метрополии и русскому народу, попытки политическими средствами выказать месть за бывшее национальное унижение. Черносотенцы не исключали и массовых убийств русского населения. На автономных окраинах возможности центральной власти по отстаиванию интересов народа-хозяина были бы ограничены. Это противоречило основной функции государства, задача которого, по мысли крайних правых, должна была состоять в том, чтобы «самоуправление нигде не клонилось к ущербу русских народных интересов — религиозных, умственных, хозяйственных, правовых и политических»¹³⁰.

Именно под этим углом зрения правомонархистами рассматривалось заключение в 1907 г. между русским правитель-

ством и финскими властями соглашения о взаимной выдаче преступников, которое давало возможность «революционным финнам» расправиться с любым патриотически настроенным русским. Согласно рисовавшимся крайне правым мрачным картинам «любого... могут обвинить в самом ужасном преступлении», совершенном «будто бы на финляндской территории» (хотя бы вы никогда там и не бывали), «арестовать, отправить под конвоем в Финляндию, судить в финляндском суде по финляндским законам, приговорить и предать смертной казни!»¹³¹.

Апеллируя к необходимости защиты русского населения, крайние правые предложили не только отказаться от рассмотрения каких-либо предложений по автономизации, но, наоборот, усилить присутствие на окраинах центральных властей. «Существенными условиями единения является установление на окраинах твердой русской государственной власти, главной задачей которой должна быть охрана интересов русского народа, а также неотложное принятие мер к восстановлению попираемого ныне достоинства русского имени и к отведению русскому языку подобающего ему, как государственного языка, значения», — говорилось в резолюции Всероссийского съезда Русского собрания, состоявшегося в феврале 1906 г. в Петербурге¹³².

Таким образом, в противовес националистам черносотенцы считали, что именно сохранение унитарности России становилось залогом ее единого и неделимого статуса и оттягивало возможный в будущем ее распад на отдельные государства. По заявлениям правомонархической прессы, единство империи было выгодно прежде всего самим иностранцам. Именно вмешательство и контроль общегосударственной власти, а также политика теснейшего сплочения окраин с империей привели к подъему культурного и экономического положения национальных территорий: «Самодержавный монарх, стремясь обладать полной властью, желает полного

единомыслия своих подданных, что можно достигнуть только при существовании единообразия в законах, одинаковости языка и религии во всех частях государства. Простому народу также наиболее выгодно, чтобы было полное единение всех подданных, так как при таких условиях коренная русская и наибольшая часть населения государства наименее будет стеснена в отыскании себе пропитания при помощи разных привилегий некоторых частей государства»¹³³. Заявлялось, что после присоединения была нейтрализована инородческая элита, являвшаяся более жестоким эксплуататором по отношению к низам, чем «русский империализм». Так, в Польше крестьяне получили земельные наделы, а польская промышленность при Александре III была защищена от иностранных конкурентов, что дало «заработок сотням тысяч промышленникам-полякам и полякам-рабочим»¹³⁴.

Исповедуя имперские принципы, правомонархисты считали возможным пожертвовать частью интересов коренной нации во имя интересов державы. Исходя из русоцентричности их идейных воззрений и находясь на антизападнических позициях, черносотенцы испытывали к национализму чувство органической антипатии как к очередной западной идеологической диверсии, не имевшей в России почвы, а реализация реформистской программы которой даст уродливые результаты. Для обоснования искусственности, неприемлемости и неприменимости националистической системы взглядов черносотенцы разработали свою систему аргументации, к которой относились следующие тезисы.

1. *Национализм есть инструмент борьбы за отстаивание интересов одного народа перед другими.* Утверждение националистической системы взглядов в массовом сознании народа могло иметь место как реакция на попытки его поглощения более сильными этносами. С этой точки зрения черносотенцы допускали существование инородческого национализма как ответной реакции на русификацию. Национализм мог

иметь почву и в странах, населенных равными по численности и культурному развитию народами, вынужденных отстаивать свои интересы, чтобы не оказаться в ущербном положении. Характерным примером являлась Австро-Венгерская империя: «Немцы, славяне, венгры, поляки, чехи, каждый из этих народов вынужден бороться... чтобы не быть поглощенным другой народностью»¹³⁵.

В России русский народ неоспоримо доминировал над другими народами, а потому для русского национализма отсутствовали предпосылки и основания. «В России не может быть национализма в том смысле, как он имеется (а может быть и необходим) в западных государствах, как не может быть и шовинизма», — писало в июле 1912 г. «Русское знамя». В этой связи крайне правые недоуменно реагировали на появление Всероссийского национального союза: «Совершенно непонятно, каким образом коренные русские люди могли додуматься до абсурда применения к себе слова «национализм» и создания русской «националистической партии в своем собственном могучем государстве»¹³⁶.

2. *Национализм допустим в мононациональных странах, но гибелен для многонациональных.* По твердому убеждению черносотенцев, в таком многонациональном государстве как Россия проявление национализма как со стороны державного народа, так и со стороны инородцев было чревато развалом империи. Ответственность за полосу «самоопределений» национальностей была возложена на быстро распространяющуюся националистическую идеологию: «Если бы теперь искусственно не напоминали полякам ежедневно о том, что они представляют собой обособленную национальность, оттая, без всякой надобности, русскую национальность путем афиширования национализма, поляки, право бы, примирились со своим положением»¹³⁷.

С этой точки зрения, национализм был безвреден для мононациональных стран: «Возможен ли такой национализм в

Германии? О да! Там он возможен. Там народ один, там язык один, разные лишь говоры, дух же и настроение одно, общее. ...Но не возможен в Англии, где Ирландия не желает не только национализма, но государственного единства и империалистической политики кабинета»¹³⁸. Критикуя инородческий национализм, черносотенцы высказывались и против русского, который представлял ВНС. «Афиширование русского национализма было скорее вредно государству, — замечало «Русское знамя», — ибо оно как бы указало многочисленным населяющим Россию народностям поднимать, каждой из них, свое маленькое знамя, о чем решительно до сего дня не думали...»¹³⁹.

Задачи защиты национальной традиции и сохранения империи определили базовые подходы черносотенцев к инородческой проблематике. В отличие от националистов, руководствовавшихся идеями этнической чистоты, а потому с подозрительностью относившихся к любому инородческому влиянию, крайне правые предложили принцип дифференцированного подхода, посредством деления национальных меньшинств на дружественные и враждебные¹⁴⁰.

Изначальный посыл черной сотни при подходе к инородческой проблематике состоял в том, что ни один из населяющих Россию народов кроме евреев не рассматривался постоянным и кровным противником русского народа. На страницах «Русского знамени» председатель СРН А. И. Дубровин заявлял: «Наша тысячелетняя история красноречиво свидетельствует, что мы никогда не смотрели и не смотрим на другие племена как на вечных своих врагов и соперников»¹⁴¹.

В общем виде принцип дифференцированного подхода был сформулирован состоявшимся в апреле 1907 г. в Москве IV Всероссийским съездом Объединенного русского народа: «Руководящие начала политики как в отношении окраин, так и в отношении иноплеменных обывателей империи должны быть неизменными, но частности разрешения племенных и

окраинных вопросов не могут быть везде однообразными. При определении прав отдельных народностей необходимо сообразовываться с готовностью каждой из них служить России и русскому народу в достижении общегосударственных задач»¹⁴². Отношение к державному народу, а следовательно, и базовым принципам русского культурно-исторического общества, устанавливало основу для деления инородцев на дружественных и враждебных.

Еще в ноябре 1905 г. Русское собрание в распространенном обращении к жителям дало характерные признаки дружественности, которые определялись как способность инородцев поступиться узкими национальными интересами ради достижения общегосударственных задач, поддержка единства и неделимости империи, лояльность властям и противодействие революционному движению¹⁴³. В апреле 1906 г. слово в слово данная формулировка встречается в платформе СРН по выборам в I Государственную Думу¹⁴⁴, а затем и в программных документах большинства черносотенных союзов и организаций. Таким образом, к дружественным относились народы, сумевшие преодолеть узкий национальный эгоизм и выросшие до понимания общеимперских интересов и своей роли во внутригосударственном разделении обязанностей.

Гибкость данного подхода позволяла крайне правым привлечь национальные меньшинства на службу русским национально-государственным интересам, в том числе и в черносотенное движение. Основой для этого являлась базовая установка правомонархистов по признанию истинно русским не по расово-этнической (как у националистов), а по политической принадлежности. В глазах черносотенцев сынами России признавались не только православно верующие русские, преданные царю и Отечеству, но также и представители других народов, которые сумели подчинить свои отдельные интересы, племенные и вероисповедные, общим интересам Российского государства¹⁴⁵.

К дружественным инородцам правомонархисты относили мусульманское население Поволжья, Средней Азии и Сибири¹⁴⁶. Хотя проблема участия в дореволюционном право-монархическом движении национальных меньшинств изучена еще достаточно слабо, тем не менее накопленные и уже введенные в научный оборот факты позволяют утверждать, что по составу участников черносотенное движение носило не только многонациональный, но в определенной степени и многоконфессиональный характер. Серьезный вклад в разработку данной проблематики внесли работы Ю. И. Кирьянова, Е. М. Михайловой, И. Е. Алексеева и других¹⁴⁷. Исследователи отмечали, что прочной основой для единения русских и инородческих охранительных кругов (как высших слоев общества, так и низов) являлась защита универсальных консервативных ценностей, сохранение традиционного социального строя и общественных устоев, отстаивание единой и неделимой России, неприятие либерализма и секуляризма, низвергавших религиозные учреждения с приоритетного положения в ранг рядовых «общественных образований».

Революция несла угрозу не только первенствующему положению РПЦ, но и религиозной традиции инородцев, служившей фундаментом социального строя на окраинах. Программы правомонархических организаций, предлагавшие консервацию основ традиционного общества, нашли поддержку у определенной части российских мусульман, которые за лозунгом укрепления первенствующего положения Русской православной церкви увидели возможность сохранения позиций ислама. Исследователь И. Е. Алексеев указывает, что среди татарского, а также башкирского населения в начале XX в. были достаточно сильны консервативно-государственнические настроения, подразумевавшие под собой, в числе прочего, верность присяге, принесенной их предками на Коране русским самодержцам, и вполне искреннее вос-

приятие себя в качестве исторического «соавтора» Российского государства¹⁴⁸.

Разность черносотенной и националистической доктрин проявилась и в отношении народов к враждебным или дружественным. Если в вопросе причисления евреев, грузин, армян, поляков, финнов, а с началом 1-й Мировой войны и немцев, ВНС и черная сотня проявляли единодушие, то в отношении к татарам они принципиально разошлись. Если черносотенцы признавали татар как наиболее дружественный народ, то лидер ВНС М. О. Меньшиков бил тревогу по поводу исходивших от татар угроз русской государственности, источником которых являлся «русский ислам»¹⁴⁹. Учитывая серьезный консервативный настрой татарского населения, руководство Союза русского народа планировало создать Мусульманский союз русского народа из казанских татар. 9 декабря 1908 г. было зарегистрировано Царско-народное мусульманское общество (ЦНМО), которое на момент открытия имело 18 отделов в Казанской губернии с общей численностью более 240 человек¹⁵⁰.

Враждебность инородцев определялась сообразно представляемым ими угрозам христианской и национальной традиции. Критерием здесь выступала степень их участия в революционном и национально-освободительном (или сепаратистском, как это понимали черносотенцы) движении, подрыве первенства русского народа, проявившихся в формах засилья и закабаления¹⁵¹. Борьба национальных меньшинств за равноправие рассматривалась как покушение на «законные права русских людей» и попытка оттеснить русский народ от подобающего ему места как народа-хозяина¹⁵².

В концентрированном виде претензии к враждебным инородцам были сформулированы в утвержденной в апреле 1907 г. программе Союза русских рабочих людей: «Цель их заключается — посредством ослабления веры православной, умаления или даже окончательного уничтожения царской власти на Руси

и дарования большей или даже полной свободы в управлении одним инородцам и равноправия другим — унижить русский народ, особенно трудящиеся его классы, и утвердить над ним господство — политическое и экономическое, инородцев, в особенности евреев»¹⁵³.

В целом, несмотря на наличие достаточно четких критериев отнесения национальных меньшинств в разряд дружественных или враждебных, позиция правомонархистов по данной проблеме страдала внутренней противоречивостью, что ярко проявилось на примере отношения к российским немцам. Рассмотрим данный вопрос более подробно.

До первой мировой войны немцы рассматривались в качестве лояльных инородцев, которые должны были служить примером для остальных нацменьшинств в деле государственного строительства. С учетом немецкого происхождения царствующего Дома и значительной части российской аристократии в монархической среде был общепризнан вклад немцев в создание великой империи из раздираемого смутой небольшого русского государства. Лояльность существующему режиму администраторы и генералы с немецкими фамилиями подтвердили в период революции 1905—1907 гг., приняв активное участие в ее подавлении. Приводимые на страницах правомонархической прессы имена Екатерины II, Миниха, Остермана, Гершельмана, Меллер-Закомельского, Ренненкампа, Кауфмана должны были свидетельствовать о возможности успешной «перековки» инородцев в категорию истинно русских людей¹⁵⁴.

На особое отношение к немцам оказывало влияние значительное число их представителей в руководстве черносотенных организаций (В. А. Грингмут, Н. А. Энгельгард и др.), а также ориентация идеологов черной сотни во внешнеполитических делах на кайзеровскую Германию как «родственный» режим. Положительно черносотенцами оценивались и черты немецкого национального характера, в первую оче-

редь, деловые и партнерские качества, предпочтительно отличавшиеся от таковых других русских инородцев: «...кредит у немцев, которые отпускают еще больше, нежели евреи, но много честнее и отчетливее во всем», — писало по этому поводу «Русское знамя»¹⁵⁵.

Исходя из вышеизложенной оценки, немцы в крайне правых организациях находились в привилегированном положении¹⁵⁶. Устав Союза Михаила Архангела предусматривал прием немцев в члены наравне с русскими, избавляя их от необходимости проходить долгую процедуру согласований и утверждений, налагавшуюся на представителей других национальных меньшинств: «Все лица не коренного русского происхождения и инородцы, за исключением немецкого населения Империи, ...могут быть приняты в члены Союза не иначе, как по единогласному постановлению Соединенного Собрания членов Палаты и членов-учредителей, в составе Председателя, не менее шести членов Палаты и не менее трети числа членов, требуемого согласно ст. 45 для действительности общего собрания»¹⁵⁷. Помимо этого, в довоенных программных документах крайне правых организаций отсутствовали пункты, специально посвященные немецкому вопросу. Исключение составляли постановления состоявшегося в 1906 г. в Москве II Всероссийского съезда Русских людей, касавшиеся вопроса ограничения протестантского миссионерства в Прибалтийских губерниях: «Немецкие пастораты в губерниях Привислинского Края, воспитывающие несомненных и опасных врагов России, должны быть преобразованы в министерские училища, на началах, положенных в основу школьного дела в Привислянью в 60-х и 70-х гг. минувшего столетия»¹⁵⁸. Однако активность лютеран и баптистов на окраинах империи не влияла в целом на положительное отношение к немцам.

Немецкая проблематика в программах крайне правых партий актуализировалась лишь с началом первой мировой войны. Врыв антигерманизма в российском обществе захва-

тил и правомонархическую среду. Немецкий вопрос оказался единственным из всего спектра конкретно инородческой проблематики, по которому позиция крайне правых стала значительно жестче. На совещании правых деятелей (Петроград) и совещании монархических организаций (Нижний Новгород), состоявшихся в 1915 г., немцы были низведены в статус наиболее враждебных инородцев и поставлены на одну доску с евреями. В лексикон черносотенных документов вошло новое слово — Иудо-Германия. В ноябре 1915 г. на совещании в Нижнем Новгороде лидер обновленческого СРН Н. М. Марков заявил: «Мы ведем теперь борьбу не только с Германией и Австрией, мы ведем борьбу с Иудо-Германией. Наши социал-демократы в большинстве случаев рабочие, люди невежественные, совращенные с истинного пути учителем, евреем-немцем, Карлом Марксом. Они находятся в духовном плену у него, который хуже насилия немецкого плена»¹⁵⁹. Антигерманская истерия усиливалась славянской солидарностью, благодаря склонности значительной части традиционалистов к славянофильскому романтизму.

Конъюнктура перевода немцев из разряда дружественных в разряд враждебных инородцев заставила правомонархистов выявить у них ряд характерных недостатков, к которым были отнесены русофобия, революционность, засилье в сфере государственного управления и предпринимательства (прежде всего землевладельческого). Обращая внимание на непропорционально большую долю немцев в административной и военной областях, один из членов Государственной Думы от фракции правых в ноябре 1916 г. заявлял: «...еще накануне войны мы, правые, обращали особое внимание правительства и Государственной Думы на переполняющих наше отечество выходцев из Германии, завладевших лучшими землями, преимущественно вблизи важнейших стратегических пунктов, не только в пограничных западных областях, но и в глубоком тылу, в центре и на востоке России, и захвативших в свои руки

во всех местностях ее, даже в столице, всю нашу торговлю и всю нашу промышленность»¹⁶⁰.

По мнению черносотенцев, немецкое засилье создавало благоприятные условия для шпионажа в пользу исторической родины, о чем заявлялось с высоких трибун: «Они имеют полную возможность давать нашим теперешним лютым врагам сведения о передвижении наших вооруженных сил, а также о военных приготовлениях и планах наших, портить мосты, пути сообщения, арсеналы, взрывать на суше и на море помещения горючих веществ, боевых материалов и оружия, вызывать искусственно народные смуты и волнения, предательски нападать в тылу на отдельных воинов, раненых и т. д.»¹⁶¹. В связи с этим, состоявшееся в 1915 г. в Петрограде Совещание представителей правых партий ориентировало своих единомышленников на сбор материалов, доказывающих случаи «забвения служебного долга и присяги, и таковые материалы сообщать в Главный Совет своих организаций»¹⁶².

Логика антигерманской истерии заставляла черносотенцев обвинить немцев и в инспирации революции посредством финансирования русских оппозиционных партий. «Немцы сыплют десятки миллионов, чтобы только поднять у нас смуту» — писал в августе 1915 г. Н. Н. Тиханович-Савицкий¹⁶³. Занимавшиеся раскачиванием государственного корабля либеральные и революционные партии были причислены к немецкой агентуре. «Наши прогрессисты — люди недалекие, но ими руководят немцы. Наши прогрессисты через Прогрессивный блок хотят завладеть казенным сундуком и грабить Россию, превратив народ в своих данников» — заявлялось на совещании уполномоченных правых организаций в Нижнем Новгороде в ноябре 1915 г.¹⁶⁴

Обозначенные правомонархистами угрозы привели к разработке на состоявшихся в 1915 г. совещании правых деятелей (Петроград) и совещании монархических организаций (Нижний Новгород) системы репрессивных мер политического и

экономического характера. К первой группе относилась правовая дискриминация (признание немцев, вступивших в русское подданство после 1870 г., иностранными подданными; борьба с немецким засильем в административной сфере). Ко второй — подрыв экономической основы немецкой диаспоры в России посредством ликвидации немецкого землевладения и конфискации в пользу государства всех предприятий, фабрик, магазинов, капиталов и проч. имущества¹⁶⁵.

Для анализа подходов правомонархистов к национальной проблематике интерес представляет выбор ими объектов для репрессивных мер. Исходя из черносотенного подхода к определению национальной принадлежности по вероисповедательному принципу (а не этническому), карательным санкциям должны были быть подвергнуты следующие категории населения. Во-первых, этнические выходцы из Германии «неправославных исповеданий протестантских»¹⁶⁶. Во-вторых, не принадлежавшие к этническим немцам протестанты по причине «связи членов этих сект с Германией и то, что секты эти служат ныне проводниками пангерманизма, признается вполне доказанным», — говорилось в постановлениях состоявшегося в 1915 г. Совещания монархистов¹⁶⁷.

Таким образом, отношение правомонархических организаций к немцам вполне ярко характеризует их подходы к отнесению национальных меньшинств к разряду враждебных или дружественных. Это говорит о внутренней противоречивости позиции, согласно которой, с одной стороны, немцы признавались наиболее лояльными инородцами, с другой, — характеризовались наличием тех же недостатков, которые были присущи всем враждебным национальным меньшинствам.

Правомонархисты осознавали, что отнесение целых наций в разряд враждебных не может не повышать градус межнациональной и межконфессиональной напряженности в обществе, т. к. участники национально-освободительного

или революционного движения среди любого из населяющих Россию народов составляли незначительное меньшинство. Возложение ответственности на всю нацию создавало условия для отторжения национальных меньшинств от русской государственности и угрожало единству империи. В этой связи черносотенцы направили острие своей критики на инородческие элиты, которые обвинили в попытке воспользоваться благоприятной политической конъюнктурой для утверждения своей власти на местах. «...инородческая интеллигенция... всегда стремится расчленив страну, так как, расчленивши государство, им легче удержать в своих руках власть в данной местности и возможность широко пользоваться трудом народа в свою пользу» — писало в июле 1908 г. «Русское знамя»¹⁶⁸.

Крайне правые указывали, что стремления инородческих верхов и низов не совпадали. Если на западных рубежах империи организатором раздора становилась стремившаяся к самостоятельности националистически настроенная шляхта, то польский народ желал остаться в составе империи¹⁶⁹. Черносотенная пресса отмечала, что наибольшими противниками слияния с коренной Россией Финляндии, Прибалтики и Привисленского края выступали местные помещики (шведы, немцы, поляки), инородческая интеллигенция и неправославное духовенство¹⁷⁰.

Таким образом, враждебность являлась характеристикой не народа, а его элиты. Иными словами, было бы верным говорить о том, что под термином «враждебный инородец» следует понимать «враждебная элита» данного народа, а не весь народ. Данная трактовка не относилась к евреям, которые вне зависимости от своего статуса определялись как непримиримые противники русского народа и государства.

В документах правомонархических организаций неоднократно приводился список конкретных народов, отнесенных к разряду враждебных. «Россия должна быть настороже не

только против соседей, но и против таких подданных, как финляндцы, поляки, латыши, армяне... а также обитателей Кавказа...», — говорилось в Программе СМА¹⁷¹. К наиболее враждебным из всех населяющих Россию народов причислялись евреи, которым правомонархистами приписывались все присущие прочим враждебным инородцам пороки¹⁷². Значимость еврейской темы для правомонархической идеологии была обусловлена убежденностью значительной части черносотенцев в том, что еврейское население империи оказывает негативное влияние на все стороны жизни российского общества. В избирательной программе на выборах во II Государственную Думу, принятой I Всероссийским съездом уполномоченных отделов СРН, утверждалось: «Евреи в течение многих лет, и особенно в последние два года, вполне выказали непримиримую ненависть к России и ко всему русскому, свое невероятное человеконенавистничество, свою полную отчужденность от других народностей и свои особые иудейские воззрения, которые под ближним разумеют одного только еврея, а в отношении христиан-гоев допускают всякие беззакония и насилия, до убийства включительно»¹⁷³. В попытках доказать правильность своих обвинений крайне правые ссылались на документы, якобы подготовленные в недрах масонских лож: «Как известно и как заявляли неоднократно сами евреи в своих «манифестах» и прокламациях, — переживаемая нами смута и вообще революционное движение в России — с ежедневными убийствами десятков верных долгу и присяге честных слуг царя и Родины, — все это дело рук почти исключительно евреев и ведется на еврейские деньги»¹⁷⁴.

Данные цитаты показывают, что, по мнению правомонархических организаций, евреи принимали участие в организации и финансировании большинства революционных и оппозиционных партий, что давало им, с одной стороны, основание утверждать существование «иудейского заговора», а, с другой, — классифицировать еврейский народ как «само-

го опасного врага» самодержавия¹⁷⁵.

Наиболее ярко расхождения черносотенной и националистической доктрин по отношению к инородцам проявились именно в отношении евреев. Если для правомонархистов негативное отношение к евреям базировалось на консервативном постулате защиты христианской и национальной традиций, то решающим фактором в укреплении антисемитизма русских националистов, в частности ВНС, стало проникновение с Запада различных расистских псевдонаучных концепций. Это происходило в связи с появлением независимого от официальных и церковных структур общественного мнения, представлявшего плодородную почву для активно внедрявшихся в российскую политическую жизнь западных учений и норм социального поведения, но при этом часто некритичного к новациям.

Влияние западных идеологов расизма на формирование антисемитской концепции русских националистов подчеркивалось западной историографией¹⁷⁶ и отечественной¹⁷⁷. В частности, особое воздействие на российских последователей расизма оказали работы английского ученого Г.-С. Чемберлена «Явления Христа» и «Евреи», в которых специфические качества евреев объяснялись принадлежностью их к особой расе, что выделяло их на фоне других народов.

Занесенное на российскую почву семя расового антисемитизма упало на благодатную почву. Распространителем «передовых идей цивилизованного общества» в России стал Всероссийский национальный союз в лице своих членов А. А. Сидорова, В. В. Шульгина, А. Лодыгина, П. И. Ковалевского, Н. Н. Чихачева, А. И. Савенко и других¹⁷⁸. Наибольшей активностью в популяризации идей о врожденных негативных качествах евреев, передающихся из поколения в поколение, выделялся М. О. Меньшиков, заимствовавший идеи расового антисемитизма «по большей части... у Хьюстона Стюарта Чемберлена»¹⁷⁹.

В отличие от черносотенцев, делавших акцент на религиозной, политической и социальной составляющей их антисемитской концепции, националисты считали вышеперечисленные факторы недостаточными для объяснения специфических черт евреев. Проникнувшись идеями западных расовых теорий, лидер ВНС М. О. Меньшиков минимизировал религиозные аргументы, классифицировав евреев как низшую азиатскую расу¹⁸⁰. По его мнению, якобы имевшие место в современной ему России т. н. еврейское засилье и закабаление русского народа не являлись главными факторами враждебного отношения с коренным населением¹⁸¹. Основная причина лежала в расовой несовместимости русского и еврейского народов, что выливалось в постоянные погромы и бытовые стычки, рассматривавшиеся как защитная реакция «чистой» расы на попытки ее порчи¹⁸².

Черносотенцы испытывали влияние националистов в силу недостатка собственных историков, журналистов, публицистов и мыслителей. Это отчасти проявилось во внедрении расистской терминологии в лексикон их вождей и прессы. Например, член Русского собрания В. А. Веножинский заявлял: «Еврейство, господа, прежде всего, не религия, а раса, племя»¹⁸³. С другой стороны, несмотря на серьезные разногласия, а порой и враждебные отношения, черносотенцы предоставляли националистам трибуну на страницах своих печатных изданий для пропаганды расистских взглядов. Так, публиковавшиеся в газете «Новое время» статьи лидера ВНС М. О. Меньшикова регулярно перепечатывались в «Русском знамени», как, например, передовица «Народ-искуситель», призванная лишь закрепить эффект ранее проведенного воздействия на публику¹⁸⁴.

Однако преувеличивать влияние националистов нельзя, так как расистские теории не стали главенствующим фактором формирования черносотенной антисемитской доктрины. Продвигаемые националистами концепции затронули лишь незначительную часть крайне правых идеологов (в частности,

А. С. Шмакова). Отчасти это объясняется ориентацией правомонархических организаций на пропагандистскую работу с низшими слоями населения, для которых сложные идейные построения расовой «науки» и ее терминологический аппарат был недоступен¹⁸⁵.

Несмотря на то, что антисемитизм занимал значительное место в программах крайне правых партий, основания для отождествления их взглядов с русскими националистами отсутствуют. Действительно, черносотенные союзы и ВНС объединяла крайне негативная оценка евреев как единственной на земле этнорелигиозной секты, вносящей нестроения в среду приютивших их народов. Разность двух доктрин проявлялась в трактовке причин антисемитизма. Если националисты без критического анализа пошли на поводу у западных идеологов расизма, то черносотенцы остались верны религиозной традиции, согласно которой специфика народов определялась не физиологическими признаками, но религиями, формировавшими их духовный стержень, мировоззрение, смысл земного существования, а также поведение и этику отношения к окружающим¹⁸⁶. Именно иудаизм, а не состав крови, по мнению крайне правых, стал источником негативных качеств евреев, приводя к напряжению с коренным населением в политической, экономической и иных областях. «...Еврей как особь может быть признан равным другим человеческим особям, но как религиозная секта, основанная на человеконенавистническом талмуде, является опасным для блага человечества», — заявляла черносотенная пресса¹⁸⁷.

Исходя из этого взгляда черносотенная публицистика делила народы на так называемые идеальные и материальные¹⁸⁸. К первым относились христианские народы, для которых высшим воплощением «идеализма» (терминология сохранена. — М. Р.) был Бого-человек Иисус Христос. Им противостояли так называемые материальные народы, характерной чертой которых являлся рационализм. По заявлению «Рус-

ского знамени» тысячелетиями иудаизм формировал народ, который в силу своего прагматизма не обладал развитым воображением, из-за чего испытывал трудности с восприятием христианских символов (Троица, Животворящий Крест, «царствие не от мира сего» и т. д.)¹⁸⁹. Христианскому «идеализму» с его верой в эфемерные понятия добра, милосердия и любви к ближнему противопоставлялось слепое соблюдение «закона» во всех деталях ради практической выгоды. Еврейскому Богу — «богу мщения и войны» противостоял христианский Бог — «бог любви и мира». По этой причине, по мнению идеологов черной сотни, евреи не могли по-христиански воспринимать окружающих как «братьев», но лишь как объект для паразитирования¹⁹⁰.

По мнению крайне правых идеологов, причиной поврежденности национального характера евреев и их «неуживчивости» стало заложенное в Торе пророчество о приходе мессии, который обеспечит им господство над человечеством¹⁹¹. Данное обстоятельство и сформировало такие черты еврейского народа как крайний эгоцентризм, неприятие законов и норм приютивших их народов, отказ от ассимиляции, отношение к «гоям» как к низшим существам. Черносотенцы признавали, что ни один другой народ не имеет более четко выраженной мессианской идеи, приобретшей признаки мании: «Великий вождь, которого они ждут, непременно должен покорить им все народы, и эти народы они собираются пасти жезлом железным»¹⁹². «...Мир должен принадлежать евреям», — приводились на страницах «Русского знамени» отрывки из Талмуда, ставшего «учебником неукротимой ненависти к гоям для многих поколений евреев»¹⁹³. В антисемитской литературе часто цитировались талмудические тексты, свидетельствовавшие о веками сформированном стереотипе рассматривать другие народы в качестве «идолопоклонников, существ низших, даже не людей, а как таковых подлежащих ограблению и оскорблению»¹⁹⁴.

Для подкрепления своих обвинений, направленных против «талмудического жидовства», правомонархисты обращались к неопровержимым авторитетам: «...сам Бог и пророки и святые были антисемиты, то есть жидообличители, что видно из обоих Заветов, из житий и поучений святых...». Именно к носителям идей «талмудического жидовства» относились слова пророчества Исаяи о том, что с приходом Мессии «будет он судить народы и обличит многие племена...» (Ис. 2,4). Это значит, продолжала газета «Русское знамя», обличено будет, главным образом, «жидовское племя, которое возбуждает и организует интриги... внутреннего революционного и междоусобного свойства...»¹⁹⁵.

По мнению крайне правых, именно «талмудическое жидовство» стало источником угроз для христианской и национальной традиций, защита которых являлась основной функцией консерватизма. Черносотенные публицисты утверждали, что «рационалистичность» иудаизма создавала благодатную почву для появления в среде евреев различных антихристианских учений с их следованием «закона» и тщательным регулированием человеческой жизни (атеизма, протестантизма, франкмасонства, нигилизма, либерализма и др.)¹⁹⁶. Одним из них стал социализм, который, по утверждениям черносотенцев, не отвечал «арийскому уму»¹⁹⁷. Непрекращающаяся враждебность евреев христианству сопровождала всю двухтысячелетнюю историю их взаимоотношений. «Евреи и еврейство — исконные враги христианства, врагами являются они и нашей Руси православной и православных царей», — заявлялось в докладе Съезда отделов СРН Юга России¹⁹⁸.

Обращение правомонархистов к идеям защиты православия от «еврейско-иудейского натиска» нашло отклик у части священнослужителей, ставших духовными наставниками их организаций. Наиболее заметной фигурой среди них был религиозный деятель России рубежа XIX—XX вв., протоиерей Иоанн Кронштадтский (Иоанн Ильич Сергиев (1829—

1908 гг.), освятивший знамя Союза русского народа и благословивший деятельность организации. Идейной основой для взаимодействия стала принятая черносотенцами концепция Иоанна Кронштадтского об извечной вражде «Царства Божия», которое представляет Россия, и грядущего царства антихриста, за которым стоит мировое еврейство, изложенная в книге «Начало и конец нашего земного мира»¹⁹⁹.

Необходимость защиты РПЦ актуализировалась в связи с развернутой в послереволюционное время в либеральной прессе критической кампанией в ее адрес. Черносотенная пресса писала, что евреи «в продолжение 5 лет неустанно издеваются над православной верой, публично ругаются в кощунственных пьесах над Иисусом Христом и Божьей Матерью и забрасывают грязью лучших пастырей церкви»²⁰⁰. Доказательством коварных планов евреев по подрыву основ христианства стали получившие широкое распространение «Протоколы сионских мудрецов», которые, по заявлению «Русского знамени», представляли собой ту «программу, по которой всемирное жидовство осуществляет свое сумасшедшее желание покорить весь христианский мир под не знающего пощады Израиля»²⁰¹. В данном документе приводились и результаты многовековой подрывной деятельности евреев в среде христианских народов. «Священничество гоев мы позаботились дискредитировать и этим разорить его миссию, которая могла нам препятствовать. С каждым днем влияние священников на народ падает — всюду провозглашается свобода совести: следовательно, какие-то годы отделяют нас от момента полного крушения христианской веры, самой для нас опасной противницы по историям о духовном мире и будущей жизни», — цитировала «Протоколы» черносотенная пресса²⁰². Участь РПЦ в стране «победившего жидовства» виделась черносотенцам весьма плачевно. «Попы будут насильственно лишены сана, а православные церкви и монастыри превращены в «жидовские хлевы и свинятники», — предрекалось в выпущенном в феврале 1906 г. воззвании СРН²⁰³.

По мнению черносотенцев, необходимость защиты национальной традиции обуславливалась революционностью евреев, предпринявших атаку на созданное «потом и кровью» русского народа государство и его вековой социальный уклад. Если либералы и марксисты находили причины революционности евреев в социальных условиях жизни последних, то для черносотенцев они лежали в религиозной плоскости. Революция 1905—1907 гг. казалась им взрывом сатанинских сил против Богом установленного на земле порядка. Общеизвестным в правомонархической среде стал тезис о том, что революция 1905—1907 гг. является «еврейской», что нашло отражение на страницах печати и в высказываниях их лидеров²⁰⁴. Черносотенная пресса обвиняла евреев в попытках оттеснить державный народ и присвоить принадлежавшее только ему право самостоятельно определять пути развития собственной страны: «Смело можно утверждать, что если бы не евреи, история России за 1905 год, как, впрочем, и до сих пор, была бы совершенно иная...»²⁰⁵.

В отличие от либералов, крайне правые отказывались от сравнений Великой французской революции и русской, указывая на важное обстоятельство: Франция не имела в качестве своих граждан 5 млн евреев²⁰⁶. Тезис об их мятежности доказывался началом смуты из черты еврейской оседлости и территорий густо населенных «беспокойным племенем», — Новороссийской, Одесской, Ростовской губерний, откуда революционные метастазы распространились по всей стране. По утверждениям монархистов, на начальном этапе революции губернии с чисто русским населением оставались в стороне от революционного движения (за исключением некоторых проявлений). Даже столица государства — Петербург, откуда 9 января 1905 г. революция получила импульс, не играла никакой роли в глобальных сдвигах: «Если в 18 веке Париж составляет центр, так сказать, мозг всего революционного движения, то у нас, наоборот, все почти время Петербург шел и идет в хвосте,

реагируя лишь в слабой степени на те отклики, которые идут из провинции...»²⁰⁷.

Неудача революции в России объяснялась черносотенцами расколом в еврейской среде по поводу степени ее осуществления. Обеспеченные слои были против намерения немущих выходцев из черты оседлости довести революцию до полного краха старой России, так как это привело бы к потере их собственности, бизнеса и выгодных контрактов²⁰⁸. Участие евреев в революции, по мнению черносотенцев, стало главной причиной роста антисемитизма в среде носителей традиционных ценностей, которые не потерпели вмешательства посторонних сил в свои внутренние дела: «...евреи, очевидно, боятся после того, как, пролив в 1905/06 г. русскую кровь... их наглое поведение навлекло и ненависть христианского населения, так что жидки испугались — а вдруг да Россия погонит их согласно ее исторической традиции в обетованную землю...»²⁰⁹.

На страницах черносотенной печати степень участия евреев в революционных и оппозиционных партиях приобрела гипертрофированные формы. В частности, в марте 1908 г. на страницах газеты «Русское знамя» утверждалось: «Неоспоримо доказано, что из каждых 100 революционеров не менее 85 человек жидов». Там же приводились и другие весьма спорные цифры: на 30 тыс. русских социалистов приходится 200 тыс. евреев, а на 20 тыс. русских либералов (кадетов) — 30 тыс. евреев²¹⁰.

Проведенный С. А. Степановым анализ участия евреев в революции 1905—1907 гг. на основе данных официальной статистики показал несоответствие заявлений правомонархической прессы реальному положению дел. В частности, в его исследовании приводится следующая статистика. Среди привлеченных к ответственности за политические преступления в 1901—1904 гг. по Виленскому судебному округу евреи составляли всего 64,9%, Киевскому — 48,2%, Одесскому — 55%.

Из 1178 народников и эсеров, привлеченных к ответственности в 1900—1902 гг., их было 15,4%. Из 5047 марксистов и социал-демократов, привлеченных в 1892—1902 гг., евреев насчитывалось 23,4%²¹¹.

Как видим, в отличие от русских националистов черносотенный антисемитизм не носил расового характера, а основывался на религиозных, политических и экономических факторах. Исключительное положение евреев в черносотенной идеологии обуславливалось угрозами, которые, по мнению правомонархистов, они представляли для устоев традиционного русского общества²¹². Основной упор в своей разоблачительной деятельности они направили против «талмудического жидовства», символизировавшего собой все органически чуждое христианско-православной и русской национальной традиции и воспринимавшегося ими как «ад по отношению к раю, что сатана по отношению к Господу нашему Иисусу Христу»²¹³.

Задача защиты христианской и национальной традиции наложили отпечаток на формирование позиции крайне правых по национальному вопросу. Анализ их программных установок показывает, что предлагаемые меры правовой дискриминации в отношении враждебно и сепаратистски настроенных национальных меньшинств условно можно подразделить на политические и экономические. Рассмотрим их подробнее.

1. *Политические меры.* Впервые меры правовой дискриминации по инородческому вопросу в целях устранения «условий, вынуждающих русских покидать занимаемые ими места», продекларировал в феврале 1906 г. III Всероссийский съезд Русского собрания. В концентрированном виде они включали в себя: разоружение инородческого населения и изгнание из органов управления враждебных лиц. Более развернуто данные принципы сформулировал состоявшийся в апреле—мае 1907 г. в Москве IV Всероссийский съезд Обь-

единенного русского народа²¹⁴, в постановлениях которого предлагалось следующее.

Во-первых, наполнение административного аппарата на окраинах носителями монархических убеждений и устранение враждебно настроенных инородцев. Данную задачу черносотенцы считали важнейшей в борьбе с сепаратизмом и требовали неукоснительного ее выполнения как первоочередной: «Во главе управления окраинами, как равно и на ответственных, административных и общественных постах, должны стоять православные русские по духу люди, которые при надлежащем образовании получили и соответственную подготовку, необходимую для правильного осуществления на окраинах России ее исторических задач». Во-вторых, укрепление властной вертикали, а также усиление исполнения государством своих централизаторских функций в противовес автономистским устремлениям инородцев: «Закон, войско, полиция и монетная система должны быть для окраин общими с Россией как единым и неделимым государством». Укрепление внутриимперских связей должно было проходить посредством реализации твердой национально ориентированной политики, подкрепленной системой репрессивных мер: «...окраинная политика должна быть непременно национально-русскою, твердою и последовательною, то есть неизменно направленною к объединению окраин с центром России в географическом, политическом и культурном отношениях». В-третьих, в основу окраинной политики должен был быть положен приоритет государственных интересов при учете местной специфики: «...благожелательною к особенностям и нуждам местной жизни, но ставящею на первое место общие интересы всего государства и русского народа и законные интересы коренного русского центра и отдельных русских людей и поддерживающей достоинство русского имени на должной высоте». Данная позиция IV Всероссийским съездом Объединенного русского народа была заимствована из программных

установок СРН: «...управление окраинами должно ставить на первое место общегосударственные интересы»²¹⁵.

В наибольшей степени дискриминационные меры касались участия национальных меньшинств в Государственной Думе. Несмотря на явные преимущества непосредственного донесения до царя гласа русского народа, минуя бюрократический фильтр, именно деятельность депутатов от национальных окраин оказала негативное влияние на отношение черносотенцев к законодательному учреждению. Опыт двух созывов показывал им, что альянс сепаратистски настроенных инородцев с русскими оппозиционными партиями стал действенным инструментом по расшатыванию внутренней стабильности государства. Сам факт присутствия в Думе инородцев искажал закладывавшийся при ее создании смысл быть «русской по духу». «...В случае инородческого и крамольного засилья в самой Думе Дума могла бы отодвинуть интересы коренного русского населения на задний план и тем способствовать разложению государства Российского», — уверенно заявлялось в принятой в марте 1908 г. программе Русского народного союза им. Михаила Архангела²¹⁶. Впоследствии черносотенцы только укрепились в этом мнении.

Состоявшийся в декабре 1911 г. в Москве Всероссийский съезд Союза русского народа подвел окончательные итоги: «...с самого начала существования и до сих пор, вопреки воле монарха, Государственная дума служила и служит местом крамолы, расчленения и духовного растления русского народа, присваивая себе роль парламента — конституционного учреждения»²¹⁷. Исходя из неудачного опыта работы первых Дум, черносотенцы пришли к убеждению о необходимости ограничения участия инородцев в деятельности законодательного учреждения. Нейтрализовать угрозы первенствующему статусу русского народа, по их мнению, могли следующие меры.

Во-первых, ограничение представительства национальных меньшинств в Государственной Думе на период госу-

дарственной нестабильности. Исходя из положения о том, что наиболее заинтересованными в дальнейшем ослаблении государства являются враждебные инородцы, черносотенцы выдвинули предложение о том, что «впредь до полного умиротворения государства, окончательного подавления революционного движения и анархии» право голоса в Думе должно предоставляться только носителям базовых русских ценностей. Условием отмены ограничения для представителей национальных окраин должно было быть полное приобщение их к государственным интересам и отказ от сепаратистской деятельности. В противном случае «инородцы, впредь до окончательного слияния их интересов с общегосударственными, не могут быть полноправными членами Государственной думы...», — заявлялось в постановлениях состоявшегося в 1909 г. в Москве Монархического съезда русских людей²¹⁸. Отстранение от участия в работе Государственной Думы национальных меньшинств должно было регулироваться специальными законами, продление или отмена которых находились в зависимости от активности сепаратистского движения в конкретной местности, наличия революционных партий и иных проявлений нелояльности.

Во-вторых, полный запрет на участие в выборах евреев. Утверждая данное положение, черносотенцы исходили из того, что евреи являются непримиримыми врагами Русского государства, и участие их в законотворческой деятельности недопустимо: «Иудеи как граждане глубоко и принципиально враждебного всему христианству международного паразитирующего государства, никогда и ни в каком случае не имеют доступа в Государственную думу», — требовали в 1909 г. участники состоявшегося в Москве Монархического съезда русских людей²¹⁹. Запретительные меры в отношении евреев были внесены в программы и уставы большинства крайне правых организаций. «Союз будет стремиться к изменению положения о выборах в Государственную думу в том смысле, чтобы, во-пер-

вых, евреи как народность, не имеющая никакого определенного географического очертания в России, были лишены права участия в Государственной думе», — гласил пункт программы Русского народного союза им. Михаила Архангела²²⁰. Вслед за евреями запрет на доступ в Государственную Думу могли получить поляки, финны и «кавказские туземцы» как следующие за ними по степени враждебности²²¹.

В-третьих, недопущение инородцев к обсуждению круга вопросов, связанных с первенствующим статусом русского народа, по причине различности их интересов с интересами державной нации. Пытаясь нейтрализовать влияние национальных меньшинств на решение основополагающих и судьбоносных проблем жизни русского государства, состоявшийся в 1909 г. в Москве Монархический съезд русских людей сформулировал список тем, к обсуждению которых они не допускались. К таковым, в частности, относились: об отношении церкви к государству и окраин к центру, вероисповедный, государственной обороны, аграрный, социальной структуры общества (сословный строй), школьный (за исключением инородческих учебных заведений)²²².

Наиболее жесткое ограничение черносотенцы налагали на участие инородцев в обсуждении законов, касавшихся статуса Русской Православной церкви. Основания для беспокойства у них были. Указывая на инородческий состав комиссии по вопросу об исповеданиях II Государственной Думы, куда, по заявлению «Русского знамени», вошел «весь наличный состав евреев Второй думы» и ни одного православного из числа присутствовавших в Думе крестьян, крайне правые били тревогу по поводу разрабатываемых в недрах комиссии законопроектов о свободе совести и отделения церкви от государства. Включенные в комиссию русские не могли выступить защитниками православия по причине своих либеральных взглядов: «Утешать себя надеждами, что православную религию от натисков евреев и армяшек отстоят такие столпы

православия, как Долгоруков, Тесленко и поп Тихвинский, вошедшие в эту комиссию от партий Думы, — праздное занятие»²²³. В результате судьба РПЦ была всецело предоставлена в компетенцию «иностранцев, иноверцев и особенно иудеев»: «...православия грозит серьезная опасность, не его существованию, а его нравственной неприкосновенности, ибо кроме поругания православия ничего иного от этой иностранческой комиссии и ожидать нельзя»²²⁴.

Допуск национальных меньшинств в Государственной Думе к обсуждению фундаментальных основ русской государственности казался правомонархистам неслыханным: «...реформу церкви... обсуждать... будут и жида Нисселович и Фридман, и поляки, и татары, и армяне, словом, те иностранцы и иноверцы, для которых разрушить Русскую Православную церковь, оплот государства, — крайне желательно»²²⁵. Исходя из присущих черносотенным идеологам конспирологических представлений, они были убеждены, что православие подвергается спланированным и целенаправленным ударам, так как в масонской среде существовал проект замены державной религии атеизмом. Пытаясь закрепить первенство носителей базовых ценностей русского культурно-исторического сообщества на решение вопросов, имевших общеимперский характер и касавшихся основ политического и хозяйственного строя страны, программы крайне правых организаций декларировали, что обсуждать их могли только «православные русские люди» как представители народа, создавшего Российское государство²²⁶.

В-четвертых, ограниченность полномочий иностранцев в обсуждении общеимперских вопросов. Понимая, что игнорировать интересы национальных меньшинств в условиях постманифестной монархии нельзя, некоторые черносотенные союзы шли на компромисс, допуская в качестве исключительной меры их участие в выработке законопроектов, имеющих отношение к их народности. Эти послабления предусматри-

вались только в отношении дружественных иностранцев, внесших в состав империи свои территории и не участвовавших в революционном и сепаратистском движениях. В данном случае им предоставлялось право решающего голоса только по вопросам, касающимся их «собственного быта и собственной территории», причем это право не распространялось на остальные части государства. Состоявшийся в октябре 1906 г. в Киеве Съезд русских людей не исключал возможности обсуждения депутатами с окраин общеимперских вопросов, но при условии пользования лишь совещательным голосом²²⁷.

Отдельные черносотенные организации предусматривали в своих программных установках право донесения своих нужд и враждебным иностранцам. В частности, в программе Русского народного союза им. Михаила Архангела заявлялось: «...чтобы выборные от окраин Польши и Кавказа, избранные членами Думы, получили бы право голоса только по вопросам, касающимся нужд обитаемых ими окраин, разрешение каких-либо в том или ином смысле должно быть делом исключительно Русской Государственной Думы и должно отвечать интересам как политическим, так и экономическим России, а ни в каком случае не идти им вразрез»²²⁸. Здесь черносотенцы страховались, так как участие в работе Думы национальных меньшинств могло быть использовано для получения дополнительных льгот и привилегий, что объективно увеличивало и без того тяжелую нагрузку на державный народ по обеспечению империи. Впрочем, данная позиция являлась исключением среди крайне правых организаций.

В-пятых, изменение избирательного закона. Причину иностранческого состава первых двух Государственных дум черносотенцы видели в несовершенстве избирательного закона. Основываясь одновременно на сословном, имущественно-цензовом и территориальном принципах, он открывал широкие ворота доступа к законотворческой работе сепаратистам. На состоявшемся в Киеве в 1906 г. III Всероссийском съезде

русских людей было предложено положить в основу нового выборного закона «русское национальное начало», которое обеспечило бы лояльному населению свое представительство в Государственной Думе. С середины 1906 г. черносотенцы развязали кампанию давления на царя посредством посылки телеграмм с требованием издать новый выборный закон, основывающийся на «национально-православной» составляющей, а именно:

а) сословно-приходском принципе (взаменволостного, т. е. территориального), который бы обеспечил в Думе представительство православных крестьян — носителей русских традиций. Внедрение сословно-приходского принципа должно было преодолеть несовершенство избирательного закона, при котором представительство в Думе от сословия крестьян-землевладельцев и горожан обеспечивали лица, ничего общего с данными социальными группами не имевшие. Черносотенцы возмущались тем обстоятельством, что депутатом от столицы православного государства — Петербурга оказался еврей²²⁹;

б) принципе сегрегации избирательных курий по национальному признаку. Желая снизить влияние инородцев на выборы депутатов, черносотенцы предложили в местностях со смешанным населением разделить избирательные курии, создав специальные инородческие. Условием, при котором инородцы могли образовывать собственные избирательные курии, являлся 5-процентный барьер их представительства на территориях смешанного проживания. При этом количество подлежащих выбору в Думу инородцев из мест с преобладающим неправославным населением не должно было превышать числа выбранных депутатов от православного населения. Обосновывая явные привилегии для русских, черносотенцы указывали на недостатки жителей национальных регионов Российской империи, выражавшиеся в использовании своего положения в личных целях, кумовстве, родственном и земляческом эгоизме, которые не могли быть терпимы в деле государственного

строительства. Признавая, что среди них могут быть и вполне профессиональные управленцы, предлагалось использовать их «в чужом месте», так как «у себя же дома тянут своих невольно, связанные родством и дружбою», — утверждалось в постановлениях состоявшегося в ноябре 1911 г. в Москве Всероссийского съезда Союза русского народа.

2. *Экономические меры.* Первоочередным предметом серьезных забот правительственной власти должно было стать упрочение русского землевладения в национальных регионах. Краины планировалось прикрепить к коренному центру посредством «планомерного переселения туда избытка русского населения и укрепления там чисто русской государственности русскими руками»²³⁰.

Впервые сформулированное состоявшимся в апреле—мае 1907 г. в Москве IV Всероссийским съездом Объединенного русского народа данное предложение²³¹ получило детальное развитие в Своде основных понятий и положений русских монархистов, выработанных IV Всероссийским съездом Союза русского народа, состоявшимся в мае 1912 г.²³² В этих целях предлагалось предоставить крестьянству преимущественные права на приобретение и аренду казенных земель, заселение свободных территорий. «Все свободные земли в Закавказье должны быть предоставлены русским православным крестьянам по закону 1 мая 1900 года», — провозглашалось в постановлениях II Всероссийского съезда русских людей, состоявшегося в апреле 1906 г. в Москве²³³. Здесь проявляется комплексный подход крайне правых к проблеме удержания окраин, которое должно было происходить не только силой, но и культурно-экономической экспансией русского трудового населения.

С одной стороны, это решало проблему малоземелья в коренных русских губерниях, с другой — прикрепляло инородческие территории к метрополии. Прочное закрепление за русским крестьянством пустующих пространств империи, обреченных в противном случае стать легкой добычей воен-

ного и экономического завоевания соседних стран, несло за собой поднятие культуры земледелия покоренных народов и экономическое развитие территорий. Наиболее благоприятные условия для переселения крестьянства представлял Туркестан, где «масса незанятых земель, юридически считающихся собственностью туземцев, земельный быт которых не устроен. При условии правильного отношения земля дает громадные урожаи. Но Туркестан не имеет свободных рук. Надо вселить сюда возможно большее количество русских из внутренних губерний», — предлагала черносотенная газета «Земщина»²³⁴.

Первостепенным объектом русской колонизации должны были стать мятежные окраины. В своих попытках привязать враждебных инородцев к центру черносотенцы высказывали даже мысль о насильственном отъеме у них земельной собственности для лишения крамолы экономической основы. Объектами насильственной колонизации, помимо Польши, должны были стать Закавказье и Финляндия, а также коренные русские земли, подвергшиеся экономическому натиску инородцев. В 1909 г. Союз Михаила Архангела поднимал вопрос о «необходимости выселить армян из Терской и Кубанской областей» и выяснении причин «щедрого наделения в ущерб русским армян землей на Кавказе»²³⁵. Политическое обоснование этих дискриминационных мер в декабре 1907 г. дала газета «Русское знамя»: «Безопасность каждого государства требует одноплеменности его народа. Если бы в России... отнимали земли у поляков, хотя бы восставших только... для поселения на польских землях русских людей и хотя бы даже крестьян, то это вовсе не было бы принудительным отчуждением земли у владельцев в пользу крестьян, но отбиранием имущества у неблагонадежных людей ради государственной безопасности. Такое отчуждение земли можно было бы лишь приветствовать...»²³⁶. Оправдывая применение столь жестких мер, черносотенцы ссылались на опыт «цивилизованных» стран

Запада: «В составе Германии находится только одно не немецкое племя — поляки, которые сохраняют свой язык и обычаи исключительно благодаря земле, на которой они живут кучно. Если лишить их земли, то, рассыпавшись по всей Германии, они быстро потеряют свои народные особенности и сольются с немцами. В этих государственных соображениях решено правительством Германии приступить к отчуждению земель не у собственников вообще, но только у поляков. Отнятие у поляков земель с вознаграждением их из государственной казны явится лишь следствием государственной необходимости, случаем частным, а не общим правилом. Поэтому выставлять этот случай примером государственного отчуждения земельной собственности вообще является неправильным приемом»²³⁷.

§ 3. Роль и место русского народа в контексте сохранения империи

Внимание правомонархических организаций к проблемам восстановления приоритетного статуса русского народа в империи и возвращение носителям русских базовых ценностей стратегических позиций в государстве обуславливалось присущей консерватизму функцией защиты национальной традиции.

Дисбаланс между ролью русского народа как станового хребта империи и его реальным положением, проявлявшемся в отсутствии видимых преимуществ по сравнению с жителями национальных окраин (прежде всего Финляндии), давало черносотенцам основание говорить об отсутствии в стране «инородческого» вопроса и наличии русского, вызванного «антинациональной» политикой «космополитической» бюрократии. Причина низкого уровня жизни великорусских губерний виделась крайне правым в пренебрежении правительством интересами державного народа. По заявлению крайне правой прессы, допущенный кабинетом премьер-министра

С. Ю. Витте отход от строго национальной политики Александра III, приводил к оскудению русского центра, так как «все блага сыпят на чухонцев, поляков, армян, шведов, а для русского народа ничего не делают...»²³⁸.

Несмотря на то, что исповедовавшие имперские принципы правомонархисты признавали, что только за счет жертвенности русского народа как государствообразующего возможно успешное функционирование российского государства, они тем не менее ставили вопрос о корректировке правительственного курса: «Таможенный доход большой — 250 млн, но это из-за высокой пошлины, мы все живем гораздо дороже в России, население переплачивает почти все, а богатеют только немногие и то частью инородцы: евреи, немцы, поляки»; «Так как вся русская земля дает государству очень маленький доход (60 млн) и многие богатые люди мало обложены налогами, то и на народное просвещение отдается мало. Всего 30 млн», — писала черносотенная пресса²³⁹. Наполнение бюджета государства во многом происходило за счет насаждения винных лавок и спаивания населения²⁴⁰.

Несмотря на то, что идеологи черной сотни жестко критиковали революцию 1905—1907 гг. за антиправославный, антигосударственный и антирусский характер, тем не менее они вынуждены были признать, что революция способствовала возрождению и стремительному росту русского национального самосознания, следствием чего стала самоорганизация патриотических сил в черносотенные союзы, поставивших перед собой задачу освобождения русского народа от гнета «старого бюрократического режима» и избавления от засилья инородцев в госаппарате и стратегических сферах деятельности, являвшихся, по их мнению, причинами бедственного положения русского народа.

Истоком поврежденности российского бюрократического аппарата, по мнению крайних правых, являлась политика Петра I, направленная на внедрение в управленческие структуры

европейских иноземцев. Результаты данной политики в июле 1908 г. кратко описало «Русское знамя»: «Иногородцы заняли прочное положение во всех государственных учреждениях так называемой «преобразованной России» в ущерб интересам коренного русского населения. И это привилегированное положение инородцев при приемниках Петра I только усилилось и окрепло. И с этих пор русский народ — народ-хозяин на своей святой Руси сделался хотя и самой многочисленной, но и самой бедной и самой угнетаемой нацией»²⁴¹.

Следствием господства чужеземцев во властных структурах на протяжении двух веков стало ослабление «жизненного импульса», т. н. пассионарности русского народа: «Прежде русский народ, повинующийся как один человек своему самодержавному неограниченному царю, был всем грозен. Теперь, когда в жизнь народа вторгается ужасное бюрократическо-инородческое засилье, тот же народ перестал быть грозным»²⁴². В конечном итоге космополитическая бюрократия подмяла под себя и дворянство, прежде представлявшее «живые силы нации» и сдерживавшее ее произвол. С. А. Степанов следующим образом характеризовал общественное мнение россиян в начале XX в.: «В недоверии и неприязни ко всему чужестранному сходилось и малограмотное простонародье и просвещенная интеллигенция славянофильского толка»²⁴³.

Поставленная правомонархистами проблема восстановления приоритетного статуса русского народа в империи и возвращения носителям русских базовых ценностей стратегических позиций в государстве получила резко негативную оценку либеральной и марксистской историографии. Черносотенная идеология, имевшая как базовую консервативную основу, так и некоторые националистические черты, кардинально противоречила вненациональной идеологии либерализма и пролетарского интернационализма. Уже в начале XX в. в работах либеральных авторов идея первенства

русского народа была увязана с этнической, культурной и религиозной нетерпимостью.

В пылу политической борьбы не только правомонархическая идея первенства русского народа, но даже понятие патриотизма было жестко противопоставлено понятиям демократии и свободы. Либеральные идеологи нередко перегибали палку. В частности, депутат Государственной Думы Петрункевич характеризовал патриотизм как пошлость, а Кареев выступал за упразднение названия Россия²⁴⁴. В поход против патриотизма включились даже классики русской литературы. В частности, Л. Н. Толстой развенчал патриотизм как «чувство неестественное, грубое, постыдное, неразумное, вредное» и даже «корыстное и безнравственное». Согласно Л. Н. Толстому идея патриотизма лежит в основе государственности и потому «чувство патриотизма должно быть подавляемо и уничтожаемо». По его мнению, «патриотизм есть орудие власти правительств над народами, он является средством обмана народа со стороны императоров, правителей, военных, капиталистов, духовенства и проч., чтобы жить трудами народа». «Патриотизм (говорил Толстой по поводу франко-русских торжеств в октябре 1893 года.— М. Р.) есть не что иное для правителей, как орудие для достижения властолюбивых и корыстных целей, а для управляемых — отречение от человеческого достоинства, разума, совести и рабское подчинение себя тем, кто во власти. Он есть рабство!», — приводила цитаты великого старца черносотенная пресса²⁴⁵.

В целом, проведенная в начале XX в. либеральными и революционными деятелями кампания по разоблачению правомонархических идей была весьма эффективной. Черносотенное движение и ее система идейных воззрений были скомпрометированы в глазах интеллигенции, части правительственного аппарата и городских слоев общества (предприниматели, служащие, рабочие и т. д.). Советская и современная либеральная историография впоследствии утверждала,

что понятие первенства русского народа тождественно, по своей сути, идее национального превосходства и национальной исключительности.

По нашему мнению, шовинистическая трактовка первенства русского народа более характерна для доктрин националистических партий. Принципиальное отличие правомонархического и националистического движения состояло в том, что черносотенцы подводили духовно-религиозный фундамент под это понятие, в то время как для националистов основополагающей была идея этнического превосходства. Представляя консервативное движение, правомонархические организации выступали в защиту фундаментальных устоев российского культурно-исторического сообщества, рассматривая первенство как идею, направленную на защиту базовых русских ценностей в религиозной, политической и культурной сферах.

Первенство русского народа в правомонархической трактовке было бы не вполне верно рассматривать как проявление превосходства и преимущества перед другими нациями по расово-биологическим характеристикам. В отличие от апологетов распространявшихся в начале XX столетия в западных странах различных шовинистических течений, черносотенцы не проповедовали концепций «народа-господина», расовой сегрегации, завоевания места под солнцем и «жизненного пространства», порабощения национальных меньшинств и дискриминации по этническому признаку²⁴⁶. Идеологи крайне правых исходили из рациональных соображений, понимая, что именно приоритет общеимперского принципа над этническим стал фундаментом успешного строительства многонационального государства.

В черносотенных документах подчеркивалось не превосходство русской нации, а ее первенство, что нивелирует качественный расово-этнический компонент, но подчеркивает функционально-ролевой. Если националисты заявляли о не-

обходимости господства и преобладания титульной нации над инородцами, то для черносотенцев первенство означало необходимость формирования отношений между русскими и инородцами по принципу внутрисемейного старшинства. «России нужно не преобладание, но первенство над инородцами, основанное на семейных отношениях младших к старшему в роде. Русский народ требует признания первенства за собой и беспрекословного повиновения себе младших членов всероссийской семьи. Только тогда Россия будет едина и сильна», — писало «Русское знамя»²⁴⁷. Иными словами, крайне правые утверждали, что первенство выполняло объединительную, державно-интегративную и водительскую (лидерскую) функцию. В утвержденной в апреле 1906 г. программе Союза русских рабочих людей указывалось, что русский народ — «полноправный участник в общественной, семейной и трудовой жизни среди всех народностей царства Русского»²⁴⁸.

Идея первенства русского народа базировалась на признании за ним особой миссии как государственно-образующего компонента Российской империи, что доказывалось следующей системой аргументации.

1. *Державность русского народа.* Черносотенцы выдвинули тезис о державности русского народа, обуславливавшейся наличием особых качеств, позволявших ему стать становым хребтом государства. «Русская народность как собирательница земли Русской и устроительница Русского государства, — есть народность державная», — говорилось в избирательной платформе СРН на выборы во II Государственную Думу²⁴⁹.

Державность русского народа базировалась на интегративной способности русских, чья национальная идея благодаря православному миссианизму преодолевала этнические рамки и становилась, по терминологии Ф. И. Достоевского, «общечеловеческой». «В национальной пестроте русского государства русской народности принадлежит... центральное основное объединяющее значение», — утверждалось в Своде

основных понятий и положений русских монархистов, выработанных в мае 1912 г. Всероссийским съездом СРН²⁵⁰. Включение в состав русского государства значительных территорий и мирное сосуществование с покоренными народами объяснялись крайне правыми особыми психологическими чертами «завоевателей»: благодушием, доверчивостью, гостеприимством, милосердием, миролюбивостью, самопожертвованием, уживчивостью, состраданием, терпимостью, обусловленных религиозностью и идеализмом воззрений²⁵¹.

2. *Русский народ — создатель государства и строитель империи.* Приоритетное положение русского народа в империи обуславливалось его исторической ролью в создании государства, собирании земель и защите их от внешних противников. «Русский народ отличался храбростью и силой, с достоинством встречавший открытый вызов врагов...», — писало «Русское знамя»²⁵². Черносотенцы утверждали право собственности русского народа на созданное им государство. «Государство Российское есть достояние народа русского. Оно едино и нераздельно», — заявлялось в основных положениях Народных монархических союзов, разработанных видным черносотенным идеологом Н. Н. Тихановичем-Савицким²⁵³.

Следуя теоретическим разработкам русских консерваторов, крайне правые утверждали, что именно русская концепция духовности, государственности и культуры составляла основу имперского строительства России. В объединенной избирательной программе на выборах во II Государственную Думу Русского собрания, СРН и других единомышленных организаций говорилось: «Русская народность, как собирательница земли Русской, создавшая великое и могущественное государство, имеет первенствующее значение в государственной жизни и в государственном строительстве»²⁵⁴. В черносотенных документах роль русского народа в создании государства и империи подчеркивалась различными терминами: устроитель, создатель, созидатель, строитель.

Согласно монархической аргументации, свое право на самостоятельное государственное существование русский народ подтвердил в постоянной борьбе за выживание, сумев защититься от многочисленных агрессий, шедших как из Азии, так и из Европы. Отказ от первенствующей роли русских в государстве рассматривался черносотенцами как проявление пренебрежительного отношения к жертвам, принесенным на алтарь «государства, созданного трудами и кровью славных предков»²⁵⁵. В утвержденной в апреле 1906 г. программе Союза русских рабочих людей прямо указывалось: «Огромное Русское государство создалось в течение многих веков кровью, потом, страданиями и лишениями, умом и сердцем русского народа, неутомимого в труде и созидательной работе, любвеобильного и снисходительного к друзьям и врагам. Это — неопровержимая, никогда непоколебимая истина»²⁵⁶.

3. *Мессианиззм русского народа.* По мнению правомонархистов, русский народ, как носитель истинной веры («народ-богоносец» в терминологии Ф. М. Достоевского), должен был привить духовно и культурно отсталым инородцам, проявившим неспособность на собственное государственное существование, истинные ценности православия, духовности и христианского братства. Крайне правые с сожалением констатировали: «Россия... представляет пестрое сочетание различных исповеданий и народностей, покоренных и усвоенных Россией, но еще не сумевших стать русскими по духу»²⁵⁷. Миссия русского народа состояла в том, чтобы «объединить все населения царства Русского под единым скипетром и державою», что могло быть реализовано единственно русским народом²⁵⁸.

Последнему предстояло выполнить историческую миссию направления на путь истинный не только отсталых в духовном и культурном отношении национальные меньшинства, но и отказавшихся от христианских ценностей народы Запада, когда последние придут к пониманию бесперспек-

тивности созидания «рая на Земле». «...Мы должны возродить все народы под знаменем Христа; ободрить их, запутавшихся в дебрях конституций и республик и потерявших Бога, в минуту отчаяния и обратиться к Богу и собрать их воедино, как мать собирает под крылом своих птенцов», — писало «Русское знамя»²⁵⁹. Выполнение мессианской задачи возможно было только при сохранении первенствующего положения православного народа.

4. *Необходимость обеспечения стабильности в Российской империи.* Рассуждения крайних правых идеологов сводились к следующей схеме. Первенство налагало значительную ответственность по обеспечению безопасности и эффективного функционирования империи. С этой задачей мог справиться только русский народ, который в огромном межнациональном государстве мог преодолеть центристремительные тенденции и объединить все «население царства Русского под единым скипетром и державою»²⁶⁰. Русский народ создал наиболее эффективный и единственно возможный для России способ правления — самодержавие, обеспечившее быстрый территориальный рост империи, могущество и силу ее государственного аппарата, межнациональный мир и социальную стабильность. Исходя из этого, русскому народу была отведена роль «народа-хозяина», которому принадлежало исключительное право на самостоятельное государственное бытие.

Остальные народы России данным качеством не обладали, так как в силу специфики исторического развития утратили собственную государственность (или никогда таковой не имели), доверив управление русскому народу, который и стал стержневым элементом конструкции государства, гарантом ее существования, безопасности, правового порядка и мирного сожительства других народов. «Народ же в лице всех своих сословий обязан помогать царю, содержать на должной высоте армию и флот, дабы их грозная сила не только не допускала никакого покушения на целостность и достоинство государства,

но в международной политике обеспечивала бы России место и голос, соответствующие достоинству великой державы», — говорилось в распространенном в мае 1912 г. предвыборном воззвании СМА²⁶¹.

Черносотенцы не ограничивались громкими лозунгами о первенствующей роли русских как носителей уникальных державных качеств. Реализация первенствующих прав рассматривалась как общегосударственная задача. «Все учреждения государства Российского объединяются в прочном стремлении к неуклонному поддержанию величия России и преимущественных прав русской народности», — говорилось в платформе СРН на выборах в I Государственную Думу в апреле 1906 г.²⁶² Данная позиция была сохранена и на выборах во II Думу с успокаивающим для национальных меньшинств добавлением: «...но с соблюдением строгих начал законности и справедливости, дабы живущие в нашем Отечестве инородцы считали за честь и благо принадлежать к составу Российской империи и не тяготились своею зависимостью»²⁶³.

Первенство русского народа должно было быть законодательно закреплено. «Преимущественные права русского народа должны быть начертаны в законодательстве...», — утверждалось в программе и уставе Русского народного союза им. Михаила Архангела²⁶⁴. Черносотенцы постоянно подчеркивали, что в условиях бессилия власти главную роль в национальной консолидации должен был сыграть сам русский народ. Первым шагом в данной связи представлялось необходимым четкое осознание массами своих национальных интересов в деле защиты «достоинства государства Российского», а также «разграничении интересов русских и инородцев»²⁶⁵.

Программные установки правомонархистов предусматривали интеграцию инородческих окраин в единое целое с «коренной Русью» и не содержали пунктов изменения их состояния как в сторону превращения в зависимые от привилегированной метрополии колонии, так и придания

им автономного статуса²⁶⁶. Примером для подражания был предыдущий опыт развития страны: «...великое множество инородцев, входящих ныне в состав Русского государства, никогда не терпело от русского народа зла и притеснений; мало того, все они, а некоторые в особенности (евреи, поляки, финляндцы, армяне, грузины), под защитой русского народа, пользуясь его потом, кровью и могуществом, — укрепились, разбогатели. Жили и спаслись от поглощения их другими народами»²⁶⁷.

Сознавая, что принцип первенства несет устрашающий оттенок, идеологи крайне правых подчеркивали, что оно не направлено против «законных» интересов населяющих Россию национальных меньшинств и не подразумевает рабскую зависимость или иную форму кабалы для инородцев. В обращении СРН от 1906 г. разъяснялось: «...это вовсе не значит, что Союз, признавая это положение, намерен притеснять другие, нерусские народности, входящие в состав Российской империи. Напротив, Союз желает, чтобы всем жилось хорошо, он не допускает даже мысли о порабощении кого бы то ни было»²⁶⁸.

Определяя в качестве критерия отношения к инородцам принесение ими пользы общему государству, СРН в своих «Основных положениях» заявлял, что он «не только не желает нарушать самобытность населяющих Российскую империю нерусских народностей и оставляет им вполне неприкосновенными их веру, язык, быт, благосостояние и землю, но признает особую общественность для народностей, живущих на окраинах»²⁶⁹.

Именно в сохранении и всемерном развитии первенства русского народа как государствообразующего этноса — носителя базовых ценностей русского культурно-исторического сообщества черносотенцы видели залог крепости государства и империи. В подходе к первенству черносотенцы исходили из базовых консервативных постулатов, признававших

органические, естественные формы жизни и утверждавших естественную иерархию народов в противовес либеральному культу равенства (не имевшего аналогов в природе и являвшегося порождением несовершенного человеческого разума). Первенство над более малочисленными и слабыми народами исходило из тезиса, что никакая из населяющих империю народностей не могла претендовать на выполнение функции структурообразующего народа. При всем многообразии населявших Россию народов только русские могли занимать исключительное положение как создатели государства и строители империи. Все остальные народы могли пользоваться общими правами, но до тех пор, пока это не задевало общегосударственных интересов²⁷⁰.

Острота, с которой черносотенцы требовали практической реализации первенства русского народа, обосновывалась необходимостью восстановления исторической и социальной справедливости. Убеждение, что некоторые покоренные народы (поляки и финны) обладали не только равным с русскими статусом, но и невиданными для коренного народа преимуществами, заставляло их выступать защитниками государствообразующего народа: «Когда русские взгляды и русские требования и обычаи получают подобающее им значение, и тогда, может быть, Россия будет избавлена от тяжелой необходимости работать на жидов, на немцев, на поляков, на чухонцев и т. п. охотников до чужого пирога»²⁷¹.

С другой стороны, реализация равного правового статуса неизбежно вызвала бы центробежные процессы: «В тех случаях, когда по каким-либо причинам дают инородцам одинаковые права с коренным населением, а тем более преимущества, то присоединенные народы тотчас стремятся к обособлению и затем, — заручившись самостоятельностью, становятся во враждебные отношения к своей владычице и... сами норовят извлечь из нее для себя выгоды и подорвать могущество»²⁷². По такому сценарию развивалась ситуация в Австро-Венгер-

ской империи, где немцы, как государствообразующий народ, были вынуждены под натиском национальных меньшинств сдавать одну позицию за другой, что в результате ставило под вопрос целостность страны.

Вопрос укрепления первенства русского народа являлся вопросом существования единой и неделимой империи. По мнению правомонархистов, только в условиях законодательно закрепленного первенства представлялось возможным продвижение государственных интересов на присоединенных территориях и экономический экспансионизм, в частности, обеспечение таких программных пунктов, как теснейшее единение коренной России с окраинами, установление на окраинах твердой русской государственной власти, охрана интересов русского народа, неотложное принятие мер к восстановлению порядка, самовоспитание инородцев, чтобы стать «русскими по духу», подъем коренного русского центра, насаждение в центре страны национальных сил, способных практически противостоять любым сепаратистским поползновениям²⁷³.

Исходя из вышеизложенных соображений, крайне правые обращались к депутатам Государственной Думы с требованием отвергать «всякую мысль об “автономии” окраин и отдельных областей» и требовать «первенствующего значения во всех отраслях государственной жизни русским людям и русскому народу»²⁷⁴. Самоуправление черносотенцы рассматривали как умаление интересов центральной власти. Их же позиция состояла в том, что «управление окраинами должно ставить на первое место общегосударственные интересы»²⁷⁵.

В рамках имперской системы первенство державного народа рассматривалось правомонархистами скрепой разноплеменного государства и, в отличие от инородческого национализма, по их мнению, не представляло опасности для политической стабильности. Первенство русского народа предусматривало господство базовых русских ценностей, носителями которых могли являться лица разного этнического происхождения. Оно

должно было распространяться на все сферы жизни государства: политическую, социальную, хозяйственную, военную и т. д.²⁷⁶ Данный принцип крайне правые предлагали положить в основу законодательства страны, наделив приоритетными политическими правами лишь носителей православно-монархических убеждений. В частности, программные установки черносотенных организаций содержали требования приоритетного положения РПЦ, чья церковная организация должна была сохранить свое доминирующее положение, а русский язык сохранить значение государственного на всей территории империи²⁷⁷. Кратко определение первенства русского народа было дано в утвержденной в апреле 1906 г. программе Союза русских рабочих людей: «Она (русская народность. — М. Р.) одна должна обладать всею полнотою прав государственных и гражданских; вера ее — господствующая, ее голос в государственном строении — решающий, ее общий язык — господствующий и обязательный во всех концах державы Российской»²⁷⁸.

Тезис о первенствующей роли русских в управлении империей не был оригинальным изобретением черносотенцев. Еще в XIX в. император Александр III провозгласил основополагающую установку своей национальной политики — «Россия для русских», которую черносотенцы внесли в свои программные документы. В концентрированном виде это положение было зафиксировано в уставе Союза Михаила Архангела: «Русскому народу как основной единице, сгруппировавшей около себя покоренных русским оружием и добровольно присоединившихся под защиту его разных инородцев, принадлежит по праву первенствующее, господствующее значение во всей государственной жизни, а тем более в совершающихся государственных созидательных преобразованиях»²⁷⁹.

Таким образом, русский народ объявлялся крайне правыми структурообразующим, исходя из той исключительной роли, которую он играл в государстве. Ослабление первенства рассматривалось как удар по стержневому элементу кон-

струкции государства, что неизбежно привело бы к распаду империи, межнациональным распрям между инородцами в попытках занять освободившееся место, утрате русским народом национальной независимости. Поэтому первенство носителей русских ценностей рассматривалось как залог единства страны и межнационального мира.

С. А. Степанов утверждал, что черносотенцы полагали, что свое первенство русское население могло обеспечить, только заняв стратегические позиции в хозяйственной сфере²⁸⁰. Ю. И. Кирьянов указывал, что данная цель могла быть достигнута посредством обеспечения лояльным лицам права на службу в железнодорожном, морском и речном ведомствах. Властные и общественные структуры страны должны были заботиться об экономических выгодах и удобствах для русского населения. Последним же должно быть предоставлено исключительное право на аренду казенных угодий, разработку природных богатств, заселение пустующих земель и преимущественные права в сфере торговли и промышленности. Привилегии распространялись на всю империю. В «коренных областях» России преимущественные права превращались в исключительные²⁸¹. В «Основных положениях Союза русского народа» заявлялось о необходимости предоставить русской народности исключительное право на участие в Думе, государственной, судебной, сословной, железнодорожной, речной, морской и учительской службе. Преимущественные права также распространялись на приобретение и аренду казенных, удельных, церковных и монастырских, частновладельческих земель, разработку их природных богатств, занятие всеми видами промышленности и торговли и т. д.²⁸²

Необходимость восстановления первенства державного народа и сохранения империи наложила свой отпечаток на формирование позиции черной сотни по национальному вопросу. Реализация экономического блока мер, включавших в себя укрепление хозяйственно-экономических связей

Центра с окраинами и увеличение доли русских в национальных экономиках, неизбежно приводила к ущемлению прав национальных меньшинств. В отличие от националистов и октябристов черносотенцы исходили из необходимости существенного сужения хозяйственных прав регионов и общей экономической централизации России. По их мнению, именно правительственный контроль и вмешательство при Александре III в хозяйственную деятельность Финляндии привели к подъему культурного и экономического положения этой окраины. Первоочередным предметом серьезных забот правительственной власти должно было стать упрочение русского землевладения в национальных регионах. Впервые сформулированное состоявшимся в апреле—мае 1907 г. в Москве IV Всероссийским съездом Объединенного русского народа²⁸³ данное предложение получило детальное развитие в Своде основных понятий и положений русских монархистов, выработанном IV Всероссийским съездом Союза русского народа, состоявшимся в мае 1912 г.²⁸⁴

В рамках укрепления первенствующего положения государствообразующего народа серьезное место в идеологической и практической работе черносотенных организаций занимала борьба с так называемым инородческим засильем, ставившая целью решение основного вопроса — русского, порожденного оттеснением титульной нации от стратегических позиций в государстве. В силу консервативной, а не националистической сущности черносотенной идеологии декларировавшаяся цель экономической дискриминации лежала не в плоскости утверждения господства более сильного этноса над подчиненными инородцами, а в защите православного населения от иноверных эксплуататоров. В вышедшем в марте 1908 г. обращении Главной палаты Русского народного союза имени Михаила Архангела указывалось: «Сила патриотических организаций и рост их с момента подавления революционного террора и естественного понижения чувства

оскорбленного национального достоинства обеспечиваются проведением в жизнь для блага их сочленов таких экономических мероприятий, которые могли бы оградить русского человека от еврея-ростовщика...»²⁸⁵.

Требование устранения «засилья» некоторых национальных меньшинств в административной, экономической и культурной сферах, рассматривавшееся в советской и либеральной историографии, как проявление великорусского шовинизма, с точки зрения черносотенцев, являлось борьбой за восстановление исторической справедливости. Наличие значительного количества льгот и привилегий для инородцев (финны, поляки и т. д.) нарушало баланс между их вкладом в создание империи и использованием преимуществами от ее существования: основная тяжесть по сохранению империи лежала на русском народе. В постановлении состоявшегося в 1909 г. в Москве Монархического съезда русских людей звучало требование уравнивать русских крестьян в правах с инородцами при получении земли: «По отношению к сибирским инородцам (буряты, алтайские калмыки и киргизы) должно принять правилом, по коему они получают землю не более русских переселенцев, чтобы не было, как теперь, своего рода премии им за инородческое происхождение и за кочевой быт, в виде гораздо больших прирезок земли (даже по 200 десятин на кибитку), чем русским крестьянам (по 15 десятин)»²⁸⁶.

Согласно постулатам правомонархистов, державный народ подвергался гонениям даже на государственных предприятиях и учреждениях, где «по сведениям, доставленным железнодорожными отделами Союза русского народа, усматривается, что в настоящее время инородческое засилье на железных дорогах вообще, а польского и жидовского элементов в особенности, сказывается настолько усилившимся, что ведет уже к полному порабощению на железных дорогах служащих и рабочих русских людей указанными инородческими элементами при благосклонном участии остающихся еще на

службе русских людей с революционным (забастовочным) прошлым» — озвучивалось на Всероссийском съезде СРН, состоявшемся в ноябре 1911 г. в Москве²⁸⁷. Крайне правые жаловались, что инородческое начальство русских железнодорожных рабочих «безжалостно гонят за одно подозрение в черносотенстве, тогда как жидов и поляков, даже уличенных в преступлениях, воровстве и мошенничестве, разве что переводят на другую дорогу или станцию, часто с повышением. Посему надлежало бы уличенных ж. д. служащих, нарушивших долг службы, впредь нигде на ж. д. не принимать»²⁸⁸.

Исходя из убеждения, что единственной силой способной сохранить империю, являлась «сильная, ничем не ограниченная, ни от кого, кроме Бога, не зависящая, а потому нелюбимая государственная власть», черносотенцы настаивали на увольнении потакавших революционному движению инородцев с государственной службы. В частности, состоявшийся в 1906 г. в Киеве III Всероссийский съезд русских людей в принятой программе уделил данному вопросу отдельный пункт, в котором было зафиксировано требование, чтобы при замещении должностей в центральных государственных учреждениях предпочтение отдавалось «коренным русским людям», а число инородцев, занимавших штатные и сверхштатные должности, не превышало пяти процентов²⁸⁹.

Особое внимание уделялось чистке госаппарата в неспокойных окраинах. В октябре 1908 г. они просили удалить с Кавказа всех должностных гражданских лиц и заменить их русскими людьми, преданными престолу и отечеству²⁹⁰. Черносотенцы с удовлетворением констатировали, что назначение в правительство националистически настроенных Н. А. Маклакова, С. В. Рухлова и И. Л. Горемыкина привело к тому, что «страна успокаивается, жизнь входит в нормальную колею; повышается экономическая деятельность»²⁹¹.

Возвращение стратегических отраслей хозяйства (железнодорожное, морское и военное ведомства) в руки носи-

телей традиционных устоев обуславливалось интересами национальной безопасности. Крайне правые подозревали, что в условиях чрезвычайной ситуации или военного времени инородцы могли парализовать транспортную жизнь страны. Особое их беспокойство вызывала сложившаяся ситуация на Юго-Западных, Северо-Западных, Полесских и Кавказских железных дорогах. Обращаясь к правительству с ходатайством очистить «весь персонал Владикавказской железной дороги от евреев, армян и поляков и заменить их русскими людьми, преданными престолу и Отечеству, так как Кавказ в переживаемое время требует твердой и непоколебимой охраны», черносотенцы нередко находили понимание. Их обеспокоенность разделял министр путей сообщения С. В. Рухлов, принявший меры к очистке железных дорог от «изменников и вообще от таких элементов, которые в нужный момент могут и склонны принести вред государству»²⁹². Оценивая стремление С. В. Рухлова наполнить железные дороги русскими по составу служащими, крайне правые приветствовали его «глубоко-националистическую» деятельность²⁹³.

Из соображений государственной безопасности крайне правые просили царя в октябре 1908 г. устранить зависимость русской судопромышленности от иностранного присутствия: «Издrevле славянское море Черное — ныне обслуживается судами исключительно иностранных и инородческих владельцев, с иностранными капиталами и с чужеземной командой. Даже добровольный флот, созданный на народные копейки... управляется лицами с иностранными фамилиями. Внешний враг не дремлет. Что будет, если торговый флот призовется в военное время на защиту?»²⁹⁴. Помимо этого черносотенцы требовали не допускать инородцев к казенным подрядам, тем более касавшихся армии и флота.

Подходы черносотенных организаций к решению «инородческого вопроса» являлись производной их отношения к проблемам «охранения» истинно русских начал, выражен-

ных в формуле «Православие, самодержавие, народность», а также целостности Российской империи. Исходя из принципа дифференцированного подхода к инородцам (т. е. деления на дружественных и враждебных), определялся их правовой статус.

Лояльные инородцы могли претендовать на равноправие с державным народом, национальную самобытность, самоуправление и ряд других привилегий первенствующей русской нации²⁹⁵. В постановлениях III частного совещания представителей отделов Союза русского народа, состоявшегося в марте 1909 г. в Ярославле, заявлялось, что не посягающие на первенствующее положение державного народа национальные меньшинства пользуются «общими правами с коренным населением...»²⁹⁶. Наряду с равноправием гарантировалось право на законное обращение: «...дабы множества инородцев, живущих в нашем отечестве, считали за честь и благо принадлежать к составу Российской империи и не тяготились бы своей зависимостью», — говорилось в Основоположениях СРН²⁹⁷.

В отличие от националистов черносотенцы не ставили предоставление инородцам равных гражданских прав в зависимость от их полной политической и культурной русификации. Наоборот, декларировалось право на национальную самобытность. Так, в программе Союза русского народа заявлялось, что Союз «не только не желает нарушать самобытность населяющих Российскую империю нерусских народностей и оставляет им вполне неприкосновенными их веру, язык, быт, благосостояние и землю, но признает особую общественность для народностей, живущих на окраинах и имеющих там свою коренную и определенную племенную оседлость»²⁹⁸. Крайне правые подчеркивали, что проводимая ими «объединительная политика теснейшего единения с окраинами» не должна отражаться «неблагоприятным образом ни на культурном и экономическом развитии национального края, ни на чувствах его населения к России».

Дружественные инородцы могли также рассчитывать на самоуправление при жестком контроле имперских властей, дабы «это самоуправление нигде не клонилось к ущербу русских народных интересов — религиозных, умственных, хозяйственных, правовых и политических», утверждалось в распространенном в ноябре 1905 г. обращении Русского собрания²⁹⁹. Степень возможного расширения прав инородцев в области местного самоуправления находилась в пропорциональной зависимости от степени их лояльности центральным властям. В частности, состоявшийся в апреле 1906 г. в Москве II Всероссийский съезд русских людей постановил предоставить Эстонии и Латвии местное самоуправление для нейтрализации усиливающейся колонизации Прибалтийского края со стороны немцев³⁰⁰.

Градация национальных меньшинств на дружественных и враждебных определяла их правовой статус и степень правовой защищенности. Идеологи черной сотни выражали готовность наделять равными с державным народом правовыми гарантиями тех инородцев, которые не противопоставляли себя общегосударственным интересам. В программах правомонархических организаций устанавливался строгий критерий предоставления или лишения гражданских прав: «Все инородцы, входящие в состав Российского государства, пользуются общими правами с коренным населением, но до тех только пор, пока не вторгаются в жизнь русского народа или не делают попыток присвоить себе главенство над этим коренным населением», — говорилось в постановлении III Частного совещания Союза русского народа.

Наоборот, при проявлении нелояльности права инородцев должны быть пропорционально ограничены: «Ныне, когда наносимый евреями русскому народу и русской государственности вред столь ярко выразился, права евреев не только не должны быть ни в коем случае расширяемы, но должны быть ограничены специальными законами, причем необхо-

димо самое строгое наблюдение за исполнением запретительных законов о евреях»³⁰¹.

Именно по линии отношения к инородцам пролегла разница между черносотенной и националистической доктринами. Если черносотенцы выступали за интегративную политику приобщения инородцев к русской государственности, а ограбление завоеванных инородцев англичанами ими рассматривалось как проявление средневекового варварства, то для националистов колониальный грабеж был примером для подражания³⁰². Националисты предлагали структурировать отношения с инородцами по принципу «завоеватель — завоеванный», что в результате восстановило бы их против русского народа как эксплуататора. Условиями же предоставления национальным меньшинствам равноправия с державным народом, по мнению идеологов национализма, должны были являться их полная политическая русификация и культурное слияние с русским народом³⁰³. Невозможность достижения в обозримом будущем столь утопических планов обрекала национальные меньшинства на перманентную ограниченность в правах.

В рамках имперской системы не только инородческий национализм представлял опасность для политической стабильности, но и русский, так как обособление и изоляционизм державного народа неизбежно вели к самоустранению от выполнения объединяющей и лидерской функции. По утверждениям черносотенной прессы, попытки П. А. Столыпина реализовать образец западного национализма вел не к собиранию России, а к разобщению и искусственному изоляционизму народов и, как следствие, распаду империи. «...Он гонит нас искусственно ко временам Калиты и удельно-вечевому периоду, а это — наша гражданская смерть», — заявлял лидер СМА В. М. Пуришкевич³⁰⁴. С другой стороны, наличие русского национализма отталкивало инородцев от участия в судьбе общей русской государственности, воспитывая в мыс-

ли о чуждой России и толкая к собственному национальному самоопределению.

Специфика подходов крайне правых к проблеме приобщения инородцев к русскому культурно-историческому обществу становится ясной в сравнительном анализе с позицией националистов. Если общность двух доктрин состояла в признании негативного влияния враждебных инородцев на современную политическую ситуацию в России, то разность наступала в вопросе возможности устранения их негативных качеств. Воззрения националистов основывались на фактической неустранимости присущих инородцам отрицательных черт, в силу исторической и «органической» обусловленности последних. Черносотенцы не теряли надежды на возможность «перековать» и «влиять» инородцев в русскую семью. Из данного посыла следовал разный смысл, который обе партии вкладывали в понятие русификации. Если для националистов конечной целью русификации выступала абсолютная культурно-бытовая утрата инородцами их национальных черт³⁰⁵, то черносотенцы ограничивались политической формой русификации, целью которой являлось признание национальными меньшинствами приоритета базовых ценностей русской цивилизации (православие, самодержавие, народность) в качестве наднациональных и их слияние с интересами российской государственности.

Разъясняя смысл русификации, в мае 1909 г. газета «Русское знамя» отмечала, что под ней надо понимать объединение «различающихся по языку и обычаям российских граждан в одно целое», создание общероссийской гражданственности на базе объединения инородных граждан с господствующей народностью³⁰⁶. Через два года газета уточнила, что в результате русификации инородцы должны были признавать своим отечеством единую Россию, а не малую родину, имеющую обособленные интересы³⁰⁷. Приводились и положительные примеры русификации: «Кто составляет гордость России, кто с честью

и полным правом может назвать себя ее родным сыном? Наши поэты: Пушкин — потомок арапа, Лермонтов — потомок шведа; наши патриоты: Грингмут — немец, Крушеван — молдаванин. Мыслимо ли было оттолкнуть этих преданнейших Родине и царю людей, мыслимо ли было применить к ним зоологический национализм П. А. Столыпина?»³⁰⁸. Здесь черносотенцы противопоставляли классическому национализму, под коим понимали любовь только к своему народу, свой патриотизм, — любовь к общему Отечеству.

Отличительной чертой черносотенного толкования русификации являлось сохранение инородцами собственной культурной и бытовой самобытности. Реализуя политическую русификацию, черносотенцы не ставили цели сознательного насаждения культурных и бытовых свойств державной нации. Ю. И. Кирьянов подчеркивал, что СРН не желал нарушать самобытность населяющих Российскую империю нерусских народностей и оставлял неприкосновенными их веру, язык, быт, благосостояние и землю, а также признавал особую общественность для народностей, живущих на окраинах и имеющих там свою коренную и определенную племенную оседлость³⁰⁹. Наконец, Союз русского народа заявлял, что все нерусские народности, имеющие исконную племенную оседлость в коренной России и живущие извечно среди русского народа, он признает равными себе, своими верными и добрыми соседями, друзьями, сородичами, причем из иноверцев выражал свое благорасположение мусульманам.

В связи с тем, что правомонархическая идеология носила охранительный и оборонительный характер, под русификацией нельзя понимать ассимиляцию инородцев из-за возможного возникновения обратного влияния — ассимилируемых на ассимилирующих. Черносотенная пресса неоднократно писала о том, что полная культурно-бытовая русификация нецелесообразна в связи с угрозой перерождения исконно русских духовных начал. Ассимиляция инородцев могла при-

вести к утрате русского национально-культурного типа или «славного национального облика»: «Зачем же нас, исторических первенцев нашей родины, стараются чуть ли силами всего света привести к слиянию, к смешению со всеми племенами без различий!». Это не столько угрожало существованию «кровной народной семьи», сколько ставило под сомнение мессианскую роль русского народа, который «вот уже более тысячи лет служит высшим мировым идеям и потому имеет право на самостоятельное существование»³¹⁰.

С точки зрения консервативного подхода к определению понятия «истинно русский человек», под которым понимался православный монархист, необходимости в кровном всесмешении не было. Выражение «обрусить инородцев» означало не ассимиляцию их русскими, а превращение их в истинных защитников российского политического строя³¹¹. Русификация рассматривалась не как право сильного народа ассимилировать покоренные народы, но выполнение цивилизаторской миссии и возложенной свыше исторической обязанности³¹². Мессианские задачи русского народа в среде инородцев четко сформулировал идеолог монархического движения Л. А. Тихомиров: «Русская национальность есть мировая национальность, никогда не замыкавшаяся в круге племенных интересов, но всегда несшая идеалы общечеловеческой жизни, всегда умевшая дать место в своем деле и в своей жизни множеству самых разнообразных племен. Именно эта черта делает русский народ великим мировым народом и, в частности, дает право русскому патриоту требовать гегемонии для своего племени»³¹³.

Какими же методами предполагалось осуществить политическую русификацию инородческого населения? В расширенном виде методы русификации разработал состоявшийся в апреле—мае 1907 г. в Москве IV Всероссийский съезд объединенного русского народа, к которым он отнес следующие. Во-первых, предоставление комфортных усло-

вий для миссионерской деятельности РПЦ: «Православная церковь, как господствующая в Российской империи, должна иметь на окраинах соответственное внешнее выражение, не говоря уже, разумеется, о беспрепятственном или отнюдь не умалительном, в чем бы то ни было, проявлении ее внутренней жизни, при соответственном развитии оной». Во-вторых, внедрение среди инородцев русского образования: «Правительственная школа, являясь могучим фактором объединения окраин с Центром России, должна ставить основную целью своей деятельности, кроме общеобразовательных задач, также и укрепление в сознании учащихся мысли о том, что они, прежде всего, подданные Русского государства и лишь затем уже финляндцы, латыши, поляки, армяне, литовцы и др., — а равно и заботиться о водворении среди инородцев правильных взглядов на русскую жизнь, правды о русском народе, его прошлом и настоящем...». В-третьих, распространение русского языка (при сохранении самобытного): «Государственным языком должен быть на окраинах один только русский язык, как язык власти, администрации, войска, суда и школы, причем областью местных языков может быть лишь семья, литература, церковь»³¹⁴.

Реализация программы по приобщению национальных меньшинств к российской государственности должна была осуществляться посредством мер законодательного регулирования, не допуская каких-либо насильственных и репрессивных средств. Крайне правые реально оценивали сложность межнациональных отношений в империи и твердую приверженность жителей окраин своим национальным традициям. Поэтому вопрос о полной культурно-бытовой ассимиляции ими не ставился. Главную свою задачу они видели в том, чтобы сформировать из пестрой массы населявших империю народов защитников самодержавной монархии и устоев традиционного общества.

§ 4. Отношение к погромным методам решения еврейского вопроса

Черная сотня получила широкую известность благодаря массовым контрреволюционным и антиеврейским выступлениям, прокатившимся по Российской империи в октябре 1905 г. До сих пор сюжеты, связанные с погромной темой, остаются дискуссионными как в научной литературе, так и в публицистической. Дореволюционные либеральные и советские исследователи данной темы утверждали, что террор и массовые убийства являлись одним из основных средств тактической деятельности крайне правых при реализации программных установок их союзов. Фокусирование внимания на черносотенном терроре, одной из форм которого выступали погромы, давало основание ставить знак равенства между правомонархистами и фашистами³¹⁵. За рамками рассмотрения оставалась разность идейных основ двух течений. Если крайне правый антисемитизм, уходящий корнями в глубь веков, носил религиозный характер, ставя целью защиту христианской и национальной традиции в сфере борьбы идей, то фашистский антисемитизм опирался на псевдонаучные расистские теории, обосновывавшие геноцид расово неполноценных народов.

Верно ли приписывать консервативному по своему идейному содержанию правомонархическому движению насильственную практику решения еврейского вопроса, присущего фашизму?

В исторических исследованиях и публикациях, посвященных средневековому антисемитизму, традиционно выделялись и дифференцированно анализировались три составных элемента христианского общества, являвшихся источником гонений еврейской общины: государство, церковь и простой народ (толпа)³¹⁶. Либеральная и советская историография была неоригинальна, обвинив в инспирации погромов самодержавие и его репрессивный аппарат, консервативную часть

православного духовенства и руководствовавшиеся разрушительными инстинктами отсталые и темные массы. По мнению дореволюционных авторов В. О. Левицкого³¹⁷, В. И. Ленина³¹⁸, Е. Маевского³¹⁹, контрреволюционные и антиеврейские выступления в октябре 1905 г. были организованы российскими властями и реализованы под их покровительством черносотенцами.

Начиная с середины 20-х гг. XX в. данная точка зрения стала общепризнанной и в советской историографии, в которой погромы трактовались как реакция властей на революционный напор, использовавших недовольство некоторой части российского общества ухудшением социально-экономической ситуации в стране в результате революции³²⁰. Позднее советская историография (В. В. Комин, Л. М. Спиринов, А. Я. Аврех³²¹) давала погромному движению классовую оценку, утверждая причастность к организации насилий властей и правомонархических структур³²². Более подробный анализ трудов авторов указанных периодов дан в историографической работе Д. В. Карпухина «“Черная сотня”». Вехи осмысления в России»³²³.

Исходя из имеющихся в исторических исследованиях указаний на причастность к контрреволюционным выступлениям властей, РПЦ и правомонархических организаций, попытаемся рассмотреть их роль в трагических событиях в октябре 1905 г.

1. Власть как организатор контрреволюционных и антиеврейских выступлений. Данная точка зрения имеет ряд слабых мест по следующим соображениям. Во-первых, отсутствие документальных материалов в федеральных и местных архивах о причастности к погромам центральных и местных властей ставит версию об их руководящей роли под сомнение. Участие правительственных структур в организации кровавых бесчинств требовало длительной подготовки и тщательной организации исполнительного аппарата на местах. Однако архив-

ные документы, равно как и мемуарные свидетельства царских сановников, на этот счет отсутствуют. Даже представители либерального крыла правительства, разоблачившие в послереволюционный эмигрантский период многие тайные происки своих консервативных коллег, не оставили никаких намеков. Все сведения о причастности властей к погромам исходят только из либерального и революционного лагерей. Данные обстоятельства привели С. А. Степанова к выводу о том, что «в распоряжении исследователей пока нет данных о существовании единого центра, руководившего погромами»³²⁴.

Не находит своего документального подтверждения и якобы имевшая место связь властей с непосредственными исполнителями погромов. Наоборот, всесильный сановник граф С. Ю. Витте, управлявший Россией в кровавые октябрьские дни 1905 г., высказывал крайне негативное отношение к «погромной» черной сотне: «Эта партия в основе своей патриотична... Но она патриотична стихийно, она зиждется не на разуме и благородстве, а на страстях. Большинство ее вожakov политические проходимцы, люди грязные по мыслям и чувствам, не имеют ни одной жизнеспособной и честной политической идеи и все свои усилия направляют на разжигание самых низких страстей дикой, темной толпы... Она, представляя собой дикий, нигилистический патриотизм, питаемый ложью, клеветой и обманом, и есть партия дикого и трусливого отчаяния, но не содержит в себе мужественного и прозорливого созидания...»³²⁵.

Вышеуказанные строки вряд ли могли принадлежать человеку, который как председатель Совета министров должен был принимать непосредственное участие в подготовке «кровавой бани». Кстати, той же монетой платили С. Ю. Витте и крайне правые, характеризуя его как «жидовского ставленника», непосредственно причастного к революционной вспышке 1905 г. В частности, орган Ярославского отдела СРН (далее ЯО СРН) газета «Русский народ» утверждал, что бывший

премьер-министр в молодости был завербован «Всемирным еврейским кагалом», который выдвинул его на политическую арену и помогал в продвижении по служебной лестнице с «целью бесчестия России»³²⁶. В вину Витте ставилось и то, что он женился на еврейке, отец которой был ветхозаветным талмудистом, не признававшим православия³²⁷.

Со своей стороны, лидеры Союза русского народа открещивались от навязанной им противниками роли орудия правительства в наиболее «неприятных» вещах: «Обвиняют Союз в том, что он «прислуживает» правительству, между тем он не правительственная партия...»³²⁸.

Во-вторых, передача функций решения внутренних проблем в третьи руки была несвойственна самодержавной монархии, пытавшейся самостоятельно контролировать все происходящие в обществе процессы. По этой причине организация погромов «сверху» противоречила природе идеократического государства, для которого в принципе неприемлемо использование «неформальных» организаций (т. н. организаций прикрытия) для насилия против политических противников. С. В. Лебедев утверждал, что даже в критической обстановке правительственные органы не пытались опираться на лояльные властям общественные группы, продолжая делать ставку на подавление революционных выступлений силами правоохранительных структур³²⁹. Исследователем приводится ответ премьер-министра С. Ю. Витте на предложение одного из предводителей дворянства создавать на местах органы порядка из верноподданных сил: «Ну, знаете! Довольно мне ваших общественных сил! У меня на местах имеются свои верные агенты — исправники, станковые и прочие чины полиции. Поверьте, их совершенно достаточно, чтобы провести в жизнь все свои указы и распоряжения»³³⁰.

Допустить массовые убийства не мог и русский император в силу религиозного склада личности, о чем свидетельствовала его негативная реакция на предложения правых исполь-

зовать «Протоколы сионских мудрецов» для антиеврейской пропаганды. Николай II отказался санкционировать чисто пропагандистскую операцию³³¹, поэтому сомнительна его поддержка предложения пролить кровь тысяч подданных.

В-третьих, погромы происходили не из-за участия властей в их инспирировании, а из-за их самоустранения от выполнения государственных функций. Об этом свидетельствуют многочисленные мемуарные и документальные свидетельства представителей органов власти и царских сановников. Подготовленный в условиях строгой секретности Манифест был неожиданностью для местных властей. Резкая смена правительственного курса ошеломила губернаторов и полицмейстеров, которые оказались в полном замешательстве: разгонять ли митинги и демонстрации войсками и полицией, как это было ранее, или предоставить общественности (как левой, так и правой) полную свободу действий, как того требовал Манифест. В частности, 18 октября 1905 г. ярославский губернатор Рогович в панике запрашивал у Министерства внутренних дел разъяснений: «Остается ли в силе за изданием Манифеста 17 октября высочайший указ сенату от 12 октября о порядке устройства народных собраний» и «будут ли особые распоряжения о снятии цезуры с подцензурных изданий или надо считать ее отмененной»³³². Ответ на запросы пришел только 20 октября и состоял из одной строки «Указ 12 октября... остается в силе»³³³, что свидетельствует о замешательстве и центральных властей. Данное обстоятельство неудивительно ввиду того, что и сам министр внутренних дел узнал о Манифесте «одновременно с прочими столичными обывателями»³³⁴. Общее состояние администрации выразил опытный сановник К. П. Победоносцев в письме от 1 декабря 1905 г.: «Власти нет никакой!»³³⁵.

Результатом «шокирующего» Манифеста, по мнению С. А. Степанова, стало «умышленное самоустранение» администрации на местах по отношению к последующим кровавым

событиям, в том числе погромам³³⁶. Так например, уже вечером 18 октября ярославский губернатор Рогович написал министру внутренних дел Булыгину прошение об увольнении его с должности ярославского губернатора, мотивируя это тем, что он «совершенно непригоден оставаться на службе при наступивших обстоятельствах». В прошении Рогович признавался: «...представляя твердь сложившихся, строго консервативных взглядов, я в 47 лет не могу переделать и... исполнять эту должность я мог успешно до тех пор, пока мои обязанности оставались в согласии с моими политическими убеждениями»³³⁷.

Позицию невмешательства в происходившие после получения известий о Манифесте и объявленных свободах события занял и костромской губернатор. Многочисленные свидетели констатировали полную растерянность и пассивное отношение к столкновениям революционных манифестантов с традиционалистами чинов местной администрации, полиции и казаков. Отмечалось также, что костромская администрация не приняла никаких мер к разгону как революционных манифестаций, так и усмирению «расходившейся черни» и защите жертв. Батальон пехоты, полусотня казаков участвовали в качестве зрителей, а полиция в качестве «неискусных санитаров»³³⁸.

После столкновений революционных манифестаций и патриотических шествий паралич властных и силовых структур заставлял общественность браться за наведение порядка самостоятельно. В частности, по постановлению Ярославской городской думы 21 октября 1905 г. в городе начала создаваться общественная милиция, численностью 900 человек³³⁹, костяк организации составили члены вольнопожарного общества, общества хоругвеносцев, любителей охоты, «лучшие из рабочих и ремесленников»³⁴⁰.

Архивные документы свидетельствуют, что именно самостранение и бездействие губернских властей на фоне антиправительственных выступлений вызывали у традиционалистской части населения желание самостоятельно навести

порядок на улицах городов и сел. Ростовский уездный исправник изложил в своем рапорте рассуждения крестьян, принявших участие в разгоне революционных манифестаций: «Все забастовщики — революционеры. Они приносят вред всему русскому народу, потому что Царь дал народу много льгот и скоро даст землю. Власти бездействуют, ибо не арестовывают забастовщиков, значит власти... служат революционерам... и потому народ-крестьяне сами должны помочь Царю и своей силой заставить забастовки прекратить и не допускать никаких митингов в городах, где все говорят против Царя»³⁴¹.

Вероятно, что оказавшись в полной политической изоляции, администрации на местах пытались использовать последовавшие вслед за изданием Манифеста верноподданные демонстрации для нейтрализации революционных беспорядков. В частности, в Ярославле антиправительственное шествие остановил губернатор Рогович, который потребовал убрать красный флаг и разойтись³⁴². Когда студенты пожаловались ему на действия участников верноподданнической демонстрации, пытавшейся помешать их движению, Рогович закричал: «Мало вас бьют!.. Мерзавцам так и нужно... Если будете ходить с флагами, вас будут еще бить. Я разгромлю вашу партию, а не черносотенцев»³⁴³. В ответ на это из толпы демонстрантов раздался выстрел, направленный в губернатора, но ранивший участника патриотического шествия торговца Жаворонкова³⁴⁴. Губернатор приказал разогнать демонстрацию. Казаки и примкнувшие к ним участники патриотического шествия начали «всеобщее избивание»³⁴⁵.

В-четвертых, участие властей в организации погромов было маловероятно ввиду неодобрительного к ним отношения реформаторского крыла правительства, нанесшего сокрушительный удар по идеократической сущности царского самодержавия посредством Манифеста 17 октября и учреждения ограничившей власть царя Государственной Думы. В реальности для господствовавшей «космополитической» ча-

сти бюрократии, среди которой были лица, сочувствовавшие либеральной оппозиции, погромщики и революционные демонстранты одинаково воспринимались как нарушители порядка³⁴⁶. Власти жестоко расправлялись и с теми, и с другими. Участникам погромов достаточно часто приходилось ощущать на собственных спинах удары казацких нагаек³⁴⁷.

Правительственный аппарат был заинтересован в стабилизации общественно-политической обстановки и укреплении общественного порядка в стране: «буйства толпы» могли накалить атмосферу и вызвать негативную реакцию из-за рубежа. основополагающей линией власти и в XIX, и в начале XX вв. было жесткое подавление любых попыток «возбуждения одной части населения против другой». Данная политика была унаследована и председателем Совета министров П. А. Столыпиным, который в разосланной в феврале 1907 г. телеграмме требовал от губернаторов: «Ввиду полученных сведений, что на 14 февраля ожидаются будто бы повсеместно еврейские погромы, прошу принять самые решительные меры к предупреждению всякой возможности осуществления сего»³⁴⁸. Другой циркуляр главы правительства от 26 сентября 1907 г. рекомендовал губернаторам применять к черносотенным вождям на местах «меры нравственно-го влияния»: «...внушать им, что правительство ищет в них безусловно лояльной поддержки и потому отнесется враждебно ко всяким начинаниям этих кружков, заключающих в себе элементы... вражды, террористические предприятия и ...принимать все меры к организации и дисциплинированию таких групп путем примирения их на почве устранения программных крайностей. При этом нельзя не отметить, что раздававшиеся уже голоса о необходимости вооружения за казенный счет... не должны встречать сочувствия»³⁴⁹.

Несмотря на отсутствие прямых сведений о причастности к погромам властей, снимать ответственность с правительственного аппарата за происходившее на просторах Рос-

сийской империи нельзя. Данное обстоятельство понимали и правомонархисты, присоединившиеся к либеральному и революционному лагерям в критике административных структур за произошедшую трагедию. В вину «космополитической» бюрократии ставилось то, что при разделах Польши в XVIII в., приведших к включению в состав Российской империи территорий со значительным количеством еврейского населения, она оказалась неспособной спрогнозировать возможные последствия соприкосновения столь разных по религиозной традиции и ментальности народов. В адрес бюрократического аппарата бросался упрек об игнорировании исторического опыта, свидетельствующего, что отсутствие защитных механизмов повсеместно приводило к кровавым бесчинствам. «Русское знамя» писало, что король Лешек в IX в. разрешил евреям жить в Польше и тем заложил основы для будущих погромов. В Испании король Петр Жестокий благоволил евреям, «народ стонал под игом их, — и устраивал многократные погромы, пока не выгнал их совсем». Не избежали той же участи Франция, Португалия, Германия, Италия, Швейцария и Австрия — везде правительства допускали евреев, а через «десятки и сотни лет случалось одно несчастье — наступали смуты и погромы»³⁵⁰.

По мнению крайне правых, благоприятную почву для погромов формировала коррупция власти. Монархисты указывали, что погромы встречались там, где евреи сумели развратить администрацию подкупами и взятками в стремлении поставить себя в более выгодное по сравнению с коренным населением положение. Именно попустительство евреям внука Ярослава Мудрого — Святополка II Изяславовича (1093—1113) привело к еврейскому погрому в Киеве после его смерти: «...вельми сребролюбив... жидам многие пред христианы вольности дал, чрез что многие христиане торгу и ремесел лишились». Жители города обратились к новому правителю — Владимиру Мономаху с просьбой найти «управу на жидов» в связи с массовым

разорением коренного населения. 1124 год, когда на созванном Владимиром Мономахом общем совете князей было принято решение об изгнании евреев, стал для черносотенцев точкой отсчета истории антисемитизма в России. Выселение евреев, ставшее примером «мудрого» решения еврейского вопроса, по заявлению газеты «Русское знамя» на долгие годы внесло социальную гармонию в общество³⁵¹.

С другой стороны, крайне правые обвиняли власть в том, что она отказывалась делать правильные выводы о причинах имевших место в России в XIX в. и в других странах погромов, игнорируя корень бед и возлагая вину только на их участников. «Администрации и в голову не приходило, что виновен в погромах не народ, вынужденный реагировать на паразитство пришельцев, а она сама, благодаря попустительству и халатности по отношению к интересам своего народа», — писало «Русское знамя»³⁵². Крайне правые возмущались: «По слабости ли, по алчности ли, по беспечности или умственной слепоте, они допускали в страну это мировое несчастье — евреев. А потом заявляли еще народу, что виновники погромов будут караться»³⁵³.

2. РПЦ как организатор контрреволюционных и антиеврейских выступлений. Как указывает в своем исследовании по проблемам христианского антисемитизма Ю. Табак³⁵⁴, существенным отличием антисемитской политики в христианских странах являлась значительно меньшая роль Русской Православной церкви в инспирации антиеврейских настроений в сравнении с Православной церковью Византии, Римско-католической церковью раннего и позднего Средневековья и протестантскими деноминациями Западной Европы. По мнению Ю. Табака, РПЦ не могла выступать гонителем евреев в силу своего подчиненного государству положения как Ведомства православного исповедания. Даже в досинодальный период, когда церковь сохраняла относительную самостоятельность, в решениях высших органов церковной власти (постановления

поместных и архиерейских соборов, указы патриарха и т. д.) антиеврейская политика официально ею не декларировалась и не инициировалась. Все антисемитские решения, в т. ч. и касающиеся сугубо религиозных вопросов, в эпоху патриаршего правления и в синодальный период принимались государственными органами управления в лице великих князей, царей, императоров, правительственных комитетов и министерств. Ю. Табак указывает, что РПЦ можно критиковать за отсутствие шагов в защиту гонимых евреев (в силу полной подчиненности государству в синодальный период), но целенаправленная антиеврейская политика ей присуща не была в силу отсутствия в церкви теологического обоснования для массовых насилий³⁵⁵.

В начале XX в. Синод не заявлял своей официальной позиции по вопросам антисемитизма, поэтому формирование отношения к евреям было отдано на откуп самим иерархам. В результате этого священство и верующие разделились на две основные группы. С одной стороны, в церкви оставались сильны позиции консервативных священников, активная политическая деятельность которых вызывала «наверху» раздражение. Приобретший широкую известность в России своим участием в деятельности Союза русского народа иеромонах Иллиодор не только не сделал головокругительной карьеры, но и подвергался преследованиям со стороны вышестоящих «отцов»³⁵⁶. Отсутствуют и документальные данные об участии в массовых насилиях представителей православного духовенства (за крайне редким исключением).

С другой стороны, в начале XX в. сформировалась достаточно влиятельная группа священнослужителей, являвшаяся поборником обновления церковной жизни, решительно осуждавшая антисемитизм и принимавшая активное участие в политической жизни. В церкви как и во всем обществе намечался глобальный раскол. В революционные годы во многих городах империи (например, в Ярославле и Костроме) имен-

но семинаристы становились в первых рядах демонстраций с красными флагами³⁵⁷.

В целом с некоторыми оговорками можно сказать, что Русская Православная церковь в предреволюционные десятилетия не выступала с четкой позицией по еврейской проблематике. Отсутствие консолидации в церковных кругах в вопросе об отношении к евреям и их роли в русской политике подрывало базу для формирования единого внутрицерковного антисемитского фронта. Об этом открыто заявляла черносотенная пресса: «...при нынешнем общем жидонезнании, жидонепротивлении и невмешательстве она (РПЦ. — М. Р.) не берется показать той сплоченности, чтобы этим помочь царю спасти Русь»³⁵⁸. Именно в результате внутреннего «семейного разлада», по мнению черной сотни, церковь упустила возможность выступить с осуждением как революции 1905 года, так и факта участия в ней евреев³⁵⁹.

3. Правомонархические организации как организаторы контрреволюционных выступлений и еврейских погромов. Проблема участия крайне правых союзов в организации октябрьских погромов 1905 г. до сих пор остается дискуссионной. В советской и западной историографии традиционно проводилась прямая связь между погромами и правомонархическими союзами.

На современном этапе сформулировано несколько концептуальных подходов к данной проблеме, подробно проанализированных в историографической работе Д. В. Карпухина «Черная сотня. Вехи осмысления в России»³⁶⁰. Сторонники первой точки зрения (А. И. Стеценко, А. П. Толочко, Р. Ш. Ганелин) разделили точку зрения советской историографии позднего периода о том, что погромы были осуществлены черносотенцами при организующей роли властей³⁶¹. В частности, А. П. Толочко утверждал, что погромы дали толчок для организационного объединения имевшихся в регионах сторонников помещичье-монархической идеологии³⁶². Той же точки зрения

придерживается и Е. Л. Бузмаков указывавший, что, несмотря на отсутствие на местах правых партий, устроители массовых насилий по своим идейным взглядам являлись черносотенцами³⁶³. С. В. Лавриков считает, что в некоторых регионах страны на момент погромов уже функционировали находившиеся в стадии формирования структуры крайне правых, которые и стали движущей силой массовых насилий³⁶⁴. После октябрьских бесчинств они организуются в правомонархические союзы, что и дает основание вышеуказанным исследователям утверждать «черносотенный» характер погромов.

Сторонники второй точки зрения (С. А. Степанов, А. Е. Язынин, М. В. Станкова), применив многофакторный подход и проанализировав экономические, социальные и психоментальные факторы, пришли к выводу о недостаточности сведений, указывавших на прямую причастность к организации массовых насилий царских властей и правомонархических организаций³⁶⁵.

Несмотря на господствующую точку зрения, в работах А. В. Лебедева, И. В. Омелянчука и др. оспаривается устоявшееся мнение о «черносотенном» характере погромов, т. к. на момент октябрьских погромов 1905 г. правомонархические союзы в большинстве своем не существовали и не имели возможностей для мобилизации масс на антиреволюционные выступления³⁶⁶. Ю. И. Кирьянов указывал, что отправной точкой массового проявления черной сотни на политической арене является Манифест 17 октября 1905 г.: «Хронологические рамки деятельности названных правых партий в России достаточно ясны. Начальная грань — это время образования всероссийской организации СРН непосредственно после издания Манифеста 17 октября 1905 г.»³⁶⁷.

Высказанное А. В. Лебедевым, И. В. Омелянчуком и Ю. И. Кирьяновым мнение подтверждается анализом политической ситуации в губерниях Верхнего Поволжья. В октябре 1905 г. здесь отсутствовали организационные структуры

каких-либо правомонархических объединений. Создание в конце ноября 1905 г. в Ярославле местного отдела СРН родило волну слухов о готовящемся в декабре новом погроме. Однако, несмотря на появление черносотенной организации, записывать на ее счет кровавые планы представляется не вполне правильным по нескольким причинам: на тот момент крайне правое движение еще не приобрело организованного характера, способного на проведение активных насильственных действий; в источниках отсутствуют сведения о конкретных лицах из числа крайне правых, которые бы делали какие-либо провоцирующие толпу заявления (наоборот, руководство крайне правых открещивалось от планов проведения массовых избиений евреев)³⁶⁸; правомонархисты были заинтересованы в стабилизации общественно-политической ситуации в регионе, что отражало точку зрения властей, опорой которой они себя позиционировали. По нашему мнению, погромные слухи родились и тиражировались в среде революционных партий как реакция на процесс создания враждебных организаций и активно использовались ими для дискредитации политического противника. Данную версию подтверждает то обстоятельство, что все сведения о предполагающихся погромах исходят из революционного лагеря³⁶⁹.

Действительно, обвинения правомонархических союзов в организации еврейских погромов, прокатившихся по стране после опубликования Манифеста 17 октября, не находят безусловного подтверждения по следующим причинам.

Погромное движение хронологически проявляется раньше организационного оформления крайне правых объединений. На данное обстоятельство указывают А. В. Лебедев, И. В. Омелянчук, Ю. И. Кирьянов и др.³⁷⁰ Столкновения монархистов с революционерами в октябре 1905 г. произошли еще до образования наиболее влиятельного Союза русского народа, имевшего наибольшее количество отделений на местах. Существовавшее на тот момент Русское собрание, объединявшее консервативное

крыло русского «образованного общества», ориентировалось лишь на идеологическое противостояние с врагами «устоев»³⁷¹. Появившиеся весной 1905 г. Русская монархическая партия и Союз русских людей находились в стадии формирования и не обладали достаточной мощью выступить организаторами погромов по всей империи. Это вынуждены были признавать и видные деятели кадетской партии, утверждавшие, что в октябре 1905 г. отсутствовали партии правее конституционно-демократической, а кадровый костяк монархических организаций находился в распыленном состоянии³⁷². На это хронологическое несоответствие указывали и сами крайне правые. Черносотенная газета «Земщина» заявляла: «Левая печать, обвиняя Союз (имеется в виду Союз русского народа. — М. Р.) в устройстве жидовских погромов, сознательно закрывает глаза на то обстоятельство, что главная полоса погромов относится к тому времени, когда Союз и не существовал. А последний белостокский погром имел место тогда, когда там не было отдела Союза. Обвиняют в политических убийствах Союз, который на расстрелы членов его революционерами отвечал панихидами, который под бомбами и градом пуль шел за крестным ходом»³⁷³.

Отсутствие документальных подтверждений причастности правомонархических организаций к погромам. О непричастности черносотенных союзов к погромам свидетельствует отсутствие подтверждающих архивных материалов. Проведенное по кровавым следам следствие в отношении участников погромов не установило чьей-либо организующей и направляющей роли. Все сведения об участии членов черносотенных организаций в погромах исходят из либеральной и революционной литературы, заинтересованной в дискредитации политического противника. Даже негативно относившийся к черной сотне и весьма информированный премьер-министр С. Ю. Витте, управлявший Россией в кровавые октябрьские дни 1905 г., отрицал факт участия ее в массовых преступлениях: «Партия эта (черная сотня. — М. Р.), находясь

под крылами двуглавого орла, может произвести ужасные погромы и потрясения, но ничего, кроме отрицательного, создать не может»³⁷⁴. Отметим, что данные строки, написанные через несколько лет после погромов, говорили о возможности, но не факте участия в кровавых бесчинствах.

Повсеместное прекращение погромов после оформления правомонархических союзов. После образования правомонархических организаций погромное движение в Российской империи практически повсеместно прекращается. Современные исследователи указывают, что после организационного оформления черносотенного движения имели место два крупных погрома в 1906 г. на территории Польши, где русские монархисты не имели сильных позиций «в силу национально-конфессиональных особенностей региона»³⁷⁵. В 1911 г. на обвинения левой фракции Государственной Думы в призывах к массовым насилиям в связи с запросом правых по поводу убийства А. Ющинского, председатель СМА В. М. Пуришкевич обращался к критикам: «...в момент возникновения монархических организаций много ли вы видели погромов... много ли вы видели насилий? — ни одного...»³⁷⁶.

Заявленный законопослушный характер правомонархических организаций. С момента образования черносотенных союзов их лидеры декларировали законопослушный характер организаций и осуждение погромов. Анализ деятельности крайне правых объединений и их программных установок свидетельствует, что руководство монархических союзов негативно относилось к погромам как средству решения политических и национальных вопросов. Видный черносотенец Г. В. Бутми в докладе, прочитанном 1 мая 1907 г. IV Всероссийскому съезду Объединенного русского народа в Москве, отмечал, что согласно историческому опыту погромы, избиения и насильственные выселения евреев лишь в исключительных случаях разрешают еврейский вопрос. Подчеркивалась необходимость поиска других мер, к коим, например, относилась политическая и экономическая дискриминация евреев³⁷⁷.

Несмотря на то, что борьба с еврейским заговором и засильем являлась одним из важных направлений деятельности, монархический лагерь декларировал отказ от насильственных методов борьбы с евреями, делая акцент на экономическом и идеологическом противостоянии. В 1911 г. В. М. Пуришкевич заявлял: «...монархические организации боролись и борются с еврейским засильем мерами экономическими, мерами культурными, а не кулаком»³⁷⁸. К ним относились как меры пропагандистского влияния, выражавшиеся в устройстве крестных ходов, организации депутатий к представителям органов власти, направление телеграмм на имя царя и премьер-министра, так и экономического характера. Последние должны были облегчить зависимость трудового населения от еврейских банкиров и ростовщиков посредством обеспечения дешевого кредита, устройства потребительных лавок, оптовых складов, хлебных контор, артелей, ремесленных содружеств, торгово-промышленных и бытовых групп, организации ссудо-сберегательных касс и касс взаимопомощи³⁷⁹.

Несмотря на значительный масштаб и интенсивность антисемитской пропаганды, на данный момент исследователями не были обнаружены документальные материалы, свидетельствующие о прямых призывах к еврейским погромам, исходивших от черносотенных союзов. Наоборот, их руководство не только не подстрекало своих членов к насилиям, но вело разъяснительную работу по недопущению оных. В борьбе с «еврейскими заговором» черносотенцы делали ставку на убеждение. «Очевидно, что гневно-мстительная борьба с видимым врагом — грех; а борьба с ним обличительная, самооборонительная и правосудная — есть добродетель, подвиг и долг наш», — писал орган СРН газета «Русское знамя»³⁸⁰.

Идейно-религиозные препятствия для проведения массовых кровопролитий. Существенную роль для неприменения насильственных действий в отношении еврейского населения играли религиозные препятствия, связанные с несовмести-

мостью с христианской традицией, нравственной ущербностью и несвоевременностью в связи с отступлением революции. Об этом лидеры крайне правых делали многочисленные заявления как в программных документах, так и в периодической печати. Именно на эту сторону делался акцент в избирательной программе СРН, распространенной в сентябре 1906 г.: «Русский народ... имея полную возможность, пользуясь своим правом хозяина земли русской, мог бы в течение одного дня подавить преступные желания евреев и заставить их преклониться пред его волей, пред волей державного хозяина земли русской, но, руководясь высшими задачами христианского вероучения и слишком сознавая свою силу для того, чтобы отвечать им насилием, избрал другой путь для решения еврейского вопроса, являющегося одинаково роковым вопросом для всех цивилизованных народов»³⁸¹.

Осознавая, что малейшая причастность к массовым насилиям будет неизбежно использована для дискредитации отстаиваемых правомонархистами идей защиты христианской традиции, председатель Русской монархической партии В. А. Грингмут призывал единомышленников: «Никогда не смейте об этом и думать, помните, что всякий, кто борется за известную идею, никогда не будет убивать, иначе этим он распишется в том, что не верит в торжество своей идеи. Действительно жизнеспособная, действительно святая идея может орошаться кровью только своих приверженцев. Каждая новая жертва из наших рядов приближает нас к победе, но да будет стыдно тому, кто подумает поднять братоубийственную руку против своего врага: этим он наложит позорное пятно на наше святое дело! Мирным путем, устилая его нашими трупами и ни одной йоты не уступая из наших верований, мы дойдем до нашей цели, мы одержим победу»³⁸².

Неэффективность погромов как средства борьбы. Неприемлемость погромов для идеологии и практики правомонархических организаций обуславливалась их неэффективностью.

Массовые насилия не достигали цели, так как удар наносился не по корню зла — т. н. «жидомасонским ломам», являвшимся, по мнению монархистов, центром плетения мирового заговора, а по наиболее обездоленной и незащищенной части еврейской общины. Об этом прямо и недвусмысленно заявил в августе 1908 г. глава Союза русского народа А. И. Дубровин во время выступления в Ростове-на-Дону перед единомышленниками: «...бороться с ними (евреями. — М. Р.) надо не погромами, так как погромы нас ни к чему не приводят, от погромов страдает только беднейший еврейский класс, «пархи», да русские люди, которых хватают на погромах, таскают их по тюрьмам и судам и ссылают, а в это время главные виновники — богатые жида — остаются в стороне и еще больше богатеют»³⁸³.

Погромы больно ударяли и по исполнителям. «Когда же, вследствие нерадения правительства, русское население, доведенное до иступления непосильной борьбой с наглыми угнетателями, начинает расправляться с ними по-своему, то его хватают, сажают в тюрьмы и ссылают в каторгу, как погромщиков», — говорилось в телеграмме председателя Астраханской народно-монархической партии Н. Н. Тихановича-Савицкого, направленной в марте 1910 г. председателю Совета министров П. А. Столыпину³⁸⁴.

«Выгодность» погромов противоположному лагерю. Погромы в глазах правомонархических лидеров оказались полностью скомпрометированным средством борьбы, так как лидеры еврейских общин умело использовали их для получения максимальной выгоды. Печатный орган ЯО СРН заявлял: «Погром кончился, и тут евреи начали просить тысячи; просили тысячи даже и те, у кого кроме старого лапсердака и грязной ермолки ничего до погрома не было»³⁸⁵. За рубежом они становились поводом для организации очередной антирусской кампании и широкомасштабного сбора средств жертвам бесчинств. Благодаря международной помощи и правительствен-

ным субсидиям еврейские торгово-ремесленные слои быстро восстанавливали разрушенные хозяйства.

Общепризнанным в крайне правой среде стал тезис о том, что «погромы всегда приводят к материальному и политическому улучшению быта евреев»³⁸⁶. Утверждалось, что для руководства кагалов они становились инструментом регулирования внутриобщинной жизни: «...без этих воздействий на еврейское население, вызывавших некоторые остановки в его приросте, евреи, при своей плодовитости, чрезмерно бы размножились, и доходы, получаемые ими с русского народа, пришлось бы делить на большее, чем нынешнее, количество лиц»³⁸⁷. Общий вывод при подходе черносотенцев к теме погромов в июне 1913 г. сформулировала газета «Русское знамя» утверждавшая, что массовые уничтожения, казни, насильственные изгнания не привели к исчезновению евреев, наоборот, в конечном итоге народы «оказались в еврейской кабале»³⁸⁸.

Анализ программных документов и практической деятельности правомонархических организаций свидетельствует о явной противоречивости отношения черной сотни к насильственным методам. Декларируя законопослушный характер организаций и отрицательное отношение к погромам, черносотенцы утверждали право христианского населения на самозащиту от революционного натиска. В частности, объясняя необходимость иметь в структуре ЯО СРН боевую дружину, руководство отдела заявило, что «союз имеет право на самозащиту и сумеет воспользоваться этим правом при первом поползновении своевольников и их подстрекателей из евреев и еврействующих на насилия над кем бы то ни было из своих членов»³⁸⁹.

Обращение к насилию обуславливалось присущей черной сотне как консервативному движению защитной функцией по отношению к подвергшимся атаке религиозным, политическим и социальным устоям общества. Анализируя сложив-

шуюся обстановку и делая вывод, что удовлетворить оппозицию политическими преобразованиями невозможно, лидеры правомонархических союзов не исключали участия своих дружин в совместных с полицией репрессивных действиях: «...и Совет рабочих депутатов был политической величиной, перед которой трепетали министры, пока не пришли городовые и не отвели его в участок»³⁹⁰. Состоявшееся в октябре 1907 г. в Ярославле I Частное совещание представителей отделов СРН постановило формировать дружины добровольцев из членов СРН «на случай войны и подавления смуты»³⁹¹.

Право на самооборону оправдывалось неспособностью репрессивного аппарата самодержавия противостоять революционной угрозе. «Самосуды — естественное следствие бездействия власти, печальное, но неизбежное явление, — писал главный орган СРН газета «Русское знамя», — повторяющееся везде и повсюду, где закон не исполняется, либо слишком слабо ограждает жизнь и имущество граждан, где официальные охранители этого спасительного закона... не умеют, не хотят и не могут избавить мирных граждан от ужасной необходимости подымать карающий меч, вывалившийся из слабых или изменнических рук официальных судей, и превращаться самолично в следователей, прокуроров и, страшно сказать, — палачей»³⁹².

С другой стороны, насильственные действия «христианского населения» оправдывались террором революционных партий. И. В. Омелянчук указывал, что оппозиция рассматривала политические насилия как действенный способ защиты населения от произвола властей, а крайне правые организации как защиту населения от революционного произвола³⁹³. «Мы не сторонники самосуда, — заявлял орган Ярославского отдела СРН газета «Русский народ», — но если заранее известное преступление не может быть предупреждено законными мерами, то очевидно, что... неизбежно должен выступить неумолимый и грозный американский дядюшка Линч»³⁹⁴.

В программных документах черносотенных союзов говорилось, что монархисты будут добиваться своих целей исключительно законными способами. Поэтому появление боевых дружин черносотенных союзов объяснялось необходимостью защиты массовых собраний монархистов и страхом возможного повторения террора, имевшего место во время Великой французской революции, стоившей жизни более миллиону «врагов народа». По заявлению в ноябре 1907 г. газеты «Русское знамя», именно самозащита заставляла традиционалистов братья за оружие, несмотря на декларировавшиеся мирные средства борьбы³⁹⁵.

Появление боевых дружин в составе правомонархических союзов оправдывалось терактами и «экспроприациями», организуемыми эсерами и большевиками. Для подтверждения роста обеспокоенности населения разгулом террора и необходимости организации самозащиты черносотенная пресса приводила статистику пострадавших от «разбойно-освободительного движения». Так, с февраля 1905 по май 1906 гг. было убито и ранено: «генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников — 34; полицмейстеров — 38; исправников и приставов — 204; городских — 205; урядников и стражников — 184; нижних жандармских чинов — 51; офицеров охранного отделения — 17; агентов охранной полиции — 56; армейских офицеров — 61; нижних чинов армии — 164; чиновников гражданского ведомства — 178; духовных лиц — 31; фабрикантов и высших служащих — 64; банкиров и крупных торговцев — 64»³⁹⁶.

Масштабы террористической активности революционных партий создавали правомонархистам основу позиционировать себя единственными защитниками государства и русского народа в сложившихся обстоятельствах бессилия власти. «...Мы осуждаем бомбы, револьверы и прочие излюбленные способы борьбы революционных партий, но в то же время открыто заявляем, что если враги наши будут поступать нагло с российским народом, будут бить, грабить, жечь наших

русских собратьев, вообще нарушать государственные законы, то мы, весь русский народ, в силу данной нами присяги... встанем стеной и загородим им ту дорогу, куда они хотят так бойко прорваться», — заявлял председатель одного из провинциальных отделов СРН³⁹⁷.

Ориентированность на активное противодействие революционному террору и защиту как своих членов, так и общественного порядка проявилась у значительного числа провинциальных правомонархических организаций. Так, уже на первом учредительном собрании Ярославского отдела СРН было заявлено о необходимости организации внутри отдела «особой боевой дружины» для «защиты от врагов внутренних и в помощь полиции»³⁹⁸. Первым шагом новоявленной силовой структуры стало обеспечение безопасности представителей органов власти, являвшихся объектом охоты эсеровских боевиков. Глава отдела И. Н. Кацауров информировал Главный совет СРН: «Союзники в тревожное время добровольно приняли на себя охрану всеми любимого и уважаемого губернатора Римского-Корсакова»³⁹⁹.

Основная задача боевых дружин состояла в обеспечении общественного порядка в городах. По сообщениям ярославской либеральной прессы, патрули боевой дружины ЯО СРН по существу взяли на себя выполнение функций полиции, пресекая любые проявления «вызывающего поведения» горожан. Если же дружинникам возражали, они заявляли, что и сам нарушитель, и его дом будут на примете, а нередко здесь же избивали непослушного, советуя потерпевшему не обращаться в полицию, иначе «хуже будет»⁴⁰⁰. Патрулирование улиц осуществляли и костромские черносотенцы. Так, в Сусанинском сквере они потребовали у группы рабочих прекратить пение «Марсельезы», а когда последние бросились бежать, преследовали их совместно с городскими⁴⁰¹.

Следует отметить, что в создании при правомонархических союзах боевых дружин ничего необычного в то время не

было. Впервые их активно стали использовать революционные партии для проведения акций индивидуального террора, «экспроприаций» и других «специальных» заданий. Позже боевые дружины для защиты от казаков и полиции появились на бастовавших предприятиях. Боевая группа рабочих Ярославской Большой мануфактуры во время столкновения в «кровавую пятницу» с казаками убила одного из них и ранила троих⁴⁰². В условиях обострения политической борьбы дружины формировались в целях противодействия террору враждебных партий. Так, создание «общества самозащиты» студентов Демидовского юридического лица стало следствием участвовавших избиений учащейся молодежи черносотенцами⁴⁰³. После погромов, обнаруживших неспособность властей защитить население как от правого, так и от левого террора, дань моде отдавали целые промышленные предприятия, городские кварталы, поселки, частные учреждения, выделявшие из своей среды лиц, владевших оружием, для круглосуточного дежурства и патрулирования вверенных территорий.

По мнению С. А. Степанова, крайне правые боевые дружины пытались копировать подпольные террористические организации революционеров. Представляя рыхлые и аморфные структуры, черносотенные союзы органически не могли создать внутри себя дисциплинированные и управляемые боевые группы. Отсутствие общих принципов формирования военизированных дружин приводило к самостоятельности на местах⁴⁰⁴. Несопоставим был уровень профессионализма и вооруженности эсеровских и черносотенных боевиков. По имеющимся материалам периодической печати, боевая дружина ЯО СРН была вооружена нагайками, кинжалами и револьверами устаревших конструкций⁴⁰⁵. Недостаток профессионализма компенсировался численностью, которая составляла 300 человек⁴⁰⁶.

На острие борьбы любое политическое движение имеет в своих рядах лиц, способных пролить кровь. Заинтересованное

отношение губернской администрации и полиции в пресечении революционных проявлений развязывало дружинникам руки. Не имея возможности держать население в страхе силами военно-полицейского аппарата, будучи вынуждены лавировать среди различных социальных групп, власти благосклонно пользовались услугами СРН. Очевидец характеризовал позицию ярославского губернатора А. А. Римского-Корсакова, который черносотенцам «все безобразия позволял и никакие жалобы от жителей города не принимал»⁴⁰⁷. В октябре 1906 г. даже не симпатизировавший революционно-демократическому лагерю «Вестник Рыбинской биржи» вынужден был признать: «Союзники обнаглели. Среди белого дня они нападают на несколько человек на лиц, кажущихся им «подозрительными» и избивают. На каждом шагу можно натолкнуться на толпу союзников и быть серьезно избитыми и совсем убитыми. Нападением, конечно, чаще всего подвергается учащаяся молодежь. Город совершенно терроризирован ими»⁴⁰⁸. Еще более ярко описал деятельность дружины В. А. Андреев: «Сколько пороли за всякие разношты. Сколько изувечили, сколько на тот свет отправили. Сколько по ихнему доносу арестовано и посажено в тюрьму. Увидят на рубашке красный пояс и испорют, или красную подкладку у фуражки. За все пороли до упадку сил»⁴⁰⁹. И хотя наличие боевой дружины объяснялось монархистами необходимостью самозащиты от революционеров, редкий номер либеральных газет в 1905—1907 гг. выходил без сообщения об очередном избиении «крамольников», которыми в массе своей были лица, подрывавшие общественную стабильность, а не еврейское население.

Заявительный характер приема в члены правомонархических организаций, нередко открывавший доступ в боевые дружины лицам с низким нравственным и образовательным уровнем, игнорирование указаний высшего руководства, желание проявить необоснованную инициативу — все это было характерно для многих политических партий России начала

XX в. По свидетельствам очевидцев, в боевую дружину ЯО СРН записывались «особые люди из отбросов общества или хулиганов, или, короче говоря, человек был на все способен: избивать, убить и т. п.». Члены дружины нередко были «люди неблагонадежные, прежде судимые за какое-нибудь грязное дело», «из самых головорезов и отчаянных людей», «тех, кто громил и грабил магазины»⁴¹⁰. Недавние громилы рассчитывали, что покровительство столь мощной организации, как СРН, находящейся в близких отношениях с местной властью, могло спасти от недоразумений с правоохранительными органами: «...записывались с целью лишь бы избежать кары... за погром и грабеж»⁴¹¹. Костяк боевой организации ЯО СРН составили торговцы с Мытного и Толкучего рынков, безыдейные босяцкие элементы, часть рабочих.

Успехи крайне правых боевиков в снижении активности революционных слоев были налицо. Уже в октябре 1906 г. «Русский народ» хвалился: «Благодаря СРН исчезли из центральной части города краснокожие хулиганы и легко стало дышаться ярославским гражданам. Можно подышать на бульваре и на набережной чистым воздухом, не рискуя нарваться на образованных и просто лощеных марсельезников, выслушать от них дерзость. Даже барышням и тем не страшно прогуляться по бульвару. За то и благодарны же граждане Союзу за его заботу об их благополучии»⁴¹². Председатель Костромского отдела СРН К. А. Русин в ноябре 1907 г., оценивая деятельность организации, заявил: «Два года назад мы боялись ходить по улицам, теперь ходим как дома»⁴¹³.

В историографическом исследовании Д. В. Карпухина отмечается, что современные исследователи сходятся во мнении, что количество жертв черносотенного террора было несопоставимо с числом пострадавших от терактов, совершенных эсерами и анархистами⁴¹⁴. И. В. Омелянчук указывает, что чаще всего насильственные действия проводились по собственной инициативе боевиков, не были санкционирова-

ны руководством организаций и выходили за рамки уставных и программных требований правомонархических союзов⁴¹⁵. Газета «Русский народ» объясняла это чрезвычайным характером сложившейся в стране ситуации, требовавшей быстрых и жестких мер реагирования: «Во время революции, когда в стране царили смута и крамола, когда революция бушевала на улице, когда метали бомбы, грабили людей и убивали верных долгу и присяге царских слуг, члены СРН и вся наша молодежь открыто выступали против этих смутьянов, открыто на тех же улицах боролись с врагами веры, царя и России и сумели их обуздать и с ними справиться»⁴¹⁶.

После окончания революции правомонархические организации подвергли погромные и террористические методы борьбы жесткой критике: «Теперь, когда власть в России окрепла, когда проявления революции прекратились, когда у нас власть находится в твердых руках, мы, члены СРН, в лице его совета, глубоко порицаем всех тех, кто позволяет себе какие-либо насилие, где бы они ни были, против кого бы то ни были направлены»⁴¹⁷. Но инерция применения силовых акций в отношении наиболее неугомонных возмутителей спокойствия продолжала сохраняться, хотя и в значительно меньших объемах. В после-революционное время со страниц ярославской либеральной прессы практически исчезают сообщения о нападениях боевиков ЯО СРН на «крамольников».

Сразу же после разгона участниками верноподданнических демонстраций и лояльными властям лицами революционных демонстраций в октябре 1905 г. по стране прокатывается широкая волна еврейских погромов, о числе которых в литературе встречаются разные данные. По одним сведениям, в октябре 1905 г. их было 690, причем по административным пунктам они распределились следующим образом: в 17 губернских городах, 44 уездных, 3 градоначальствах, 626 местечках и деревнях⁴¹⁸. По подсчетам С. А. Степанова, просмотревшего практически все русскоязычные газеты, выхо-

дившие в октябре—ноябре 1905 г., погромы прокатились в 358 населенных пунктах: 108 — в городах, 70 — в посадах и местечках, 180 — в селах, деревнях и хуторах⁴¹⁹. Другие авторы указывают, что погромы были 100 городах⁴²⁰. Эта цифра практически не противоречит данным С. А. Степанова, хотя и не дает полной картины реакционных выступлений низов.

Откуда же появляется термин «еврейские погромы» в привязке к правомонархическим организациям? Анализ периодической печати того времени свидетельствует, что придание выступлениям традиционалистов антисемитского характера и определение погромов как «еврейских» исходит исключительно со страниц либеральных газет. Авторами мнения об идентичности понятий «погромщик» и «черносотенец» также стали оппозиционные средства массовой информации. Что же способствовало отождествлению двух понятий?

Определение «погромщик» появляется в оппозиционной литературе в отношении участников верноподданнических манифестаций, принявших участие в избиениях революционеров и грабежах евреев вслед за объявлением Манифеста 17 октября.

Использовавшиеся с начала XX в. в отношении традиционалистски настроенных лиц названия «черная сотня», «черносотенцы» прикрепляются оппозиционными средствами массовой информации как к участникам погромов, так и к возникшим в конце 1905—начале 1906 гг. правомонархическим организациям. Относительная синхронность двух событий (погромы и создание черносотенных союзов) позволили противникам монархии отождествить два понятия. На источник появления двух названий обращали внимание и крайне правые. «...Откуда это название — “черносотенцы-монархисты”? Враги самодержавия называли черносотенцами-монархистами тот простой, черный русский народ, который во время вооруженного бунта 1905 г. стал на защиту своего самодержавного царя», — писал председатель Русской монархической партии В. А. Грингмут в «Руководстве монархиста-черносотенца»⁴²¹.

В результате понятие «черносотенец» стало иметь несколько значений. Во-первых, с конца XIX в. до первой российской революции либеральная пресса использовала данное определение в отношении лояльных властям традиционалистски настроенных представителей непривилегированных сословий, проявлявших «охранительную» активность при антиправительственных проявлениях оппозиционной части общества. Во-вторых, участников верноподданнических демонстраций в октябре 1905 г., принявших участие в разгоне революционных выступлений. В-третьих, участников еврейских погромов в октябре 1905 г. В-четвертых, членов правомонархических организаций.

Отождествление либеральной и революционной публицистикой различных по своему идейному содержанию и организационному оформлению движений в едином понятии «черная сотня» привело к наделению правомонархических союзов погромной характеристикой с последующей ее фиксацией и окончательным утверждением в исторической литературе. Рожденная формула знака равенства между воинствующим антисемитом и черносотенцем мигрировала в современную российскую историографию. В вышедшем в 1993 г. энциклопедическом словаре «Политология» заявлялось: «Черносотенцы — нарицательное название националистических организаций, исповедующих антисемитскую идеологию»⁴²².

Хотя столкновения традиционалистов с революционерами закончились в 1905 г., характеристика членов правомонархических союзов как погромщиков и приписанных им массовых насильственных действий в отношении оппозиционеров и евреев, оказали существенное влияние на переоценку к ним отношения царского правительства, ставшего рассматривать крайне правых как угрозу общественной стабильности. Масштабы и интенсивность либеральной пропаганды заставляли правомонархистов принимать меры контрпропагандистского характера для собственной реабилитации. На страницах газет,

в публичных выступлениях их лидеры постоянно подчеркивали, что правомонархические организации являются защитниками порядка законными мерами. «Мы делами своими доказываем, что наша борьба — борьба мирными средствами, что мы — мирные культурегеры, а не погромщики...», — утверждала черносотенная пресса⁴²³.

Попытки переубедить прогрессивную общественность оказались тщетны. Резкая критика со страниц либеральной печати оказывала на правомонархистов сильное деморализующее воздействие. Совет Шуйского СРПЛ жаловался Главному Совету СРН: «Преследования русских людей за принадлежность к Союзу происходят почти повсюду. Отделам Союза существовать почти невозможно, от враждебно настроенных инородцев и враждебной местной интеллигенции с левыми убеждениями... Борьба с кадетствующей интеллигенцией... является непосильной»⁴²⁴.

Правомонархисты скоро пришли к выводу, что благодаря стараниям политических противников от ярлыка погромщиков им избавиться не удастся: «Можно написать целые тома разных апологий, общество наше... ничему не поверит, на все будет смотреть с усмешкой и останется при прежнем своем непреложном мнении, что весь Союз русского народа состоит из погромщиков, что деятельность наша — погромная, что литература наша — погромная, что воззвания наши только подстрекают на избиения «лучших людей» России — евреев...»⁴²⁵. В этом отношении крайне правые надеялись на «время и факты», которые сами расставят все по своим местам и потомки назовут погромщиками противоположный лагерь, революционными методами «разрушавший русское государство»⁴²⁶.

Мнение о том, что члены правомонархических организаций участвовали в погромах, могло возникнуть из-за того, что погромщики пополнили ряды крайне правых объединений, а руководство образовавшихся союзов выступало защитниками находящихся под судом громил. Отсутствие социологических

исследований о процентном соотношении числа погромщиков и «мирных» членов черносотенных союзов делает подобные утверждения сомнительными. На это указывает то обстоятельство, что в условиях поддержки или слабости властей достигшие могущества в 1906—1908 гг. монархические союзы не воспользовались возможностью продолжить погромную практику под влиянием якобы доминировавшей прослойки участников массовых насилий. Вступавшие в крайне правые союзы участники погромов составляли их рядовую часть, не влиявшую ни на идеологию движения, ни на ее практическую деятельность.

По нашему мнению, для того, чтобы выяснить роль правомонархических организаций в трагических событиях октября 1905 г. и определить их отношение к погромным методам необходимо дать четкое определение понятию «черносотенец», которое в силу отсутствия четких критериев и характерных черт позволяло в отечественной и зарубежной историографии отождествлять членов крайне правых союзов и участников кровавых бесчинств в октябре 1905 г.

Историками уже сделан значительный шаг вперед по идентификации данного понятия. Анализ имеющихся версий и вариантов позволяет сделать вывод о том, что наиболее перспективным является определение понятия черносотенец по идейно-политической направленности, а не формам и способам действий в отношении политических оппонентов и еврейского населения, т. к. террористическую практику использовали и революционные организации. Равно неплодотворным представляется относить принадлежность к черной сотне по негативному отношению к национальным меньшинства, прежде всего евреям.

В данной связи наиболее полное и емкое определение понятию «черная сотня» дал авторский коллектив энциклопедического исследования⁴²⁷, представленный профессиональными историками, специализирующимися на изучении правомонархического движения⁴²⁸. В частности, исследовате-

ли отмечают, что «вынося в название словаря словосочетание «Черная сотня», мы подразумеваем под ним политические организации, партии и союзы, а также их членов, стоявших за чистоту и незыблемость триады, ...сформулированной в свое время графом С. С. Уваровым — «Православие. Самодержавие. Народность»⁴²⁹. В другом определении авторы подчеркивают структурированность и упорядоченность черной сотни, т. е. организационную форму деятельности по достижению программных целей: «Черная сотня — организованная часть русского народа в борьбе за народные идеалы и против всех внутренних и внешних врагов России»⁴³⁰.

По нашему мнению, исходя из широкого спектра политических партий, декларировавших лозунг «Православие, самодержавие, народность», в качестве критериев отнесения к черносотенному сегменту следует также добавить приверженность концепции божественной санкционированности царской власти, незыблемости самодержавия, недопустимости его ограничения законодательными представительными учреждениями, которая декларировалась в программах правомонархических союзов.

Из этого определения следует, что представляется допустимым дать следующее определение черной сотни. Черная сотня — оформившееся в период первой российской революции 1905–1907 гг. правомонархическое политическое движение, объединившее в себе различные организации и союзы, преследовавшие цель охранения т. н. «базовых русских ценностей», к которым, по их мнению, относились неограниченное самодержавие, первенство православной церкви и русской народности, а также активно противодействовавшие либеральному и революционному движениям. Приведенные критерии позволяют признать Дубровинский СРН эталоном черносотенной организации.

Из этого определения следует, что применять понятия «черная сотня», «черносотенец» в отношении участников

контрреволюционных выступлений и еврейских погромов в октябре 1905 г. не вполне верно по следующим причинам. В исторической науке отсутствуют работы, ставившие задачу идентификации их политических взглядов. Поэтому утверждать, что они разделяли уваровскую триаду «Православие, самодержавие, народность» и были сторонниками еще не озвученных программных установок крайне правых союзов на данный момент не представляется возможным в связи с недостатком исследований в данной области. Антиреволюционную направленность проявляли и другие правые партии, например, русские националисты⁴³¹, а приверженность антисемитской доктрине декларировали и действовавшие на окраинах Российской империи некоторые национал-сепаратистские организации. Исходя из этих соображений, нельзя исключать, что участники погромов могли бы быть потенциальными членами Всероссийского национального союза или других правых партий, находившихся нередко во враждебных отношениях с правомонархическими организациями.

По нашему мнению, участники столкновений с революционными демонстрациями и еврейских погромов в октябре 1905 г. являлись носителями не черносотенных взглядов, т. е. четкой и осознанной системы консервативных воззрений, а традиционалистского стиля мышления, трактуемого как проявляющаяся у различных индивидов универсальное стремление держаться за прошлое, боязнь нововведений и обновления, носящее подсознательный и устойчивый характер⁴³². Изначально бессознательный традиционализм широких масс населения, характеризовавшийся приверженностью устоям и ценностям традиционного общества, в условиях сложившейся в октябре 1905 г. в России социально-политической ситуации, угрожавшей патриархальному миропорядку, приобрел социальную функцию и вызвал стихийный выплеск масс, обернувшийся столкновениями с революционными силами. Реакция традиционалистски настроенного населения на

революционные проявления и запустила механизм перерастания «неосознанной» защиты традиционных ценностей в стадию «осознанного» консерватизма, который в скором времени привел к созданию правомонархических организаций и формулированию их программных установок.

Исходя из этих рассуждений, участников разгонов революционных митингов представляется правильнее характеризовать как традиционалистов, а их столкновения с революционными демонстрациями не как черносотенные, а как выступления верноподданнических (или традиционалистских) сил. Данная характеристика подходит и в отношении лояльных властям представителям непривилегированных сословий, проявлявших «охранительную» активность при антиправительственных проявлениях оппозиционной части общества с конца XIX в. до первой российской революции.

В отличие от черносотенцев — членов правомонархических союзов, чья антиреволюционная направленность базировалась на идейной основе защиты фундаментальных ценностей российского культурно-исторического сообщества, основанием для столкновений традиционалистов с участниками революционных демонстраций и митингов в большей степени являлись экономические, психологические и иные факторы. Иными словами, несмотря на то, что антиреволюционная направленность роднила черносотенцев и традиционалистов, их все-таки разделяла разность мотивов участия в политической деятельности.

Анализ причин антиреволюционных выступлений традиционалистов показывает, что озлобление различных социальных слоев против революционных проявлений к октябрю 1905 г. достигло предела. Всероссийская октябрьская политическая стачка нанесла серьезный удар по экономике страны. Из-за забастовок железнодорожников возникали перебои с подвозом продовольствия, как следствие этого росли цены и падал жизненный уровень людей. Особенно в октябре постра-

дали торговцы, так как покупательная способность основных потребителей — рабочих из-за стачек значительно упала. Начальник Костромского жандармского управления информировал Департамент полиции МВД о причинах избиения семинаристов 19 октября: «...беспорядок возник благодаря рассчитанной на безнаказанность наглости и дерзости группы учащейся молодежи. Предшествовавшая происшествию забастовка повлекла вздорожание жизненных припасов, что крайне отразилось на беднейшей части крестьянского населения»⁴³³.

Октябрьское выступление ярославских традиционалистов было отмечено и участием в нем рабочих, в основном с табачных фабрик Дунаева, Вахрамеева, а также мелких заводиков и мастерских, потерявших заказы из-за забастовок и приостановки работы железнодорожного транспорта⁴³⁴.

Столкновения в Рыбинске 19 октября 1905 г. революционной демонстрации железнодорожников и учащихся с крючниками местной пристани были обусловлены тем, что последние в большинстве своем являлись крестьянами, пришедшими в город на заработки, но железнодорожные забастовки, прекратив подвоз зерна, лишили их работы⁴³⁵. В результате крючники напали на демонстрацию железнодорожных рабочих и разогнали ее, избив немало участников. «Что же касается избиения гимназистов и студентов, то последние стали жертвами насилия невежественной толпы только потому, что, по мнению ее, они являлись подстрекателями железнодорожных рабочих к забастовкам», — писал корреспондент «Вестника рыбинской биржи»⁴³⁶.

Экономическая составляющая явно прослеживается и в последовавших вслед за разгоном революционных митингов еврейских погромах, что подтверждается участием в них тех социальных слоев населения, которые наиболее пострадали от забастовочного движения. К ним авторы Еврейской энциклопедии отнесли все социальные классы населения:

рабочих, мелкую буржуазию «в лице своих двух характерных групп — мелких торговцев и ремесленников», представителей «либеральных профессий»⁴³⁷. Анализ, проведенный по материалам ярославской периодической печати, областного архива, мемуарам свидетелей тех событий, историческим исследованиям, не подтверждает данную точку зрения в части, касающейся участия лиц «либеральных профессий».

Крайне правые находили основу для погромов в экономической почве, определяя их как стихийный ответ народных масс на безудержную эксплуатацию. Отрицая наличие организующего центра, черносотенцы характеризовали погромы как взрыв народного возмущения и проявление мести, в ходе которых уничтожалось имущество евреев как «нажитое грабежом того же народа среди белого дня на законном основании»⁴³⁸. В Ярославле извращенная форма классового протеста проявилась в том, что некоторые еврейские заводы и мастерские громилась работавшими там рабочими. Так, в Ярославле, разгромив мастерскую Якубчика на Стрелецкой улице, работавшие там мастера направились в соседнюю мастерскую Гуревича, которую после разгрома подожгли. «Печник, работавший в медно-паяльной мастерской Блеха на Большой Пожарской улице, участвовал в ее погроме», — сообщал «Северный край»⁴³⁹. Осужденный за участие в разгроме завода Брайнина Д. А. Кокин числился рабочим этого предприятия⁴⁴⁰. По утверждениям авторов «Еврейской энциклопедии», участие некоторой части рабочих в погромах было «следствием реакционности евреев, а не наоборот»⁴⁴¹.

Отрицая роль властей и черносотенцев в подготовке и осуществлении погромов, авторы вышедшей в 1912 году Еврейской энциклопедии (Ю. И. Гессен и Д. С. Пасманик) указывали, что бесчинства являлись антисемитскими выступлениями, вызванными сугубо экономическими причинами — конкуренцией русского и еврейского капиталов, завистью к более зажиточным евреям, жадной обогащения⁴⁴². Основание для по-

добных утверждений давал анализ причин погромов, имевших место в начале 80-х гг. XIX в. на юго-западе России, которые сводились к проявлению народного гнева эксплуатируемых масс против «жидов-паразитов».

Анализ материалов губерний Верхнего Поволжья, связанных с участниками погромного движения, отчасти подтверждает утверждения авторов Еврейской энциклопедии. Действительно, в среде торговцев и ремесленников антисемитские настроения, базировавшиеся на экономической почве и связанные с так называемым «еврейским засильем», были весьма устойчивы. После октябрьских погромов 1905 г. их конкуренты — евреи быстро восстановили разрушенное хозяйство и активно включились в рыночную борьбу, по мнению правых, «доведя до разорения некоторых русских торговцев и заставив других сократить свои обороты»⁴⁴³. Это вызвало взрыв негодования черносотенцев, руководители которых с сожалением заявляли: «Еврейский погром, в сущности, не принес никакого вреда евреям»⁴⁴⁴. В ответ на это мелкая буржуазия при активном участии СРН неоднократно организовывала кампании за выселение из города евреев, не имевших права проживать вне черты еврейской оседлости, а также бойкот еврейским лавкам. При этом причинами указывались не столько «революционность евреев» или происки жидомасонства, а то обстоятельство, что «...еврейские ремесленные мастерские раскинулись по всему городу, причем заняли наиболее бойкие места, а торговля почти перешла в еврейские руки», отчего «русское ремесло и торговля приходят в упадок»⁴⁴⁵. Ясно видно, что мелкая буржуазия использовала появившийся в октябре 1905 г. повод для расправы с ненавистными конкурентами⁴⁴⁶.

Изучение многочисленных свидетельств погромов показывает, что среди участников погромных бесчинств выделялись криминальные и люмпенизированные элементы, которым не были присущи определенные политические взгляды. Пытаясь воспользоваться сложившейся ситуацией, они на-

правляли разгоряченные после столкновений с революционерами толпы традиционалистов — участников верноподданнических демонстраций на еврейские магазины и лавки. Побудительным мотивом участия в погромах данной группы было желание улучшить свое материальное положение за счет более обеспеченных сограждан без различия национальности. Нередко после грабежей еврейских лавок они переходили к разгрому русских.

В частности, об одном из влиятельных в послепогромное время в Ярославле на Толкучем рынке торговце Н. Воронове говорили: «Во время погромов 1905 г. в числе погромщиков сумел награть из часовых магазинов разных вещей и скрылся в г. Баку, и проживал до тех пор, когда все не утихло, и вновь явился в Ярославль, уже не забейкой (своего рода прислуга у торговцев. — М. Р.), а самостоятельным торговцем, и по сие время ворочает на рынке как следует и имеет голос между своими»⁴⁴⁷. Обыски, проведенные ярославскими судебными властями сразу же после погромов в квартирах на Даниловском и Кучерском переулках, Пошехонской и части Борисоглебских улиц — там, где селилось городское «дно», выявили огромное количество награбленной одежды, ювелирных украшений, предметов быта и иудейского культа⁴⁴⁸. В квартире «Витьки» — главаря одной из банд грабителей, принимавших участие в разграблении дома богатых евреев Хаймовых, — «обнаружена одежда, похищенная при разгроме молельни»⁴⁴⁹. Как информировала газета «Северный край», в городе даже образовался нелегальный рынок торговли отнятыми у евреев вещами. Темные личности из-под полы по бросовым ценам предлагали прохожим весьма приличные предметы домашней утвари⁴⁵⁰.

Анализ социального состава участников еврейских погромов, подтверждает мнение о серьезной экономической и криминальной мотивации действий громил. В Ярославле главную роль в грабежах еврейского имущества играли мел-

кие городские предприниматели (торговцы с Толкучего и Мытного рынков, маклаки, ремесленники) и люмпен-пролетарии. Очевидец погромных событий свидетельствовал, что в числе погромщиков «состояли люди и худые и хорошие, а более народ серый — или подсудимые, или они без работ находились и разные хулиганы и торговцы с рынку и Мытного двора. А предводителями этой партии был более народ отчаянный из числа подсудимых и приемщиков краденного имущества»⁴⁵¹. Корреспондент «Северного края» сообщал, что участниками погромов были «преимущественно торговцы и маклаки с Толкучки»⁴⁵². Пурин, основываясь на свидетельских показаниях, заключает: «Толпа громил состояла из мелких торговцев и маклаков (преимущественно), возчиков, зимогоров...»⁴⁵³. Участие их в погромах объясняется не столько желанием продемонстрировать преданность вековым устоям, сколько ставило цель ликвидировать ненавистных конкурентов и пополнить карман.

Социальный состав погромщиков в Костроме не отличался от ярославского: «Толпившиеся кругом (митинга молодежи) торговцы, золоторотцы, представители черной сотни, крестьяне, приехавшие на базар, услышав слово «свобода»... бросились на оратора»⁴⁵⁴. На собрании интеллигентской части населения Костромы 19 октября подчеркивалось «участие в избиении и руководство толпой некоторых лиц, принадлежавших к местному мещанству и мелкому купечеству»⁴⁵⁵.

Учет психологического фактора показывает, что Манифест 17 октября, митинги и демонстрации не могли вписаться в рамки традиционного образа жизни далекого от политики россиянина. В судебном деле о погромах в Ярославле в числе причин, вызвавших столкновение «обывателей с демонстрациями рабочих и студентов», назывались: «1) митинги и впечатление, производимое ими на массу, 2) получение Манифеста и неудовольствие отдельных групп на революционные проявления»⁴⁵⁶.

Сохранились воспоминания ярославского торговца И. Г. Андреева, ярко характеризующие то, как воспринимались простым человеком происходящие события: «...ужасу было масса, на войне шли неудачи, и внутри государства хуже войны, свои своих резали и жгли. Ярославль долго крепился, и было все тихо, и хвалили Ярославль за примерный город и тишину. Но стали собираться студенты и поговаривать о забастовках. Ораторы дело раздули... заговорили фабричные и рабочие, заговорили мастеровые и все прочие служилые люди. Гул шел по городу»⁴⁵⁷. Значительная часть народа, воспитанная в традиционном патриархальном духе, не была еще достаточно подготовленной для поддержки требований демократических преобразований. Очевидец тех событий признавался, что многие ярославцы, как и он сам, не понимали происходящего, как не понимали слов «забастовка», «свобода слова и собраний», «свобода печати»⁴⁵⁸. Революция и связанные с нею изменения в экономической и общественной жизни поначалу воспринимались как чуждые и ненужные явления, необходимые только студентам и интеллигентам, а потому — как зло, которому необходимо противостоять⁴⁵⁹.

Отношение традиционалистски настроенной части населения к последовавшим за изданием Манифеста революционным проявлениям описал очевидец тех событий: «Манифест поняли одни студенты. И хотели его восхвалить и поблагодарить и похвастаться перед народом, взяли красный флаг и устроили манифестацию... Но черные и рабочие и малограмотные люди не поняли этого шествия по улицам с флагом и приняли студентов за республику, т. е. студенты хотят республики. Это означает, что царя самодержавного не надо по-ихнему. А чтобы на престоле был президент выбранный народом. Это так поняли черные люди и бросились на студентов с кулаками и камнями».

Озлобление традиционалистов вызывали и попытки публичных чтений Манифеста на улицах и площадях городов.

«Пусть они читают сами себе... Нам пусть читают в церквях с объяснением», — писали «обыватели и торговцы» г. Ярославля в письме губернатору, требуя прекратить публичные сходы⁴⁶⁰. Горожан раздражало и то, что данные манифестом свободы трактовались ораторами с различных позиций. Свидетель по делу о еврейских погромах, давая показания суду, вспоминал: «18 октября на митингах в земской управе различно толковали Высочайший манифест»⁴⁶¹. Нельзя не отметить и тот факт, что часть населения не верила в подлинность Манифеста, так как официальная информация о «конституции» со стороны губернского начальства появилась только в конце дня.

Причинами для столкновений становились попытки оппозиционеров привлечь лояльные слои в свои ряды посредством агитации. В Костроме участники революционной манифестации с песнями и революционными лозунгами направились на Сусанинскую площадь, где зачитали приехавшим на базар крестьянам революционную прокламацию. Этот шаг окончился трагично: «Крестьяне сперва внимательно слушали. Потом перебивают чтеца: «Ты это что читаешь?» — «А вот слушай», — чтение продолжается... «А так вон оно что! Это он что читает, что Царя не нужно, да и Бога не нужно. Бей их! Постоим за Бога и за Царя православного!»⁴⁶². Начальник губернского жандармского управления сообщал: «... когда ораторы-революционеры позволили себе кощунственно отзваться о религии и царствующем доме, то окружавшие демонстрантов крестьяне потеряли самообладание. Произошла свалка...»⁴⁶³.

На фоне значительного накала политической борьбы поводами для массовых погромов, по мнению С. А. Степанова, являлись провокационные действия, приписываемые революционерам и евреям: богохульство, святотатство, глумление, осквернение и поругание христианских святынь⁴⁶⁴.

Данное мнение подтверждается очевидцем революционных событий, вспоминая: «...помню гнусную вакханалию

революции с красными знаменами, с хором жидовских газет, каждым словом оскорблявших каждого русского. Все, что нам дорого и свято, подвергалось поруганию в те проклятые “дни свободы” для разбойников, “дни рабства” для честных людей. Даже Казанский собор осквернен был жидовскими “освободителями”, избравшими св. храм местом своих подлых митингов и кричавших с паперги Православной церкви святотатственные речи против православия!»⁴⁶⁵.

Архивные документы и материалы периодической печати свидетельствуют, что нередко участники революционных манифестаций сами давали повод консервативно настроенным массам к насильственным действиям. В Ярославле за день до погромов 18 октября получил широкую огласку факт «поругания святыни» известным в городе торговцем и заводчиком евреем Либкеном, который, находясь на митинге в земской управе, на глазах у многочисленной публики разорвал царский портрет, а также ругал императора⁴⁶⁶. В Рыбинске причиной столкновения 19 октября революционных манифестантов с крючниками рыбинской пристани, как явствует из рапорта рыбинского полицмейстера, послужило требование к крючникам снять шапки⁴⁶⁷. 22 октября 1905 г. в Иваново-Вознесенске большевик В. Е. Морозов в ответ на требование участников крестного хода снять шапку перед царским портретом убил двух портретоносцев и прострелил портрет императора⁴⁶⁸. В Киеве после появления известия о царском манифесте революционная толпа захватила здание городской думы, разорвала в зале заседаний портреты Николая II и его предков, сбросила с думского балкона царскую корону, глумилась над портретом главы государства, что побудило лояльных горожан ответить на революционные выступления верноподданническими демонстрациями⁴⁶⁹.

В Костроме массовые беспорядки начались после выстрелов, сделанных участниками революционной демонстрации в памятник Ивану Сусанину, находившемуся на центральной

площади города. Впоследствии черносотенцы обвинили революционеров в провоцировании народа на избиение учащихся: «... главари, видя перевес на стороне простого народа, возьми да и выстрели в памятник Сусанину в досаду народу и сделай несколько выстрелов с криками «долой царя, да здравствует свобода», тогда народ не выдержал такого явного поругания, взял прямо на «ура» и загнал эту нечисть в один дом, где они ранее собирались, и около этого дома сделалась общая свалка»⁴⁷⁰. В результате костромских выступлений традиционалистов был убит ученик 3 класса семинарии В. Хотеновский, десятки человек — искалечены и ранены. Через несколько лет члены Костромского СРН писали царю: «Всемиловитвейший Государь, умоляем тебя даровать монаршее прощение костромским патриотам Русину и двадцати его единомышленникам, неправильно осужденным Московской судебной палатой за то, что они встали на защиту Тебя от оскорблений крамольников и не допустили разрушения дорогого нам памятника Сусанину»⁴⁷¹.

Показательно, что основными действующими лицами в борьбе с революционными проявлениями в Костроме являлись приехавшие на базар крестьяне, которые в отличие от городских мелкобуржуазных слоев в своих действиях руководствовались не экономическими мотивами, а идейно-традиционалистскими представлениями. Именно крестьяне в концепциях русских консерваторов являлись носителями охранительных начал и «народной правды»⁴⁷². Документы жандармского управления, опиравшиеся на сведения филеров, а также части очевидцев, приписывали крестьянству ведущую роль в разгоне революционной демонстрации⁴⁷³. Почва для их участия была подготовлена, т. к. с начала революции в деревнях распространялись слухи, что городские забастовщики и студенты сжигают иконы и ломают церкви⁴⁷⁴. Со своей стороны, либеральная пресса утверждала, что организаторами и активными участниками антиреволюционных выступлений являлись городские лавочкиники,

торговцы, люмпен-пролетарии, а не прибывшие из окрестных деревень крестьяне: «Вообще, нельзя не отметить, что из крестьян активное участие в бойне принимали лишь немногие»⁴⁷⁵; «крестьяне никогда бы не стали бить учащих, если бы не был пущен кем-то слух, что учащиеся ломают памятник Сусанину и что полиция сама приглашает крестьян и золоторотцев помочь ей разогнать учащих, т. к. разогнать их у полиции «сила не берет», и никому ничего за это не будет»⁴⁷⁶. Так или иначе, избиения производили обе социальные группы населения: как городские лавочники и торговцы, так и крестьяне.

Конкретизировать картину социального состава участников антиреволюционных выступлений в октябре позволяет обращение к архивным материалам следствия и суда. Из 22 осужденных по делу о еврейских погромах в Ярославле 16 человек числились крестьянами, 6 — мещанами. Всего к следствию привлекались 57 человек. Все проходившие по делу проживали в Ярославле. Здесь данные о сословном представительстве распределились следующим образом: 47 крестьян и 10 мещан. В отношении 23 из них в мае 1909 г. расследование было прекращено недостаточностью улик, а 12 оправданы, хотя и те и другие принимали участие в беспорядках⁴⁷⁷. Таким образом, наибольший процент погромщиков давали вчерашние крестьяне, пришедшие в город на заработки, в массе своей являвшиеся носителями традиционалистских и патриархальных представлений.

Приведенные цифры соответствует общей картине по стране. По подсчетам С. А. Степанова 83% участников погромов по сословной принадлежности были крестьянами (в Ярославле 84,3%), а 16% — мещанами (в Ярославле 15,7%)⁴⁷⁸. Подобная картина наблюдалась в Костроме, где из 28 осужденных по делу об избиении учащих 17 принадлежали к мещанскому сословию (77%), остальные — крестьяне⁴⁷⁹. Следует отметить значительный возрастной разброс громил: от 22 до 60 лет. Основную же массу составляли крестьяне зрелого возраста от 35 до 60 лет

(более 70%). Сведений об участии в погромах крупных купцов, представителей привилегированных классов, дворян, духовенства, интеллигенции обнаружено не было.

Были ли выступления традиционалистов, направленные против революционеров и евреев в октябре 1905 г., кем-то тщательно спланированы и подготовлены? Идеологи правомонархических союзов указывали на стихийность выступлений масс, характеризуя их как «вырвавшийся внезапно из глубины народа наболевший крик протеста против происходивших революционных неистовств»: «18 октября... кучка неорганизованных, никому неизвестных патриотов, возмущенных надругательством над всем, что свято русскому православному народу, собралась и пошла с портретом государя по улицам города...»⁴⁸⁰. Опровергая мнение оппозиции о подготовленном характере насильственных действий против евреев, правые заявляли: «Организовать погром народом другого племени задача нелегкая и даже неосуществимая, если в самом народе не накопилось достаточных поводов к озлоблению против другой народности», «погром есть внешнее выражение народного негодования на присосавшихся к телу народа кровопийц, и никакая организация не в состоянии насильно вызвать погром одной народности другою»⁴⁸¹.

В некоторых городах империи поводами для погромов становились произведенные выстрелы в крестные ходы и монархические манифестации участниками революционных демонстраций или неизвестными лицами из домов, принадлежавших евреям. Последнее отмечалось в Ярославле, Тамбове, Твери и т. д. В частности, в Ярославле шествовавшая по Духовской улице верноподданническая демонстрация была обстреляна из дома еврея Марголина и из здания общежития семинаристов. Как впоследствии утверждала черносотенная пресса, «эти выстрелы в царский портрет были той каплей, переполнившей терпение... Начался стихийный погром»⁴⁸². Толпа ответила камнями и разграблением всех ближайших

окрестных еврейских домов (главным образом на Власьевской улице) и семинаристского общежития.

Позднее проведенное по делу о еврейских погромах в Ярославле следствие не выявило конкретных лиц, стрелявших в патриотическую манифестацию. Поэтому сейчас трудно сказать, кто сделал выстрелы, ставшие началом трагедии. Никаких документов, подтверждающих или опровергающих причастность кого бы то ни было к организации стрельбы по патриотической демонстрации, в федеральных и местных архивах обнаружено не было.

Вина за пролитую кровь, по всей видимости, лежит на обеих сторонах, не сумевших проявить терпимость и выдержку. Но именно нарушение оппозицией сложившихся норм поведения (осквернение святынь, массовые демонстрации с красными флагами, антиправительственные речи, попытки агитации крестьян, выстрелы в крестные ходы и т. д.) было одним из факторов, спровоцировавших стихийные выступления верноподданных сил. Выскажу предположение, что именно отсутствие у консервативных сил руководящего и организующего центра, не позволило сдержать разрушительную энергию традиционалистски настроенных масс. Только с появлением правомонархических организаций, взявших под контроль народную стихию, погромы уходят в прошлое и возвращаются вновь во время Гражданской войны. Но ответственность за них черносотенцы уже нести не могли.

Объясняя причины того, почему именно евреи становились объектами насильственных посягательств, монархическая литература заявляла, что погромы происходили повсеместно из-за разрушительного влияния еврейства на традиционные сложившиеся основы религиозной и социальной жизни. Экстерриториальность и универсальность погромов должны были подтвердить данную точку зрения. «Погромы были везде, где евреи проживали, — в Берлине, во Франкфурте, Лондоне, Нью-Йорке, Риме, Мадриде и т. д.»⁴⁸³. Особо указывалось, что

погромы не являлись изобретением русского народа: «Жидов били все народы... и в древние и в средние века, а также и в наше время били жидов англичане и американцы, таким образом, все народы признавали жидов всесветными паразитами, а все народы ошибаться не могут»⁴⁸⁴.

Другой выдвинутый правомонархистами тезис гласил, что погромы были народным ответом на революцию и активное участие в ней евреев. Движущей силой кровавых бесчинств стало стихийное возмущение носителей традиционного мышления вторжением евреев в события «внутрирусской» жизни. Действительно, политически активные представители еврейского народа, получив в октябрьские дни 1905 г. возможность проявить долго сдерживаемое чувство национального унижения, внесли немалую лепту в провоцирование традиционалистов. «Русское знамя» писало: «Припомните-ка, какую кровавой полосой прошли погромы евреев в 1905 году именно в тех местах, где еврейских руководителей революции было особенно много»⁴⁸⁵.

Описывая октябрьские дни 1905 г., Русское Собрание указывало, что при получении известия об объявленных Манифестом свободах евреи оскорбили святыне чувства христиан, сделавшись им ненавистными. «Поэтому, — делало вывод руководство организации, — озлобление против евреев повсеместно возросло до крайней степени»⁴⁸⁶. Почву для погромов во многом подготавливала сионистская и революционная литература. Некоторые листовки предлагали замуровать царя в стену живым, а царевича распять, в чем «Русское знамя» находило ритуальный подтекст: «...вероятно для... истязания его младенческой крови»⁴⁸⁷.

Тезис о революционности евреев давал лидерам правомонархистов основание утверждать, что погромы были направлены не против конкретной нации, а против разрушителей устоев и носили антиреволюционный характер⁴⁸⁸. Так, председатель Ярославского отдела СРН И. Н. Кацауров пря-

мо указывал на виновников революции: «Революционную агитацию в учебных заведениях вели главным образом евреи; также и во всем так называемом освободительном движении в Ярославской губернии они стояли во главе, но везде сумели вовремя скрыться»⁴⁸⁹. Комментируя судебный процесс над погромщиками, газета «Русский народ» писала: «И в Ярославле обнаглели жида и их прихвостни, ходили с красными флагами, кричали «долой самодержавие», рвали царские портреты, выбирали президента Ярославской жидовской республики. Но русскому долготерпению настал конец, и октябрьский погром в Ярославле... надо рассматривать как протест оскорбленного русского чувства против жидовских подлостей»⁴⁹⁰.

Мнение о том, что погромы были направлены против революционного лагеря, поддерживали и официальные представители царской юстиции и высшей власти. В обвинительной речи ярославский прокурор назвал причиной погрома «деятельное участие» евреев в революции, следствием чего стало «обострение племенной и религиозной вражды к евреям»⁴⁹¹. Эта точка зрения находилась в контексте мнения Николая II, который в письме матери императрице Марии писал: «... народ возмутился наглостью и дерзостью революционеров и социалистов, а так как 9/10 из них жида, то вся злость обрушилась на тех — отсюда еврейские погромы. Поразительно, с каким единодушием и сразу это случилось во всех городах России и Сибири. В Англии, конечно, пишут, что эти беспорядки были организованы полицией, как всегда — старая, знакомая басня! Но не одним жидам пришлось плохо, досталось и русским агитаторам: инженерам, адвокатам и всяким другим скверным людям. Случаи в Томске, Симферополе, Твери и Одессе ясно показали, до чего может дойти расвирепевшая толпа, когда она окружала дома, в которых заперлись революционеры, и поджигала их, убивая всякого, кто выходил...»⁴⁹².

Участие евреев в революции, по мнению черносотенцев, стало главной причиной роста антисемитизма в среде носите-

лей традиционных ценностей, которые не потерпели вмешательства посторонних сил в свои внутренние дела: «...евреи, очевидно, боятся после того, как пролив в 1905/06 гг. русскую кровь... их наглое поведение навлекло и ненависть христианского населения, так что жида испугались — а вдруг да Россия погонит их согласно ее исторической традиции в обетованную землю...»⁴⁹³.

В последнее время в отечественной историографии получает развитие точка зрения о том, что еврейские погромы были направлены против революционно-демократического лагеря. С. А. Степанов утверждает: «Деление на избивавших и избиваемых осуществлялось не только и даже не столько по национальному, как по политическому принципу»⁴⁹⁴. «Погромы не были направлены против какой-либо конкретной нации», — заявляет исследователь, а потому называть их еврейскими «не совсем справедливо»⁴⁹⁵. Подкрепляя свою позицию, автор приводит статистику пострадавших: из 1622 убитых евреями числились 711 человек, соответственно из 3544 раненых — 1207 евреев⁴⁹⁶. Разделяя эту точку зрения, В. Острецов, ссылаясь на Комиссию сенатора Турау, созданную для расследования киевского и одесского погромов, в качестве доказательства приводит цифры: «В Киеве было убито с 18 по 21 октября 1905 г. 47 человек, в том числе евреев было из них 25%, раненых 205, из них евреев 35%»⁴⁹⁷. Таким образом, большинство пострадавших относились к нееврейскому населению.

В Ярославле объектом нападения традиционалистов становились участники революционных шествий. Особую ненависть погромщики проявляли к студентам и семинаристам. Одним из первых объектов погрома в городе стало общежитие семинаристов. После столкновения 18 октября демонстрации студентов Демидовского юридического лицея с толпой маклаков и торговцев «появление семинаристов, гимназистов и в особенности студентов стало опасным, почему учащейся

молодежи в форменной одежде почти совсем на улицах не встречается»⁴⁹⁸. Студент Демидовского юридического лицея жаловался губернатору на погромщиков: «...бросились на меня, ничего не подозревавшего, с криками «бей студента» повалили и начали бить. Проломили камнем голову, били палками, топтали меня ногами»⁴⁹⁹.

Первые исследователи правомонархического движения в Костромской губернии в 1905 г. подчеркивали: «Во всех случаях удар направляется на учащуюся молодежь, на школы или еврейство...»⁵⁰⁰. Находившийся на партийной работе в Иваново-Вознесенске М. В. Фрунзе писал: «Громили избивали не только евреев, но и всех рабочих, подозревавшихся в симпатиях к революционерам»⁵⁰¹. Избиениям подвергались наиболее активные революционеры и прежде всего депутаты Совета уполномоченных. Ивановские фабриканты и заводчики всячески поощряли традиционалистов, предоставляя им «черные списки» активистов рабочего движения, а также указывая места проживания последних. Анализ материалов ярославской периодической печати показывает, что и после погромов объектами расправ боевиков СРН становились в массе своей сознательные рабочие, студенты и гимназисты, т. е. те, кого правые считали участниками революционного движения. Случаи избиения евреев — единичны.

Иное мнение о характере погромов было у авторов «Еврейской энциклопедии»: «Несмотря на то, что погром объявлялся мстью революционерам, последние почти не пострадали... а жертвами громил сделались мирные обыватели, торговцы, местные богачи-евреи, которые по своему классовому положению были скорее враждебны революционному движению, равно и та серая еврейская масса, которая вообще не имела никакого отношения к общерусской политической жизни»⁵⁰².

Однако целостной картины погромного движения составлено не будет при игнорировании важного фактора, ока-

завшегося за пределами рассмотрения историков прошлого и настоящего. Имя ему сионизм. В конце XIX — начале XX вв. на российском политическом поле активно функционировали сионистские партии, имевшие от 373 до 800 организаций⁵⁰³. Их роль в кровавых событиях октября 1905 г. до сих пор не изучена. Уже введенные в исторический оборот факты указывают на крайне неприглядную роль членов движения, на словах декларировавших защиту еврейского населения, а на деле провоцировавших обе стороны. Исследователь С. А. Степанов привел два вида практиковавшихся ими приемов. Во-первых, настраивание русских традиционалистов против евреев. В Нежине Черниговской губернии были задержаны Янкель Брук, Израиль Тарнопольский и Пинхус Кругерский, которые разбрасывали воззвания на русском языке: «Народ! Спасайте Россию, себя, бейте жидов, а то они сделают вас своими рабами». Во-вторых, провоцирование евреев против традиционалистов. В Чернигове одновременно с антисемитскими листовками сионисты-социалисты распространяли воззвания на еврейском языке, призывавшие «израильтян» вооружаться⁵⁰⁴. После опубликования Манифеста 17 октября во многих городах империи сионисты как по команде вышли на демонстрации под знаменами с надписями «Наша взяла!» и «Сион», как будто нарочно указывая погромщикам объект избиений.

Что подвигло сионистов делать еврейское население империи заложниками столь непростой ситуации? После выхода в 1896 г. книги Теодора Герцля «Еврейское государство» сионизм стал мощным фактором не только российской, но и международной жизни. Находившееся в стадии формирования движение нуждалось в мобилизации еврейского населения на достижение поставленной цели создания собственного государства. Россия, где проживало более пяти миллионов евреев (около половины евреев всего мира), могла стать неисчерпаемым поставщиком поселенцев на «обетованную» землю. Как показывала историческая практика, наиболее

эффективно задача национального сплочения решалась при создании образа коллективного врага. Распространение сионизма сопровождалось насилиями адептов новой идеологии по отношению к своим единоплеменникам.

На возможную причастность сионистов к провоцированию погромов в октябре 1905 г. указывает то обстоятельство, что во многих городах империи (Ярославль, Тамбов, Тверь и др.) выстрелы в верноподданнические демонстрации и крестные ходы производились именно из домов, принадлежавших евреям. На страницах своих печатных изданий черносотенцы активно отработывали версию, что погромы могли быть спровоцированы противоположной стороной, т. к. богатая прослойка еврейской общины оказалась «подготовленной» к нападению. Орган ЯО СРН, комментируя ход процесса над погромщиками, в январе 1910 г. писал: «... евреи ожидали, что дело может кончиться погромом; многие из них отправили свои семьи вон из города, вывезли из лавок товары и издали любовались, как громят пустые лавки. Погром кончился, и тут евреи начали просить тысячи; просили тысячи даже и те, у кого кроме старого лапсердака и грязной ермолки ничего до погрома не было»⁵⁰⁵. Участник судебного процесса свидетель Трифонов сделал еще более жесткое заявление: «Евреи мало пострадали от погромов, так как еврейское имущество было вывезено заранее, а толпа громила пустые магазины. Евреи сами устроили ярославский погром, и после этого многие евреи, особенно Либкен разбогатели»⁵⁰⁶. Версию о заранее вывезенном имуществе косвенно подтверждает и противоположная сторона. Старый подпольщик-большевик социал-демократ Смирнов вспоминал, что крупные еврейские купцы и врачи практически не пострадали, т. к. «находились в Афанасьевском монастыре под защитой архиерея Сергия. Имущество их было сложено в кладовых монастыря»⁵⁰⁷.

В результате погромов наибольшие дивиденды от трагедии получили именно сионистские организации, использо-

вавшие мощный общественный резонанс для собственной политической легализации, пропагандистской шумихи и финансового утверждения. Получивший распространение в сионистской литературе тезис об антисемитском характере погромов, тождественности погромщиков и членов правомонархических союзов, создававший в сознании еврейского населения ощущение постоянной угрозы, был максимально использован сионистской верхушкой для утверждения в еврейской среде. Остается только надеяться, что рано или поздно появятся исследования, которые окончательно поставят точку над извечным русским вопросом «кто виноват» в общероссийской трагедии. Поэтому при комплексном исследовании погромного движения представляется необходимым включить в качестве объекта рассмотрения сионистский фактор в целях установления его роли и места в имевших место в октябре 1905 г. политических процессах.

Окончательная картина погромного движения может быть составлена при изучении каждого имевшего места погрома с последующим подведением итогов. Отечественными историками проделана значительная работа по выяснению движущих сил массовых беспорядков, социального состава погромщиков, причин и поводов к насилиям. В то же время некоторая часть регионов Центральной России, юго-западные, западные и другие губернии остаются за рамками рассмотрения исследователей. За редким исключением⁵⁰⁸ отсутствуют самостоятельные исследования с обобщением имеющихся на сегодняшний день результатов погромного движения.

С учетом недостатка исследованных материалов антиреволюционных выступлений в октябре 1905 г. по регионам, а также имеющихся диаметрально противоположных подходов в оценке участия в них правомонархических организаций (от признания такового до полного отрицания), одним из путей решения поставленной проблемы является определение приоритетов практической деятельности черносотенцев с соотнесе-

нием мирных и насильственных методов достижения поставленных целей. Иными словами, выяснение возлагавшейся на себя крайне правыми сверхзадачи (миссии) и инструментов ее решения позволит определить роль и место силовых средств в их арсенале. Безусловно, подобная постановка вопроса не даст окончательного и полного ответа на исследуемую проблему, но позволит несколько приблизить ее разрешение.

Анализ официальных документов и материалов периодической печати правомонархических организаций показывает, что их практическая деятельность была направлена на решение стержневой проблемы черносотенной идеологии — путей сохранения и возрождения русского народа, как носителя идей православия, самодержавия и народности. Основная болезнь русского народа, дальнейшее развитие которой могло привести к катастрофическим для уклада традиционного общества и самого существования Российской империи последствиям, диагностировалась крайне правыми как духовный и идейный раскол общества.

Исходя из поставленного диагноза именно решение «русского вопроса», связанного с преодолением мировоззренческого раскола и обеспечением приоритета базовых ценностей русского культурно-исторического сообщества, возвращением носителям традиционных устоев утраченных в ходе петровских реформ позиций в наиболее важных сферах социальной, политической и экономической жизни, являлось для черносотенцев первостепенным. В целях реализации поставленной задачи крайне правые предложили реализовать следующую систему мер: укрепление религиозно-нравственных устоев общества посредством восстановления первенства Русской Православной церкви, оздоровление элиты, возрождение русского патриотизма, усиление патерналистской роли государства, просвещение населения через национально ориентированное образование, борьба с пороками, в частности с пьянством и народным невежеством.

Первый шаг в преодолении духовного раскола русского народа черносотенцы видели в консолидации наиболее активной части консервативных сил. Программа СМА прямо указывала: «Сила Родины кроется в братской поддержке русскими, всех сословий и состояний, друг друга, везде и всюду, как в духовном, так и в материальном отношениях»⁵⁰⁹. Руководящую роль по реализации данной задачи правомонархисты отводили себе⁵¹⁰.

Следующий шаг им виделся в возрождении ориентированной на традиционные ценности управленческой, интеллектуальной и предпринимательской элиты русского общества, целенаправленное оздоровление которой создало бы условия для прорыва России в XX в.

Обращаясь к более подробному рассмотрению предлагаемых крайне правыми мер, зафиксируем, что они не носили погромно-террористического характера, а вписываясь в рамки законодательства России начала XX в. Рассмотрим их подробнее.

1. *Создание национально-ориентированной управленческой элиты.* Базовый подход черной сотни к данному вопросу состоял в решении проблемы человеческого фактора, а не сломе или «коренной перестройке» бюрократической системы. Поврежденность управленческой элиты могла быть преодолена наполнением властного аппарата носителями русских базовых ценностей или, по терминологии крайне правых, «патриотичным служилым людом». Иными словами, оздоровление чиновничьего сословия предлагалось проводить не через присущие либеральным государствам бесконечные реформирования, «оптимизации», министерские перетряски и прочие институциональные изменения, а через улучшение «природы» бюрократа, т. е. замену управленцев-космополитов управленцами-патриотами. Здесь правомонархисты четко позиционировали себя сторонниками опоры на традицию, заранее пресекая присущий их политическим противникам соблазн

решать любую государственную проблему посредством западных заимствований. Союз русского народа громогласно заявил о необходимости обращения к собственной истории в целях поиска в «ней более совершенных и самобытных форм управления государством, а не в чуждом нам, давно отжившем западном конституционализме, который многолетним опытом уже доказал свою полную непригодность»⁵¹¹.

Проблему поврежденности властного аппарата предлагалось решить посредством, во-первых, проведения тщательной чистки всех этажей правительственного здания⁵¹², во-вторых, систематической подготовкой руководящих кадров и тщательным подбором правительственной «команды». Идеям либералов по формированию правительства из членов различных политических партий черносотенцы противопоставили концепцию властной команды, состоящей из лиц, объединенных единым мировоззрением. Это актуализировало проблему воспитания духовно развитой личности, подготовленной к служению Отечеству, а не партийным, финансовым, клановым и групповым интересам. Для претендующих на занятие должностей, определяющих движение государственного корабля, предлагалось установить так называемую нравственную профилактику, которая «помимо недопущения к нашему государственному трону людей с инородческими идеями, подобно евреям, полякам и армянам, еще преследовала бы цель и любви к русскому народу, его православной вере и преданности царю»⁵¹³.

На особом месте для правомонархистов стояла задача исполнения носителями консервативных взглядов Государственной Думы. Формат русского «парламента», его представительство и круг решаемых им вопросов четко определялся в программе Союза Михаила Архангела: «Государственная дума как собрание лучших выборных людей от государства Российского должна быть носителем чистых русских идеалов...»⁵¹⁴. Из указания Николая II Думе быть «русской по духу» вытекал

тезис о приоритете решения именно «русского вопроса», связанного с преодолением последствий петровских реформ и возвращением страны на самобытный путь развития.

2. *Создание национально-ориентированной интеллигенции.*

Цель создания национальной интеллигенции была заявлена в датированном ноябрем 1905 г. обращении Союза русских людей: «В глубоком убеждении, что главная причина современной смуты коренится в полной оторванности от родной почвы наших так называемых образованных классов, СРЛ ставит своей конечной целью: образование истинно русской интеллигенции, то есть людей просвещенных, сознательно проникнутых теми чувствами, чаяниями и стремлениями, которые свято бережет в тайниках души своей православный народ русский и которые делают порою из безграмотного крестьянина-простеца — богатыря-подвижника»⁵¹⁵. Жестко критикуя интеллигенцию за отход от духовных ценностей своего народа и идейную зависимость от Запада, черносотенцы не теряли надежды на возвращение образованных слоев в национальное лоно. Состоявшийся в 1909 г. в Москве Монархический съезд заявлял о необходимости ликвидации «той пропасти, которая, образовавшись со времен Петра Великого, разделила русский народ на две неравные части», и выражал надежду, что «лица, образованные и одинаково с правыми партиями мыслящие по вопросам об основных государственных началах жизни, в самом скором времени подойдут ближе к народу и открыто пойдут с ним, ибо благо этого народа и Русского государства для них также дорого»⁵¹⁶. По существу, черносотенцы попытались решить глобальную задачу воссоздания национальной интеллектуальной и управленческой элиты, поставленную еще в конце XIX в. теоретиком русского монархизма Л. А. Тихомировым⁵¹⁷.

3. *Создание национально-ориентированного предпринимательского слоя.* Серьезное внимание в идеологической и практической работе правомонархистов было уделено и

экономической сфере, где ими диагностировался недуг так называемого инородческого засилья, связанный с оттеснением титульной нации из области управления народным хозяйством в плоскость зависимого труда. С точки зрения консервативной, а не националистической сущности черносотенной идеологии, проблема защиты православного населения от «иноверных эксплуататоров» могла быть решена лишь формированием национально ориентированного предпринимательского слоя, который будет ограничен морально-нравственными рамками при эксплуатации единых по вере и крови наемных рабочих⁵¹⁸.

В первую очередь планировалось вернуть в православные руки финансово-кредитную сферу⁵¹⁹. «Сила патриотических организаций и рост их с момента подавления революционного террора и естественного понижения чувства оскорбленного национального достоинства обеспечиваются проведением в жизнь для блага их сочленов таких экономических мероприятий, которые могли бы оградить русского человека от еврей-ростовщика...», — указывалось в вышедшем в марте 1908 г. обращении Главной палаты СМА⁵²⁰. Принятие отвечающего национальным интересам финансового законодательства должно было ограничить права еврейских и иностранных банков на пользование кредитом в Государственном банке, деятельность которого планировалось переориентировать на поддержку русской промышленности, торговли и сельского хозяйства⁵²¹. Состоявшийся в Москве в 1909 г. Съезд русских людей призвал правительство не оказывать из государственных средств поддержки (в виде ссуд и дешевого кредита) еврейским и польским кредитным учреждениям, создававшим условия для «экономического закабаления русского населения»⁵²². Черносотенцами предпринимались и практические шаги по развитию финансовых учреждений (товарищества взаимного кредита, обществ потребителей, ссудо-сберегательных касс и т. п.), которые, по их мнению, должны были

защитить мелкого производителя от произвола еврейских банков⁵²³.

Таким образом, общий анализ приоритетных задач правомонархических организаций, связанный с решением основной проблемы черносотенной идеологии — «русского вопроса», показывает, что, несмотря на декларировавшиеся цели обеспечения преимуществ базовых ценностей русского культурно-исторического сообщества и преодоления «инородческого» влияния, избранные для их реализации средства носили сравнительно законный характер и не предполагали обращения к погромно-террористической деятельности. Укрепление религиозно-нравственного состояния общества посредством утверждения православных ценностей, возрождение русского патриотизма, усиление патерналистской роли государства, просвещение народа через национально ориентированное образование хотя и задевали интересы проживавших в Российской империи национальных меньшинств, но не предполагали их насаждения насильственными методами, тем более путем физического уничтожения недовольных.

Обращение внимания исследователей в ходе изучения практической деятельности правомонархических организаций на национальный вопрос и недостаточное внимание к краеугольной тематике их идеологии — «русскому вопросу» неизбежно приводило к рассмотрению сюжетов, связанных с погромами еврейского населения традиционалистски настроенными лицами в октябре 1905 г. и тесной увязке их с черносотенными союзами⁵²⁴.

Национальная проблематика действительно занимала значительное место в программах крайне правых организаций. Однако отдавать ей преимущественное значение в их системе практических шагов по преобразованию России на «исконно-русских» началах представляется некоторым преувеличением. Национальный вопрос играл второстепенную роль как один из элементов решения главного приоритета — «русского вопро-

са». К сожалению, и в настоящее время ощущается недостаток специальных исследований, посвященных взглядам монархистов по «русской» проблематике. Однако уже затронутые в исторической литературе вопросы, связанные с этой темой свидетельствуют, что погромно-террористическая деятельность крайне правых союзов не являлась основным инструментом реализации их программных установок.

Также следует отметить, что обращение правомонархистов к террористическим действиям в большинстве своем происходило как ответная реакция на массовые революционные проявления, угрожавшие основам государственного строя. Даже вполне укоренившееся в отечественной историографии мнение о причастности СРН к убийствам М. Я. Герценштейна, Г. Б. Иолосса и А. Л. Караваева ставится в современных исследованиях под сомнение. В частности, проведенный Ю. И. Кирьяновым анализ не позволяет с уверенностью утверждать об организации руководством СРН убийств указанных лиц в связи с выявлением новых фигурантов из числа заказчиков, не имевших отношения к крайне правым⁵²⁵.

Анализ исторических источников и практической деятельности правомонархических союзов показывает, что погромы и террористические акты не рассматривались ими как самоцель, что, с другой стороны, не исключало возможности их использования в случае нового революционного взрыва. В целом, следует констатировать, что на сегодняшний день полной ясности в проблеме правомонархического террора не наблюдается, поэтому данный вопрос требует дальнейшего всестороннего и тщательного научного изучения.

Библиографические ссылки

- ¹ Ильин И. А. Собр. соч. М., 2001. С. 155—156.
² Меньшиков М. О. Письма к русской нации / Вступ. ст. и примеч. М. Б. Смолина. М., 2000. С. 534—535.
³ Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности. М., 1999. С. 58.

⁴ Там же. С. 55.

⁵ Лебедев С. В. Слово и дело национальной России. Очерки истории русского патриотического движения. М., 2007. С. 130.

⁶ ГОПБ. ОРК. Кор. № 46/2. № 981/33.

⁷ Меньшиков М. О. Письма к русской нации. С. 430.

⁸ Леонтьев К. Н. Поздняя осень России. М.: Аграф, 2000. С. 49.

⁹ Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности. С. 58.

¹⁰ Постановления Всероссийского Съезда Союза русского народа и примыкающих к нему монархических организаций. 21 ноября—1 декабря 1911 года в г. Москве. СПб., 1912. С. 28.

¹¹ Меньшиков М. О. Вечное воскресение (Сборник статей о церкви и вере). М., 2003. С. 293.

¹² Он же. Письма к русской нации. С. 390.

¹³ Там же. С. 176.

¹⁴ Тихомиров Л. А. Апология веры и монархии. М., 1999. С. 221.

¹⁵ Русское знамя. 1912. 13 октября.

¹⁶ Там же. 1913. 2 апреля.

¹⁷ Тихомиров Л. А. Указ. соч. С. 220.

¹⁸ Вестник Союза русского народа. 1912. № 104.

¹⁹ Там же.

²⁰ Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911—1917 гг. М., 2001. С. 305.

²¹ Вестник Союза русского народа. 1912. № 104.

²² Там же.

²³ Русское знамя. 1907. 13 мая.

²⁴ Постановления 3-го Всероссийского съезда русских людей в Киеве // ГОПБ. ОРК. Кор. 46/3. № 981/33 (№№ 8913 и 13315).

²⁵ Постановления Всероссийского съезда Союза русского народа и примыкающих к нему монархических организаций. 21 ноября—1 декабря 1911 года в г. Москве. СПб., 1912. С. 28.

²⁶ Сборник съезда русских людей в Москве. 24 сентября—4 октября 1909. М., 1910.

²⁷ Русское знамя. 1916. 25 февраля.

²⁸ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в тридцати томах. Т. 27. Л., 1984. С. 75.

²⁹ Ильин И. А. Собр. соч. М., 2001. С. 273.

³⁰ Русское знамя. 1907. 11 марта.

³¹ Прямой путь. 1912. Вып. V (май).

³² См.: Алексеев А. В. Духовно-нравственное состояние русского общества конца XIX — начала XX веков: историко-конфессиональный (православный) взгляд: автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 2008.

- ³³ Русский монархический союз и расширение его деятельности по основам высочайшего рескрипта 30 января 1914 г. М., 1914. С. 3.
- ³⁴ Русское знамя. 1907. 29 июня.
- ³⁵ Бартев Ю. П. Помраченный идеал. М., 1907. С. 2.
- ³⁶ Русское знамя. 1909. 10 сентября.
- ³⁷ Прямой путь. 1912. Вып. V (май).
- ³⁸ Русское знамя. 1908. 22 июля.
- ³⁹ Там же. 1907. 13 мая.
- ⁴⁰ Труды Всероссийского монархического совещания в Нижнем Новгороде уполномоченных правых организаций с 26 по 29 ноября 1915 г. Пг., 1916.
- ⁴¹ Русские ведомости. 1909. 2 октября.
- ⁴² Русское знамя. 1916. 9 января.
- ⁴³ Там же. 1907. 13 мая.
- ⁴⁴ Степанов С. А. Черная сотня в России. 1905—1914 гг. М., 1992. С. 22.
- ⁴⁵ Русское знамя. 1907. 11 марта.
- ⁴⁶ Там же. 1913. 2 апреля.
- ⁴⁷ Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности. С. 75—78.
- ⁴⁸ Русское знамя. 1908. 20 января.
- ⁴⁹ Земщина. 1910. 10 июня.
- ⁵⁰ Русское знамя. 1908. 25 июля.
- ⁵¹ Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности. С. 86—89.
- ⁵² Аксаков К. С. Собр. соч. Т. I. М., 1889. С. 18.
- ⁵³ Хомяков Д. А. Православие, самодержавие, народность. Минск, 1997. С. 125.
- ⁵⁴ Русское знамя. 1907. 5 ноября.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/3. № 981/33 (Инв. № 59262ЦХ).
- ⁵⁷ Репников А. В. Русский консерватизм: pro et contra // Хронос [Электронный ресурс]. М., 2011. Режим доступа: http://www.hrono.ru/proekty/rarus/ger_pro.php.
- ⁵⁸ Он же. Русская консервативная мысль о проблемах государственности // Хронос [Электронный ресурс]. М., 2011. Режим доступа: <http://www.hrono.info/proekty/gomanov/1rc08.php>
- ⁵⁹ Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. Ч. I. М., 1905. С. 12.
- ⁶⁰ Русское знамя. 1908. 17 июля.
- ⁶¹ Там же. 1907. 13 мая.
- ⁶² Там же. 1908. 15 января.

- ⁶³ Третий Всероссийский съезд русских людей в Киеве. Киев, 1906. С. 162.
- ⁶⁴ Всеподданнейший адрес Монархической партии, принятый общим собранием 8 августа 1906 г. // ГОПБ. ОРК. Кор. 46/3. № 981/33 (Инв. № 59262ЦХ).
- ⁶⁵ Русское знамя. 1911. 18 мая.
- ⁶⁶ Там же. 1909. 19 сентября.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ Там же. 1907. 12 апреля.
- ⁶⁹ Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности. С. 87.
- ⁷⁰ Русское знамя. 1907. 16 октября.
- ⁷¹ Там же. 1913. 5 февраля.
- ⁷² Там же. 1916. 1 декабря.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ Там же. 25 декабря.
- ⁷⁵ Там же. 1 декабря.
- ⁷⁶ Там же. 1913. 16 марта.
- ⁷⁷ Протоиерей Иоанн Восторгов. Монархический катехизис. М., 1999. С. 8.
- ⁷⁸ Русское знамя. 1908. 25 июля.
- ⁷⁹ Алексеев И. Е. Царско-народное мусульманское общество в Казанской губернии // Социально-историческое знание в Татарстане: исследовательские традиции и современность: Тезисы докладов Республиканской научной конференции. Казань: «Kazan — Казань», 1995. С. 18.
- ⁸⁰ Союз русского народа. М.-Л., 1929. С. 296—297.
- ⁸¹ Русское знамя. 1912. 6 октября.
- ⁸² Предвыборное воззвание к русскому народу Русского народного союза им. Михаила Архангела // Прямой путь. 1912. Вып. V (май). С. 777.
- ⁸³ Русское знамя. 1912. 6 октября.
- ⁸⁴ Вестник Союза русского народа. 1912. № 104.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ Там же.
- ⁸⁸ Русское знамя. 1916. 1 декабря.
- ⁸⁹ Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности. С. 89.
- ⁹⁰ Русское знамя. 1909. 17 октября.
- ⁹¹ Там же. 1907. 9 декабря.
- ⁹² Степанов С. А. Черная сотня. М., 2005. С. 31—32.
- ⁹³ Меньшиков М. О. Письма к русской нации. С. 471.

- ⁹⁴ Шульгин В. В. Что нам в них не нравится? М., 1991. С. 36.
- ⁹⁵ Меньшиков М. О. Письма к русской нации. С. 225.
- ⁹⁶ Русское знамя. 1913. 19 февраля.
- ⁹⁷ Восторгов И. И. Полное собрание сочинений. В 5 т. М., 1913. Т. 2. С. 146.
- ⁹⁸ Степанов С. А. Черная сотня. С. 32.
- ⁹⁹ См.: Черная сотня: историческая энциклопедия. 1900—1917. М., 2008.
- ¹⁰⁰ Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. С. 89; Лебедев С. В. Слово и дело национальной России. С. 138; и др.
- ¹⁰¹ Алексеев И. Е. Чёрная сотня в Казанской губернии. Казань, 2001; Он же. Под сенью царского манифеста (умеренно-монархические организации Казанской губернии в начале XX века). Казань, 2002; Он же. Русское национальное движение в Казанской губернии и Татарстане: конец XIX—начало XXI веков (опыт словаря). Казань, 2004; и др.
- ¹⁰² Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. С. 89.
- ¹⁰³ Прямой путь. 1913. Вып. III (март).
- ¹⁰⁴ Русское знамя. 1916. 9 января.
- ¹⁰⁵ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/2. № 381/33.
- ¹⁰⁶ Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. С. 306.
- ¹⁰⁷ Деяния первых двух Всероссийских съездов русских людей. СПб., 1906. С. 10—21.
- ¹⁰⁸ Вестник Союза русского народа. 1912. № 104.
- ¹⁰⁹ Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. С. 309.
- ¹¹⁰ Русское знамя. 1907. 22 июля.
- ¹¹¹ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/2. № 381/33.
- ¹¹² Обращение от Главной палаты Русского народного союза им. Михаила Архангела // Колокол. 1908. № 642. Приложение.
- ¹¹³ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 675—676.
- ¹¹⁴ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/1. № 17/34.
- ¹¹⁵ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 678—678 об.
- ¹¹⁶ Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. С. 306—310.
- ¹¹⁷ Политология: энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост: Ю. И. Аверьянов. М., 1993. С. 154.
- ¹¹⁸ См.: Дебольский Н. Г. Начало национальностей в русском и немецком освещении // Русское самосознание. 1995. Вып. 2.
- ¹¹⁹ Попов Э. А. Русский консерватизм: идеология и социально-политическая практика. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2005. Режим доступа: <http://www.fidel-kastro.ru/history/rossia/ruskons.htm>.
- ¹²⁰ Меньшиков М. О. Письма к русской нации. С. 186.
- ¹²¹ Там же. С. 339—340.

- ¹²² Русское знамя. 1913. 2 апреля.
- ¹²³ Там же. 1907. 7 октября.
- ¹²⁴ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/1. № 1160, 28.
- ¹²⁵ Вестник Русского собрания. 1906. 17 февраля.
- ¹²⁶ Русское знамя. 1907. 20 мая.
- ¹²⁷ Там же. 28 февраля.
- ¹²⁸ Там же. 6 февраля.
- ¹²⁹ Вече. 1909. 30 сентября.
- ¹³⁰ ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1265. Л. 16—17.
- ¹³¹ Русское знамя. 1907. 31 января.
- ¹³² Вестник Русского собрания. 1906. 17 февраля.
- ¹³³ Русское знамя. 1908. 22 июля.
- ¹³⁴ Там же. 1907. 28 апреля.
- ¹³⁵ Там же. 1912. 13 июля.
- ¹³⁶ Там же.
- ¹³⁷ Там же.
- ¹³⁸ Там же. 1911. 27 апреля.
- ¹³⁹ Там же. 1912. 13 июля.
- ¹⁴⁰ Степанов С. А. Черная сотня. С. 31.
- ¹⁴¹ Русское знамя. 1907. 10 июня.
- ¹⁴² ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 101.
- ¹⁴³ Сборник программ политических партий в России. Под ред. В. В. Водовозова. Вып. VI. СПб., 1906. С. 17—30.
- ¹⁴⁴ Там же. С. 10—16.
- ¹⁴⁵ Прямой путь. 1912. Вып. V (май). С. 776—780.
- ¹⁴⁶ Степанов С. А. Черная сотня. С. 31; Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. С. 306—308; и др.
- ¹⁴⁷ Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911—1917 гг. М., 2001; Михайлова Е. М. Черносотенные организации Среднего Поволжья в 1905—1917 гг. Чебоксары, 2000; Омельяничук И. В. Черносотенное движение на территории Украины (1904—1914 гг.). Киев, 2000; Алексеев И. Е. Чёрная сотня в Казанской губернии. Казань, 2001; Он же. Под сенью царского манифеста (умеренно-монархические организации Казанской губернии в начале XX века). Казань, 2002; Он же. Русское национальное движение в Казанской губернии и Татарстане: конец XIX—начало XXI веков (опыт словаря). Казань, 2004; и др.
- ¹⁴⁸ Алексеев И. Е. Татарский след в черносотенном движении // Русская линия [Электронный ресурс]. М., 2006. Режим доступа: <http://rusk.ru/st.php?idar=104032>
- ¹⁴⁹ Меньшиков М. О. Письма к русской нации. С. 24.

- ¹⁵⁰ Алексеев И. Е Татарский след в черносотенном движении. Режим доступа: <http://rusk.ru/st.php?idar=104032>
- ¹⁵¹ Степанов С. А. Черная сотня. С. 31.
- ¹⁵² Вестник Русского собрания. 1906. 1 декабря.
- ¹⁵³ ГОПБ. ОКР. Кор. 46/2. № 381/33.
- ¹⁵⁴ Русское знамя. 1911. 27 апреля.
- ¹⁵⁵ Там же. 1907. 26 сентября.
- ¹⁵⁶ Степанов С. А. Черная сотня. С. 32.
- ¹⁵⁷ Русский народный союз им. Михаила Архангела. Программа и Устав. СПб., 1909. (Приложение к «Колоколу». 1908. № 692).
- ¹⁵⁸ Деяния первых двух Всероссийских съездов русских людей. СПб., 1906. С. 12.
- ¹⁵⁹ См.: Труды Всероссийского монархического совещания в г. Нижнем Новгороде уполномоченных правых организаций с 26 по 29 ноября 1915 г. Пг., 1916.
- ¹⁶⁰ Государственная дума. 1906—1917. Стенографические отчеты. Т. IV. М., 1995. С. 39.
- ¹⁶¹ Там же.
- ¹⁶² См.: Совещание монархистов 21—23 ноября 1915 года в Петрограде. Постановления и краткий отчет, печатано по постановлению Совета Съездов. М., 1915.
- ¹⁶³ ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1915. Д. 110. Л. 39.
- ¹⁶⁴ См.: Труды Всероссийского монархического совещания в г. Нижнем Новгороде уполномоченных правых организаций с 26 по 29 ноября 1915 г. Пг., 1916.
- ¹⁶⁵ См.: Совещание монархистов 21—23 ноября 1915 года в Петрограде. М., 1915.
- ¹⁶⁶ См.: Труды Всероссийского монархического совещания в г. Нижнем Новгороде уполномоченных правых организаций с 26 по 29 ноября 1915 г. Пг., 1916.
- ¹⁶⁷ См.: Совещание монархистов 21—23 ноября 1915 года в Петрограде. М., 1915.
- ¹⁶⁸ Русское знамя. 1908. 22 июля.
- ¹⁶⁹ Там же. 1907. 28 апреля.
- ¹⁷⁰ Там же. 1908. 22 июля.
- ¹⁷¹ Русский народный союз им. Архангела Михаила. Программа и устав. СПб., 1909 (Приложение к «Колоколу». 1908. № 692).
- ¹⁷² Степанов С. А. Черная сотня. С. 33—47.
- ¹⁷³ Сборник программ политических партий в России. СПб., 1906. С. 17—30.
- ¹⁷⁴ Там же.

- ¹⁷⁵ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1906. II отд. Д. 833. Л. 31.
- ¹⁷⁶ Лакер У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма / Пер. с англ. М., 1994. С. 50; и др.
- ¹⁷⁷ См.: Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001; Санькова С. М. Русская партия в России: образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908—1917). Орел, 2006; и др.
- ¹⁷⁸ Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. С. 263—279.
- ¹⁷⁹ Лакер У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма. С. 50.
- ¹⁸⁰ Меньшиков М. О. Письма к русской нации. С. 221.
- ¹⁸¹ Там же. С. 272.
- ¹⁸² Там же. С. 274.
- ¹⁸³ Вестник Союза русского народа. 1912. № 104.
- ¹⁸⁴ Русское знамя. 1908. 19 июля.
- ¹⁸⁵ Степанов С. А. Черная сотня. С. 33.
- ¹⁸⁶ Русское знамя. 1907. 8 марта.
- ¹⁸⁷ Там же. 18 января.
- ¹⁸⁸ Там же. 1908. 19 августа.
- ¹⁸⁹ Там же. 1907. 8 марта.
- ¹⁹⁰ Там же.
- ¹⁹¹ Там же. 1908. 19 августа.
- ¹⁹² Там же. 1907. 11 сентября.
- ¹⁹³ Там же. 1908. 14 марта.
- ¹⁹⁴ Там же. 1912. 1 сентября.
- ¹⁹⁵ Там же.
- ¹⁹⁶ Степанов С. А. Черная сотня. С. 44—47.
- ¹⁹⁷ Русское знамя. 1907. 8 марта.
- ¹⁹⁸ ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1905. Д. 999. Ч. 39. Т. IV. Л. 133.
- ¹⁹⁹ См.: Кронштадский Иоанн. Начало и конец нашего земного мира. Опыт раскрытия пророчеств апокалипсиса. М.: Локид-пресс, 2005.
- ²⁰⁰ Русское знамя. 1910. 11 июня.
- ²⁰¹ Там же. 1911. 18 мая.
- ²⁰² Там же.
- ²⁰³ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/3. № 58804.
- ²⁰⁴ См. напр., Марков Н. Е. Войны темных сил. Статьи. 1921—1937. М., 2002. С. 132; и др.
- ²⁰⁵ Русское знамя. 1907. 27 июля.
- ²⁰⁶ Там же.
- ²⁰⁷ Там же.
- ²⁰⁸ Там же. 1912. 1 сентября.

- ²⁰⁹ Там же.
- ²¹⁰ Там же. 1908. 14 марта.
- ²¹¹ Степанов С. А. Черная сотня. С. 41.
- ²¹² Лебедев С. В. Слово и дело национальной России. С. 129, 144.
- ²¹³ Русское знамя. 1912. 19 сентября.
- ²¹⁴ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 94—108.
- ²¹⁵ Сборник программ политических партий в России. СПб., 1906. С. 10—16.
- ²¹⁶ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 678.
- ²¹⁷ Постановления Всероссийского съезда Союза русского народа и примыкающих к нему монархических организаций. 21 ноября—1 декабря 1911 в г. Москве. СПб., 1912. С. 1—29.
- ²¹⁸ Сборник съезда русских людей в Москве. 24 сентября—4 октября. 1909. М., 1910.
- ²¹⁹ См.: Сборник съезда русских людей в Москве. 24 сент.—4 окт. 1909. М., 1910. С. 128—188.
- ²²⁰ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 678.
- ²²¹ Там же.
- ²²² Сборник съезда русских людей в Москве. 24 сентября—4 октября. 1909. М., 1910.
- ²²³ Русское знамя. 1907. 6 апреля.
- ²²⁴ Там же.
- ²²⁵ Прямой путь. 1912. Вып. II (февраль).
- ²²⁶ Третий Всероссийский съезд русских людей в Киеве. Киев, 1906. С. 114—141.
- ²²⁷ Там же.
- ²²⁸ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 678.
- ²²⁹ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/3. № 981/33 (№ 13315).
- ²³⁰ Вестник Союза русского народа. 1912. № 104.
- ²³¹ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 96.
- ²³² Вестник Союза русского народа. 1912. № 104.
- ²³³ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1905. Д. 1350. Ч. 17. Лит. А. Л. 269.
- ²³⁴ Земщина. 1910. 10 февраля.
- ²³⁵ Прямой путь. 1909. 28 октября.
- ²³⁶ Русское знамя. 1907. 5 декабря.
- ²³⁷ Там же. 5 декабря.
- ²³⁸ Там же. 12 июля.
- ²³⁹ Там же. 1908. 3 апреля.
- ²⁴⁰ Там же. 1907. 20 января.
- ²⁴¹ Там же. 1908. 17 июля.
- ²⁴² Там же. 1911. 26 февраля.

- ²⁴³ Степанов С. А. Черная сотня. С. 30.
- ²⁴⁴ Русское знамя. 1907. 18 мая.
- ²⁴⁵ Там же. 1908. 28 августа.
- ²⁴⁶ Лебедев С. В. Слово и дело национальной России. С. 138.
- ²⁴⁷ Русское знамя. 1912. 14 августа.
- ²⁴⁸ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/2. № 381/33.
- ²⁴⁹ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 675.
- ²⁵⁰ Вестник Союза русского народа. 1912. № 104.
- ²⁵¹ Русское знамя. 1907. 14 февраля.
- ²⁵² Там же. 1908. 24 июля.
- ²⁵³ ГАРФ. Ф. 102. ОО. Оп. 265. 1916. Д. 610. Л. 100.
- ²⁵⁴ Там же. Ф. 116. Оп. 1. Д. 37. Л. 7.
- ²⁵⁵ Третий Всероссийский съезд русских людей в Киеве. С. 145—189.
- ²⁵⁶ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/2. № 381/33.
- ²⁵⁷ Прямой путь. 1912. Вып. V (май).
- ²⁵⁸ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 68—85.
- ²⁵⁹ Русское знамя. 1907. 29 июня.
- ²⁶⁰ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 68—85.
- ²⁶¹ Прямой путь. 1912. Вып. V (май).
- ²⁶² Сборник программ политических партий в России. СПб., 1906. С. 15.
- ²⁶³ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 37. Л. 7.
- ²⁶⁴ Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 678.
- ²⁶⁵ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/1. № 1100/28.
- ²⁶⁶ Лебедев С. В. Слово и дело национальной России. С. 142.
- ²⁶⁷ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 677.
- ²⁶⁸ Там же.
- ²⁶⁹ Программы политических партий России. Конец XIX—начало XX вв. М., 1995. С. 444—445.
- ²⁷⁰ ГОПБ. ОРК. Кор. № 46/2. № 981/33.
- ²⁷¹ Русское знамя. 1911. 6 января.
- ²⁷² Там же. 1907. 20 января.
- ²⁷³ Вестник Русского собрания. 1906. 17 февраля.
- ²⁷⁴ ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1265. Л. 6.
- ²⁷⁵ Там же. Л. 16—17.
- ²⁷⁶ Степанов С. А. Черная сотня. С. 30—31; Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. С. 304.
- ²⁷⁷ Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. С. 298—301.
- ²⁷⁸ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/2. № 381/33.
- ²⁷⁹ Русский народный союз им. Архангела Михаила. Программа и устав. СПб., 1909 (Приложение к «Колоколу». 1908. № 692).

- ²⁸⁰ Степанов С. А. Черная сотня. С. 30—31.
- ²⁸¹ Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. С. 304.
- ²⁸² Программы политических партий России. Конец XIX — начало XX вв. С. 444—445.
- ²⁸³ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 94—108.
- ²⁸⁴ Вестник Союза русского народа. 1912. № 104.
- ²⁸⁵ Колокол. 1908. № 642. Приложение.
- ²⁸⁶ Вече. 1909. 18 октября.
- ²⁸⁷ Постановления Всероссийского съезда Союза русского народа и примыкающих к нему монархических организаций. 21 ноября—1 декабря 1911 г. в Москве. СПб., 1912. С. 1—29.
- ²⁸⁸ Там же.
- ²⁸⁹ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/3. № 981/33 (№№ 8913 и 13315).
- ²⁹⁰ ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1905. Д. 999. Ч. 39. Т. IV. Л. 133.
- ²⁹¹ Русская правда. 1914. 21 марта.
- ²⁹² Там же.
- ²⁹³ Там же.
- ²⁹⁴ ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1905. Д. 999. Ч. 39. Т. IV. Л. 133.
- ²⁹⁵ Степанов С. А. Черная сотня. С. 31—32.
- ²⁹⁶ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 663—656.
- ²⁹⁷ Устав и основоположения Союза русского народа. М., 1906. С. 8.
- ²⁹⁸ Программы политических партий России. Конец XIX—начало XX вв. С. 444—445.
- ²⁹⁹ ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1265. Л. 6.
- ³⁰⁰ Деяния первых двух Всероссийских съездов русских людей. СПб., 1906. С. 10—21.
- ³⁰¹ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 663—656.
- ³⁰² Меньшиков М. О. Письма к русской нации. С. 156.
- ³⁰³ Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. С. 249, 250, 258.
- ³⁰⁴ Русское знамя. 1911. 27 апреля.
- ³⁰⁵ Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. С. 249, 250, 333.
- ³⁰⁶ Русское знамя. 1909. 30 мая.
- ³⁰⁷ Там же. 1911. 1 мая.
- ³⁰⁸ Там же. 27 апреля.
- ³⁰⁹ Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. С. 307.
- ³¹⁰ Русское знамя. 1907. 10 июня.
- ³¹¹ Лебедев С. В. Слово и дело национальной России. С. 138.
- ³¹² Русское знамя. 1909. 30 мая.
- ³¹³ Тихомиров Л. А. Апология веры и монархии. С. 220.

- ³¹⁴ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 94—108.
- ³¹⁵ Любош С. Б. Русский фашист Владимир Пуришкевич. Л., 1925. С. 11.
- ³¹⁶ См.: Табак Ю. Отношение Русской Православной Церкви к евреям: история и современность // Диа-Логос 1998—99. М., 1999.
- ³¹⁷ Левицкий В. О. Правые партии // Общественное движение в России в начале XX в. Т. 3. СПб., 1914. С. 347—469.
- ³¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 333; Т. 14. С. 109, 132; Т. 12. С. 56—57; Т. 10. С. 360; Т. 11. С. 189—190.
- ³¹⁹ Маевский Е. Общая картина движения // Общественное движение в России в начале XX века. Т. 2. СПб., 1910. Вып. 1. С. 34—184.
- ³²⁰ Дубнов С. М. Погромные эпохи (1881—1916) // Материалы для истории антиеврейских погромов в России. Пг., 1919. Т. 1. С. IX—XV; Хейфец И. Я. Мировая реакция и еврейские погромы. Б. м., 1925. Т. 1. С. 3—14; Красный-Адмони Г. Старый режим и погромы // Материалы для истории антиеврейских погромов в России. Пг., 1919. Т. 1. С. XVI—XXXII.
- ³²¹ Комин В. В. История помещичьих, буржуазных и мелкобуржуазных политических партий России: Курс лекций. Калинин, 1970; Он же. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных политических партий России. М., 1965; Спириин Л. М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (нач. XX в.—1920 г.). М., 1977; Аврех А. Я. Царизм и IV Дума (1912—1914 гг.). М., 1981; Он же. Столыпин и Третья Дума. М., 1968; Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 годах. Л., 1978.
- ³²² Комин В. В. Указ. соч.; Спириин Л. М. Указ. соч.; Аврех А. Я. Царизм и IV Дума 1912—1914 гг.
- ³²³ Карпунин Д. В. «Черная сотня». Вехи осмысления в России. М., 2009. С. 197—214.
- ³²⁴ Степанов С. А. Черная сотня. С. 96—97.
- ³²⁵ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. I—III. Царствование Николая II. М.-Пг., 1923. Т. I. С. 223.
- ³²⁶ Русский народ. 1908. 17 января.
- ³²⁷ Там же. 1909. 5 февраля.
- ³²⁸ Земщина. 1911. 26 апреля.
- ³²⁹ Лебедев С. В. Слово и дело национальной России. С. 122.
- ³³⁰ Там же.
- ³³¹ Бурцев В. Л. Протоколы сионских мудрецов. Доказанный подлог. Париж, 1938. С. 107.
- ³³² ГАЯО. Ф. 73. Оп. 9. Д. 239. Л. 74.
- ³³³ Там же. Л. 77.
- ³³⁴ Степанов С. А. Черная сотня. С. 70.
- ³³⁵ «Мать мою, родимую Россию, уродуют». Письма К. П. Победоносцева С. Д. Шереметеву // Источник. 1996. № 6. С. 12.

- ³³⁶ Степанов С. А. Черная сотня в России. С. 71.
- ³³⁷ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 9. Д. 239. Л. 97.
- ³³⁸ Конокоткин А. Черносотенное движение в Костромской губ. // 1905 год в Костроме: Сб. статей. Кострома, 1926. С. 150.
- ³³⁹ ГАЯО. Ф. 509. Оп. 4. Д. 84. Л. 57.
- ³⁴⁰ Там же. Л. 57—58.
- ³⁴¹ Там же. Ф. 73. Оп. 4. Д. 4496. Л. 48.
- ³⁴² Русский народ. 1910. 14 января.
- ³⁴³ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 4. Д. 4498. Л. 240—241 (из свидетельских показаний по делу о погромах в Ярославле в 1905 г.).
- ³⁴⁴ Русский народ. 1910. 14 января.
- ³⁴⁵ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 4. Д. 4498. Л. 240.
- ³⁴⁶ Лебедев С. В. Слово и дело национальной России. С. 122.
- ³⁴⁷ Там же. С. 103, 123.
- ³⁴⁸ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 9. Д. 267(2). Л. 33.
- ³⁴⁹ Там же. Оп. 4. Д. 4507. Л. 12.
- ³⁵⁰ Русское знамя. 1907. 15 апреля.
- ³⁵¹ Там же.
- ³⁵² Там же.
- ³⁵³ Там же.
- ³⁵⁴ См.: Табак Ю. Указ. соч. // Диа-Логос 1998—99. М., 1999.
- ³⁵⁵ Там же.
- ³⁵⁶ Размолодин М. Л. Черносотенные организации губерний Верхне-го Поволжья в 1905—1914 гг. (на материалах Ярославской, Костромской и Владимирской губерний). Ярославль, 2001. С. 71—74.
- ³⁵⁷ Размолодин М. Л. Указ. соч. С. 20, 23.
- ³⁵⁸ Русское знамя. 1913. 13 июня.
- ³⁵⁹ Там же.
- ³⁶⁰ Карпунин Д. В. Указ. соч. С. 214—231.
- ³⁶¹ Стеценко А. И. Черносотенцы Поволжья в 1905—1907 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Ульяновск, 2002. С. 43; Толочко А. П. Хроника черносотенно-монархического движения в Сибири. 1905—февр. 1917 г. // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895—1917 гг. Томск, 1994. С. 25; Ганелин Р. Ш. Черносотенные организации, политическая полиция и государственная власть в царской России // Национальная правая прежде и теперь. Историко-социологические очерки. Ч. 1. Россия и русское зарубежье. СПб., 1992. С. 94.
- ³⁶² Толочко А. П. Хроника черносотенно-монархического движения в Сибири. 1905—февраль 1917 г. // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895—1917 гг. Томск, 1994. С. 45.

- ³⁶³ Бузмаков Е. Л. Образование и основные направления деятельности правомонархических организаций в Западной Сибири // Социокультурные исследования. 1997. С. 79.
- ³⁶⁴ Лавриков С. В. Правомонархическое движение в Тверской губернии (1905—1915 гг.). Дис. ...канд. ист. наук. Тверь, 1996. С. 55.
- ³⁶⁵ Степанов С. А. Черная сотня в России. С. 52; Станкова М. В. Черносотенно-монархическое движение в Западной Сибири в 1905—1917 гг. Дис. ...канд. ист. наук. Омск, 1999. С. 54—56; Язынин А. Е. Возникновение черносотенно-монархических организаций Западной Сибири и их взаимодействие с политическими противниками (1905—1914). Дис. ...канд. ист. наук. Омск, 2005. С. 15.
- ³⁶⁶ Лебедев С. В. Слово и дело национальной России. С. 123; Омелянчук И. В. Черносотенное движение...: автореф. дис. ...докт. ист. наук. С. 40; и др.
- ³⁶⁷ Кирьянов Ю. И. Предисловие // Правые партии. 1905—1917: Документы и материалы. Т. 1. Л. 16.
- ³⁶⁸ Северный край. 1905. 8 декабря.
- ³⁶⁹ Размолодин М. Л. Указ. соч. С. 39—40.
- ³⁷⁰ Лебедев С. В. Слово и дело национальной России. С. 123; Омелянчук И. В. Черносотенное движение...: автореф. дис. ...докт. ист. наук. С. 40; Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. С. 350; и др.
- ³⁷¹ Омелянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи (1901—1914). Киев, 2006. С. 102.
- ³⁷² Обнинский В. П. Новый строй. М., 1909. С. 8.
- ³⁷³ Земщина. 1911. 26 апреля.
- ³⁷⁴ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 223.
- ³⁷⁵ Омелянчук И. В. Черносотенное движение...: автореф. дис. ... докт. ист. наук. С. 40.
- ³⁷⁶ Русское знамя. 1911. 1 мая.
- ³⁷⁷ Там же. 1907. 15 мая.
- ³⁷⁸ Там же. 1911. 1 мая.
- ³⁷⁹ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 655.
- ³⁸⁰ Русское знамя. 1913. 13 июня.
- ³⁸¹ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 675—676.
- ³⁸² Цит. по: Степанов А. Черносотенцы и их борьба с беззаконием и смутой. Альманах «Православие или смерть» // <http://rusk.ru/Press/Almanac/index.htm>.
- ³⁸³ ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1905. Д. 999. Ч. 39. Т. IV. Л. 50—51.
- ³⁸⁴ Русская правда. 1910. 18 марта.
- ³⁸⁵ Русский народ. 1910. 10 января.
- ³⁸⁶ Русское знамя. 1907. 5 июля.

- ³⁸⁷ Там же. 1909. 10 апреля.
- ³⁸⁸ Там же. 1913. 13 июня.
- ³⁸⁹ Там же. 1906. 6 августа.
- ³⁹⁰ Там же. 1908. 17 июля.
- ³⁹¹ Размолодин М. Л. Указ. соч. С. 213.
- ³⁹² Русское знамя. 1907. 12 декабря.
- ³⁹³ Омелянчук И. В. Черносотенное движение...: автореф. дис. ...докт. ист. наук. С. 39.
- ³⁹⁴ Русский народ. 1907. 10 октября.
- ³⁹⁵ Русское знамя. 25 ноября.
- ³⁹⁶ Там же. 1906. 20 сентября.
- ³⁹⁷ Там же. 1907. 12 января.
- ³⁹⁸ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 595. Л. 9.
- ³⁹⁹ Там же.
- ⁴⁰⁰ Северная газета. 1907. 16 июня.
- ⁴⁰¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 234 (1906). Д. 2. Ч. 54. Л. 3.
- ⁴⁰² Размолодин М. Л. Указ. соч. С. 99.
- ⁴⁰³ Северный край. 1905. 20 ноября.
- ⁴⁰⁴ Степанов С. А. Черная сотня. С. 198—205.
- ⁴⁰⁵ Вестник рыбинской биржи. 1906. 4 октября.
- ⁴⁰⁶ Размолодин М. Л. Указ. соч. С. 100.
- ⁴⁰⁷ ГАЯО. Отдел рукописей. Оп. 2. Д. 1164. Л. 17.
- ⁴⁰⁸ Вестник рыбинской биржи. 1906. 4 октября.
- ⁴⁰⁹ ГАЯО. Отдел рукописей. Оп. 2. Д. 1164. Л. 23.
- ⁴¹⁰ Там же. Л. 17.
- ⁴¹¹ Там же.
- ⁴¹² Русский народ. 1906. 8 октября.
- ⁴¹³ Поволжский вестник. 1907. 23 ноября.
- ⁴¹⁴ Карпунин Д. В. Указ. соч. С. 356; Алексеев И. Е. Черная сотня: веки осмысления в России: рецензия на книгу Д. В. Карпунина // На страже империи. Вып. IV. Казань, 2011. С. 37; Степанов С. А. Черная сотня. С. 220; и др.
- ⁴¹⁵ Омелянчук И. В. Черносотенное движение...: автореф. дис. ...докт. ист. наук. С. 40
- ⁴¹⁶ Русский народ. 1909. 29 апреля.
- ⁴¹⁷ Там же.
- ⁴¹⁸ Погромы // Еврейская энциклопедия. СПб., 1912. С. 618.
- ⁴¹⁹ Степанов С. А. Черная сотня в России. С. 54—55.
- ⁴²⁰ Левицкий В. Правые партии // Общественное движение в России в начале XX в. СПб., 1914. Т.3. С. 338.
- ⁴²¹ Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские! Сост. А. Д. Степанов. М., 2008. С. 344.
- ⁴²² Политология: энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост.: Ю. И. Аверьянов. М., 1993. С. 396.
- ⁴²³ Русское знамя. 1907. 5 июля.
- ⁴²⁴ Там же. 1910. 14 мая.
- ⁴²⁵ Там же. 1907. 5 июля.
- ⁴²⁶ Там же.
- ⁴²⁷ Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900—1917. Сост. А. Д. Степанов, А. А. Иванов. М., 2008.
- ⁴²⁸ В работе над энциклопедией принимали участие А. Д. Степанов, д.и.н. А. А. Иванов, д.философ.н. С. В. Лебедев, д.филол.н. А. М. Любо-мудров и к.и.н. Д. И. Стогов (Санкт-Петербург); д.э.н. О. А. Платонов, к.пед.н. Ю. В. Климаков, М. Б. Смолин (Москва); д.э.н. Т. В. Кальченко (Киев); д.и.н. А. Д. Каплин и д.и.н. И. П. Сергеев (Харьков); д.и.н. Е. М. Михайлова (Чебоксары); д.и.н. И. В. Омелянчук (Владимир); к.и.н. И. Е. Алексеев (Казань); к.и.н. В. Ю. Рылов (Воронеж); к.и.н. К. В. Максимов (Уфа); к.и.н. С. А. Ильин (Тамбов) и к.и.н. Н. В. Шарова (Уварово, Тамбовская обл.); к.и.н. А. А. Фоменков и к.и.н. С. В. Чесноков (Н. Новгород); д.и.н. Ю. А. Иванов (Шуя); д.и.н. К. Е. Балдин и к.тех.н. С. О. Алексинский (Иваново); к.и.н. С. М. Санькова и историк А. Б. Гуларян (Орел); к.и.н. Ю. В. Слесарев (Пенза); к.и.н. А. И. Стеценко (Ульяновск) и др.
- ⁴²⁹ Черная сотня: историческая энциклопедия. С. 14.
- ⁴³⁰ Там же. С. 5.
- ⁴³¹ Санькова С. М. Русская партия в России: образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908—1917). Орел, 2006; Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001; и др.
- ⁴³² См.: Новая философская энциклопедия: В 4 тт. М.: Мысль. Под ред. В. С. Степина. 2001; Краткий философский словарь. Под ред. А. П. Алексе-ева. М., 2007. С. 396—397; Попов Э. А. Русский консерватизм: идеология и социально-политическая практика. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2005.
- ⁴³³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 237 (1907). Д. 219. Л. 3.
- ⁴³⁴ Северный край. 1905. 25 октября.
- ⁴³⁵ Зайцев А. Забастовки железнодорожников в 1905 г. в Ярославской губернии // Ярославль в первой русской революции. С. 137.
- ⁴³⁶ Вестник рыбинской биржи. 1905. 21 октября.
- ⁴³⁷ Погромы // Еврейская энциклопедия. С. 620.
- ⁴³⁸ Русское знамя. 1910. 11 июня.
- ⁴³⁹ Северный край. 1905. 26, 30 октября.
- ⁴⁴⁰ ГАЯО. Ф. 347. Оп. 1. Д. 474. Л. 36.

- ⁴⁴¹ Погромы // Еврейская энциклопедия. С. 619.
⁴⁴² Там же. С. 618.
⁴⁴³ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 595. Л. 10.
⁴⁴⁴ Русский народ. 1907. 25 ноября.
⁴⁴⁵ Там же. 1909. 30 мая.
⁴⁴⁶ Размолодин М. Л. Указ. соч. С. 32—36.
⁴⁴⁷ ГАЯО. Отдел рукописей. Оп. 2. Д. 1164. Л. 7.
⁴⁴⁸ Северный край. 1905. 25 октября.
⁴⁴⁹ Там же. 25 октября.
⁴⁵⁰ Там же. 30 октября.
⁴⁵¹ ГАЯО. Отдел рукописей. Оп. 2. Д. 1164. Л. 21.
⁴⁵² Северный край. 1905. 2 ноября.
⁴⁵³ Пурин. Погромы // Ярославль в первой русской революции. Ярославль, 1925. Л. 205.
⁴⁵⁴ Костромской листок. 1905. № 104.
⁴⁵⁵ Конокотин А. Указ. соч. С. 149.
⁴⁵⁶ ГАЯО. Ф. 347. Оп. 1. Д. 474. Л. 25.
⁴⁵⁷ Там же. Отдел рукописей. Оп. 2. Д. 1164. Л. 19.
⁴⁵⁸ Там же.
⁴⁵⁹ Там же. Л. 20.
⁴⁶⁰ Там же. Ф. 73. Оп. 4. Д. 4496. Л. 156.
⁴⁶¹ Русский народ. 1910. 14 января.
⁴⁶² Костромские епархиальные ведомости. 1905. 1 ноября.
⁴⁶³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 237 (1907). Д. 219. Л. 3.
⁴⁶⁴ Степанов С. А. Черная сотня в России. С. 57—58.
⁴⁶⁵ Русское знамя. 1907. 1 августа.
⁴⁶⁶ Русский народ. 1910. 14 января.
⁴⁶⁷ ГАЯО. Оп. 4. Д. 4496. Л. 183 (рапорт рыбинского полицмейстера).
⁴⁶⁸ Косарев И. Октябрьские дни в Иваново-Вознесенске // 1905 год в Иваново-Вознесенском районе Иваново-Вознесенск, 1925. С. 154.
⁴⁶⁹ Шульгин В. Годы. Дни. 1920. М., 1990. С. 343.
⁴⁷⁰ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 266. Л. 4 (письмо Русина Дубровину).
⁴⁷¹ ГАКО. Ф. 133. Оп. 38. Д. 15. Л. 229.
⁴⁷² Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности. С. 88—89.
⁴⁷³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 237 (1907). Д. 219. Л. 3; Костромские епархиальные ведомости. 1905. 1 ноября.
⁴⁷⁴ Караваев П. 1905 год в Костроме (из воспоминаний участника) // 1905 год в Костроме. С. 62.
⁴⁷⁵ Неверов И. И. Из материалов по крестьянскому движению в 1905—1906 гг. // 1905 год в Костроме. С. 123.

- ⁴⁷⁶ Конокотин А. Указ. соч. С. 149.
⁴⁷⁷ ГАЯО. Ф. 347. Оп. 1. Д. 474. Л. 61.
⁴⁷⁸ Степанов С. А. Черная сотня в России. С. 77, 79.
⁴⁷⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 237. Д. 219. Л. 4—5.
⁴⁸⁰ Русский народ. 1907. 25 ноября.
⁴⁸¹ Там же. 1908. 23 августа.
⁴⁸² Там же. 1910. 10 января.
⁴⁸³ Русское знамя. 1907. 8 марта.
⁴⁸⁴ Там же. 1910. 11 июня.
⁴⁸⁵ Там же. 1913. 15 октября.
⁴⁸⁶ Вестник Русского собрания. 1906. 22 сентября.
⁴⁸⁷ Русское знамя. 1913. 13 июня.
⁴⁸⁸ Марков Н. Е. Войны темных сил. С. 494.
⁴⁸⁹ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 595. Л. 9.
⁴⁹⁰ Русский народ. 1910. 10 января.
⁴⁹¹ Там же. 1910. 14 января.
⁴⁹² Цит. по: Черная сотня: историческая энциклопедия. С. 9.
⁴⁹³ Русское знамя. 1912. 1 сентября.
⁴⁹⁴ Степанов С. А. Черная сотня в России. С. 61.
⁴⁹⁵ Там же. С. 57.
⁴⁹⁶ Там же. С. 56—57.
⁴⁹⁷ Острецов В. Черная сотня и красная сотня. М., 1991. С. 23.
⁴⁹⁸ Ярославские вести. 1905. 25 октября.
⁴⁹⁹ Цит. по: Размолодин М. Л. Указ. соч. С. 29.
⁵⁰⁰ Конокотин А. Указ. соч. С. 149.
⁵⁰¹ Цит. по: Галкин В. А. Иваново-Вознесенские большевики в период первой русской революции. Иваново, 1952. С. 129.
⁵⁰² Погромы // Еврейская энциклопедия. С. 619.
⁵⁰³ Степанов С. А. Черная сотня. С. 42.
⁵⁰⁴ Там же. С. 82.
⁵⁰⁵ Русский народ. 1910. 10 января.
⁵⁰⁶ Там же. 14 января.
⁵⁰⁷ Пурин. Погромы // Ярославль в первой русской революции. Ярославль, 1925. С. 210.
⁵⁰⁸ См.: Карпухин Д. В. Указ. соч. С. 196—258; Шукшина Т. А. «Черносотенные» погромы октября 1905 года в России: культурный конфликт в российском обществе начала XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2010.
⁵⁰⁹ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 678.
⁵¹⁰ Там же. Ф. 112. ДП ОО. 1905. Д. 999. Ч. 39. Т. IV. Л. 133.
⁵¹¹ Русское знамя. 1907. 22 февраля.

- ⁵¹² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. 1916. Д. 610. Л. 100.
⁵¹³ Русское знамя. 1907. 1 мая.
⁵¹⁴ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 678.
⁵¹⁵ Там же. Оп. 1. Д. 618. Л. 2.
⁵¹⁶ Вече. 1909. 18 октября.
⁵¹⁷ Каторга и ссылка. 1928. № 12. С. 63.
⁵¹⁸ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.
⁵¹⁹ Колокол. 1908. № 642. Приложение
⁵²⁰ Там же.
⁵²¹ Прямой путь. 1912. Вып. V (май).
⁵²² Сборник съезда русских людей в Москве 24 сентября—4 октября 1909. М., 1910. С. 128—188.
⁵²³ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 655.
⁵²⁴ Евгенийев А. Е. Царские погромщики. Пг., 1919; Коган И. Погромы в дни свободы (октябрь 1905 г.). М., 1925; Любош С. Б. Русский фашист Владимир Пуришкевич. Л., 1925; Залежский В. Н. Монархисты. Харьков, 1929; Норман Кон. Благос.
⁵²⁵ Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. С. 352.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Массовое появление правомонархических организаций на политической арене России в начале XX в. было обусловлено реакцией традиционалистской части населения на усиление модернизационных процессов, первую российскую революцию, Манифест 17 октября 1905 г., несших, по мнению крайних правых, угрозу идеократической системе самодержавного властiuстроения, первенствующему статусу РПЦ, целостности и самобытному пути развития страны. Стремление черносотенцев, ранее находившихся в стороне от противоборства правительственно-бюрократического, либерального и революционного лагерей, отстоять базовые ценности традиционного общества позволяет отнести правомонархическое движение к консервативному спектру.

Важной причиной широкой социальной базы и исключительно быстрой мобилизации, позволившей крайне правым организациям стать серьезной политической силой, стала общность миропонимания традиционалистской части населения России, отражавшая универсальные христианские мировоззренческие ценности, обширный спектр стереотипов социально-исторического мышления, сторонники которой находились во всех слоях общества. Именно принадлежность к религиозной парадигме консолидировала разные, а иногда и противостоящие по социальным и классовым интересам слои общества. Объединение в правомонархическом движении шло не только и не сколько по вектору защиты дворянско-помещи-

чьих привилегий, сколько по идентичности мировоззренческих взглядов. Имея опору во всех слоях общества, крайне правым союзам удалось привлечь под свои знамена больше членов, чем всем политическим партиям России вместе взятым¹.

Граница между либеральным, революционным и правомонархическим лагерями пролегла по линии мировоззренческого раскола секулярно-позитивистской идеологии (в различных ее вариациях) и религиозно-традиционалистской. Это обусловило выбор крайне правыми объектов для противодействия, к которым они относили порожденную петровскими реформами антинациональную (космополитическую) бюрократию и являвшихся трансляторами различных западных концепций переустройства общества оппозиционные политические силы.

Применение разработанного К. Манхеймом идейного подхода² позволяет решить проблему относимости правомонархического движения к консервативному спектру, посредством выявления общности идейных основ и системообразующих компонентов его доктрины с европейским и русским консерватизмом, обусловленных защитой христианской и национальной традиции. Квинтэссенция русской консервативно-политической философии, выраженная уваровской триадой «Православие, самодержавие, народность», составила фундамент черносотенной идеологии, на котором строились система ценностей, базовые принципы и остальные положения крайне правой доктрины, а именно: православная константа и первенство РПЦ, неизбежность самодержавной власти и приоритет сильного государства, самобытность российского государства и культуры, специфика подходов к имперской и национальной проблематике, роли и места русского народа в контексте сохранения империи, мессианству, «русской идее» и др.

Выдвигавшееся правомонархистами требование первенства православной веры подразумевало придание церкви верховного значения в государственных делах, утраченного в результате петровских реформ. В многочисленных решениях съездов подробно прописывался комплекс мер по вос-

становлению защитительно-охранительной функции церкви, а именно: восстановление патриаршества и созыв для этих целей Поместного собора; нейтрализация и всемерное ослабление влияния на церковь государственной бюрократии; усиление влияния церкви во внутривнутриполитической жизни государства; неукоснительное соблюдение законодательства Российской империи о РПЦ как о государственной и первенствующей религии.

Краеугольным камнем политико-идеологической концепции правомонархических организаций стала идея Русской православной монархии и обоснованное русскими консерваторами XIX в. положение об историческом союзе самодержавия и русского народа, эффективное взаимодействие которых доказывалось выживанием российского государства в непростых геополитических условиях и созданием не имевшей в истории аналогов империи. Признавая, что наиболее приближенным к идеалу Русской православной монархии являлось допетровское самодержавие, сумевшее реализовать модель «единения царя с народом», крайне правые идеологи утверждали, что неограниченное самодержавие является конструктивным образом будущего, т. к. в завершённом виде и окончательно установившейся форме никогда не существовало³.

Несмотря на собственное позиционирование быть «опорой престола», черносотенцев нельзя отнести к реакционным объединениям, ориентировавшимся на возврат к доманифестному строю, так как модель абсолютистской монархии не вписывалась в их представления об исторической русской власти. Наличие программ крайне правых организаций по решению социальных проблем значительных групп населения опровергает тезис об их стремлении к консервации сложившегося в России в начале XX в. положения. Правомонархические организации нельзя также в полной мере квалифицировать как ситуативно-консервативное движение, стремившееся сохранить постманифестный строй. Будучи критически настроенными к существующей абсолютистско-бюрократической

системе власти и не признавая Государственную Думу как законодательный орган, черносотенцы ориентировались на серьезные преобразования в сторону своего патриархального идеала «единения царя с народом».

С момента своего возникновения черносотенцы позиционировали себя как движение, ставящее целью отстоять «самобытный» путь развития России; базирующееся исключительно на русской духовной и исторической почве; не признающее рожденных в иных социально-культурных условиях подходов к реформированию страны, а потому не имеющее универсальных рецептов по решению мировых проблем и развитию других стран и народов. Русоцентричный характер их идеологии, ограниченный рамками Российской империи, определил мировоззренческое различие с их политическими противниками из либерального и революционного лагерей, предлагавших глобальные проекты социального переустройства мира.

Общность идейных основ и системообразующих компонентов правомонархической идеологии с европейским и русским консерватизмом, обусловленных защитой христианской и национальной традиции, устанавливает границу с националистической доктриной. Использование уваровской триады в качестве определителя принадлежности к консервативному сегменту позволяет установить водораздел между двумя мировоззрениями, проявившийся в отношении к религиозной константе. Если черносотенцы ставили в центр своей идеологии защиту православия и вытекающего из него самодержавия и не превозносили нацию как высшую ценность (рассматривая ее производной от двух первых элементов), то русские националисты ставили во главу угла нацию за счет оттеснения других составляющих — православия и самодержавия. В связи с этим оправданной представляется позиция тех исследователей, которые в качестве первой сугубо националистической организации в России называют Всероссийский национальный союз⁴, отказавшийся следовать выработанным русскими консерваторами принципам приоритета религиоз-

ного компонента над этническим. Идентичность функции защиты национальной традиции, проявившаяся в общности программных установок правомонархистов и националистов (отстаивание первенства титульной нации, признании инородческой угрозы, антисемитизм) и обусловила формирование ложного мнения о черносотенной идеологии как тождественной националистической.

Разность идейных основ правомонархической и националистической доктрин обусловила отличие в подходах к решению основных политических проблем: государственному устройству, национальному вопросу, сохранению империи, перспективам развития страны. Первенствующий статус РПЦ и самодержавная система властоустройства выступали в идейной системе националистов лишь элементами национальной традиции, положением которых следует поступиться с учетом изменения политической ситуации. Черносотенцы же стремились к защите православного и самодержавного кредо. Поддержание территориального статус-кво и отсутствие у черной сотни программы внешней экспансии отличало ее от фашистов, которым было характерно подчинение внутренней жизни своих стран решению внешнеполитических задач завоевания колоний. Разность лежит и в мессианизме черносотенцев и фашистов: если первые посредством распространения православия желали привести человечество к духовному возрождению, то фашизм преследовал цели эксплуатации поработанных народов и выдвигал идею их расовой неполноценности.

Правомонархисты жестко противопоставили себя либерализму и социализму, противодействуя им в идеологической сфере и в реальной политической практике. Перспектива развития страны должна была, по их мнению, опираться не на западные схемы, а на православные и национальные идейные корни. В отличие от сторонников либерализма и социализма черносотенцы четко определяли, что их мировоззрение имеет русоцентричный характер и предназначено только для русского народа. Монархистам подчеркивали эксклюзивность

«русской идеи» и отсутствие другого исторического примера воплощения идей православия, самодержавия и народности.

Анализ программных установок и практической деятельности позволяет квалифицировать черную сотню как православно-монархическое, консервативное по своей сути, движение, ориентировавшееся на преобразование в сторону возрождения традиционного уклада русского общества, утраченного в ходе реформ XVIII — начала XX вв. и стремившееся к восстановлению принципа допетровского самодержавия «единения царя с народом». Выступив на защиту абсолютной монархии, крайне правые, во-первых, резко критиковали и активно боролись с предлагаемыми либеральным и революционным лагерями проектами переустройства России; во-вторых, стремились использовать существовавшую в стране модель власти как основу для реставрации Русской православной монархии. Неприятие порожденной петровскими реформами абсолютистской монархии, сложившегося в результате первой российской революции постманифестного строя, также как и антинациональной бюрократии не позволяют отнести черносотенные организации к ситуативно-консервативным партиям, стремившимся сохранить существующее статус-кво.

Вопрос типологизации правомонархического движения поднимает и проблему идентификации признаков относимости к нему. В исторической литературе утвердилось мнение, что к черносотенцам относили консервативно-монархические партии крайнего толка, отстаивавшие традиционный уклад жизни, распространявшийся на социальную, политическую, экономическую и духовную сферы жизни общества и выступавшие за сохранение общественно-политических основ существующего строя — неограниченную самодержавную власть монарха и первенство православной веры. Крайне правые союзы стояли правее Партии правового порядка, признававшей необходимость народного представительства, гражданских прав и свобод. Именно неприятием принципа ограничения власти царя и конституционной монархии черносотенные

организации отличались от других партий в правом стане, который делился на приверженцев «неограниченного самодержавия» и «ограниченной монархии». Стоявшие левее черносотенных организаций Партия правового порядка, «Союз 17 октября», Торгово-промышленная и Умеренно-прогрессивная партии являлись сторонниками ограниченного самодержавия.

Эталоном черносотенной организации выступал Союз русского народа, существовавший с 8 ноября 1905-го и до Февральской революции 1917 г. Но и здесь возникают сложности, так как если в 1905—1908 гг. членам СРН удавалось сохранять единство взглядов по принципиальным и основополагающим вопросам идеологии, то в послереволюционное время в условиях наступившей видимой стабильности, когда прямые угрозы существованию базовым русским ценностям были локализованы, черносотенное движение временно потеряло ориентиры деятельности. В ходе анализа третьиестюльевой системы выяснилось, что правомонархический лагерь не был един в своих идеологических установках. После спада революции позиции части идеологов черносотенного лагеря по принципиальным вопросам стали меняться.

Черная сотня встала перед альтернативой интеграции в сложившуюся третьиестюльевую систему с присущей ей Государственной Думой, многопартийностью, относительной свободой слова или продолжать отстаивать доктринальную чистоту своих принципов, подтверждая данную им бюрократическими сферами характеристику «революционеров справа». В результате внутрипартийной борьбы единый черносотенный лагерь раскололся на две противостоящие части. Если основатель СРН А. И. Дубровин и его сторонники, объединившие большую часть крайне правых союзов, остались верны заложенным в основу при создания движения принципам неприятия ограничения власти царя и законодательного парламента, то обновленцы во главе с Н. Е. Марковым приняли третьиестюльевую монархию, став парламентской партией. Раскол прошел и по отношению к правительственному

аппарату. Уровень и острота критики обновленцами бюрократии были значительно ниже, чем у дубровинцев, что, по существу, означало примирение с моделью конституционной монархии и безнациональной бюрократией, несмотря на сохранение патриархального вектора возвращения к исконному самодержавию. Таким образом, в правомонархическом стане появились сторонники ограниченного самодержавия, формально декларируя обратное, но признавшие Госдуму, как институт, налагавший пределы власти царя.

Появление обновленцев, признавших Думу как институт, ограничивающий власть царя, означал отход от принципиального для черной сотни самодержавного кредо — неограниченной ничем земным власти царя, дрейф в сторону позиции, близкой к Всероссийскому национальному союзу (националистам) и даже к октябристам, т. е. на платформу конституционного монархизма. С другой стороны, обновленцев и дубровинцев продолжали роднить позиции по ряду важных проблем (в частности, религиозной и национальной). Но точка «невозврата» была уже пройдена именно по принципиальному положению. Поэтому встает вопрос: можно ли относить обновленцев, отказавшихся от признания неограниченности власти монарха и вставших на путь компромисса с третьеиюньской системой, к черносотенному сегменту? Для либеральной и советской историографии этот вопрос не являлся дискуссионным, так как принадлежность к крайне правому лагерю устанавливалась по линии отношения к чрезмерно уделяемому вниманию национальному вопросу и, в частности, антисемитизму.

По нашему мнению, в том случае, если исследователь сталкивается с политическими партиями или общественными деятелями, декларирующими приверженность лозунгу «Православие, самодержавие, народность», задача их отнесения к черносотенному сегменту может быть успешно решена посредством использования в качестве критерия приверженность концепции божественной санкционированности царской

власти, принятие самодержавия как единственно возможной для России формы государственного правления, недопустимость его ограничения какими бы то ни было парламентскими учреждениями. Согласно данному критерию Дубровинский СРН являлся эталоном черносотенной организации, в то время как отказавшиеся от неограниченного самодержавного кредо и признавшие ограничивающую власть царя Думу обновленческие союзы (Марковский СРН, Союз Михаила Архангела В. М. Пуришкевича, ряд других) к разряду черносотенных могут быть отнесены весьма условно. Они являли собой пример так распространенного в партийной истории «рenegатства», когда желание получить сиюминутные политические дивиденды приводит к забвению идеологических догм.

Предложенный критерий сам собой снимает и проблему отнесения участников погромного движения в октябре 1905 года к черной сотне по причине невозможности определения их идейно-политических убеждений и разности мотивации участия в политической деятельности. В отличие от черносотенцев — членов правомонархических союзов, чья антиреволюционная направленность базировалась на идейной основе защиты фундаментальных ценностей российского культурно-исторического сообщества, основанием для столкновений традиционалистов с участниками революционных демонстраций и митингов в большей степени являлись экономические, психологические и иные факторы.

Являясь носителями не черносотенных взглядов, т. е. четкой и осознанной системы консервативных воззрений, а традиционалистского стиля мышления, трактуемого как проявляющаяся у различных индивидов универсальное стремление держаться за прошлое, боязнь нововведений и обновления, носящее подсознательный и устойчивый характер⁵, участников разгонов революционных митингов представляется правильнее характеризовать как традиционалистов, а их столкновения с революционными демонстрациями не как черносотенные, а как выступления верноподданнических (или традиционалист-

ских) сил. Данная характеристика подходит и в отношении лояльных властям представителям непривилегированных сословий, проявлявших «охранительную» активность при антиправительственных проявлениях оппозиционной части общества с конца XIX в. до первой российской революции.

Одной из причин организационного краха черной сотни являлась противоречивость правомонархической идеологии, ставшая результатом диффузии концепций охранителей с их идеей божественного происхождения царской власти и славянофилов с их либеральными идеями «нации-суверена», приведшая к расколу крайне правого движения на дубровинцев, оставшихся верными канонам, и обновленцев, принявших либеральную идею народа как источника властных прерогатив. Стремительное разрушение в общественном сознании в результате модернизационных процессов православно-монархического комплекса идей привело к росту сословных и классовых противоречий внутри правоконсервативного лагеря, не сумевшего консолидироваться для спасения монархии в февральские дни 1917 г.

Библиографические ссылки

¹ Степанов С. А. Черная сотня в России. М., 2005. С. 140; Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911–1917 гг. М., 2001. С. 82.

² Манхейм К. Консервативная мысль // Диагноз нашего времени. М., 1994.

³ Русское знамя. 1907. 22 мая.

⁴ Коцюбинский Д. Всероссийский национальный союз // Политические партии России. Конец XIX—первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996; Он же: Русский национализм в начале XX столетия. М., 2001; Дьяченко А. Н. Русский национализм как идеология и социально-политическая практика: социально-философский анализ: автореф. дис. ...канд. философ. наук. Ростов-на-Дону, 2004. С. 22–23, 25–27.

⁵ См.: Новая философская энциклопедия: В 4 тт. М.: Мысль. Под ред. В. С. Степина. 2001; Краткий философский словарь. Под ред. А. П. Алексева. М., 2007. С. 396–397; Попов Э. А. Русский консерватизм: идеология и социально-политическая практика. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2005.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Библиографические ссылки	17
ГЛАВА I. СИТУАТИВНЫЙ КОНСЕРВАТИЗМ ЧЕРНОЙ СОТНИ.....	19
§ 1. Возникновение правомонархического движения....	19
§ 2. Традиционализм воззрений черной сотни как причина ее всеобщего характера	44
§ 3. Характеристика черной сотни как политического движения	64
Библиографические ссылки.....	83
Глава II. ИДЕЙНЫЙ КОНСЕРВАТИЗМ ЧЕРНОЙ СОТНИ.....	91
§ 1. Православно-религиозные основы черносотенной идеологии	91
§ 2. Защита христианской традиции как основная функция консерватизма	112
§ 3. Консервативные основы политической проблематики в идеологии черной сотни.....	138
§ 4. Самобытность российской цивилизации в идеологии черной сотни	169
Библиографические ссылки.....	187
Глава III. ЗАЩИТА НАЦИОНАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ.....	198
§ 1. Подходы черной сотни к определению понятия нации-народности	198
§ 2. Имперская и инородческая проблематика в идеологии черной сотни	231
§ 3. Роль и место русского народа в контексте сохранения империи.....	273
§ 4. Отношение к погромным методам решения еврейского вопроса	299
Библиографические ссылки.....	358
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	377
Библиографические ссылки.....	386

Максим Львович Размолодин

О КОНСЕРВАТИВНОЙ СУЩНОСТИ ЧЕРНОЙ СОТНИ

Ответственный за выпуск **В. Н. Пилипец**
Верстка **Н. Д. Шадуров**
Корректор **Л. Е. Новожилова**

Подписано в печать 09.06.2012
Формат 60x84/16. Гарнитура Ньютон.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 22,55. Заказ № 1844
Тираж 500 экз.

Издательство «Нюанс»
150014, г. Ярославль, ул. С.-Щедрина, 23-234
Тел. (4852) 45-78-68
E-mail: Pilips.s@gmail.com

Отпечатано в соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета
в ООО «Оперативная полиграфия»
150049, г. Ярославль, ул. Лисицына, 5